

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6 (93) 2024 г.

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.
№ 6 (93) 2024 г.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJl, Ulrich Plus.

Учредителем и издателем СМИ «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» является бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС77-85628 от 11 июля 2023 г.

Главный редактор: КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, Президент Сургутского государственного педагогического университета

Адрес издательства, редакции и типографии:
г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.
Телефон: 8 (3462) 22-31-87 (доб. 4-493).
E-mail: vestnik@surgpu.ru

Периодичность издания: 6 выпусков в год.

Выход в свет: 18.12.2024 г.
Формат 70x100/16. Авт. л.: 20,50. Усл. печ. л.: 20,83.
Печать цифровая. Гарнитура DejaVu.
Тираж 1000.
Заказ № 864_24.

Отпечатано в РИО СурГПУ.
© Сургутский государственный педагогический университет, 2024.
Распространяется бесплатно, 12+

ISSN 2078-7626

**Surgut
State
Pedagogical
University**

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 6 (93) 2024 г.

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 6 (93) 2024 г.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007.

«Surgut State Pedagogical University Bulletin»
is in «The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctor and Ph.D. theses».

The Journal is in the list of Science Citation Index and international bibliographic database: RSCI,
Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio-communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС77-85628, July 11, 2023.
Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The Chief Editor: KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University.

Address of the publishing house, editorial office and printing house is:
628417 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra,
Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2.
Phone: 8 (3462) 22-31-87 (ext. 4-493). E-mail: vestnik@surgpu.ru

Publication frequency: 6 issues per year.

Release date: 18.12.2024
Format 70x100/16. Auth. l.: 20,50. Usl. p. l.: 20,83.
Digital printing. The DejaVu headset.
The circulation is 1000.
Order No. 864_24.
Printed in RIO SurGPU.

Distributed for free, 12+

© Сургутский государственный педагогический университет, 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.....9

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СССР/РОССИИ XX–XXI ВВ.

Зыкин И.В.	«Дикое хищничество» или рациональное пользование: хозяйственники и плановики о лесных ресурсах в 1930-х гг.....	11
Смирнов С.И.	Интегральные и охотничьи ресурсы крупных лесных природных территориальных комплексов и их значение в истории социально- экономического развития муниципальных образований.....	20
Колесниченко Д.В.	Всероссийское общество охраны природы: к вопросу о деятельности региональных отделений на территории Западной Сибири в 1960–1980-е гг.....	27
Михеева Ю.С.	Природные ресурсы в экологической политике Советского Союза второй половины XX века.....	34
Прищепа А.И.	Система экологического мониторинга и наблюдательной сети за состоянием природных ресурсов ХМАО-Югры в 1992–2022 гг.....	41
Мальханова Е.В.	Развитие научно-просветительского туризма как условие изменения сознания и повышения экологической ответственности человека за сохранение уникальных по природной значимости объектов.....	47

МИНЕРАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР/РОССИИ В XX–XXI ВВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Земяк В.Г.	Трест «Сибзолото» (1925–1927 гг.): организационная структура и руководители.....	54
Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А.	Норильский никель в истории страны и Красноярского края: экономический, социальный и экологический аспект.....	65
Бодрова Е.В., Калинов В.В.	Начало освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции: альтернативные подходы.....	77
Дружинин П.В.	Влияние развития экономики четырех северных национальных округов на окружающую среду в конце XX — начале XXI века.....	86
Соколов С.Н., Середовских Б.А.	Структура и динамика минерально-сырьевого потенциала регионов Азиатской России в 2006–2022 гг.....	94

ВОДА И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Деменчук Е.Ю.	Малые реки как GENIUS LOCI.....	105
Минаева Т.С.	Поморский тюлений промысел: история и перспективы возрождения.....	111

Милевский О.А.	Река Вах в исследовательском поле тобольских краеведов начала XX в.....	122
Барабанова К.С., Мухьярова А.Р.	«Водопровод должен быть готов к 1914 году, но он оказался не готов и к 1915 году и может быть не готов также к 1916 году»: строительство первого водопровода в Омске.....	130
Алексеева Л.В.	Изучение рыб и рыбных ресурсов Ямальского Севера в предвоенное десятилетие (1931–1941 гг.).....	139
Макеева Е.Д.	Водохозяйственное строительство в Степном Заволжье в 1930–1950-е гг. и его влияние на экономику региона (на примере Самарской области).....	150
Шмыглева А.В.	Рыбохозяйственные и гидробиологические исследования Обь-Иртышского речного бассейна (вторая половина XX — начала XXI вв.).....	159

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ И ВОПРОСЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР/РОССИИ В XX–XXI ВВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

Филинов А.В.	Проблемы сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока в отношениях СССР и Японии в 1925–1935 гг.....	171
Некрич А.С.	Особенности трансформации традиционного природопользования в тундровой зоне Печерской низменности и полуострова Мелвилл.....	182
Веселова Д.Н.	Основные направления партнерства России и Индии в Российской Арктике в 2000-е гг.....	192

ВОПРОСЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И БЛАГОУСТРОЙСТВА НА СОВЕТСКОМ СЕВЕРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Горлов В.Н.	Социальные проблемы развития градостроительства Крайнего Севера в 1950–1980-е гг.....	201
Ляхов М.И.	Вопросы благоустройства Сургута в деятельности поселкового совета в первой половине 1960-х годов.....	212

АРКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Соницева Н.Е.	Изучение биографий советских полярных исследователей 1930-х гг. в отечественной историографии XXI в.....	218
----------------------	--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	228
---------------------------------	-----

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ.....	232
--	-----

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL OFFICE.....	9
--------------------------------	---

ISSUES OF ENVIRONMENTAL POLICY IN THE USSR/RUSSIA XX–XXI CC.

Zykin I.V.	«Wild Predation» or Rational Use: Business Executives and Planners — about Forest Resources in the 1930s.....	11
Smirnov S.I.	Integrated Wood and Hunting Resources of Large Wood Natural Territorial Complexes and Their Value in the History of Social and Economic Development of Municipal Unions.....	20
Kolesnichenko D.V.	All-Russian Society for Nature Protection: on the Issue of the Activities of Regional Offices in Western Siberia in the 1960s and 1980s.....	27
Mikheeva Y.S.	Natural Resources in the Environmental Policy of the Soviet Union in the Second Half of the XX Century.....	34
Prishchepa A.I.	The Environmental Monitoring System and the Monitoring Network for the State of Natural Resources of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in 1992–2022.....	41
Malhanova E.V.	Development of Scientific and Educational Tourism as a Condition for Changing Consciousness and Increasing the Ecological Responsibility of Man for Preserving Unique Natural Significance of Objects.....	47

MINERAL RESOURCES IN THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF NORTHERN AND EASTERN USSR/RUSSIAN TERRITORIES IN THE XX–XXI CENTURIES: REGIONAL ASPECTS

Zelyak V.G.	Sibzoloto Trust (1925–1927): Organizational Structure and Leaders.....	54
Gaidin S.T., Burmakina G.A.	Norilsk Nickel in the History of the Country and Krasnoyarsk Krai: Economic, Social and Environmental Aspects.....	65
Bodrova E.V., Kalinov V.V.	The Beginning of the Development of the West Siberian Oil and Gas Province: Alternative Approaches.....	77
Druzhinin P.V.	The Impact of the Economic Development of the Four Northern National Districts on the Environment in the Late XX — Early XXI Century.....	86
Sokolov S.N., Seredovskikh B.A.	The Structure and Dynamics of the Mineral Resource Potential of the Regions OF Asian Russia in 2006–2022.....	94

WATER AND WATER RESOURCES IN HISTORY AND CULTURE

Demchuk E.	Small Rivers as Genius Loci.....	105
Minaeva T.S.	Pomor Seal Hunting: History and Prospects of Revival.....	111

Milevsky O.A.	The Vakh River in the Research Field of Tobolsk Local Historians of the Early XX Century.....	122
Barabanova K.S., Muhyarova A.R.	«The Water Supply System Should Be Ready by 1914, but It Was Not Ready by 1915 and May Not Be Ready By 1916 Either»: Construction of the First Water Pipeline in Omsk.....	130
Alekseeva L.V.	Study of Fish and Fish Resources of the Yamal North in the Pre-War Decade (1931–1941).....	139
Makeeva E.D.	Water Management Construction in the Steppe Volga Region in the 1930s–1950s. and Its Impact on the Economy of the Region (Using The Example of the Samara Region).....	150
Shmygleva A.V.	Fisheries and Hydrobiological Research in the Ob-Irtysh River Basin (from the Second Half of the 20th Century to the Beginning of the 21st Century).....	159

NATURAL RESOURCES AND ISSUES OF NATURE MANAGEMENT IN THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE NORTHERN AND EASTERN TERRITORIES OF THE USSR/RUSSIA IN THE XX–XXI CENTURIES: INTERNATIONAL PERSPECTIVE

Filinov A.V.	The Problems of Preservation and Use of Natural Resources of the Soviet Far East in Relations Between the USSR and Japan in 1925–1935.....	171
Nekrich A.S.	Features of Traditional Nature Management Transformation in Tundra Zone of Pechora Plain and Melville Peninsula.....	182
Veselova D.N.	The Main Directions of Partnership Between Russia and India in the Russian Arctic in the 2000s.....	192

ISSUES OF URBAN PLANNING AND LANDSCAPING IN THE SOVIET NORTH IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Gorlov V.N.	Social Problems of Urban Development in the Far North in the 1950–1980s.....	201
Lyakhov M.I.	The Issue of Improvement of Surgut in the Activities of the Settlement Council in the First Half of the 1960s.....	212

ARCTIC RESEARCH: HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL PERSPECTIVE

Sonicheva N.E.	The Study of Biographies of Soviet Polar Explorers of the 1930's in the Russian Historiography of the XXI Century.....	218
-----------------------	--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	228
---	-----

RULES FOR SUBMITTING MANUSCRIPTS BY AUTHORS.....	232
---	-----

ОТ РЕДАКЦИИ FROM THE EDITOR

На страницах очередного номера журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» мы, продолжая традицию, публикуем материалы по экологической истории России. Его особенность в том, что большая часть номера подготовлена по материалам прошедшей с 23 по 25 октября на базе Сургутского государственного педагогического университета международной конференции «Природные ресурсы в истории регионов». Организатором конференции стал научно-исследовательский коллектив СурГПУ «Пространство воды как ресурс, угроза и образ в экологической истории Севера Западной Сибири в XIX — начале XXI вв.», соорганизаторами выступили Фонд научно-технологического развития Югры и Санкт-Петербургская школа Социальных наук (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге).

Научное мероприятие проводилось в рамках реализации гранта Фонда научно-технологического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры проект № 2023-572-08 «Между охраной и использованием: проблема компромисса экономических и экологических интересов общества и государства на примере индустриального развития ХМАО-Югры в 1960–1980-е гг.». В рамках 9 тематических секций обсуждались вопросы роли ресурсов в истории различных регионов, трансформации ресурсов, влияния климатических изменений на ресурсы и т.д.

На конференции в очном и онлайн-формате присутствовали более 40 ученых из разных городов и стран. Это отразилось и на географии участников данного номера. В Вестнике представлены материалы ученых из Калининграда, Архангельска, Апатитов, Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Самары, Екатеринбурга, Нижневартовска, Сургута, Новосибирска, Красноярска, Иркутска.

Наш журнал старается развиваться, не стоять на месте. Этот номер продолжает попытку реализации не на словах, а на деле междисциплинарного синтеза гуманитарного и естественно-научного знания, начатую в № 6(81) в 2022 году. Наряду с историками мы публикуем статьи политологов, юристов, экономистов и географов по актуальным проблемам природопользования, экологической политики и международного сотрудничества.

Номер открывают статьи, посвященными различным аспектам экологической политики в СССР и современной России (Зыкин И.В., Смирнов С.И., Колесниченко Д.В., Михеева Ю.С., Прищепа А.И., Мальханова Е.В.).

Вопросы природопользования, хозяйственно-экономические аспекты взаимодействия общества и природы рассматривались на страницах нашего журнала неоднократно и представлены в каждом номере. В этом номере акцент сделан на изучении минеральных ресурсов, их роли в истории освоения северных и восточных регионов страны (Зеляк В.Г., Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А., Бодрова Е.В., Калинов В.В., Дружинин П.В., Соколов С.Н., Середовских Б.А.).

Ожидаемо в номере представлены исследования по проблемам воды и водных ресурсов в истории и культуре. Это уже сложившаяся традиция. Вода рассматривается и как важнейший ресурс и как среда, формирующая хозяйственное и культурное пространство (Деменчук Е.Ю., Минаева Т.С., Милевский О.А., Барабанова К.С., Мухьярова А.Р., Алексеева Л.В., Макеева Е.Д., Шмыглева А.В.).

Вопросы природопользования, освоения природных ресурсов очень часто выходят за пределы государственных границ и приобретают международный характер (Филинов А.В., Некрич А.С., Веселова Д.Н.). Это достаточно новое направление исследований

для нашего журнала, но, безусловно, интересное. Будем надеяться, что оно приживется и такие разделы в содержании номеров будут появляться регулярно.

Также в номере представлены исследования по проблемам северного благоустройства и градостроительства, историографический анализ изучения биографий отечественных полярников (Горлов В.Н., Ляхов М.И., Соничева Н.Е.).

**Зав. НИИ исторических исследований, г.н.с., д.и.н.,
профессор, действительный член ЕСЕН**

Е.И. Гололобов

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СССР/РОССИИ XX-XXI ВВ.

ISSUES OF ENVIRONMENTAL POLICY IN THE USSR/RUSSIA XX-XXI CC.

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.001

УДК 630:94(47+57)"1920/1930"

ББК 63.3(2)61-2

И.В. ЗЫКИН

**«ДИКОЕ ХИЩНИЧЕСТВО»
ИЛИ РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ:
ХОЗЯЙСТВЕННИКИ И ПЛАНОВИКИ
О ЛЕСНЫХ РЕСУРСАХ В 1930-Х ГГ.**

I.V. ZYKIN

**«WILD PREDATION» OR RATIONAL USE:
BUSINESS EXECUTIVES AND PLANNERS –
ABOUT FOREST RESOURCES IN THE 1930S**

Реформа лесного хозяйства и лесной промышленности в Советском Союзе на рубеже 1920–1930-х гг. обусловила усиление роли государства в лесопромышленной деятельности, формирование новой модели лесопользования. Целью статьи является анализ представлений хозяйственников и ученых в 1930-х гг. о лесных ресурсах и их использовании. Рассмотрены публикации хозяйственников, специалистов лесной отрасли, плановиков, в том числе в специализированных журналах «Лесная индустрия», «Плановое хозяйство». Их изучение позволило выявить поднимавшиеся в печати темы, возможности влияния на лесную политику партийно-государственных органов. Отмечено, что масштабные задачи пятилетних планов, мобилизационный характер директив партийно-государственных органов, передача в ведение промышленных народных комиссариатов значительных лесных площадей сформировали у хозяйственников представление о приоритете активизации заготовки древесины перед лесохозяйственными мероприятиями. Ученые выявляли отрицательные стороны сплошных рубок, неиспользования древесных отходов, низких темпов очистки лесосек и восстановления лесов. Во второй половине 1930-х гг. они сосредоточили усилия на изучении положительных и отрицательных сторон новой модели лесопользования, обосновании необходимости ее корректировки с целью смягчения негативных последствий экологического и экономического характера. Наиболее важным следствием этого стало установление в 1936 г. водоохранной зоны в Европейской части страны.

The reform of forestry and the forest industry in the Soviet Union at the turn of the 1920s and 1930s led to the strengthening of the role of the state in forestry activities and the formation of a new model of forest use. The purpose of the article is to analyze the ideas of business executives and scientists in the 1930s about forest resources and their use. The publications of business executives, specialists in the forest industry, planners, including in specialized journals: «Forest Industry», «Planned economy» are considered. Their study made it possible to identify the topics raised in the press, the possibilities of influencing the forest policy of party and state bodies. It was noted that the large-scale tasks of the five-year plans, the mobilization nature of the directives of the party and state bodies, the transfer of significant forest areas to the industrial people's commissariats formed an idea among business executives about the priority of activating timber

harvesting before forestry activities. Scientists have identified the negative sides of continuous logging, non-use of wood waste, low rates of logging and reforestation. In the second half of the 1930s, they focused their efforts on studying the positive and negative sides of the new model of forest management, justifying the need to adjust it in order to mitigate the negative consequences of an environmental and economic nature. The most important consequence of this was the establishment of a water protection zone in the European part of the country in 1936.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: первые пятилетки, лесные ресурсы, лесопользование, хозяйственники, ученые, исследования.

KEY WORDS: first five-year plans, forest resources, forest use, business executives, scientists, research.

ВВЕДЕНИЕ. Одним из ключевых направлений экономической политики большевиков, пришедших к власти в конце 1917 г., стала трансформация законодательства в области земле— и лесопользования. С экономической точки зрения это обуславливалось потребностями в древесине населения, транспорта и промышленности, крупным доходами от ее экспорта (с конца XIX в. до начала Первой мировой войны они имели место и в Российской империи). В первые годы лесная политика большевиков опиралась на достижения Российской империи, но лимитировалась значительным сокращением лесохозяйственной и лесопромышленной деятельности вследствие революции и Гражданской войны, недостатком финансовых и материальных ресурсов, бесконтрольной по существу рубкой древесины промышленными и транспортными организациями, населением. Сосредоточение управления лесной промышленностью в ВСНХ РСФСР/СССР, затем, с 1932 г., — в Народном комиссариате лесной промышленности СССР являлось отражением общесоюзного тренда по формированию централизованной экономической системы. Это обусловило трансформацию представлений (в условиях устранения «оппозиции» и начала индустриализации) партийно-государственных деятелей, ученых о лесном хозяйстве и лесной промышленности. Создание органа государственной власти вокруг такого ценного в социальном, экологическом и экономическом отношениях ресурса, как лес (тем более в стране с наибольшими запасами древесины — по данным 1930-х гг.), являлось актуальной задачей.

Реформа лесного хозяйства и лесной промышленности на рубеже 1920–1930-х гг. привела к усилению роли государства в лесопромышленной деятельности, формированию новой модели лесопользования. Отсюда завышенные плановые показатели и стремление хозяйственных ведомств достичь их любой ценой. Ключевыми векторами новой модели стали освоение лесных ресурсов в северных и восточных районах страны, распространение сплошных рубок, решение проблемы использования древесных отходов (то есть развитие механической обработки и глубокой переработки древесины). Другое дело, что лесное хозяйство оказалось во второстепенном положении по отношению к лесной промышленности, и многие аспекты специалистами отрасли, историками не изучались должным образом. Поскольку лесопромышленный комплекс Российской Федерации опирается во многом на советскую базу, концептуализация исторического опыта лесопользования становится актуальной задачей.

ЦЕЛЬ — анализ представлений советских хозяйственников и плановиков в 1930-х гг. о лесных ресурсах и их использовании.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Данное исследование относится к экологической истории — популярному направлению последних десятилетий. Хотя еще в советский период были предприняты попытки осмысления положительных и отрицательных сторон лесопользования [2; 9; 12; 18], заметное повышение интереса к этому произошло на рубеже XX–XXI вв., по мере выхода Российской Федерации из кризиса и в связи с разработкой нового Лесного кодекса [10; 15; 17; 23; 24]. Для многих работ характерно негативное восприятие советского опыта, вызванное его поверхностным рассмотрением и общественно-политическими настроениями.

ми в стране. Активизация исследований экологических последствий лесопромышленной деятельности, в том числе учеными-историками, пришлась на конец 2000-х — 2010-е гг. [4; 5; 13; 16; 21; 22; 25].

Новая модель лесопользования, несмотря на многие противоречия между Народным комиссариатом земледелия и ВСНХ, критику учений ряда лесоводов, не отвергла полностью достижения лесной науки. Напротив, власти через несколько лет после реформы стимулировали увеличение объемов лесохозяйственных мероприятий (исследование, восстановление лесов, мелиорация, создание защитных насаждений), хотя отчасти в упрощенном виде из-за нехватки ресурсов. С другой стороны, хозяйственные организации порой не имели возможности следовать новым принципам лесопользования в силу разнообразных физико-географических условий произрастания лесов.

Одним из способов осмысления исторического опыта лесопользования является исследование представлений современников (хозяйственников, ученых) о состоянии лесохозяйственной и лесопромышленной деятельности в Советском Союзе в годы первых пятилеток. Анализ их публикаций (в том числе в специальных журналах: «Плановое хозяйство», «Лесная индустрия») позволит выявить поднимавшиеся в печати темы, возможности влияния на лесную политику партийно-государственных органов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В основе представлений хозяйственников о развитии лесопользования лежало противоречие между опытом Российской империи, стран Европы и Северной Америки и слабо контролируемой заготовкой и вывозкой древесины в годы революции и Гражданской войны. Масштабные задачи пятилетних планов, мобилизационный характер директив партийно-государственных органов, передача в ведение хозяйственных ведомств значительных лесных площадей сформировали приоритет активизации заготовки древесины перед лесохозяйственными мероприятиями.

Г.Г. Гербек, один из специалистов ВСНХ СССР, затем уполномоченный Наркомлеса по Дальневосточному краю, побывавший в заграничной командировке, весьма своеобразно трактовал эксплуатацию лесных массивов в США, связывая ее с сельскохозяйственным и промышленным освоением западных территорий и формированием капиталов. Эту же модель — «усиленная эксплуатация лесов, значительные перерубы, даже временное уничтожение целых лесных массивов» для активного развития экономики (в противовес немецкой системе лесопользования) — он предлагал осуществить в Советском Союзе. Своего рода «заем у потомства» возвращался после построения социализма крупными вложениями в лесное хозяйство и искусственное лесовозобновление [7, с. 9–10]. Как хозяйственный деятель Г.Г. Гербек рассматривал лесную промышленность в качестве одного из источников средств для индустриализации, но его утверждение о незначительных вложениях в сферу заготовки древесины, то есть признание того, что можно удовлетвориться традиционными способами лесозаготовки (с привлечением крестьян), представляется противоречивым, особенно для конца первой пятилетки. Аналогичные настроения выражал и народный комиссар лесной промышленности СССР в 1932–1936 гг. С.С. Лобов, напрямую заинтересованный в выполнении отрасли планов любой ценой.

Интерес представляет статья лесного специалиста И. Красовского о проблемах и перспективах лесного хозяйства Белорусской ССР, многие положения которой можно распространить также на всю страну. Суть позиции ученого заключалась в том, что во имя интересов страны в периоды войны, восстановления экономики, индустриализации можно было позволить усиленные отводы лесных площадей в рубку и в этом случае «не следует вздыхать о «гибели» лесного хозяйства, о перерубах, о нарушениях правил ведения лесного хозяйства». Но в другие периоды (и вторая пятилетка являлась как раз таким этапом) требовалось прекратить хищническую эксплуатацию и способствовать повышению производительности лесов, их восстановлению и уходу за ними. В условиях Белоруссии, где большое значение имело дубово-ясеневое хозяйство, это было особенно актуально

и требовало применения выборочных, постепенных рубок, поскольку проводившиеся ранее сплошные концентрированные рубки имели драматичные последствия для этих пород. И. Красовский отмечал «нерациональность и небрежность» подхода к лесопользованию, заключавшегося в неиспользовании древесных отходов; низких темпах и качестве мероприятий по возобновлению, охране и очистке лесов; негативном отношении ряда специалистов, руководителей предприятий, треста к механизации производственных процессов, строительству рационализированных путей, результатам научных исследований в области лесного хозяйства и лесной промышленности.

И. Красовский указывал на несоответствие объемов вложений в лесное хозяйство и реальных потребностей в них, уровня компетентности лесоводов республики и качества лесохозяйственных работ, но призывал не обвинять во «вредительстве» всех специалистов, иначе ставились под сомнения достижения Советской власти в отрасли. Автор прекрасно осознавал значимость лесного хозяйства даже в условиях централизованной экономической системы, отметив, что игнорирование результатов научных исследований, хода искусственного возобновления лесов приведет к ошибкам, которые «сказываются не скоро и в большинстве случаев непоправимы» [11, с. 28–30].

Смена подходов в лесопользовании самым негативным образом сказалась на массивах вновь осваивавшихся регионов Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока (см., напр.: [16, с. 449]). В начале 1930-х гг. на Первой конференции по технической реконструкции лесной промышленности во второй пятилетке обращалось внимание на смену одних пород другими на вырубленных лесных площадях, что ставило под угрозу перспективы снабжения предприятий конкретной территории, и необходимость разработки методов лесовозобновления, позволявших воздействовать на состав будущих насаждений [14, с. 9]. Отрицательными явлениями концентрированных рубок в сосновых борах являлись задернелость почв, мощность лесной подстилки и последующая смена пород при естественном лесовозобновлении (дополнительные мероприятия по возобновлению требовались и при сплошных узкополосных рубках). Опыты Московского филиала Центрального научно-исследовательского института лесоводства в Северном крае выявили, что увеличению возобновления сосны способствуют очистка лесосек от порубочных остатков (в первую очередь, сбор в кучи с последующим сжиганием) и оставление устойчивых семенников [3].

В регионах Европейской части страны, где заготавливалась основная часть древесины, объем насаждений не позволял в первой половине XX в. усиленно эксплуатировать лесные массивы. Однако реализация политики размещения производственных мощностей лесопромышленного комплекса на Европейском Севере, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, требовавшая больших финансовых, материальных и трудовых ресурсов, осуществлялась недостаточными темпами. Специалист отрасли Б.Д. Готовицкий отмечал, что руководители многих леспромпхозов в начале 1930-х гг. имели слабое представление о состоянии лесных массивов, которые они осваивали, совершали грубые ошибки в расчетах объема годичных лесосек, следствием чего становились их перерубы. Из-за этого, к примеру, в Марийской области в некоторых лесных дачах в 1931 г. рубили «лесосеку 1956 г.» [8, с. 34, 36].

Главной душевной болью К.И. Альбрехта (настоящее имя Карл Маттхойз Лёв), немецкого коммуниста, переехавшего в 1924 г. в СССР и сделавшего карьеру от рядового лесного инженера до заместителя руководителя Главлеспрома ВСНХ СССР, члена Центральной контрольной комиссии — Рабоче-крестьянской инспекции (в 1933 г. был арестован, обвинен в шпионаже, но в апреле 1934 г. выслан в Германию), было оставление на лесосеках большого объема древесных отходов и стволов, не находивших применения. Он считал леса Советского Союза «огромным национальным богатством», а методы лесопользования называл «диким хищничеством», «безудержным грабежом», «хозяйственным самоубийством». По его подсчетам, объем вырубленного леса в 1931 г., превысил 500 млн м³ (при официальной цифре в 250 млн), из которых почти половину составляли потери. А это означало уничтожение лесов

на площади более 1,5 млн га. По сравнению с лесопользованием в Финляндии, Германии, где имелось соответственно только 9 млн и 12 млн га лесов, такое хозяйствование было крайне расточительным. Вклад в уничтожение лесов в Советском Союзе вносили также пожары, а лесохозяйственные мероприятия проводились в малых объемах. Возникал дефицит доступных для эксплуатации массивов, что негативно отражалось на производительности лесопромышленных предприятий. Одним из следствий этого стало повышение удельного веса Сибири и Дальнего Востока в лесопользовании, где имелись доступные крупные массивы, что, однако, при перевозке сырья в Европейскую часть страны вело к росту транспортных издержек. Волновали К.И. Альбрехта и экологические последствия значительных объемов лесопользования: скопление в реках затонувшей древесины, снижение плодородия полей и лугов, природные катастрофы [1, с. 356-360, 364].

Позиция плановиков была более взвешенной, предполагая критику хозяйственников за ошибки в лесопромышленной и лесохозяйственной деятельности. Их оценки — предостережение от непродуманных мероприятий, зачастую носивших мобилизационный характер.

Интерес представляет статья И. Гайнера. Он один из немногих, кто поднял в ведущем экономическом журнале «Плановое хозяйство» проблемы отрасли, о которых официально мало что говорилось. К примеру, в связи с тем, что лесосеки по берегам средних и крупных сплавных рек были истощены рубками, лесозаготовительные организации стали осваивать мелкие лесосеки, тяготевшие к первичным сплавным путям. В совокупности с трудностями доставки туда рабочей и гужевой силы, техники и продовольствия, не говоря уже о проведении рационализации и механизации работ, сплав по мелким рекам привел к крупным потерям древесины — 5–6 млн м³ только в 1934 г. (в бассейнах р. Северная Двина, Вычегда, Кама, Вятка и других). Начались заготовки в уже пройденных рубками лесосеках, из-за чего качество поступающей на лесопильные заводы древесины снижалось.

Принципиальным являлось замечание И. Гайнера о негативных последствиях сплошных рубок на первичных сплавных путях и в верховьях рек (быстрый спад весенних вод и изменение режима крупных рек) [6, с. 68–69]. Публикация подобных фактов в середине 1930-х гг., после масштабных реформ лесного хозяйства и лесной промышленности, да еще и применительно к основным лесным районам, где сплошные рубки являлись залогом выполнения плановых заданий в сфере заготовки древесины, дорогого стоит. И эти проблемы проявили себя уже после нескольких лет активной лесозаготовки. И. Гайнер считал целесообразным перестроить лесосечный фонд: на крупных реках углубляться в лесные массивы, на близких расстояниях вывозки рубить мелкотоварный лес, а недостающий пиловочник получать посредством выборочных рубок на дальних расстояниях вывозки. Такой подход к лесозаготовке давал возможность смягчить (вряд ли — устранить, как считал автор статьи) экономические и экологические проблемы.

В середине 1930-х гг. встречаются также публикации о заболачивании в Северном крае, где велись масштабные лесозаготовки, почв, мелких рек сухостоем, порубочными отбросами, поваленными ветром деревьями [19, с. 227]. Это ставило во главу угла вопросы использования древесных отходов и организации борьбы с заболачиванием — притом в рамках всего региона. Н. Рослов и С. Пругавин, подготовившие обстоятельную статью о проблемах развития лесной промышленности в Северной области (образована в результате разукрупнения Северного края в 1936 г.), отметили крайне неприятный для советской модели лесопользования момент — преобладание выборочных рубок (более 60% площади рубок по тресту «Севлес») в связи востребованностью в первую очередь пиловочной и шпальной древесины [20, с. 102]. Получалось, что с конца 1920-х — начала 1930-х гг. плановики, экономисты, хозяйственники, поддержанные партийно-государственным руководством, выступали за распространение сплошных рубок на больших площадях, внутриотраслевое комбинирование в целях обеспечения наибольшей в тех условиях рентабельности лесопромышленной деятельности, а на деле даже спустя 5–7 лет в Северной области сохраняли

значение выборочные рубки. За две пятилетки поставленные цели не были достигнуты. Еловая и дровяная древесина оставалась невостребованной вследствие сильного развития лесопильной отрасли, ориентированной в первую очередь на выпуск экспортной продукции.

ВЫВОДЫ. Многие проблемы лесопользования возникли еще в дореволюционный период, но после реформы лесного хозяйства и лесной промышленности на рубеже 1920–1930-х гг. они усложнились из-за увеличения объемов заготовки и вывозки древесины, сосредоточения лесохозяйственных и лесопромышленных функций в руках промышленных народных комиссариатов, отмены попенной платы, распространения сплошных рубок, уменьшения оборота рубки древесины. Хозяйственники выражали готовность принести в жертву насаждения ради достижения целей индустриализации, оперируя преимущественно кратковременными и среднесрочными проектами. Это могло привести в ближайшей перспективе к неблагоприятным экологическим и экономическим последствиям. Откладывание лесохозяйственных мероприятий было нецелесообразным, и ученые внесли крупный вклад в освещение проблем лесопользования.

В первые годы после реформы отмечались отрицательные стороны сплошных рубок, неиспользования древесных отходов, низких темпов очистки лесосек и восстановления лесов. Далее ученые сосредоточили свои усилия на выявлении положительных и отрицательных сторон новой модели лесопользования, обосновании необходимости ее корректировки с целью смягчения негативных последствий экологического и экономического характера — притом в долгосрочной перспективе (хотя оборот рубки оставался низким — из расчета сроков действия предприятий, как правило, на 20–40 лет).

Специалисты лесной промышленности и других отраслей стали также высказываться о потребности в смене подходов в лесопользовании. К примеру, экспедиция в составе специалистов народных комиссариатов лесной промышленности, внутренних дел, черной металлургии, путей сообщения, работавшая на Урале в конце 1930-х гг., пришла к выводу о необходимости «решительного изменения существующей структуры управления лесами и системы лесопользования». Рационального лесопользования невозможно было добиться только реконструкцией предприятий, механизацией, упорядочением заготовки и вывозки древесины, снабжением потребителей лесными ресурсами и материалами [12, с. 212].

Деятельность ученых способствовала реализации государством ряда мероприятий, которые отчасти компенсировали отсутствие теоретической базы новой модели лесопользования. В 1936 г. в ответ на ухудшение водного режима волжского бассейна вследствие возросших объемов заготовки древесины по берегам сплавных рек была установлена водоохранная зона. Напротив, введение в том же году попенной платы носило декоративный характер, поскольку бюджетные ассигнования Наркомлесу сокращались в размере суммы лесного дохода. В условиях милитаризации экономики страны реализовать предложения ученых в полном объеме оказалось нереально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбрехт К. Разве это социалистическое строительство? Глава из книги «Преданный социализм» // Военно-исторический альманах Виктора Суворова. Независимые исторические исследования. Вып. 1 / под ред. В. Суворова и Д. Хмельницкого. М.: Добрая книга, 2012. С. 337–395.
2. Бабкина К.Я. Борьба коммунистической партии за выполнение первой пятилетки в области лесной промышленности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955. 17 с.
3. Беневоленский М., Власов Е. К вопросу о лесовозобновлении на площадях концентрированной рубки // Лесная промышленность. 1933, 9 января. С. 3.
4. Воейков Е.В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 481–486.

5. Воейков Е.В. Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере состояния лесов региона) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 145–153.
6. Гайнер И. Задачи лесной промышленности в 1935 г. // Плановое хозяйство. 1935. № 2. С. 61–75.
7. Гербек Г.Г. Лесная промышленность С.-А. С. Ш. М.; Л.: Государственное научно-техническое изд-во, 1931. 151 с.
8. Готовицкий Б.Д. За упорядочение учета лесосечного фонда в леспромхозах // Лесная индустрия. 1934. № 2. С. 33–39.
9. Колданов В.Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М.: Экология, 1992. 256 с.
10. Корчемкина Е.Е., Малышева Е.М. Деятельность органов власти Адыгеи по реорганизации управления лесным хозяйством в 20–40-е гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2012. № 2. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.2/1749/malysheva2012_2.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
11. Красовский И. Пути развития лесного хозяйства СССР // Лесная индустрия. 1934. № 3. С. 28–31.
12. Леса Урала / под ред. М.Е. Ткаченко. Свердловск: Изд-во Уральского филиала Академии наук СССР, 1948. 231 с.
13. Макеева Е.Д. Исторические истоки современных экологических проблем Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18, № 6. С. 93–99.
14. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Научно-исследовательская работа во второй пятилетке в области лесоводства (тезисы к докладу т. Покалюк). М.: Государственное лесное техническое изд-во, 1932. 13 с.
15. Моисеев Н.А. Лесное хозяйство России за 100 лет // Аналитический ежегодник «Россия в окружающем мире: 2001». М.: МНЭПУ, 2001. С. 80–99.
16. Пашков К.И. Некоторые особенности лесоустройства и лесопользования в Байкальском регионе в 1930–1950 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. С. 446–454.
17. Писаренко А.И., Страхов В.В. Лесное хозяйство России: от пользования — к управлению. М.: Юриспруденция, 2004. 552 с.
18. Полушко И.З. К вопросам лесопользования в лесах Севера // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. 1949. № 3. С. 3–22.
19. Посвянский С. «Хозяйство Севера» // Плановое хозяйство. 1935. № 10. С. 226–231.
20. Пругавин С., Рослов Н. Основные проблемы развития лесной промышленности Северной области // Плановое хозяйство. 1936. № 12. С. 97–107.
21. Соколов В.В. Очерки эколого-климатической истории России. Монография. СПб.: РГГМУ, 2010. 309 с.
22. Цинцадзе Н.С. Государство, общество и природа в России конца XIX — первой трети XX века: танго втроем. СПб.: Алетейя, 2019. 570 с.
23. Шварц Е.А. Лесное хозяйство, экономическое развитие и биоразнообразие: отказаться от мифов прошлого // Устойчивое лесопользование. 2003. № 2. С. 2–7.
24. Шегельман И.Р., Кулагин О.И. Трансформация системы управления лесопользованием СССР в начале 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). В 4-х ч. Ч. II. С. 206–209.
25. Josephson P., Dronin N., Cherp A., Mnatsakanian R., Efremenko D., Larin V. An Environmental History of Russia. New York: Cambridge University press, 2013. VIII. 340 p.

REFERENCES

1. Al'brekht K. *Razve eto socialisticheskoe stroitel'stvo? Glava iz knigi «Predannyj socializm»* [Is this socialist construction? Chapter from the book «Devoted Socialism»] // *Voenno-istoricheskij al'manah Viktora Suvorova. Nezavisimye istoricheskie issledovaniya*. Vyp. 1 / pod red. V. Suvorova i D. Hmel'nickogo. M.: Dobraya kniga, 2012. S. 337–395. (In Russian).

2. Babkina K. Ja. *Bor'ba kommunisticheskoy partii za vypolnenie pervoj pjatiletki v oblasti lesnoj promyshlennosti* [The struggle of the Communist Party for the implementation of the first five-year plan in the field of forest industry]: Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Leningrad, 1955. 17 s. (In Russian).
3. Benevolenskij M., Vlasov E. *K voprosu o lesovozobnovlenii na ploshhadjah koncentrirovannoj rubki* [On the issue of reforestation in areas of concentrated logging] // *Lesnaja promyshlennost'*. 1933, 9 janvarja. S. 3. (In Russian).
4. Voejkov E.V. *Dejatel'nost' Saratovskogo upravlenija lesoohrany i lesonasazhdenij i sostojanie lesnogo fonda Saratovskoj oblasti v predvoennye gody* [The activities of the Saratov Department of Forest Protection and Plantations and the state of the forest fund of the Saratov oblast in the pre-war years] // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2016. T. 16, vyp. 4. S. 481–486. (In Russian).
5. Voejkov E.V. *Jekologicheskie problemy Srednego Povolzh'ja v gody pervyh pjatiletok (na primere sostojanija lesov regiona)* [Environmental problems of the Middle Volga region in the years of the first five-year plans (on the example of the state of the region's forests)] // *Otechestvennaja istorija*. 2007. № . 5. S. 145–153. (In Russian)
6. Gajner I. *Zadachi lesnoj promyshlennosti v 1935 g.* [The tasks of the forest industry in 1935] // *Planovoe hozjajstvo*. 1935. № . 2. S. 61–75. (In Russian).
7. Gerbek G.G. *Lesnaja promyshlennost' S.-A. S. Sh.* [The forestry industry of the United States]. M., L.: Gosudarstvennoe nauchno-tehnicheskoe izd-vo, 1931. 151 s. (In Russian).
8. Gotovickij B.D. *Za uporyadochenie ucheta lesosechnogo fonda v lespromhozah* [For streamlining the accounting of the logging fund in forestry enterprises] // *Lesnaja industrija*. 1934. № . 2. S. 33–39. (In Russian).
9. Koldanov V. Ja. *Očerki istorii sovetskogo lesnogo hozjajstva* [Essays on the history of Soviet forestry]. M.: Jekologija, 1992. 256 s. (In Russian).
10. Korchemkina E.E., Malysheva E.M. *Dejatel'nost' organov vlasti Adygei po reorganizacii upravlenija lesnym hozjajstvom v 20–40-e gg. XX v.* [The activities of the authorities of Adygea on the reorganization of forestry management in the 20–40s of the XX century] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija»*. 2012. № . 2. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.2/1749/malysheva2012_2.pdf (data obrashhenija: 13.09.2024) (In Russian).
11. Krasovskij I. *Puti razvitija lesnogo hozjajstva SSSR* [Ways of development of forestry in the USSR] // *Lesnaja industrija*. 1934. № . 3. S. 28–31. (In Russian)
12. *Lesy Urala* [Forests of the Urals] / pod red. M.E. Tkachenko. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo filiala Akademii nauk SSSR, 1948. 231 s. (In Russian).
13. Makeeva E.D. *Istoricheskie istoki sovremennyh jekologicheskikh problem Srednego Povolzh'ja* [Historical origins of modern environmental problems of the Middle Volga region] // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN*. 2016. T. 18, № 6. S. 93–99. (In Russian).
14. *Materialy k I vsesojuznoj konferencii po tehničeskoi rekonstrukcii lesnoj promyshlennosti vo vtorom pjatiletii (1933–1937). Nauchno-issledovatel'skaja rabota vo vtoroj pjatiletke v oblasti lesovodstva (tezisy k dokladu t. Pokaljuk)* [Materials for the First All-Union Conference on the technical reconstruction of the forest industry in the second five years (1933–1937). Research work in the second five-year plan in the field of forestry (abstracts to the Pokaljuk report)]. Moscow: Gosudarstvennoe lesnoe tehničeskoe izd-vo, 1932. 13 s. (In Russian).
15. Moiseev N.A. *Lesnoe hozjajstvo Rossii za 100 let* [Forestry in Russia for 100 years] // *Analiticheskij ezhegodnik «Rossija v okružhajushhem mire: 2001»*. M.: MNJePU, 2001. S. 80–99. (In Russian).
16. Pashkov K.I. *Nekotorye osobennosti lesoustrojstva i lesopol'zovanie v Bajkal'skom regione v 1930–1950 gg.* [Some features of forest management and forest use in the Baikal region in 1930–1950] // *Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik*. 2014. S. 446–454. (In Russian).
17. Pisarenko A.I., Strahov V.V. *Lesnoe hozjajstvo Rossii: ot pol'zovanija — k upravleniju* M.: Jurisprudencija, 2004. 552 s. (In Russian).

18. Polujko I.Z. *K voprosam lesopol'zovanija v lesah Severa* [On the issues of forest use in the forests of the North] // *Izvestija Karelo-finskogo filiala Akademii nauk SSSR*. 1949. № . 3. S. 3–22. (In Russian)
19. Posvjanskij S. «*Hozjajstvo Severa*» [«Economy of the North»] // *Planovaja jekonomika*. 1935. № . 10. S. 226–231. (In Russian).
20. Prugavin S., Roslov N. *Osnovnye problemy razvitija lesnoj promyshlennosti Severnoj oblasti* [The main problems of the development of the forest industry in the Northern oblast] // *Planovaja jekonomika*. 1936. № . 12. S. 97–107. (In Russian).
21. Sokolov V.V. *Očerki jekologo-klimaticheskoi istorii Rossii. Monografija* [Essays on the ecological and climatic history of Russia. Monograph]. SPb.: RGGMU, 2010. 309 s. (In Russian).
22. Cincadze N.S. *Gosudarstvo, obshhestvo i priroda v Rossii konca XIX — pervoj treti XX veka: tango vtroem* [The state, society and nature in Russia at the end of the XIX — first third of the XX century: tango threesome]. SPb.: Aletejja, 2019. 570 s. (In Russian).
23. Shvarc E.A. *Lesnoe hozjajstvo, jekonomicheskoe razvitie i bioraznoobrazie: otkazat'sja ot mifov proshlogo* [Forestry, economic development and biodiversity: to abandon the myths of the past] // *Ustojchivoe lesopol'zovanie*. 2003. № . 2. S. 2–7. (In Russian).
24. Shegel'man I.R., Kulagin O.I. *Transformacija sistemy upravlenija lesopol'zovaniem SSSR v nachale 1930-h gg.* [Transformation of the USSR forest management system in the early 1930s] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2011. № 8 (14). V 4-h ch. Ch. II I. S. 206–209. (In Russian).
25. Josephson P., Dronin N., Cherp A., Mnatsakanian R., Efremenko D., Larin V. *An Environmental History of Russia*. New York: Cambridge University press, 2013. VIII, 340 p. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.002

УДК504.062

ББК 65.011.13

С.И. СМIRHOV

**ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ЛЕСНЫЕ И ОХОТНИЧЬИ
РЕСУРСЫ КРУПНЫХ ЛЕСНЫХ
ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
КОМПЛЕКСОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ**

S.I. SMIRNOV

**INTEGRATED WOOD AND HUNTING
RESOURCES OF LARGE WOOD NATURAL
TERRITORIAL COMPLEXES AND THEIR VALUE
IN THE HISTORY OF SOCIAL AND ECONOMIC
DEVELOPMENT OF MUNICIPAL UNIONS**

В настоящее время порядок использования лесных и охотничьих ресурсов в регионах России генерализировано осуществляется, в том числе в соответствии с «Лесными планами» и «Схемами размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории субъекта Российской Федерации», анализ содержания которых показывает, что не всегда в должной мере учитывается их принадлежность к крупным межрегиональным социо-природным ландшафтным образованиям. Цель исследований — определение роли и значения лесных и охотничьих интегральных ресурсов в истории социально-экономического развития муниципальных образований и разработка рекомендаций по их развитию на основе внутреннего туризма на примере крупного социо-ландшафтного образования — природный территориальный комплекс «Брянский лесной массив», с использованием подходов, обозначенных в научно-методическом пособии Русского географического общества «Межрегиональный туристский проект «Западный фасад России». Новизна научных исследований связана с использованием ландшафтного подхода и подтверждается законодательно утвержденными положениями о сельском туризме и сельской местности. В качестве одних из значимых результатов исследований выступает научно-методическое обоснование сети интегральных туристско-рекреационных комплексов в форме народных парков (лесных, охотничьих, партизанско-армейских и т.д. привалов в первом приближении) на платформе инновационных возможностей арендаторов участков лесного фонда и охотпользователей.

Integrated wood and hunting resources of large wood natural territorial complexes and their value in the history of social and economic development of municipal unions Now the order of use of wood and hunting resources in regions of Russia генерализировано is carried out, including according to «Wood plans» and «Schemes of placing, use and protection of the hunting grounds for territories of the subject of the Russian Federation» which analysis of the maintenance shows that not always in a due measure their accessory to large inter-regional sotsio-natural landscape formations is considered. The purpose of researches — definition of a role and value of wood and hunting integrated resources in the history of social and economic development of municipal unions and working out of recommendations about their development on the basis of internal tourism on an example of large sotsio-landscape formation — a natural territorial complex «Bryansk large

forest», with use of the approaches designated in the scientifically-methodical grant of Russian geographical society «Inter-regional tourist project« the Western facade of Russia ». Novelty of scientific researches is connected with use of the landscape approach and proves to be true legislatively confirmed positions about rural tourism and countryside. As one of significant results of researches the scientifically-methodical substantiation of a network of integrated turistsko-recreational complexes in the form of national parks (wood, hunting, partizansko-army etc. halts as a first approximation) on a platform of innovative possibilities of tenants of sites of wood fund and охотпользователей acts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социо-ландшафтное образование, Брянский лесной массив, народный парк, сельский, лесной, охотничий, эколого-патриотический туризм.

KEY WORDS: sotsio-landscape formation, the Bryansk large forest, national park, rural, wood, hunting, ekologo-patriotic tourism.

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время на территории Российской Федерации порядок использования лесных и охотничьих ресурсов генерализировано осуществляется в соответствии с региональными «Лесными планами» и «Схемами размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории субъекта Российской Федерации», согласно разработанным на федеральном уровне методическими рекомендациям. Анализ содержания обозначенных выше документов Брянской и смежных областей показывает, что не всегда в должной мере учитывается их принадлежность к крупным межрегиональным социо-природным ландшафтным образованиям, например, таким как природный территориальный комплекс (ПТК) «Брянский лесной массив» (рис. 1), площадью более 500 тыс.га, охватывающий части территорий региональных административных образований Российской Федерации (Брянская, Калужская и Орловская области) и Украины (Сумская область), обозначенный отдельной статьей в Большой Советской энциклопедии и как отдельный охотхозяйственный район на схеме охотхозяйственного районирования территории Брянской и смежных областей [3], а также разносторонне охарактеризованный как лесной ресурс в монографии А.С. Тихонова «Брянский лесной массив [7], в том числе по причинам, обозначенным в письме направленном для информации и использования в работе руководителям законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации от имени Комитета Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии от 19.12.2003 г., № 315-08/1866 — «Решении совещания по теме: «Ландшафты и региональное планирование — условия для устойчивого развития территорий», состоявшегося в Комитете Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии» 22.10.2003 г.:

- в общенациональном плане ландшафтный потенциал России представляет собой не только базу всей природоохранной и природно-ресурсной деятельности, но, главное, объективную основу для повышения качества жизни населения и устойчивого развития страны;
- к сожалению, крайне важный в современных условиях ландшафтный подход в России пока почти не известен и не освоен лицами, принимающими управленческие решения (от муниципального до регионального и федерального уровней) в социально-экономической, природоохранной, природно-ресурсной и других сферах;
- очевидно, что без обеспечения органов государственной власти Российской Федерации, общества и делового мира современным ландшафтным законодательством, без создания на его основе продуманной и обоснованной общенациональной, общегосударственной ландшафтной политики, направленной на формирование единой системы природных и социо-природных национальных ландшафтов, существующие противоречия разрешены быть не могут.

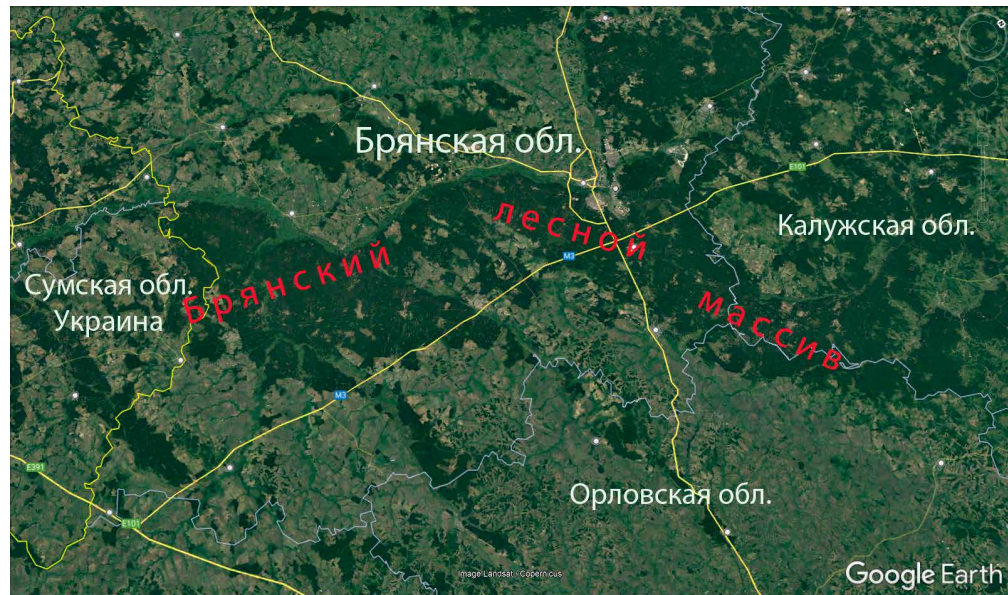


Рис. 1 Космический снимок межрегионального социо-ландшафтного образования ПТК «Брянский лесной массив»

В последствие, решение совещания ... 2003 года нашло отражение в докладе Председателя подкомитета по культуре Комитета Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии, члена Парламентской ассамблеи Совета Европы В.В. Сударенкова на тему: «Сохранение и использование ландшафтного потенциала Европы. Предварительный проект рекомендации» [6].

По просьбе представителей исполнительных органов государственной власти Брянской области автором (21.01.2004 г.) были представлены «Предложения к решениям совещания по теме: «Ландшафты и региональное планирование — условия для устойчивого развития территорий», в которых, в частности, отмечалась, что «К числу первоочередных задач, требующих решения в Брянской области в рамках государственной политики в области сохранения и устойчивого развития ландшафтов в Российской Федерации выступают работы по инвентаризации природных и культурных ландшафтов, выполнение которых может быть поручено кафедрам лесозащиты и охотоведения (Брянская государственная инженерно-технологическая академия) и физической географии (Брянский государственный педагогический университет), а также ФГУП «Западное государственное лесохозяйственное предприятие» (в составе структурного подразделения по лесному хозяйству Министерства природных ресурсов Российской Федерации). На основании результатов инвентаризации ландшафтов предусмотрена разработка соответствующей ГИС и региональных рекомендаций по оптимизации управления биоресурсами на ландшафтной основе, в том числе лесными, охотничьими, рыбными, особо охраняемыми природными территориями, редкими и исчезающими видами животных, растений и грибов».

В контексте высказанных предложений в 2004 г., на инициативной основе на кафедре лесозащиты и охотоведения была создана комплексная межвузовская студенческая экспедиция под руководством заведующего кафедрой д.с.-х.н. С.И. Смирнова, одним из объектов исследования которой выступал «Среднедеснянский полигон», основу которого, в свою очередь, составлял ПТК «Брянский лесной массив», р. Десна с поймой и территории внутриобластных муниципальных образований, территориально и генетически связанные с ними. В настоящее время студенческая экспедиция функционирует в составе комплексной

исследовательской экспедиции под названием «Малая Родина сила Союзного государства России и Белоруссии» (автор — координатор экспедиции) в контексте «Проекта по лесным угольям и патриотической работе с населением» Брянского областного отделения Русского географического общества (автор — руководитель проекта).

Актуальность исследований значения лесных и охотничьих ресурсов в истории социально-экономического развития внутриобластных административных образований обусловлена необходимостью содействия развитию внутреннего туризма на их территориях, в том числе посредством разработки научно-методического обоснования лесного, экологического [4] охотничьего [5], военно-патриотического и др. разновидностей внутреннего туризма, с учетом специфики и возможностей, законодательно определенных при осуществлении пользования территориями лесного фонда и охотничьих угодий, представляющих собой варианты **сельской местности** в широком смысле субъектов Российской Федерации и выступающие в качестве составной части **сельского туризма** на территориях **сельских местностей**, обозначенных в Федеральном законе от 14.10.2024 N 346-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 3.1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [9], согласно которого **сельский туризм** трактуется как «— туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до тридцати тысяч человек в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни и обычаям народов Российской Федерации, ознакомления с объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации, связанными с сельским хозяйством, а также ознакомления с сельскохозяйственным производством и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью использования услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг».

По мнению исследователя А.А. Ткаченко, опубликованному в статье «Сельская местность: понятия и подходы» [8] «Сельская местность состоит из населенных пунктов, дорог, сельскохозяйственных и иных угодий (используемых или заброшенных), а также природных объектов как площадного (лесные и болотные массивы, небольшие озера), так и линейного (реки и ручьи, овраги) характера. К ней принадлежат также, расположенные вне населенных пунктов памятники истории и культуры, включая сакральные объекты» (С. 4) и предлагает различать следующие функциональные типы сельской местности: «пригородная (с различными сочетаниями функций); аграрная (с развитым товарным сектором); агротрекреационная, т.е. «дачная», с преобладанием хозяйств горожан; постаграрная, или аграрно-депрессивная (с натуральным хозяйством и тенденцией к люмпенизации населения, в некоторых случаях — огородническая); лесопромышленная; промысловая (основу хозяйства населения составляет эксплуатация промысловых ресурсов); рекреационная» (С. 7).

Новизна научных исследований подтверждается использованием ландшафтного подхода и возможностями, связанными с выходом в свет Федерального закона от 14.10.2024 N 346-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 3.1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

ЦЕЛЬ — определение роли и значения лесных и охотничьих интегральных ресурсов в истории социально-экономического развития муниципальных образований Брянской и смежных областей, расположенных, в первую очередь, в сельской местности и разработка рекомендаций по их развитию на основе внутреннего туризма, включающего, законодательно утвержденный сельский туризм в широком смысле и его важные составляющие: лесной, охотничий, экологический, военно-исторический и т.д. туризм.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Научная и методическая составляющие исследований базируются на материалах, изложенных в трудах видного эколога Н.Ф. Реймерса [2], обобщавшего понятие интегральные природные ресурсы и определившего их основные

составляющие: собственно природные ресурсы, материальные ресурсы и человеческие (трудовые) ресурсы, с учетом положений обозначенных в научно-методическом пособии «Межрегиональный туристский проект «Западный фасад России» [1], в разработке которого автор принимал участие в качестве координатора по Брянской области.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В качестве одного из наиболее значимых итогов экспедиционных работ 2022–2024 гг. выступают материалы, характеризующие эколого-историко-патриотический туристский потенциал лесных (на примере территорий, арендованных участков лесного фонда и лесных ООПТ регионального значения) и охотничьих (на примере территорий бывшего Брянского государственного лесохозяйственного хозяйства, охотничьих хозяйств и бывших охотничьих заказников областного значения, ныне региональных ООПТ) ресурсов, являющихся, в свою очередь, значимой составной частью эколого-ресурсного потенциала естественного крупного социо-ландшафтного образования «Брянский лесной массив и его ближнего окружения, в том числе: особо охраняемые природные территории, памятники истории и культуры, интегральные туристско-рекреационные комплексы в форме народных парков (больших лесных, охотничьих, партизанско-армейских привалов в контексте возможностей сельского туризма, обоснованные и обустроенные в первом приближении в ходе полевых экспедиционных работ), учетом расположения в его границах заповедника «Брянский лес» (Брянская обл.) и частей национального парка «Орловское Полесье» (Орловская обл.) и национального природного парка Деснянско-Старогутский (Сумская обл., Украина), на основе которых сформирован региональный (Брянская область) эколого-историко-патриотический каркас ПТК «Брянский лесной массив» в форме эколого-историко-патриотического туристского профиля «Путешествие по территориям природного и историко-культурного наследия Брянского лесного массива и его ближнего окружения» (рис. 2) в полосе которого представляется возможным реализация специализированных составляющих внутреннего туризма: лесного, охотничьего, экологического, военно-патриотического т.д.

Например, посредством объединения на межмуниципальном уровне туристских каркасов муниципальных образований:

- Брянского, Выгоничского и Навлинского районов Брянской области на основе причастности их территорий к проведению одной из крупнейших партизанско-армейских диверсионных операций Великой Отечественной войны — взрыв ж.д. моста на Полесской железной дороге Брянск-Брест через р. Десна у ж.д. ст. Выгоничи 7,8 марта 1943 г. в преддверии битвы на Курской дуге, посредством создания межрайонного эколого-патриотического маршрута «По следам одной из крупнейших партизанско-армейских диверсионных операций Великой Отечественной войны — взрыв ж.д. моста на Полесской железной дороге Брянск-Брест через р. Десна у ж.д. ст. Выгоничи 7,8 марта 1943 г. в преддверии битвы на Курской дуге»;
- Выгоничского Карачевского, Навлинского, Брасовского и Комаричского районов Брянской области на основе расположения на их территориях в прошлом лесных и охотничьих угодий краснорогского имения знаменитого литератора и охотника графа Алексея Константиновича Толстого, брасовского имения образцового лесопользователя и охотпользователя своего времени, одного из покровителей императорского лесного общества и общества правильной охоты Великого князя Михаила Александровича Романова и др., трофейные охоты которых в широком смысле являлись предметом экспедиционного исследования, в том числе в рамках исследовательской группы «Трофейная охота: Исследования», созданной на инициативной основе в 2024 г. С.П. Матвейчуком — сотрудником Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства имени проф. Б.М. Житкова (ВНИИОЗ, г. Киров) «...для обмена публикациями, мнениями, планами и, возможно, совместных исследований в области трофейной охоты...». Это направление уже в текущем

году было обсуждено на первом круглом столе «Философия трофейной охоты в широком смысле и практика» в докладе автора на тему: «Трофейная охота в широком смысле в жизни А.К. Толстого как источник вдохновения и познания» 24 августа 2024 г. в музее-усадьбе А.К. Толстого в с. Красный Рог и планируются к дальнейшему широкому рассмотрению на втором круглом столе «Философия трофейной охоты в широком смысле и практика» 06.02.2025 г. в Брянской областной научной универсальной библиотеке им.Ф.И. Тютчева.

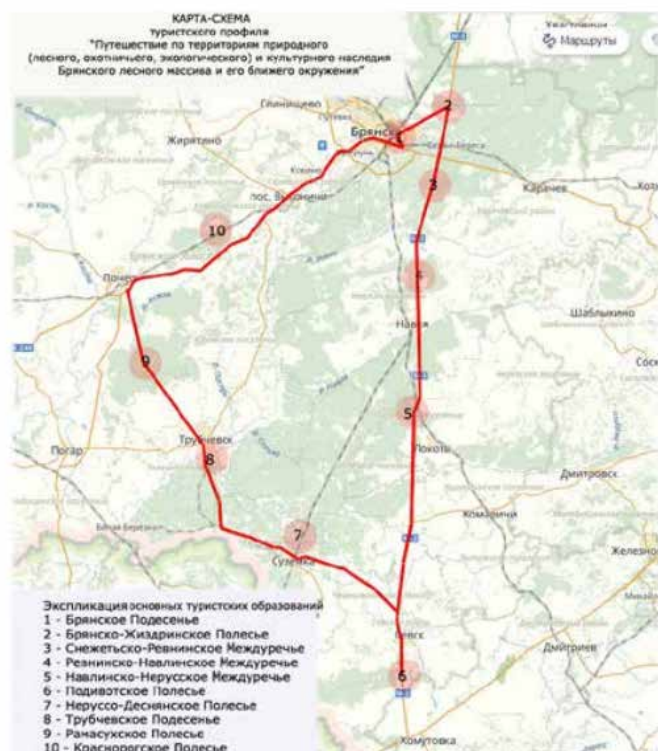


Рис. 2 **Схема эколого-историко-патриотического туристского профиля**
«Путешествие по территориям природного и историко-культурного наследия
Брянского лесного массива и его ближнего окружения» [1],

ВЫВОДЫ. С выходом в свет Федерального закона от 14.10.2024 N 346-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 3.1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», появились новые возможности развития лесного и охотничьего туризма на ландшафтной основе, в качестве составной части сельского туризма в широком смысле, посредством создания, в дополнение к существующим туристско-значимым объектам и образованиям, сети интегральных туристско-рекреационных комплексов в форме народных парков (лесных, охотничьих и т.д. привалов в первом приближении) на платформе инновационных возможностей арендаторов участков лесного фонда и охотпользователей, что, в свою очередь, будет содействовать социально-экономическому развитию муниципальных образований и повышению уровня эколого-патриотического образования населения, в том числе в контексте пункта «20н» Указа Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176Ф О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, в котором в пункте «20» «К внутренним вызовам экологической безопасности относятся: ... н) низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Межрегиональный туристский проект Русского географического общества «Западный фасад России», научно-методическое пособие / Научный редактор: Котляков В.М., Авторский коллектив: Мажар Л.Ю. (отв. ред.), Кружалин В.И., Меньшикова Т.Н., Алексеев Д.П., Алейников О.И., Аниськин В.О., Катровский А.П., Смирнов С.И., Цыщук Е.А., Шабалина Н.В., Щербакова С.А. Смоленск: Свиток, 2020. 240 с.
2. Реймерс Н.Ф. Природопользование. Справочник-словарь М.: «Мысль», 1990. 637с.
3. Смирнов С.И. Теоретические и методические основы охотхозяйственного районирования // Вестник охотоведения, 2007. Т4. № 2. С. 173–179.
4. Смирнов С.И. Лесной и экологический туризм, взгляд в будущее /на примере Брянского опытного лесничества — одного из объектов национального лесного наследия России/ С.И. Смирнов. Брянск: Аверс, 2017. 153 с.
5. Смирнов С.И. Охотничий туризм, взгляд в будущее /на примере краснорогского имения графа А.К. Толстого — территории охотничьего наследия национального масштаба. Брянск: Читай город, 2018.192с.
6. Сударенков В.В. Сохранение и использование ландшафтного потенциала Европы. Предварительный проект рекомендации. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2006/disk2/sud.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
7. Тихонов А.С. Брянский лесной массив. Брянск: Читай-Город, 2001. 311с.
8. Ткаченко А.А. Сельская местность: понятия и подходы //Тр.Моск. ун-та. Сер.5. Геогр. 2023. Т. 78. № 2. С. 3–9.
9. Федеральный закон от 14.10.2024 N 346-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 3.1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

REFERENCES

1. *Mezhregional'nyj turistskij proekt Russkogo geograficheskogo obshchestva «Zapadnyj fasad Rossii», nauchno-metodicheskoe posobie* [The Inter-regional tourist project of Russian geographical society «Western facade of Russia», the scientifically-methodical grant] / Nauchnyj redaktor: Kotlyakov V.M., Avtorskij kolektiv: Mazhar L.Yu. (otv. red.), Kruzhalin V.I., Men'shikova T.N., Alekseev D.P., Alejnikov O.I., Anis'kin V.O., Katrovskij A.P., Smimov S.I., Cyshchuk E.A., Shabalina N.V., Shcherbakova S.A. Smolensk: Svitok, 2020. 240 s. (In Russian).
2. Rejmers N.F. *Prirodopol'zovanie. Spravochnik-slovar'* [Wildlife management. Directory-dictionary]. M.: «Mysl'», 1990. 637s.
3. Smimov S.I. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy ohotxozyajstvennogo rajonirovaniya* [Theoretical and methodical bases ohotxozaistwennogo divisions into districts] // Vestnik ohotovedeniya, 2007. T4. № 2. S.173–179. (In Russian).
4. Smimov S.I. *Lesnoj i ekologicheskij turizm, vzglyad v budushchee* [] /Na primere Bryanskogo opytnogo lesnichestva — odnogo iz ob"ektov nacional'nogo lesnogo naslediya Rossii/ S.I. Smimov. Bryansk: Avers, 2017. 153 s. (In Russian).
5. Smimov S.I. *Ohotnichij turizm, vzglyad v budushchee* [Hunting tourism, a prospection] / Na primere krasnorogskogo imeniya grafa A.K. Tolstogo — territorii ohotnich'ego naslediya nacional'nogo masshtaba. Bryansk: Chitaj gorod, 2018.192 s. (In Russian).
6. Sudarenkov V.V. *Sohranenie i ispol'zovanie landshaftnogo potentsiala Evropy. Predvaritel'nyj projekt rekomendacii* [Sohranenie and use of landscape potential of Europe. The preliminary project of the recommendation]. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2006/disk2/sud.pdf> (data obrashcheniya: 01.10.2024). (In Russian).
7. Tihonov A.S. *Bryanskij lesnoj massiv* [Bryansk a large forest]. Bryansk: Chitaj-Gorod, 2001. 311 s. (In Russian).
8. Tkachenko A.A. *Sel'skaya mestnost': ponyatiya i podhody* [Countryside: concepts and approaches] //Tr.Mosk. un-ta. Ser.5. Geogr. 2023. T.78. № 2. S.3–9. (In Russian).
9. *Federal'nyj zakon ot 14.10.2024 N 346-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'i 1 i 3.1 Federal'nogo zakona «Ob osnovah turistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii»* [The Federal law from 10/14/2024 N 346-FZ «About modification of articles 1 and 3.1 Federal laws»]. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.003

УДК 504.06: 94(571.1)"1960/1980"

ББК 28.088.9г(253.3)63

Д.В. КОЛЕСНИЧЕНКО **ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ ПРИРОДЫ: К ВОПРОСУ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ОТДЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–1980-Е ГГ.**

D.V. KOLESNICHENKO **ALL-RUSSIAN SOCIETY FOR NATURE
PROTECTION: ON THE ISSUE OF THE
ACTIVITIES OF REGIONAL OFFICES IN
WESTERN SIBERIA IN THE 1960S AND
1980S.**

Статья посвящена изучению деятельности Всероссийского общества охраны природы (ВООП) на территории Западной Сибири в 1960–1980-е гг. Автор анализирует природоохранные мероприятия, проводимые обществом, и исследует тенденции работы региональных отделений. В работе используется комплексный подход, включающий анализ архивных документов, как федеральных, так и региональных. Особое внимание уделяется деятельности Кемеровского областного отделения ВООП, являющегося одним из первых в Западной Сибири. Статья вносит вклад в историю экологического движения в СССР, раскрывая роль ВООП в охране природы Западной Сибири в контексте социально-экономических и политических процессов эпохи.

The article is devoted to the study of the activities of the All-Russian Society for the Protection of Nature (VOOP) in Western Siberia in the 1960s and 1980s. The author analyzes the environmental measures carried out by the society and examines the trends in the work of regional offices. The work uses an integrated approach, including the analysis of archival documents, both federal and regional. Special attention is paid to the activities of the Kemerovo regional branch of the VOOP, which is one of the first in Western Siberia. The article makes a contribution to the history of the ecological movement in the USSR, revealing the role of environmental protection in Western Siberia in the context of socio-economic and political processes of the era.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическая история, Всероссийское общество охраны природы, Западная Сибирь, общественные организации.

KEY WORDS: environmental history, All-Russian Society for Nature Protection, Western Siberia, public organizations.

ВВЕДЕНИЕ. По вопросу становления и функционирования Всероссийского общества охраны природы (далее ВООП, Общество) проведено достаточно много исследований, однако в историографии не сложилось комплексного подхода к изучению истории становления и развития Общества. Часть исследований носят фрагментарный характер, а деятельность ВООП в большинстве случаев рассматривается в региональном русле.

Одна из первых серьезных научных работ по ВООП — это диссертация В.Г. Лариной, в которой проанализированы основные направления деятельности и научно-практические результаты, изучено организационное устройство, выявлены предпосылки создания общества и исследованы процессы зарождения и развития общественного природоохранительного движения в РСФСР в 1924–1941 гг. [15, с. 230].

В своих научных статьях Е.А. Скрипко анализирует положение и статус ВООП в системе государственного аппарата и общественных организаций в 1930-е и послевоенные годы (1945–1953 гг.) [17, с. 35]. Кроме того, Е.А. Скрипко изучала вопрос подчиненности ВООП и связи Общества с вышестоящими организациями [16, с. 36]. Несмотря на широкую источниковую базу исследования, в статьях Е.А. Скрипко практически не раскрыты основные виды деятельности ВООП, результаты работы за определенный период и предыстория создания подобной природоохранной организации.

Как отмечалось ранее, многие исследователи изучают деятельность Общества с точки зрения регионального подхода. А.В. Шмыглева рассматривает работу ВООП на примере регионов Западной Сибири, выделяет хронологические этапы деятельности и приходит к выводу, что вплоть до середины 40-х гг. XX в. ВООП не отличалось активностью [18, с. 182].

В актуальности данного исследования важно подчеркнуть необходимость комплексных исследований экологической истории, особенно с акцентом на Западно-Сибирский регион. Научная новизна работы заключается в том, что в современной историографии комплексно практически не рассматривался вопрос о становлении и развитии организации ВООП на территории Западной Сибири.

ЦЕЛЬ. В настоящей статье автор стремится раскрыть организованные природоохранные мероприятия ВООП на территории Западной Сибири в 1960–1980-е гг., а также проследить тенденцию работы региональных отделений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При написании работы были использованы в основном следующие методы исследования: источниковедческий дал возможность изучения всех внутренних (анализ содержания, авторства, хронологического периода и т.д.) и внешних особенностей документа (носитель, на котором создан документ, его форма, палеографические и художественные особенности, физическая сохранность документа), а хронологический способствовал оценке политики ВООП, проведенной в 1960–1980-е гг.

Источниковая база исследования представлена преимущественно делопроизводственными источниками, позволяющими воссоздать проводимые ВООП природоохранные мероприятия на территории Западной Сибири, а также сформировать обоснованные выводы.

В работе преимущественно задействован фонд Государственного архива Российской Федерации (фонд А-404 «Всероссийское общество охраны природы»). Помимо прочего, в работе представлены архивные документы из региональных архивов — Исторический архив Омской области (фонд П-9588 «Общество охраны природы»).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Одним из первых регионов Западной Сибири, где оформилось общество охраны природы, стал Кузбасс. Кемеровское областное общество охраны природы и озеленения населенных пунктов было создано на основании постановления Совета Министров РСФСР от 14 января 1956 г. [18, с. 183]. Кемеровское областное отделение насчитывало к 1960 г. 56 189 чел., из них 19 100 взрослых и 37 089 школьников [1, Л.14]. В основном вся работа выстраивалась внутри школьных коллективов. В г. Кемерово и г. Ленинск-Кузнецке были организованы уголки «За Ленинское отношение к природе», проведено озеленение более 60 километров шоссейных дорог, высажено более 1 млн цветов, а в г. Прокопьевске инициативная группа разбила питомник на площади 4 гектара [1, Л.54].

Существовали секции садоводства и озеленения, пчеловодства и голубеводства, охраны леса, полезных насекомых, зверей, птицы и рыб, но их работа была менее активная в отличие от юношеской. Старший инструктор Центрального совета ВООП В.И. Карасева отмечала, что целесообразно создать секции охраны почвы и воздуха, так как проблемы загрязненности атмосферы и эрозийность была выше допустимого значения [1, Л.54]. Районные и городские отделения слабо организовывали и направляли деятельность первичных организаций на выполнение основных задач Общества [1, Л.54].

В связи с чем Кемеровское областное отделение планировало перестроить работу Областного Совета и шире развернуть агитационную работу по вопросам охраны природы.

К началу 1970-х гг. в областное отделение Общества было вовлечено 342 012 юношей, 80 191 взрослых. Секция охраны атмосферного воздуха развернула свою деятельность и организовала общественный смотр по ликвидации вредных промышленных выбросов в атмосферу и водоемы предприятиями Кемеровской области. В нем приняли участие 189 предприятий в области и свыше 15 000 членов ВООП, но должного эффекта было сложно достичь, поскольку в ходе смотра лишь выдвигались предложения по улучшению. Кроме того, общественный смотр не нашел широкого отражения на предприятиях пищевой промышленности, строительных материалов и автомобильного транспорта. Тем не менее, коллектив шахты им. Вахрушева г. Киселевска добился эффективности очистки шахтных вод на 98% [2, Л.40]. Местное отделение проводило большую работу с привлечением школ.

Попытки создания Томского областного отделения Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов предпринимались с октября 1958 г. В конце 1950-х гг. оргбюро прекратило свою работу по причине низкого уровня финансирования. Однако исполнительный комитет Кривошеинского района принял решение возобновить работу оргбюро путем вовлечения в него профильных специалистов, директоров школ, работников исполкома и комсомольских организаций [3, Л.5].

На заседаниях областного отделения часто обсуждали слабую работу большинства членов президиума и совета, что приводило к недостаточной вовлеченности граждан в члены Общества по созданию первичных организаций на предприятиях Томска и района, а некоторые члены оргкомитета и вовсе отмечали, что необходимо привести дела в порядок для того, чтобы «природа удовлетворяла потребности человека» [4, Л.32].

В 1960 г. Областное отделение Общества объединяло: 6 100 чел. действительных членов, 6 248 чел. членов юношеской секции и 166 юридических членов. Первоначально в Обществе было 5 секций: секция леса, озеленения и сада; секция охраны фауны; секция охраны домашних животных; секция неживой природы; юношеская секция [18, С. 184]. Комиссия в составе секции леса, озеленения и сада проводила инвентаризацию зеленых насаждений в городе и добилась высадки более 250 000 деревьев и кустарников, а также 2 000 000 корней рассады [3, Л.46]. Также секция занималась планированием «зеленого строительства» в Томске на ближайшие три года. Согласно намеченному плану, в 1960 г. должно быть высажено 81 тыс. деревьев, 19 тыс. кустарников и 5 млн цветов [3, Л.47].

Члены секции охраны фауны собирали материалы о состоянии запасов промысловых рыб зверей и птиц в районах области, разрабатывали предложения по улучшению их охраны. Особое внимание было уделено на борьбу с загрязнением водоемов: этот вопрос в 1959 г. обсуждался на конференции, организованной ВООП [3, Л.50]. В ходе работы конференции была дана характеристика загрязнения водоемов бассейна р. Обь и водоемов Томской области; проанализировано влияние сточных вод и отходов промышленных предприятий на рыбные запасы, а также состояние строительства очистных сооружений в Томске.

На момент июля 1962 г. Томское областное отделение имело 5 302 чл. взрослых, членов юношеской секции 14 408 чел., из них в районах области взрослых членов — 4 178, юношеских — 11 920 и в Томске — 1 124 чел., юношеских 2 488 чел. [5, Л.15]. Работа некоторых районных отделений Общества улучшилась. При Колпашевском городском отделении созданы 43 первичные организации, объединяющее 1 648 взрослых и 1 911 юношей. Отделение имело теплицу культурных растений и парники, выращивало 75 тысяч цветов, посадили 5 700 деревьев и 4 700 кустарников. Работа секции охраны леса увязывалась с мероприятиями совместно с областным управлением лесного хозяйства и райлесхозами. По разъяснению правил лесопользования, организации лесопосадок, борьбы с самовольными порубками, лесными пожарами членами секций, специалистами управления было прочитано 25 лекций и докладов.

Новосибирское городское отделение Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов, организовано в 1955 г. на базе Новосибирского городского общества мичуринцев, которое в 1961 г. было переименовано в общество охраны природы

[18, С. 185]. На первое января 1959 г. число членов Общества составляло 6000 человек, к первому декабря членство возросло до 15 тысяч человек. За 1958–1959 гг. в области создано 20 районных отделений [6, Л.87]. Однако в начале своей деятельности Областное отделение не имело соответствующего помещения для проведения организационно-массовой работы. Только в 1960 г. были выделены средства для строительства двух деревянных помещений для размещения в них конторы и клуба.

В составе Общества существовали секции: юношеская, охрана леса, охрана вод и рыбных богатств, полезных зверей и птиц, садоводства, но к началу 1960-х гг. наблюдалась слабая активность, соответственно агитационно-пропагандистская часть была недостаточно развита. Так, первичные организации Общества в школах не создавались, а в объявленном конкурсе ко Дню птиц ни одна школа Новосибирска не участвовала, что указывает на слабую популяризацию задач Общества. Решение проблемы с малочисленным составом перекладывалась точно на сформированные секции (охрана почв, полезных зверей и птиц). Работу Общество также проводило и в секциях. Юношеская секция занималась постройкой домиков и кормушек и закладыванием в сады саженцев; секция охрана леса принимала участие по озеленению Новосибирска и района.

Секция охраны водоемов и рыбных богатств проводила борьбу с браконьерством на реках и озерах, участвовала в борьбе с загрязнением водоемов неочищенными сточными водами. Члены секции провели специализированный мониторинг, в ходе которого выяснилось, что 75 предприятий Новосибирска за сутки сбрасывают в р. Обь более 400 000 кубометров неочищенных вод [6, Л.28].

В рамках решения проблемы планировалось привлечь первичные организации Общества (Металлургические, Электротермические заводы, ТЭЦ) и создать контрольные посты из членов Общества, которые осуществляли контроль за строительством очистных сооружений. Самой многочисленной была секция садоводства и озеленения: она объединила свыше 13 тысяч садоводов, цветоводов и озеленителей. Члены секции проводили консультационные встречи и разрабатывали методические указания. Любительская секция голубоводства проводила беседы в школах и общие собрания для любителей птиц, но секция охраны полезных зверей и птиц организована не была.

Однако работа секций была раскритикована на 2-й Новосирийской областной конференции ВООП в 1962 г. Решение Облисполкома о борьбе с ветровой и водной эрозией почв, принятое в апреле 1961 г. не выполнялось [7, Л.123]. Секция охраны и защиты леса не следила за незаконной вырубкой леса, а секция охраны водоемов и рыбных запасов не предпринимало мер по сокращению ущерба санитарному состоянию водоемов.

Немаловажным вопросом являлась охрана атмосферного воздуха. В связи с быстрым развитием промышленности в г. Новосибирске в годы Великой Отечественной войны возникло около 25 новых поселков, свыше 1200 отопительных и около 300 котелен сильно загрязнили атмосферный воздух из-за отсутствия очистных сооружений [7, Л.3].

Подобная проблема была и в 1970-е гг. Ряд предприятий города продолжали загрязнять воздух, среди них ТЭЦ-3, завод им. Ефремова, ЖБИ-2, Искитимский Цементный завод и др. Особое беспокойство вызывал последний, в результате его деятельности запыленность воздушного бассейна оставалась значительной и превышала нормы ПДК в 10–15 раз [7, Л.4].

Ситуация с водными ресурсами обострялась также остро. Только по данным на 1 января 1972 г. сброс канализационных сточных вод в г. Новосибирске составил 1359 кубометров в сутки, из них: промышленно загрязненных стоков 248 тыс. кубометров в сутки, хозяйственных 276 тыс. кубометров в сутки и условно-очистных стоков 706 тыс. кубометров в сутки [7, Л.5]. Без очистки в р. Обь сбрасывалось большее количество сточных вод. Только у 34 предприятий г. Новосибирска производилась полная очистка промышленных стоков.

Решением этой проблемы видели в строительстве общегородских очистных сооружений и сетей канализации, которое отчасти велось неудовлетворительно. Именно поэтому Совет

министров РСФСР своим постановлением от 16 августа 1968 г. № 568 обязал Новосибирский Облисполком обеспечить окончательное строительство очистных сооружений с полной биологической очисткой мощностью 620 тыс. кубометров в сутки в 1977 г. [7, Л.6]. Проектная сметная стоимость общегородских очистных сооружений была утверждена Советом Министров РСФСР в сумме 70 840 рублей, а строительство левобережного загородного коллектора было начато в 1967 г.

Одной задачей была борьба с браконьерством. Активное участие в борьбе с браконьерами принимала общественности: за период с 1970 г. по 1972 г. членами ВООП совместно с работниками рыбоохраны было вскрыто около 2000 нарушений. В 1970-е-1980-е гг. все также активно проводилась политика «озеленения». При участии городских и районных секций были проведены зеленых насаждений, заложены новые парки, сады и цветники: удалось высадить 450 тыс. деревьев, 700 тыс. кустарников, 130 гектаров газонов [8, Л.6].

Омское областное отделение было организовано в мае 1955 г. [9, Л.6]. К 1960 г. взрослые члены общества составляли 20 201 чел., юношеская секция включала 20 286 чел., первичных организаций было 534, а юридических членов Общества 96 [10, Л.40].

В Областном отделении действовали секции: охраны природы, юношеская, озеленения. Юношеская секция проводила работы по очистке штамбов деревьев, сбору вредителей, обрезке сухих ветвей и посадки деревьев. Большой интерес к вопросам озеленения проявляли совхозы «Целинный», «Цветочный», «Добровольский». К 1963 г. было высажено 284 тыс. деревьев, 245 тыс. кустарников, построено 110 га газонов, а цветов посажено 17 475, таким образом зона зеленых насаждений была увеличена на 95 га. [11, Л.15]. Многие секции Омска работали в связке с ведомственными организациями. Секция охраны животных и птиц совместно с Управлением охотничье-промыслового хозяйства проводили лекции с обсуждением правил охоты и пр. [11, Л.9].

Секция охраны водоемов и рыбных богатств вели с санитарной инспекцией работу по обследованию промышленных предприятий, загрязняющих водоемы сточными водами и отходами производства [11, Л.20]. Деятельность остальных секций была также активна.

В частности, секция охраны атмосферного воздуха провели пять комплексных проверок некоторых промышленных предприятий (Сажезавода, Нефтезавода, Шинного и пр.; секция охраны почв проводило борьбу с ветровой эрозией в Павлогородском, Исилькульском, Таврическом, Русско-полянском производственных управлениях [11, Л.22].

По состоянию на 1 января 1970 г. охват членством по области составил 22% к общему числу населения [12, Л.5]. К концу 1960-х гг. в Омске сократилось водопотребление на 170 тыс. кубометров в сутки в связи с введением оборотной системой и внедрением конденсаторов воздушного охлаждения на нефтеперерабатывающем комбинате, а количество загрязненных вод, прошедших очистку, увеличилось на 34 тыс. кубометров [12, Л.18].

В период месячника по охране весенне-нерестующих рыб проведено выступление по радио и телевидению, а также организовано дежурство на пойменных водоемах членов секции совместно с общественными инспекторами и работниками областного управления и районных отделов министерства внутренних дел: было вскрыто 156 случаев нарушения правил рыболовства и спасено 6 миллионов молоди рыб из остаточных водоемов в р. Иртыш. Для колхозов и совхозов области был разработан комплекс противозерозийных мероприятий, в которых большее место отводилось безотвальной обработке почвы, выделенных земель, нуждающихся в специальных мерах защиты.

В 1970–1980-е гг. секция охраны почв внедряла комплекс противозерозийных мероприятий. В области регулярно проводили семинары с руководителями и механизаторами хозяйств по вопросам защиты почв от эрозий, поднятию плодородия почв и повышению урожайности. Особых успехов добилась секция охраны атмосферного воздуха. Омский горисполком решил вопрос по организации санитарно-защитной зоны вокруг нефтехимических предприятий, а для утилизации отходов производства шинного и сажевого заводов отведен новый участок за чертой города [13, Л.8].

ВЫВОДЫ. Информация по секциям в архивных документах представлена разнопланово: в некоторых случаях все обстоятельно описано в отличие от секции охраны неживой природы. Вероятно, отчетная форма не была унифицирована, поэтому качество и количество сведений не всегда ретроспективна. Кроме того, не представлены конкретные мероприятия по борьбе с эрозией и меры по охране леса. Секции по охране вод и воздуха в структуре Кемеровского общества в начале 1960-х отсутствовали, а вопрос с загрязнением водоемов обсуждался в секции охраны фауны.

Пропаганда целей и задач Общества среди населения проводилась недостаточно. В сельских районах, таких как Туганский и Кожевниковский не были созданы районные отделения; на многих предприятиях и учреждениях не функционировали первичные объединения, а помощь со стороны районных, партийных и комсомольских организаций оказывалась слабо [4, Л.49].

Однако стоит выделить и положительную тенденцию работы Общества, которая связана с постановлением Совета Министров РСФСР «О мероприятиях по улучшению озеленения городов РСФСР» от 26 июля 1947 г. Согласно постановлению, должно было производиться устройство садов, парков, скверов и бульваров, а также озеленение улиц в городах и поселках.

Кроме того, проводились ежегодные выставки цветоводства и плодоводства в областных, краевых центрах и столицах автономных республик. Благодаря объединению Всероссийского общества охраны природы и Всероссийского общества содействия строительству и охране городских и зеленых насаждений во Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов удалось провести масштабные мероприятия по озеленению территорий: только в начале 1960-х гг. в регионах Западной Сибири было высажено 10 000 008,5 цветов и 468 600 деревьев и кустарников.

Деятельность секций также была наполнена решением природоохранных задач: члены областных отделений принимали активное участие в постоянной комиссии по ликвидации загрязнения вод, боролись с незаконной эксплуатацией леса, производили контроль за строительством очистных сооружений на предприятиях. Часто отчеты о деятельности местных отделений могли дублировать информацию по проведению различных конкурсах, месячниках леса, недели сада.

Некоторые природоохранные задачи были характерны для отдельных регионов и на них в большей степени обращалось внимание: проблемы эрозии почв — Омская область; Кузбасс — загрязнение воздушного бассейна; Тюменская область и Ханты-Мансийский автономный округ — загрязненность вод и др. Возможно, это было связано с преобладающими предприятиями — источниками загрязнения в вышеперечисленных краях и областях Западной Сибири. Однако справедливо отметить, что вопросы по охране леса, водоемов, рек, флоры и фауны были представлены в каждом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИАО О. Ф. 9588. Оп.1. Д. 7.
2. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д. 355.
3. ГА РФ. А-404. Оп.1. Д. 373.
4. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д.397.
5. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д. 485.
6. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д. 511.
7. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д. 623.
8. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д. 640.
9. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д. 703.
10. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д. 1134.
11. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д. 1345.
12. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д.1661.

13. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д.1662.
14. ГА РФ. А-404. Оп. 1. Д.1677.
15. Ларина В.Г. Всероссийское общество охраны природы, 1924–1941 гг.: Дис. канд. ист. наук. М., 1982. С. 230.
16. Скрипко Е.А. Всероссийское общество охраны природы в 1945–1953 гг.: проблемы послевоенного периода. Актуальные проблемы российской государственности: Материалы научной конференции студентов и аспирантов. М.: Спутник, 2014. С. 115.
17. Скрипко Е.А. Развитие принципов природоохранительной политики СССР: Всероссийское общество охраны природы в 1930-е гг. Проблемы организации и функционирования государственного аппарата России: материалы научной конференции студентов и аспирантов. М.: Спутник +, 2013. С. 112.
18. Шмыглева А.В. Деятельность региональных отделений Всероссийского общества охраны природы в Западной Сибири (1960 — первая половина 1980-х гг.). Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 182–192.

REFERENCES

1. IAO O. F. 9588. Op.1. D. 7. (In Russian).
2. GA RF. A-404. Op. 1. D.355. (In Russian).
3. GA RF. A-404. Op.1. D. 373. (In Russian).
4. GA RF. A-404. Op. 1. D.397. (In Russian).
5. GA RF. A-404. Op. 1. D. 485. (In Russian).
6. GA RF. A-404. Op. 1. D. 511. (In Russian).
7. GA RF. A-404. Op. 1. D. 623. (In Russian).
8. GA RF. A-404. Op. 1. D. 640. (In Russian).
9. GA RF. A-404. Op. 1. D.703. (In Russian).
10. GA RF. A-404. Op. 1. D. 1134. (In Russian).
11. GA RF. A-404. Op. 1. D. 1345. (In Russian).
12. GA RF. A-404. Op. 1. D.1661. (In Russian).
13. GA RF. A-404. Op. 1. D.1662. (In Russian).
14. GA RF. A-404. Op. 1. D.1677. (In Russian).
15. Larina V.G. *Vserossijskoe obshchestvo ohrany prirody, 1924–1941 gg.: Dis. kand. ist. nauk* [All-Russian Society for Nature Protection, 1924–1941: Dis. Candidate of Historical Sciences]. M., 1982. S. 230. (In Russian).
16. Skripko E.A. *Vserossijskoe obshchestvo ohrany prirody v 1945–1953 gg.: problemy poslevoennogo perioda* [Development of the principles of the USSR environmental policy: The All-Russian Society for Nature Protection in the 1930s.] Problems of the organization and functioning of the Russian state apparatus: materials of the scientific conference of students and postgraduates. M.: Sputnik +, 2013. S. 112. (In Russian).
17. Skripko E.A. *Razvitie principov prirodoohranitel'noj politiki SSSR: Vserossijskoe obshchestvo ohrany prirody v 1930-e gg* [All-Russian Society for Nature Protection in 1945–1953: problems of the post-war period]. Actual problems of Russian statehood: Materials of the scientific conference of students and postgraduates. M.: Sputnik, 2014. S. 115. (In Russian).
18. Shmygleva A.V. *Deyatel'nost' regional'nyh otdelenij Vserossijskogo obshchestva ohrany prirody v Zapadnoj Sibiri (1960 — pervaya polovina 1980-h gg.)*. [Activities of the regional branches of the All-Russian Society for Nature Protection in Western Siberia (1960 — the first half of the 1980s)]. Bulletin of Tomsk State University. 2018. No. 432. S. 182–192. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.004

УДК 504:94(470+571)"19"

ББК 20.178г+63.3(2)64

Ю.С. МИХЕЕВА

**ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ
В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Y.S. MIKHEEVA

**NATURAL RESOURCES
IN THE ENVIRONMENTAL POLICY
OF THE SOVIET UNION IN THE SECOND HALF
OF THE XX CENTURY**

На сегодняшний день становится очевидным рост значимости вопросов охраны окружающей среды не только на уровне государства, но и в мировом политическом пространстве. Современная экологическая повестка уже давно представляет собой синтез экологических, экономических, технологических проблем. Экономическое развитие многих стран продолжает базироваться на масштабном использовании природных ресурсов, что создает дополнительную нагрузку на мировые экосистемы.

С целью сохранения и восстановления природных ресурсов, а также с целью снижения негативного антропогенного воздействия на окружающую среду, государства принимают соответствующие правовые, экономические и социальные меры. В советской экологической политике выделяют два ключевых направления: создание системы управления по вопросам охраны природы и рациональному природопользованию и развитие экологического законодательства.

Формирование отношения государства к природным ресурсам на протяжении всей второй половины XX века было продиктовано исключительно экономическими интересами. Принимаемые меры по организации их рационального использования и охраны сталкивались с интересами ведомств в выполнение плановых показателей по освоению этих ресурсов.

Today, the growing importance of environmental protection issues is becoming obvious not only at the state level, but also in the global political space. The modern environmental agenda has long been a synthesis of environmental, economic, and technological problems. The economic development of many countries continues to be based on the large-scale use of natural resources, which creates an additional burden on global ecosystems.

In order to preserve and restore natural resources, as well as to reduce the negative anthropogenic impact on the environment, states take appropriate legal, economic and social measures. In Soviet environmental policy, two key areas are distinguished: the creation of a management system for environmental protection and rational use of natural resources and the development of environmental legislation.

The formation of the state's attitude to natural resources throughout the second half of the 20th century was dictated exclusively by economic interests. Actions to organize their rational use and protection clashed with the interests of departments in fulfilling planned indicators for the development of these resources.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: природные ресурсы, охрана природы, советская экологическая политика, экологическое законодательство

KEY WORDS: natural resources, nature conservation, Soviet environmental policy, environmental legislation

ВВЕДЕНИЕ. Первые исследования, посвященные анализу методов и инструментов советской экологической политики, появились в 1980–1990-х гг. Это было связано с серьезными экологическими кризисами, которые демонстрировали низкую эффективность проводимых природоохранных мероприятий, особенно в условиях внутренних политических трансформаций.

В работах Н.Е. Тихоновой [18; 19], А.Ю. Пиджакова [14] проводится анализ становления экологической политики советского государства, природоохранного законодательства, предлагаются дальнейшие пути развития природоохранного дела. Весомым дополнением в изучение опыта СССР в этом направлении является исследование Д.Вайнера [5], которое посвящено подробному изучению развития охраны природы и заповедного дела в СССР в первой половине XX века.

Изменение политической системы в стране в начале 1990-х гг. повлекло за собой необходимость в актуализации всего законодательства, в том числе и природоохранного. В этот период ведущие правоведы в сфере экологического права М.М. Бринчук [3], О.С. Колбасов [9] подводят итоги советского опыта, выделяют недостатки природоохранного законодательства и предлагают идеи его обновления.

Следующий этап активизации правовых исследований, посвященных экологическому законодательству, наблюдался в 2000-е и был связан с принятием в 2002 г. Федерального закона «Об охране окружающей среды». В этот период наблюдалась острая необходимость обновления широкого круга правовых документов, принятых в 1990-е гг. в разгар политико-экономических преобразований в стране.

Существенный вклад в исследовании исторических аспектов государственной экологической политики СССР вносят работы Е.Д. Макеевой [11; 12], А.В. Шмыглевой [20; 21], В.В. Евланова [7]. В своих работах авторы достаточно подробно проанализировали процесс становления природоохранной политики в Советском Союзе, выделили этапы и их особенности. Авторы уделили значительное внимание раскрытию содержания проводимой экологической политики на региональных примерах, продемонстрировав механизмы реализации, роль организационных структур.

ЦЕЛЬ статьи заключается в определении места и роли природных ресурсов в экологической политике Советского Союза во второй половине XX века.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Поскольку ключевым механизмом реализации экологической политики является правовые нормы, то в качестве основы источниковой базой данного исследования были выбраны законодательные документы и иные нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы охраны природы в Советском Союзе на протяжении второй половины XX века. Методологической основой выступает применение историко-правового метода с целью выявления закономерностей развития правовых инструментов реализации экологической политики Советского Союза в отношении природных ресурсов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. К середине 1950-х гг. мировое общество столкнулось с первыми экологическими кризисами, которые являлись последствиями научно-технической революции, масштабного наращивания экономического потенциала ведущими странами, развитием потребительской культуры общества.

Развитие экологической политики Советского Союза происходило с учетом общемировых тенденций экологизации, но при этом имело свои особенности. В СССР природа изначально рассматривалась как ресурс, находящийся на службе у государства. Под природными ресурсами обычно понимаются леса, воды, недра, земля и другие компоненты природы. Однако в советском законодательстве, периодической печати вместо термина «природные ресурсы» часто использовался синоним «природные богатства».

В первые годы после установления советской власти вопросы охраны природы занимали важное место, что отражалось в ряде принимаемых документов: Правила производства охоты, ее сроки и способы» (1922), Лесной кодекс (1923), Декрет «Об учете и охране памятников

искусства, старины и природы» (1924) и др. Определенным образом развивалась и система государственных природоохранных органов. Как отмечает А.В. Шмыглева «правительство пошло по пути создания специальных органов в рамках соответствующих отраслей природопользования» [21, с. 160].

Говоря об эффективности принимаемых мер надо учитывать социально-экономические условия исторической реальности. Перед государством стояла задача быстрого экономического развития, которое возможно было достигнуть, в первую очередь, за счет использования природных ресурсов. При этом уровень благосостояния населения оставался крайне низким. Все это мало способствовало надлежащему исполнению предписаний со стороны государства.

Дальнейшая индустриализация экономики не только способствовала сворачиванию природоохранных инициатив, но и в целом наложила отпечаток на экологическое сознание человека, укрепляя его веру в покорителя природы.

Формирование отношения государства к природным ресурсам и включение их в политическую повестку в середине XX века протекало в условиях напряженной идеологической борьбы экономических систем стран Запада, во главе с США (капиталистическая модель) и Советского Союза (социалистическая модель). Поэтому на первый план выходит развитие новых отраслей промышленности на основе использования природных ресурсов, увеличение плановых показателей их добычи и переработки. На страницах советских газет природные ресурсы чаще всего звучат как «природные богатства», «богатства недр», «кладовые природы», «богатства природы», «национальное богатство», которые необходимо штурмовать, активно осваивать, подчинять воле человека» [13, с. 489].

Следующий этап развития природоохранной деятельности в Советском Союзе связан с очередными изменениями в экономике государства. С переходом к децентрализованной системе управления народным хозяйством на основе территориального принципа и образованием совнархозов в 1957 году начались изменения и в системе управления охраной природы, «что создало возможность для более глубокого изучения проблемы взаимоотношений общества и природы и специфических особенностей окружающей среды в различных регионах страны» [11, с. 46].

Однако советская экономика продолжала характеризоваться как экстенсивная. Увеличивались площади освоения природных ресурсов, при этом промышленные предприятия имели достаточно невысокий технический и технологический уровень, что приводило к образованию огромных объемов отходов. Поэтому первоочередной задачей в системе управления охраной природы было сокращение нерационального природопользования, наносившего урон экономическим интересам государства.

Специфичной чертой организации природоохранной деятельности считался ведомственный подход. За определенными ведомствами закреплялось не только право на использование тех или иных видов природных ресурсов, но и возлагались обязанности по охране природы и рациональному природопользованию. Однако в условиях административно-командной системы повсеместной практикой было нарушение охраны природы со стороны самих ведомств. Поэтому, как отмечает В.В. Евланов, было принято «решение о повышении ответственности республиканских и территориальных органов власти за состоянием окружающей среды в регионах, что позволило бы ограничить затратный и порой нерациональный подход ведомств к использованию ресурсов природы» [7, с. 72]. К началу 1970-х гг. завершился этап создания системы управления охраны природой на всех уровнях. Еще одним шагом в интеграции природоохранных и экономических задач стало включение в 1975 году специального раздела об охране природы в Государственный план развития народного хозяйства СССР.

Это должно было способствовать целенаправленному финансированию природоохранных мероприятий. Тем не менее, принимаемые меры на практике демонстрировали низкую результативность, поскольку первоочередной задачей оставалось наращивание промышленного потенциала. Как отмечает Н.Н. Тихонова «сначала ставились и решались задачи

по росту производства, а затем, когда обнаруживались разрушительные в экологическом отношении последствия производственной деятельности, ставились и решались задачи по охране природы» [19, с. 22-23].

Параллельно с созданием государственных природоохранных органов развивался правовой механизм экологической политики — законодательство об охране природы, природных ресурсов.

Первой попыткой определения «природных ресурсов» на законодательном уровне можно считать Закон «Об охране природы в РСФСР» (1960), в тексте, которого природа и ее ресурсы определялись как «естественная основа развития народного хозяйства, служащая источником непрерывного роста материальных и культурных ценностей, обеспечивающая наилучшие условия труда и отдыха народа» [8]. Четко прослеживается не только назначение природных ресурсов — быть основой развития народного хозяйства, но и определение их ценности для государства. Таким образом, естественные компоненты природы превращаются в природные ресурсы в том случае, когда они получают определенную материальную ценность и начинают активно осваиваться государством.

К 1963 году законы об охране природы были приняты во всех союзных республиках. Далее последовала кодификация отраслей права: лесного, земельного, водного и т.д. В течение следующих двадцати лет на уровне всех республик были приняты Основы земельного законодательства, Основы водного законодательства, Основы законодательства о недрах, Основы лесного законодательства, Законы об охране и использовании животного мира и об охране атмосферного воздуха. Постепенно начинает складываться система законодательства об охране природы и рациональном природопользовании.

Именно в правовой среде происходит выделение природных ресурсов и охраны природы как два отдельных объекта для правовой защиты со стороны государства. Стоит отметить, что понятие «природоресурсное законодательство» стало использоваться с середины XX века, когда произошло осознание ограниченности природных ресурсов и большее внимание стало уделяться нормам, регулирующим добычу и использование природных ресурсов.

Анализ законодательства свидетельствует о том, что вплоть до семидесятых годов двадцатого столетия в развитии российского законодательства в сфере экологии и охраны природы преобладало закрепление природоресурсных отношений применительно лишь к отдельным природным ресурсам. Проблемы охраны природы от загрязнения оценивались в основном как санитарные, а не экологические [4, с. 13].

Чуть позже в связи нарастанием экологических проблем в политическом и научном дискурсе также начинает использоваться понятие «природоохранительное законодательство» или «природоохранное законодательство» [15]. Тем самым, в правовом поле экологической политики государства произошел постепенный переход от природоресурсного к природоохранному законодательству, что в дальнейшем способствовало оформлению экологического законодательства.

По подсчетам О.С. Колбасова, к концу 1980-х годов число актов, которые можно было рассматривать в качестве источников советского экологического права, достигло примерно 4-5 тыс., при этом число источников природоресурсного права намного превышало количество актов природоохранного права [17].

Серьезный прогресс в юридической науке произошел с выделением экологического права в отдельную отрасль. Как отмечает И. Радкау «Со временем в экологическом праве (и национальном и международном) наметились новые перспективные принципы: вместо возмещения ущерба — превентивная защита, вместо отфильтровывания уже возникших вредных веществ — предотвращение их загрязнения [16, с. 354].

ВЫВОДЫ. Подводя итоги, стоит еще раз подчеркнуть, что леса, земли, недра, воды, фауна, являясь составными частями мира природы, с момента включения их в деятельность

человека и наделением ценностью переходят в категорию природных ресурсов. Природные ресурсы получают свою главную функцию — быть основой экономического развития общества. В советской экономической политике они играли ключевую роль. Обширные территории страны, многообразие доступных природных ресурсов, иллюзия их неисчерпаемости создавало базу для развития народного хозяйства.

Идеологические установки государства о выдающейся роли человека в его возможностях преобразованиях не только социально-экономической системы, но и природы, устойчиво формировали образ советского человека-покорителя природы. В этом ключе справедливы слова Д. Вайнера о том, что «Мировоззрение, в соответствии с которым природа может приносить пользу, лишь когда она подвергается эксплуатации или после того, как она «преобразована», недальновидным образом лишало человечество всех тех благ, которые способны ему дать правильно функционирующие дикие или рекультивированные природные системы [5, с. 347].

Середина XX века является поворотным моментом в изменении восприятия человеком проблем природы, которые возникли в ходе его деятельности. В Советском Союзе в этот период начинает складываться не только система управления охраной природы и природными ресурсами, но и их правовая охрана. Тем не менее, принимаемые меры со стороны законодательства, региональных и местных органов управления по рациональному использованию природных ресурсов, по сути, шли вдгонку экономическим интересам ведомств по их освоению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бринчук М.М. Теоретические проблемы формирования законодательства об окружающей среде // Государство и право. 1998. № 12. 1998. С. 73–81.
2. Бринчук М.М. Концепция развития экологического законодательства в Российской Федерации. СПб.: Изд-во Юр. ин-та, 2009. 168 с.
3. Бринчук М.М. Правовая охрана окружающей среды от загрязнения токсичными веществами М.: Наука, 1990. 214 с.
4. Буркова Л.Н. Экологические права человека в Российской Федерации (конституционно-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук, Волгоград, 2005. 24 с.
5. Вайнер Д. Экология в советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991. 396 с.
6. Декрет ВЦИК СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1916.htm (дата обращения 05.11.2024).
7. Евланов В.В. Формирование территориально-республиканской системы управления охраны природы (50–80-е гг. XX века) // Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 70–78.
8. Закон «Об охране природы в РСФСР» от 27 октября 1960 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8501#ecSPfTUgOyuzx569> (дата обращения 05.11.2024).
9. Колбасов О.С. Концепция экологического права. Право окружающей среды в СССР и Великобритании М., 1988. С. 3–11.
10. Лесной кодекс 1923 г. URL: <http://www.booksite.ru/forest/forest/organize/3.htm>. (дата обращения: 03.11.2024).
11. Макеева Е.Д. Организация работы министерств и ведомств РСФСР в сфере охраны природы в 1950–1970-е гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 4. С. 45–50.
12. Макеева Е.Д. Природоохранная политика СССР в 1960–1980-х гг.: успехи, провалы и противоречия // История и археология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). Санкт-Петербург: Издательский дом «Свое издательство», 2017 С. 37–41.
13. Михеева Ю.С. Природа в представлении советского общества на страницах периодической печати в середине 1960-х — конце 1980-х гг. // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды. Сб. статей. Вып. II. М., 2020. С. 488–498.

14. Пиджаков А.Ю. Советская экологическая политика 1970-х — начала 1990-х годов. СПб., 1994. 160 с.
15. Петров В.В. Правовая охрана природы в СССР. М.: Юридическая литература, 1984. 384 с.
16. Радкау И. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: ВШЭ. 2014. 472 с.
17. Соболев И.А. Экологическая правовая культура: историческая эволюция в модельном экологическом законодательстве // Материалы секционных заседаний X Международных Лихачевских научных чтений / Секция 4. Национальные правовые культуры и международное право: тенденции мирового развития. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihacht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/004_Sekcia_4/023_I.A.Sobolj.pdf (дата обращения 05.11.2024).
18. Тихонова Н.Е. Актуальные проблемы экологической политики КПСС // Вопросы истории КПСС. 1988. № 3. С. 71–85.
19. Тихонова Н.Е. Решение экологических проблем в СССР: история и современность. М., 1989. 64 с.
20. Шмыглева А.В. Исторические аспекты формирования экологической политики в России (XX век) // Эко-бюллетень ИЭКА. № 2 (85). URL: <https://ineca.ru/?dr=library&library=bulletin/2003/0085/008> (дата обращения: 02.11.2024)/
21. Шмыглева А.В. Природоохранная политика Советского государства: основные этапы формирования и механизмы реализации // Сб. науч. трудов УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. 2016. Раздел 2.

REFERENCES

1. Brinchuk M.M. *Teoreticheskie problemy formirovaniya zakonodatel'stva ob okruzhayushchej srede* [Theoretical problems of formation of legislation on the environment // State and law] // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 12. 1998. S. 73–81. (In Russian).
2. Brinchuk M.M. *Koncepciya razvitiya ekologicheskogo zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii* [Concept of development of environmental legislation in the Russian Federation] SPb.: Izd-vo YUr. in-ta, 2009. 168 s. (In Russian).
3. Brinchuk M.M. *Pravovaya ohrana okruzhayushchej sredy ot zagryazneniya toksichnymi veshchestvami* [Legal protection of the environment from pollution by toxic substances] M.: Nauka, 1990. 214 s. (In Russian).
4. Burkova L.N. *Ekologicheskie prava cheloveka v Rossijskoj Federacii (konstitucionno-pravovoj aspekt)* [Environmental human rights in the Russian Federation (constitutional and legal aspect)]: Dis. ... kand. yurid. nauk, Volgograd, 2005. 24 s. (In Russian).
5. Vajner D. *Ekologiya v sovetskoj Rossii. Arhipelag svobody: zapovedniki i ohrana prirody* [Ecology in Soviet Russia. Archipelago of freedom: reserves and nature conservation] M., 1991. 396 s. (In Russian).
6. Dekret VCIK SNK RSFSR «Ob uchete i ohrane pamyatnikov iskusstva, stariny i prirody» ot 7 yanvarya 1924 g. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the Council of People's Commissars of the RSFSR «On the registration and protection of monuments of art, antiquity and nature»] URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1916.htm (data obrashcheniya 05.11.2024). (In Russian).
7. Evlanov V.V. *Formirovanie territorial'no-respublikanskoj sistemy upravleniya ohrany prirody (50–80-e gg. HKH veka)* [Formation of a territorial-republican system of environmental management (50–80s of the twentieth century)] // Gramota, 2013. № 4 (30): v 3-h ch. CH. I. C. 70–78. (In Russian).
8. Zakon «Ob ohrane prirody v RSFSR» ot 27 oktyabrya 1960 g. [Law «On Nature Protection in the RSFSR»] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8501#ecSPfTU-gOyuzx569> (data obrashcheniya 05.11.2024). (In Russian).
9. Kolbasov O.S. *Koncepciya ekologicheskogo prava. Pravo okruzhayushchej sredy v SSSR i Velikobritanii* [Concept of Environmental Law. Environmental Law in the USSR and Great Britain] M., 1988. S. 3–11. (In Russian).
10. Lesnoj kodeks 1923 g. [Forest Code] URL: <http://www.booksite.ru/forest/forest/orginize/3.htm>. (data obrashcheniya: 03.11.2024) (In Russian).
11. Makeeva E.D. *Organizaciya raboty ministerstv i vedomstv RSFSR v sfere ohrany prirody v 1950–1970-e gg.* [Organization of the work of ministries and departments of the RSFSR in the field of nature protection

- in the 1950–1970s] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 4. S.45–50. (In Russian).
12. Makeeva E.D. *Prirodoohrannaya politika SSSR v 1960–1980 h gg.: uspekhi, provaly i protivorechiya* [Environmental protection policy of the USSR in the 1960–1980s: successes, failures and contradictions] // Istoriya i arheologiya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyul' 2017 g.). Sankt-Peterburg: Izdatel'skij dom «Svoe izdatel'stvo», 2017 S. 37–41. (In Russian).
 13. Miheeva YU.S. *Priroda v predstavlenii sovetskogo obshchestva na stranicah periodicheskoy pechati v seredine 1960-h — konce 1980-h gg.* [Nature in the view of Soviet society on the pages of periodicals in the mid-1960s — late 1980s] // Problemy ekologicheskoy istorii / istorii okruzhayushchej sredy. Sb. statej. Vyp. II. M., 2020. S.488–498. (In Russian).
 14. Pidzhakov A. YU. *Sovetskaya ekologicheskaya politika 1970-h — nachala 1990-h godov* [Soviet environmental policy of the 1970s — early 1990s] SPb., 1994. 160 s. (In Russian).
 15. Petrov V.V. *Pravovaya ohrana prirody v SSSR* [Legal protection of nature in the USSR] M.: Yuridicheskaya literatura, 1984. 384 s. (In Russian).
 16. Radkau I. *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchej sredy* [Nature and power. World history of the environment] M.: VSHE. 2014. 472 s. (In Russian).
 17. Sobol' I.A. *Ekologicheskaya pravovaya kul'tura: istoricheskaya evolyuciya v model'nom ekologich-eskom zakonodatel'stve* [Environmental legal culture: historical evolution in model environmental legislation] // Materialy sekcionnyh zasedanij X Mezhdunarodnyh Lihachevskih nauchnyh chtenij / Sekciya 4. Nacional'nye pravovye kul'tury i mezhdunarodnoe pravo: tendencii mirovogo razvitiya. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/004_Sekcia_4/023_I.A.Sobolj.pdf (data obrashcheniya 05.11.2024). (In Russian).
 18. Tihonova N.E. *Aktual'nye problemy ekologicheskoy politiki KPSS // Voprosy istorii KPSS* [Actual problems of the environmental policy of the CPSU] 1988. № 3. S.71–85. (In Russian).
 19. Tihonova N.E. *Reshenie ekologicheskikh problem v SSSR: istoriya i sovremennost'* [Solution of environmental problems in the USSR: history and modernity]. M., 1989. 64 s. (In Russian).
 20. SHmygleva A. V. *Istoricheskie aspekty formirovaniya ekologicheskoy politiki v Rossii (HKH vek)* [historical aspects of the formation of environmental policy in Russia (twentieth century)] // Eko-byullyuten'In-EkA. № 2 (85). URL: <https://ineca.ru/?dr=library&library=bulletin/2003/0085/008> (data obrashcheniya: 02.11.2024)/ (In Russian).
 21. SHmygleva A. V. *Prirodoohrannaya politika Sovetskogo gosudarstva: osnovnye etapy formirovaniya i mekhanizmy realizacii* [Environmental policy of the Soviet state: the main stages of formation and mechanisms of implementation] // Sb. nauch. trudov UrFU im. Pervogo Prezidenta Rossii B.N. 2016. Razdel 2. S. 159–171. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.005

УДК 504.06(571.122)"1992/2022" (091)

ББК 20.1г(253.3)64

А.И. ПРИЩЕПА

**СИСТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
МОНИТОРИНГА И НАБЛЮДАТЕЛЬНОЙ
СЕТИ ЗА СОСТОЯНИЕМ ПРИРОДНЫХ
РЕСУРСОВ ХМАО-ЮГРЫ В 1992–2022 ГГ.**

A.I. PRISHCHERA

**THE ENVIRONMENTAL MONITORING
SYSTEM AND THE MONITORING NETWORK
FOR THE STATE OF NATURAL RESOURCES
OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS
OKRUG IN 1992–2022**

В статье анализируется создание и функционирование системы контроля за состоянием природной среды ХМАО-Югры. Автор отмечает актуальность ее действие в условиях агрессивного антропогенного влияния на экологию автономного округа нефтегазового комплекса и слабого восстановительного потенциала природных ресурсов Севера Западной Сибири, характеризует задачи единой системы экологического мониторинга, к каковым относит регулярные наблюдения за состоянием компонентов природной среды и естественных экологических систем, раскрывает механизм функционирования Государственного экологического мониторинга, который осуществлялся федеральными и региональными органами исполнительной власти Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в соответствии с их компетенциями, представляет структуру наблюдательной сети экологического мониторинга на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, дает оценку многообразной деятельности системы экологического контроля на территории автономного округа.

The article analyzes the creation and functioning of a system for monitoring the state of the natural environment of KhMAO-Yugra. The author notes the relevance of its action in the conditions of aggressive anthropogenic influence on the ecology of the autonomous okrug of the oil and gas complex and the weak restoration potential of natural resources in the North of Western Siberia, characterizes the tasks of a unified environmental monitoring system, which includes regular monitoring of the state of components of the natural environment and natural ecological systems, reveals the mechanism of functioning of State environmental monitoring, which was carried out by the federal and regional executive authorities of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra in accordance with their competencies, represents the structure of the monitoring network of environmental monitoring on the territory of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra, evaluates the diverse activities of the environmental control system on the territory of the Autonomous Okrug.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экология, природные ресурсы, мониторинг, наблюдательный пост, техногенный фактор, атмосферный воздух, водный объект.

KEY WORDS: ecology, natural resources, monitoring, observation post, technogenic factor, atmospheric air, water body.

ВВЕДЕНИЕ. В исследуемый период Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, являясь главным нефтегазоносным регионом России, отличавшимся устойчивыми темпами экономического роста и высоким уровнем благосостояния населения, располагал огромным и разнообразным природно-ресурсным потенциалом.

В округе имелись крупные запасы леса. Его основная часть находилась в пределах Западно-Сибирской равнины и составляла 3,2 млрд.м³ [4]. Эти запасы древесины лежали в основе формирования одного из крупнейших лесопромышленных комплексов страны.

Леса Югры заселял богатый и разнообразный животный мир. Он представлен был смешением типично таёжных, относительно северных (обитателей тундры) и относительно южных (обитателей лесостепи) видов животных, среди которых высока пропорция первых. Всего на территории Ханты-Мансийского автономного округа зарегистрировано 60 видов млекопитающих и около 260 видов птиц [3].

Речная сеть Ханты-Мансийского автономного округа представлена более чем 19,6 тыс. реками общей протяжённостью около 100 тыс. км с густотой речной сети в 0,19 км/км², большая часть которых относится к малым рекам и ручьям. Основными реками Ханты-Мансийского автономного округа являются Обь с главным притоком Иртышом. Среди регионов федерального округа Ханты-Мансийский автономный округ занимает второе место по протяжённости речной сети после Ямало-Ненецкого автономного округа [1].

Многочисленные озёра ХМАО — Югры образуют целые системы, из которых крупнейшими являются Кондинский Сор, Торм-Эмтор, Леушинский туман, Пильтанлор, Турсунтский туман, Сырковое и ряд других. Среди регионов федерального округа Ханты-Мансийский автономный округ занимает второе место по общей площади озёр и искусственных водоёмов и озёрности после Ямало-Ненецкого автономного округа [1]. Постоянно живут в водоёмах и водотоках Югры или встречаются во время миграции, зимовки, нагула и нереста 42 вида рыб [3].

Начавшийся в 1960-е гг. нефтегазовый бум наносил чувствительный удар по экологическому благополучию живой природы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Защищая ее, в округе предпринимаются решительные шаги по формированию системы экологического мониторинга и наблюдательной сети.

ЦЕЛЬ статьи. Автор стремится воссоздать историю формирования и функционирования системы контроля за состоянием природной среды ХМАО-Югры в условиях агрессивного антропогенного влияния на экологию автономного округа нефтегазового комплекса и слабого восстановительного потенциала природных ресурсов Севера Западной Сибири, охарактеризовать задачи и структуру единой системы экологического мониторинга, раскрыть механизм функционирования и обобщить результаты ее деятельности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На основе использования общенаучных и конкретно-исторических методов научного исследования, включающих идеографический, историко-системный, историко-сравнительный, хронологический, статистический и некоторых других анализируются Постановления Правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и документы Департамента недропользования и природных ресурсов, направленные на осуществление регионального государственного контроля (надзора) на территории автономного округа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В исследуемый период в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре в соответствии со ст. 63.1 и 63.2 Федерального закона от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды» и Постановления Правительства РФ от 09.08.2013 «Положение о государственном экологическом мониторинге (государственном мониторинге окружающей среды)» [6] пристальное внимание уделялось функционированию системы экологического мониторинга и наблюдательной сети.

Задачами единой системы экологического мониторинга являлись регулярные наблюдения за состоянием окружающей среды, в том числе компонентов природной среды, естественных экологических систем, за происходящими в них процессами, явлениями, изменениями состояния окружающей среды; хранение, обработка (обобщение, систематизация) информации о состоянии окружающей среды; анализ полученной информации в целях своевременного выявления изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и (или) антропогенных факторов, оценка и прогноз этих изменений; обеспечение органов государ-

ственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, граждан информацией о состоянии окружающей среды.

Государственный экологический мониторинг осуществлялся федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в соответствии с их компетенциями посредством создания и обеспечения функционирования наблюдательных сетей и информационных ресурсов в рамках подсистем единой системы государственного экологического мониторинга. На территории автономного округа она включала в себя следующие филиалы, отделы и службы: «Ханты-Мансийский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» (ЦГМС) — филиал «Федерального государственного бюджетного учреждения» (ФГБУ) «Обь-Иртышского Управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» (УГМС), отдел водных ресурсов по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре Нижне-Обского бассейнового водного управления (Росводресурсы), филиал ФБУ «Рослесозащита» «Центра защиты лесов» (ЦЗЛ) Тюменской области» (Рослесхоз), филиал ФГБУ «Нижнеобьрыбвод» (Росрыболовство), отдел геологии и лицензирования по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре Департамента по недропользованию УрФО, департамент недропользования и природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры[6].

Государственная система наблюдений в соответствии с постановлением Правительства РФ от 06.06.2013 включает в себя государственную наблюдательную сеть, формирование и функционирование которой обеспечивается Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, а также территориальные системы наблюдений за состоянием окружающей среды, формирование и обеспечение функционирования которых осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации [6].

«Формирование территориальной системы осуществлялось в соответствии с «Системой экологического мониторинга на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», разработанной в 2006 г. Правительством автономного округа и утвержденной территориальным подразделением Росгидромета — Ханты-Мансийским ЦГМС — филиал ФГБУ «Обь-Иртышское УГМС». При формировании наблюдательной сети были учтены особенности региона, в том числе значительная площадь территории, заболоченность земель, обилие рек, активное развитие нефтедобывающего комплекса и расширение инфраструктуры городов, а так же существующая городская сеть наблюдений. Структура наблюдательной сети экологического мониторинга атмосферного воздуха на территории Ханты-Мансийского автономного округа включала 1 пункт наблюдения Росгидромета, 7 региональных постов и 700 постов локального мониторинга. Наблюдение за состоянием поверхностных вод осуществлялось в 26 пунктах, 34 створах, 36 вертикалях Росгидромета и 1500 пунктах локального мониторинга» [8].

Территориальная система экологического мониторинга непосредственно связана с системой управления качеством окружающей среды. На основе информации, полученной с пунктов территориальной системы мониторинга, осуществляется планирование и реализация мероприятий Государственной программы автономного округа по обеспечению экологической безопасности, разработка и согласование природоохранных и природовосстановительных программ природопользователей, осуществляющих деятельность на территории автономного округа, информирование населения о состоянии окружающей среды. Масштабы развития нефтегазодобывающей промышленности и огромные антропогенные нагрузки на природные комплексы актуализировали организацию системы наблюдений за состоянием окружающей среды в границах лицензионных участков на территории автономного округа. В границах лицензионных участков она осуществлялась в соответствии с постановлением Правительства автономного округа от 23 декабря 2011 г. «О системе наблюдения за состоянием окружа-

ющей среды в границах лицензионных участков на право пользования недрами с целью добычи нефти и газа на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» [5].

«В соответствии с Постановлением недропользователя (владельцы лицензий на право пользования недрами) формировали систему регулярных наблюдений (локальный экологический мониторинг) на лицензионных участках недр. По данным на 01.01.2022 на территории автономного округа осуществлялась деятельность 92 нефтегазодобывающих предприятия на 456 лицензионных участках (НЭ, НР). Из них в эксплуатации (наличие добычи нефти и газа) 311 лицензионных участков (52 предприятий). Для каждого лицензионного участка был разработан проект мониторинга с учетом физико-географических условий. Для оценки качества природных сред и результатов локального экологического мониторинга в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре установлены региональные нормативы содержания приоритетных загрязнителей окружающей среды. Недропользователи предоставляли результаты локального мониторинга с использованием вебсервиса «Личный кабинет недропользователя» в соответствии с установленными сроками: атмосферного воздуха — два раза в год, поверхностных вод — ежеквартально, снежного покрова, донных отложений и почв — один раз в год. Ежегодно в базу данных «Мониторинг химического загрязнения окружающей среды в границах лицензионных участков» поступает около 160 тысяч измерений. Всего за период 2006–2021 гг. накоплено 2,5 млн измерений концентраций загрязняющих веществ» [6].

Важным событием в обеспечении охраны окружающей среды в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре явилось учреждение Службы по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений ХМАО — Югры — «Природнадзор Югры», «у истоков которого стояли его первый руководитель Сергей Владимирович Пикун и заместитель Александр Артурович Бирюков» [7]. «Природнадзор Югры» является исполнительным органом государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, осуществляющим функции реализации единой государственной политики, нормативному правовому регулированию и оказанию государственных услуг в сфере защиты окружающей среды, обращения с отходами производства и потребления, охраны атмосферного воздуха и водных объектов, региональному экологическому надзору, а также решение задач экологической экспертизы на территории автономного округа.

ВЫВОДЫ. Таким образом, в результате проведенного исследования истории функционирования системы экологического мониторинга и наблюдательной сети за состоянием природной среды территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры можно утверждать о многообразном и комплексном характере работы ее структурных подразделений. В регионе государственный экологический мониторинг осуществлялся федеральными и субъектными органами природнадзора, что обеспечивало высокую результативность их деятельности.

Она осуществлялась силами 9 территориальных отделов и управлений [7]. «В 2022 г. «Природнадзором Югры» с учетом ограничений на проведение контрольных (надзорных) мероприятий, введенных Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», проведено 19 плановых выездных проверок, 3 внеплановых документарных проверки, 1 внеплановая выездная проверка, 52 выездных обследования. По результатам контрольных (надзорных) мероприятий выдано 19 предписаний об устранении выявленных нарушений. Кроме того, в целях предотвращения нарушений требований законодательства в области охраны окружающей среды проведено 821 профилактическое мероприятие, включающих 341 консультирование контролируемых лиц, объявлено 289 предостережений о недопустимости нарушения обязательных требований, представлено 117 информирований, осуществлено 83 профилактических визита. В рамках осуществления регионального государственного экологического контроля (надзора) в 2020–2022 гг. было проведено 171 плановая проверка, 4300 плановых рейдов, выявлено 3645 нарушений требований законодательства в области охраны окружающей среды» [2].

Эффективная деятельность структур системы экологического мониторинга и наблюдательной сети за состоянием природных ресурсов

ХМАО-Югры в 1992–2022 гг. в значительной мере способствовала ликвидации очагов загрязнения атмосферного воздуха и водных объектов, улучшению качества потребляемой воды, предупреждению деградации лесных массивов и сохранению запасов хвойных лесов, проведению масштабного лесовосстановления и озеленения городов, улучшению организации работы по размещению и утилизации бытовых и производственных отходов и тем самым заметно укрепить экологическую безопасность автономного округа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водные объекты ХМАО — Югры // Справочник водных ресурсов «WaterResources». URL: <https://waterresources.ru/region/hanty-mansiyskiy-avtonomnyy-okrug-yugra/> (дата обращения 5.12.2022).
2. Доклад об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2022 г / Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (Природнадзор Югры). URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/upload/iblock/307/7tkf0i8mn4w02cx3gv46iri6juje37z/DokladKHMAO_YUGRA-2022..pdf (дата обращения 2.08.2023).
3. Животные Югры — Ханты-Мансийского автономного округа. URL: http://pogodaomsk.ru/Archive/Zhivotnye_Khanty-Mansiyskogo_avtonomnogo_okruga/ (дата обращения 5.12.2022).
4. Общая характеристика лесов Югры // Единый официальный сайт государственный органов Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. URL: <https://kmns.admhmao.ru/traditsionnoe-khozyaystvovanie/299188/raznoobrazie-dikorosoov-yugry/> (дата обращения 17.11.2022).
5. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 23 декабря 2011 г. № 485-п «О системе наблюдения за состоянием окружающей среды в границах лицензионных участков на право пользования недрами с целью добычи нефти и газа на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (Природнадзор Югры). URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/upload/iblock/bc8/485_p.pdf (дата обращения 2.08.2023).
6. Система государственного экологического мониторинга. Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/sistema-ekologicheskogo-monitoringa/sistema-gosudarstvennogo-ekologicheskogo-monitoringa/131954/sistema-gosudarstvennogo-ekologicheskogo-monitoringa/> (дата обращения 2.08.2023).
7. Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (Природнадзор Югры). URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/> (дата обращения 29.06.2023).
8. Территориальная система экологического мониторинга. Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (Природнадзор Югры). URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/sistema-ekologicheskogo-monitoringa/territorialnaya-sistema/131955/territorialnaya-sistema-ekologicheskogo-monitoringa/> (дата обращения 23 июня 2023 г.).

REFERENCES

1. *Vodnye ob'ekty KHMAO-Ugry* [Water objects of KhMAO — Yugr] // Spravochnik vodnyh resursov «WaterResources». URL: <https://waterresources.ru/region/hanty-mansiyskiy-avtonomnyy-okrug-yugra/> (data obraschenia: 5.12.2023). (In Russian).
2. *Doklad ob ekologicheskoi situatsii v Khanty-Mansiyskom-avtonomnom-okruge-Yugre v 1922g* [Report on the environmental situation in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra in 2022]. Sluzhba

- po konttrollu i nadzoru v sfere ohrany okrugauschei sredy ob'ektov zhivotnogo mira i lesnyh otnoshnii Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-Yugry URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/upload/iblock/307/7tkf0i8mn4w02cx3gv46iri6jujey37z/DokladKHMAO_YUGRA-2022..pdf (data obraschenia: 2.08.2023). (In Russian).
3. *Zhivotnye Yugry Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga* [Animals of Yugra — Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. URL: [http://pogodaomsk.ru/Archive/Zhivotnye_Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga/\(data obraschenia: 5.12.2023\).](http://pogodaomsk.ru/Archive/Zhivotnye_Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga/(data obraschenia: 5.12.2023).) (In Russian).
 4. *Obschaia kharakteristika lesov Yugry* [General characteristics of the forests of Yugra] // Edinyi ofiialnyi sait gosudarstvennykh organov Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-Yugry. URL: <https://kmns.admhmao.ru/traditsionnoe-khozyaystvovanie/299188/raznoobrazie-dikorosov-yugry/> (data obraschenia: 17.11.2023). (In Russian).
 5. *Postanovlenie pravitelstva Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-Yugry ot 23 dekabria 2011 goda No 485-p « O sisteme nabludenii za sostoianiem okruzhauschei sredy v granitsah litsenzionnykh uchastkov na pravo pol'zovaniia nedrami s tsel'u dobychi nefti i gaza na territorii Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-Yugry (Prirodnadzor Yugry)* [Resolution of the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra dated December 23, 2011 No. 485-p «On the system of monitoring the state of the environment within the boundaries of licensed areas for the right to use subsoil for the purpose of oil and gas production on the territory of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra»]. URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/upload/iblock/bc8/485_p.pdf (data obraschenia: 2.08.2023). (In Russian).
 6. *Sistema gosudarstvennogo logicheskogo monitoringa. Sluzhba po konttrollu i nadzoru v sfere ohrany okruzhauschei sredy, ob'ektov zhivotnogo mira i lesnyh otnoshnii Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-Yugry* [The system of state environmental monitoring. The Service for Control and Supervision in the field of environmental protection, wildlife and Forest Relations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra]. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/sistema-ekologicheskogo-monitoringa/sistema-gosudarstvennogo-ekologicheskogo-monitoringa/131954/sistema-gosudarstvennogo-ekologicheskogo-monitoringa/> (data obraschenia: 2.08.2023). (In Russian).
 7. *Sluzhba po konttrollu i nadzoru v sfere ohrany okruzhauschei sredy, ob'ektov zhivotnogo mira i lesnyh otnoshnii Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-Yugry (Prirodnadzor Yugry)* [Service for Control and Supervision in the field of environmental protection, wildlife and forest relations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra (Nature Supervision of Yugra)]. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/> (data obraschenia: 29.06.2023). (In Russian).
 8. *Territorialnaya sistema logicheskogo monitoringa. Sluzhba po konttrollu i nadzoru v sfere ohrany okruzhauschei sredy, ob'ektov zhivotnogo mira i lesnyh otnoshenii Khanty-Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-Yugry (Prirodnadzor Yugry)* [Territorial environmental monitoring system. The Service for Control and Supervision in the field of environmental protection, Wildlife and Forest Relations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra (Nature Supervision of Yugra)]. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/sistema-ekologicheskogo-monitoringa/territorialnaya-sistema/131955/territorialnaya-sistema-ekologicheskogo-monitoringa/> (дата обращения: 23 июня 2023 г.). (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.006

УДК 338.48-6:502/504

ББК 65.433.5-51

**Е.В. МАЛЬХАНОВА РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
ТУРИЗМА КАК УСЛОВИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
СОЗНАНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЧЕЛОВЕКА ЗА СОХРАНЕНИЕ УНИКАЛЬНЫХ
ПО ПРИРОДНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ОБЪЕКТОВ**

**E.V. MALHANOVA DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC
AND EDUCATIONAL TOURISM
AS A CONDITION FOR CHANGING
CONSCIOUSNESS AND INCREASING
THE ECOLOGICAL RESPONSIBILITY
OF MAN FOR PRESERVING UNIQUE NATURAL
SIGNIFICANCE OF OBJECTS**

Статья посвящена развитию научно-просветительского туризма на территории объектов с особым природоохранным режимом. Автор анализирует данные социологического опроса, документов стратегического развития и влияние экологического образования на сознание граждан, а также правомерность поведения и осознанное бережное отношение к природе.

Целью исследования является выявление тенденций складывающейся практики развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях и объектах всемирного природного наследия, анализ существующих моделей указанной деятельности и выявление перспективного пути развития экопросветительской, образовательной и научной деятельности в области охраны окружающей среды, устойчивого развития и рационального природопользования. При проведении исследования использовались различные общенаучные и специальные методы научного познания: формально-юридический, социологический метод, использовались приемы системного анализа. Научная новизна проведенного исследования обусловлена изменением правового регулирования туризма на особо охраняемых природных территориях и результатами анкетирования граждан по выявлению уровня знаний о режиме охраны объектов всемирного природного наследия. На основе исследования правового регулирования автором выявляются и анализируются ключевые проблемы развития экологического и научно-просветительского, образовательного туризма и формируется вывод о возможности создания в границах центральной экологической зоны Байкальской природной территории, являющейся объектом всемирного природного наследия, в особых экономических зонах инновационных площадок экологического образования и научного туризма.

The article is devoted to the development of scientific and educational tourism in the territory of facilities with a special environmental protection regime. The author analyzes data of sociological survey, documents of strategic development and influence of environmental education on citizens' consciousness, as well as the rightness of behavior and conscious caring attitude to nature.

The objective of the study is to identify trends in the development of environmental tourism on specially protected natural areas and sites of world natural heritage, Analysis of existing models of said activities and identification of a promising way of development of environmental education,

educational and scientific activities in the field of environmental protection, sustainable development and management of natural resources. In the study various general and special scientific methods of cognition were used: formal-legal, sociological method, systems analysis techniques were used. The scientific novelty of the conducted study is due to the change in legal regulation of tourism on specially protected natural areas and results of citizens' surveys to identify the level of knowledge about the regime of protection of world natural heritage sites. Based on the study of existing methods and legal regulation, the author identifies and analyzes key issues in the development of environmental and scientific educational tourism and the conclusion is formed on the possibility of creating within the boundaries of the Central Ecological Zone of Baikal Natural Territory, which is an object of world natural heritage, in special economic zones of innovation platforms of environmental education and scientific tourism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологический, научно-просветительский туризм, всемирное наследие ЮНЕСКО, Байкал.

KEY WORDS: environmental, scientific and educational tourism, world heritage of UNESCO, Baikal.

ВВЕДЕНИЕ. Туризм безусловно имеет экономическое, социальное, реабилитационное значение. Россия обладая существенным запасом природных ландшафтов, красивых побережий водных объектов, имеет сильный потенциал в развитии как внутреннего, так и международного туризма. В своих работах Потапова Е.В., Суходолов Я.А. приходили к выводам, что: «Уникальная по своему богатству и разнообразию природа России, в том числе Сибири, и в частности Байкальской природной территории представляется одним из ключевых конкурентных преимуществ нашей страны как туристического направления». [9, с. 8] Более 13% [5] площади государства занимают особо охраняемые природные территории. Сохранение уникальности природной среды, биологического разнообразия, включающего эндемичных представителей флоры и фауны, значительная территория объектов всемирного природного наследия способствуют развитию экологического туризма. Развитие именно данного направления согласуется с общемировыми трендами развития экологического туризма, как комплексного направления, обеспечивающего взаимосвязь отдыха, культуры и экологии. Среди различных проявлений экологического туризма заслуживает внимания научно-просветительский, образовательный туризм, как обеспечивающий не только удовлетворение потребности в оздоровлении и восстановлении, но и способствующий эколого-правовому образованию и достигающий целей повышения уровня законности в области охраны и использования природных ресурсов.

ЦЕЛЬЮ исследования является выявление тенденций складывающейся практики развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях и объектах всемирного природного наследия, анализ существующих моделей указанной деятельности и обоснование перспективного пути развития научно-просветительского, образовательного туризма, популяризации деятельности в области охраны окружающей среды, устойчивого развития и рационального природопользования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При проведении исследования использовались различные общенаучные и специальные методы научного познания: формально-юридический, социологический метод, приемы системного анализа. Проведено анкетирование 278 респондентов, итоги которого показали необходимость распространения эколого-правовых знаний. На основе исследования правового регулирования автором выявляются и анализируются ключевые проблемы развития и перспективы экологического и научно-просветительского, образовательного туризма.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ. Культура, духовность и любовь человека к природе, как взаимосвязанные явления влекут воспитание осознанности в природопользовании, способствуют развитию правосознания и, безусловно, оказывают положи-

тельное влияние на поведенческую модель человека. Вместе с тем, разрушение указанной связи является причиной возникновения обратного эффекта. Отсутствие эколого-правового образования и потребительское отношение к природе способствует развитию массового дикого туризма на местах, не оборудованных инфраструктурой, движению транспорта в водоохранных зонах и береговой полосе, сбросу загрязняющих веществ в водные объекты и на прилегающие к акватории участки суши, накоплению отходов в несанкционированных местах, рубке лесных насаждений, а также влечет вытаптывание растительности, вытеснение из привычной среды обитания животных и иные негативные последствия для окружающей среды [1, с. 207]. Особая привлекательность примыкающих к водоемам земель не редко влечет застройку объектами размещения туристов без сооружений, обеспечивающих охрану водных объектов и очистку стоков до нормативного уровня.

В целях исследования актуальности развития указанных направлений экологического туризма проведено анкетирование граждан старше 18 лет. Всего участие в анкетировании приняло 739 человек, из которых только 278 пожелали заполнить анкету до последнего вопроса. По-видимому, затруднение с ответами на поставленные вопросы вызвало нежелание продолжать участие в исследовании. Среди опрошенных по всем вопросам 278 респондентов 32% не знают, что такое объект всемирного природного наследия. Только 13% смогли из предлагаемых вариантов выбрать правильно количество таких объектов на территории России. О том, что не знают правовой режим охраны таких территорий указали 48% опрошенных лиц, что составило 132 человека. Из опрошенных лиц 46% не знали, что озеро Байкал с прилегающей территорией отнесено к объектам всемирного природного наследия. Проведенный опрос показывает низкий уровень экологических знаний.

Положениями стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ № 187-р от 07.02.2022, предусмотрена организация экологического туризма на особо охраняемых природных территориях. Обозначенная форма туризма является приоритетной в целях обеспечения устойчивого развития национальных парков за счет создания условий для комплементарного взаимодействия инвестиционной, туристской (в том числе научно-познавательной и рекреационной) и социальной деятельности.

С учетом специфики экологического туризма стратегия предусматривает разработку и утверждение концепции развития экологического туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, которая до настоящего времени не принята.

В концепции планировалось предусмотреть важные аспекты системы планирования, контроля и мониторинга деятельности в области экологического туризма на особо охраняемых природных территориях, определения предельно допустимых нагрузок и минимизации негативного воздействия на природные экологические системы, сертификации экологических троп и туристических маршрутов, а также условия развития инфраструктуры.

Не смотря на отсутствие утвержденной концепции, как некоего базиса, основы для дальнейшего логического и непротиворечивого построения системы правового регулирования туризма на территориях, обладающих особым природоохранным режимом, правовые акты, определяющие рекреационную нагрузку уже принимаются. Соответствующие изменения внесены в федеральный закон об особо охраняемых природных территориях, включивший в себя нормы, регулирующие область туризма в национальных парках и заповедниках. Для минимизации негативного воздействия приняты правила расчета предельно допустимой рекреационной емкости [7] и правила организации и осуществления туризма на особо охраняемых природных территориях [8], предусматривающие определенные условия для развития туризма в зависимости от обеспеченности необходимой инфраструктурой и порядок расчета предельно допустимой рекреационной емкости в целочисленных значениях, человек в единицу времени [6, с. 114]. Вместе с тем, указанные правовые акты не предусматривают основных принципов экотуризма, особенностей исчисления предель-

ной и базовой нагрузки на территории объектов всемирного природного наследия, не вошедшей в границы особо охраняемых природных территорий.

Как указывает Иванова Д.В., к принципам следует отнести: «Стремление к минимизации отрицательного воздействия туризма на окружающую среду и культурное наследие; уделение особого внимания охране природы и культурных ценностей на посещаемых территориях; способствование информированию туристов и местных жителей о важности охраны природы и экологической устойчивости; включение местных жителей в реализацию туристской деятельности» [3, с. 40]. Видится целесообразным дополнение перечисленных положений принципом приоритета видов рекреационной деятельности, не приводящих к нарушению экологической системы и природных ландшафтов, недопустимости превышения научно обоснованной допустимой нагрузки на экологические системы, обязательности принятия комплексных схем и функционального зонирования, определяющих рекреационные зоны и их режим с сохранением наиболее ценных и нуждающихся в охране участков, а также планирование развития туризма на территориях, наиболее обеспеченных сопутствующей инфраструктурой, снижающей допустимое воздействие. Также видится целесообразным закрепление приоритета нормативов, установленных для наиболее уязвимых и ценных экологических систем. Такое закрепление исключит нарушение допустимых пределов воздействия в случае совмещения режима особо охраняемой природной территории и объекта всемирного природного наследия.

В границах указанных принципов, безусловно, приоритет должен быть отдан такому экологическому туризму, который охватывает распространение экологических знаний и развивает интерес к научной деятельности. Для его развития необходимо определение понятийного аппарата, закрепляющего такие термины, как экологический научно-просветительский и образовательный туризм. Под экологическим понимается туризм с целью наблюдения и приобщения к природе [2, с. 42], основной целью которого являются рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды [10, с. 104]. «Научно-познавательный и образовательный туризм предусматривает проведение образовательных форумов, конференций в области экологии и права, а также популяризацию научных исследований в области охраны и использования природных ресурсов и решения экологических проблем. Особую привлекательность в сфере экологического туризма безусловно имеют уникальные природные объекты, включенные в границы особо охраняемых природных территорий и объектов всемирного природного наследия, к примеру, такие как озеро Байкал, Куршская коса» [3, с. 40].

Развитие туризма на указанных территориях также должно учитывать предельно допустимые нормативы воздействия и рекреационную емкость и развиваться с приоритетом экологического и научного туризма в целях обмена лучшими международными практиками и передовыми решениями в сфере экологии среди специалистов со всего мира. Это способствует развитию международной консолидации усилий в целях решения вопросов экологической безопасности и сохранения экосистем и повышает вовлеченность молодежи в экологическую науку, что приобретает особое значение в условиях кадрового дефицита в научно-образовательной среде.

Национальный проект «Экологическое благополучие» предусматривает финансирование обучения по программам в области экологического права, реализация которых планируется с 2025 года и предусматривает финансирование мероприятий, направленных на обучение детей и молодежи рациональному природопользованию и разумному потреблению, а также повышение квалификации специалистов заповедной системы. Развитие системы экологического образования и просвещения включено в Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и план мероприятий по ее исполнению, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 29.05.2019 № 1124-ри.

Привлечение общественности к живописным уголкам нетронутой природы Байкала способствовало уникальному развитию научно-образовательного туризма в этом регионе.

Форумы, международные фестивали, юридические конференции и спортивные мероприятия экологической направленности стали неотъемлемой частью байкальской традиции, охватывающей как всероссийские, так и международные просторы [4, с. 266]. Каждый год студенты активно участвуют в научных исследованиях, проходящих в формате плавучего университета. В этих проектах принимают участие студенты ведущих учебных заведений России и зарубежья, что создает богатую почву для обмена знаниями и практическими навыками в области экологии и устойчивого развития. Байкал не только вдохновляет, но и становится площадкой для формирования нового поколения специалистов, способных сохранить его уникальную природу.

ВЫВОДЫ. Преобразование общественного сознания и формирование уважительного отношения к экологии играют ключевую роль не только в повышении правовой грамотности граждан и снижении числа правонарушений, но и в мотивации пассивной части общества к активной, созидательной деятельности. Таким образом, можно говорить о настоящей трансформации: люди становятся не просто наблюдателями, но полноценными участниками охраны окружающей среды.

Более того, многочисленные исследования свидетельствуют о положительном влиянии общественно полезной деятельности на психоэмоциональное состояние человека. Участие в проектах, направленных на благо природы, способствует укреплению морального духа и повышению общей жизненной удовлетворенности. Активное взаимодействие с окружающей средой не только обогащает личный опыт, но и формирует новую культуру заботы о природных ресурсах, что в свою очередь усиливает чувство единства среди участников и пробуждает уважение к нашей общей планете.

Обозначенные положения определяют несколько направлений возможного развития научно-просветительского, образовательного экологического туризма, включающих развитие молодежных научных кампусов и волонтерских станций, повышение квалификации государственных гражданских служащих Российской Федерации, проведение на особо охраняемых природных территориях и объектах всемирного природного наследия форумов, семинаров и научно-практических конференций и содействие в освещении государственными средствами массовой информации экологической и ресурсосберегающей тематики.

На сегодняшний день деятельность, связанная с экологическим туризмом, формами его организации, существенно страдает от отсутствия четкой правовой базы, системного финансирования и законодательно установленных методов экономического стимулирования и поддержки в контексте федерального законодательства. В результате работа в данной области ведется в хаотичном режиме, и её успех часто зависит от субъективных факторов и инициатив органов региональной власти, управляющих отдельно взятыми особо охраняемыми природными территориями, а также от активной вовлеченности участников общественных организаций и сообществ, что приводит к непоследовательности и фрагментарности действий.

Однако важно отметить, что сохранение чистоты озера Байкал имеет стратегическое значение для всей страны. Его сохранение, как источника и основы жизни будущих поколений и сохранения биологического разнообразия в условиях глобального сокращения запасов подобных ресурсов приобретает особую важность. Признанная мировым сообществом культурная и научная ценность центральной экологической зоны Байкальской природной территории, являющейся объектом всемирного природного наследия, дополнительно подчеркивает необходимость создания прочной правовой основы для научно-просветительского и образовательного экологического туризма. Традиционная практика проведения конгрессов, форумов, конференций и других научно-туристических мероприятий в этом регионе лишь подтверждает востребованность и актуальность этих мероприятий, что обуславливает необходимость законодательного признания и поддержки экологического туризма как одной из ключевых составляющих в системе охраны природы.

Развитию данного вида туризма на побережье озера Байкал способствует высокая концентрация особо охраняемых природных территорий и исторические истоки развития природно-заповедного фонда России, наличие особых экономических зон в границах объекта всемирного природного наследия и значительный научный опыт. Данный вид туризма не только позволит соблюсти нормативы допустимого воздействия, снизить последствия развивающегося дикого и нерегулируемого туризма, но и повысит эколого-правовую грамотность туристического сегмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник для студентов вузов / М.М. Бринчук. М.: Городец, 2009. 445 с.
2. Васильева, М.И. К юридическому определению понятия экологического туризма / М.И. Васильева // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 4(161). С. 34–52.
3. Иванова Д.В. Экологический туризм как вид экологического предпринимательства: новое в регулировании особо охраняемых природных территорий // Гражданское право. 2024. N 1. С. 38–41.
4. Мальханова, Е.В. Профилактика, как превентивная мера обеспечения экологической безопасности Байкальской природной территории / Е.В. Мальханова // Государство и право России в современном мире: Сборник докладов XII Московской юридической недели. В 5-ти частях, М., 23–25 ноября 2022 года. Том Часть 1. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 265–268.
5. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат): Сведения об особо охраняемых природных территориях за 2022 год. URL: 1-ООРТ_2022.xlsx (дата обращения: 11.10.2024).
6. Организационно-правовой механизм обеспечения устойчивого водопользования в Российской Федерации: монография / отв. ред. О.А. Романова. М.: Проспект, 2024. 248 с.
7. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2023 г. № 1811 «Об утверждении Правил расчета предельно допустимой рекреационной емкости особо охраняемых природных территорий федерального значения при осуществлении туризма» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 02.05.2024).
8. Постановление Правительства РФ от 21.12.2023 № 2229 «Об утверждении Правил организации и осуществления туризма, в том числе обеспечения безопасности туризма на особо охраняемых природных территориях федерального значения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 02.05.2024).
9. Потапова Е.В., Суходолов Я.А. Гармонизация рекреационных возможностей и растущего туристического потока на Байкальской природной территории / Е.В. Потапова, Я.А. Суходолов // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29, № 1. С. 7–17.
10. Тропина Д.В. Новые правила развития туризма на особо охраняемых природных территориях / Д.В. Тропина, В.В. Рахаева, А.М. Сурикова // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 103–107.

REFERENCES

1. Brinchuk M. M. *Ekologicheskoe pravo uchebnik dlya studentov vuzov* [Environmental law: a textbook for university students] / M. M. Brinchuk. M.: Grodznek, 2009. 445 s. (In Russian).
2. Vasilyeva, M. I. *K yuridicheskomu opredeleniyu ponyatiya ekologicheskogo turizma* [To the legal definition of the concept of ecological tourism] / M. I. Vasilyeva // Lex Russica (Russian law). 2020. T. 73, 4(161). S. 34–52. (In Russian).
3. Ivanova D. V. *Ekologicheskii turizm kak vid ekologicheskogo predprinimatelstva novoe v regulirovanii osobo ohranyaemih prirodnih territorii* [Ecological tourism as a type of environmental entrepreneurship: new in the regulation of specially protected natural areas] // Civil law. 2024. No 1. S. 38–41. (In Russian).

4. Malhanova, E.V. *Profilaktika kak preventivnaya mera obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti Baikalskoi prirodnoi territorii* [Prevention as a preventive measure of ensuring environmental safety of the Baikal natural territory] / E.V. Malhanova // State and law of Russia in the modern world: Collection of reports of the 12th Moscow Legal Week. In 5 parts, M., 23–25 November 2022. Tom Part 1. M.: Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGSU), 2023. S. 265–268. (In Russian).
5. *Ofitsialnii sait federalnoi sluzhbi gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federacii Rosstat, Svedeniya ob osobo ohranyaemih prirodnih territoriyah za 2022 god* [Official website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat): Information on specially protected natural areas for 2022]. URL: 1-OOPT_2022.xlsx (data obrashheniya: 11.10.2024). (In Russian).
6. *Organizacionno pravovoi mehanizm obespecheniya ustoichivogo vodopolzovaniya v Rossiiskoi Federacii monografiya* [Organizational and legal mechanism for ensuring sustainable water use in the Russian Federation: monograph] / op. ed. O.A. Romanov. Moscow: Prospekt, 2024. 248 s. (In Russian).
7. *Postanovlenie Pravitelstva RF ot 31 oktyabrya 2023 g. № 1811 "Ob utverjdenii Pravil rascheta predelno dopustimoi rekreacionnoi emkosti osobo ohranyaemih prirodnih territorii federalnogo znacheniya pri osuschestvlenii turizma"* [Decree of the Government of the Russian Federation dated October 31, 2023 No. 1811 "On approval of the Rules for calculating the maximum permissible recreational capacity of specially protected natural territories of federal significance in the implementation of tourism"] // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 02.05.2024). (In Russian).
8. *Postanovlenie Pravitelstva RF ot 21.12.2023 № 2229 "Ob utverjdenii Pravil organizacii i osuschestvleniya turizma v tom chisle obespecheniya bezopasnosti turizma na osobo ohranyaemih prirodnih territoriyah federalnogo znacheniya"* [Decree of the Government of the Russian Federation dated 12.21.2023 No. 2229 "On approval of the Rules for the organization and implementation of tourism, including ensuring the safety of tourism in specially protected natural territories of federal significance"] // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 02.05.2024). (In Russian).
9. Potapova E.V. Suhodolov A.A. *Garmonizaciya rekreacionnih vozmojnostei i rastushego turisticheskogo potoka na Baikalskoi prirodnoi territorii* [Harmonization of recreational opportunities and growing tourist flow in the Baikal natural territory] / E.V. Potapova, Y.A. Suhodolov // Izvestia State University of Baikal. 2019. T. 29. № 1. S. 7–17. (In Russian).
10. Tropina D.V. *Novie pravila razvitiya turizma na osobo ohranyaemih prirodnih territoriyah* [New rules of tourism development in specially protected natural areas] / D.V. Tropina, V.V. Rahayeva, A.M. Surikova // Law and the state: theory and practice. 2023. 8(224). S. 103–107. (In Russian).

МИНЕРАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР/ РОССИИ В XX-XXI ВВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

MINERAL RESOURCES IN THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF NORTHERN AND EASTERN USSR/ RUSSIAN TERRITORIES IN THE XX-XXI CENTURIES: REGIONAL ASPECTS

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.007

ББК 63.3(253.3)614-2

УДК 553.411:94(571)''1925/1927''

В.Г. ЗЕЛЯК

**ТРЕСТ «СИБЗОЛОТО» (1925–1927 ГГ.):
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА
И РУКОВОДИТЕЛИ**

V.G. ZELYAK

**SIBZOLOTO TRUST (1925–1927):
ORGANIZATIONAL STRUCTURE
AND LEADERS**

Важное место в истории хозяйственного освоения Сибири занимает золотодобывающая промышленность. В начале 1920-х гг. кризисные явления обусловили сильное снижение ее роли в экономике Западной Сибири. Власти предпринимали усилия по увеличению добычи золота, и трест «Сибзолото» был призван обеспечить динамичное развитие отрасли. В отечественной и зарубежной историографии отсутствуют работы по истории деятельности государственного треста краевого значения «Сибзолото». Цель статьи — проанализировать эволюцию организационной структуры треста «Сибзолото», охарактеризовать профессиональные качества его руководителей. Исследование проводится на основе регион-ориентированного подхода, разрабатываемого российскими учеными в рамках теории фронтальной модернизации.

Установлено, что трест «Сибзолото» использовал территориальный принцип организации золотодобычных работ, который применялся и в первой половине 1920-х гг. и будет востребован в последующие десятилетия. За период деятельности треста «Сибзолото» (1925–1927 гг.) его территория существенно возросла, однако при этом добыча золота в 1926/27 операционном году снизилась на 12,7% по отношению к предыдущему году. Увеличение количества приисков на данном этапе не привело к росту добычи золота. Анализ деятельности руководителей «Сибзолото» показал, что управление трестом осуществлялось вполне квалифицировано, без резких срывов. Вместе с тем за два года деятельности треста сменилось четыре его руководителя, на первое место выходил принцип принадлежности к коммунистической партии.

The gold mining industry occupies an important place in the history of the economic development of Siberia. In the early 1920s, crisis phenomena caused a strong decline in its role in the economy of Western Siberia. The authorities made efforts to increase gold production and the Sibzoloto Trust was designed to ensure the dynamic development of the industry. There are no

works on the history of the state trust of regional significance Sibzoloto in Russian and foreign historiography. The purpose of the article is to analyze the evolution of the organizational structure of the Sibzoloto Trust, to characterize the professional qualities of its leaders. The research is based on a region-oriented approach developed by Russian scientists within the framework of the theory of frontier modernization.

It is established that the Sibzoloto Trust used the territorial principle of organizing gold mining operations, which was applied in the first half of the 1920s and will be in demand in the following decades. During the period of activity of the Sibzoloto Trust (1925–1927), its territory increased significantly, however, gold production in the 1926/27 operating year decreased by 12.7% compared to the previous year. The increase in the number of mines at this stage did not lead to an increase in gold production. An analysis of the activities of Sibzoloto's managers showed that the trust was managed quite competently, without sudden disruptions. At the same time, during the two years of the trust's activity, four of its leaders were replaced, the principle of belonging to the Communist Party came out in the first place.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трест «Сибзолото», золотодобывающая промышленность, территориальное управление, Западная Сибирь, «Сибкрайсовнархоз», организационная структура

KEY WORDS: Sibzoloto Trust, gold mining industry, territorial administration, Western Siberia, Sibkraisovnarchoz, organizational structure

ВВЕДЕНИЕ. Отечественная историография достаточно продуктивно изучает динамику НЭПа на различных этапах его развития, в том числе и на материале Сибири. При этом представляется важным продолжать изучение опыта работы отдельных отраслей хозяйства и региональных предприятий для уточнения теоретических обобщений об особенностях НЭПа в Сибири. Государственный трест краевого значения «Сибзолото» осуществлял свою деятельность в 1925–1927 гг. и занимал свое определенное место в экономике региона, однако работы, освещающие его организационную структуру и персоналии руководителей, отсутствуют как в отечественной, так в зарубежной историографии.

ЦЕЛЬ статьи — проанализировать эволюцию организационной структуры треста «Сибзолото», охарактеризовать профессиональные качества его руководителей, установить, имела ли преемственность в организации золотодобычных работ между трестом «Сибзолото» и предшествовавшими ему золотопромышленными конторами Сибири.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Динамика развития золотодобывающей промышленности Сибири изучается на основе регион-ориентированного подхода, разрабатываемого российскими учеными в рамках теории фронтальной модернизации [14]. Во второй половине 1920-х гг. роль государства в экономике усиливалась и в частности, в золотодобывающей промышленности все предприятия были трестированы, за исключением концессии Лена-Голдфилдс. Трест «Сибзолото» должен был централизованно управлять многими десятками приисков, рассредоточенных на значительных расстояниях, обеспечить поступательное увеличение золотодобычи, но не все важные задачи ему удалось решить. Проводимое исследование базируется, прежде всего, на анализе делопроизводственной документации и личных дел нескольких фондов государственного архива Новосибирской области.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В течение 1920-х гг. в системе советской золотопромышленности сложилось деление предприятий на крупные, средние и мелкие (и соответственно, на крупную, среднюю и мелкую золотопромышленность). К крупными предприятиями золотопромышленности в Сибири в изучаемый период относились тресты союзного и республиканского значения, как например, «Лензолото», «Енисейзолото» и «Алданзолото». К средним предприятиям были отнесены прииски и рудники, имевшие определенное оборудование, например, паровые установки, гидравлики и т. д. Мелкие предприятия не имели подобного оборудования и вели разработки простыми промысловыми устройствами, изготовленными, как правило, подручными средствами. Мелкая золотопромышленность на территории Запад-

ной Сибири была представлена сотнями небольших приисков. К середине 1920-х гг. они находились в ведении нескольких сибирских золотопромышленных контор, которые в свою очередь подчинялись Сибпромбюро (в начале 1926 г. Сибпромбюро было реорганизовано в Сибкрайсовнархоз). Фактически горный отдел Сибпромбюро, наряду с другими функциями, осуществлял оперативное руководство золотодобычей и золотоскупкой на Алтае, в Мариинской тайге и в других золотодобывающих районах. Однако данное управленческое решение, ранее ситуативно оправданное в целях поддержания золотодобычи, пришло в противоречие с правовой системой и ходом развития хозяйственной практики.

В 1925 г. сотрудники «Сибпромбюро» сформулировали тезис о том, что этот регулирующий и наблюдающий орган не должен непосредственно управлять золотопромышленностью, он не может быть на хозрасчете с коммерческим подходом. «Сибпромбюро» стало затруднительно получать кредит в банковских учреждениях, поэтому требовалось провести соответствующее разграничение функций. В результате сибирские краевые органы управления поставили перед Москвой в ВСНХ РСФСР вопрос о создании новой структуры по организации золотого промысла в регионе. В течение 1924–1925 гг. в Новониколаевске (в 1926 г. переименован в Новосибирск) и Москве активно обсуждался выбор между организационно-правовыми формами краевого треста, конторой на правах треста («Сибзолконтора») и управлением мелкой золотопромышленности «Сибпромбюро».

В итоге дискуссий на заседании Сибревкома 29 июля 1925 г. по докладу «Сибпромбюро» был утвержден устав краевого треста «Сибзолото», управляющим трестом назначен К.В. Понько, его заместителем — Н.О. Лемке (Н.О. Лемке, а затем сменивший его А.И. Райхинштейн, являлись представителями Госбанка, который финансировал деятельность треста «Сибзолото»). «Устав о Сибирском тресте средней и мелкой золотопромышленности «Сибзолото» от 29 июля 1925 г. содержал 25 пунктов, объединенных в пять глав (I. «Общее положение», II. «Имущество треста», III. «Органы управления, его права, обязанности, порядок деятельности», IV. «Финансирование Сибзолтреста», V. «Ликвидация треста»). [9, л. 1–4]. Следует отметить, что к данному «Уставу» не был приложен список приисков, передававшихся в состав «Сибзолото», так как, видимо, соответствующая работа все еще продолжалась, а предприятия, отягощенные долгами, руководство треста не хотело принимать в свой состав.

Официальный статус новой организации определялся как «Сибирский государственный трест средней и мелкой золотопромышленности «Сибзолото». Он учреждался под общим руководством ВСНХ РСФСР и в непосредственном подчинении «Сибкрайсовнархоза» с местопребыванием в г. Новониколаевске. Целями деятельности треста «Сибзолото» объявлялись: а) производство добычи золота путем установления артельно-старательских работ, а также мелких хозяйских работ; б) сдача золотосодержащих площадей, отдельных участков и отдельных золотопромышленных предприятий в аренду для разработки, для производства разведок; в) скупка золота. Для управления предприятием «Сибкрайсовнархоз», при согласовании с профсоюзом горнорабочих СССР, сроком на один год назначал управляющего и его заместителя. Управляющий действовал под руководством «Сибкрайсовнархоза», согласно утвержденной инструкции.

Президиум «Сибпромбюро» 24 сентября 1925 г. утвердил производственную программу треста «Сибзолото» на 1925/26 операционный год, приходную и расходную сметы, меры поддержки, одобрил намеченную схему реорганизации золотопромышленных контор и нового районирования предприятий, проведение промышленных разведочных работ. «Сибпромбюро» «нацеливало «Сибзолото» на постепенный переход треста от старательских к организации хозяйственных работ, но «при условии выгоды и разрешения президиума «Сибпромбюро» в каждом отдельном случае такого перехода на том или другом прииске» [12, л. 190].

Наряду с этим горный отдел «Сибпромбюро» хотел снять с себя обременение в виде старательских артелей и арендаторов приисков, которые за 1923–1925 гг. накопили значительные долги (всего на 1 августа 1925 г. за арендаторами числилось выданных ссуд на 107,7 тыс.

руб. при весьма сомнительных перспективах их погашения). Однако руководство треста «Сибзолото», апеллируя к требованию закона, что его деятельность должна быть прибыльной, не хотело принимать на себя подобные обязательства. Так, на заседании комиссии по передаче дел золотопромышленных контор тресту «Сибзолото» от 13 августа 1925 г. управляющий треста К.В. Понько в присутствии начальника горного отдела «Сибпромбюро» Л.А. Скворцова выразил мнение, что трест работает на хозрасчете (в том числе включая и самоокупаемость), а принимая структуры с серьезными долгами, он начинал бы свою деятельность с ущербной позиции. С 1 августа 1925 г. он был готов принять Алтайскую и Иркутскую конторы, а от приемки Красноярской конторы трест хотел воздержаться до выяснения кредитоспособности всех арендаторов и дебиторов. Л.А. Скворцов настаивал, что цель организации треста заключалась в том, чтобы разгрузить горный отдел от ведения коммерческо-хозяйственных функций, поэтому нельзя делить конторы и создавать вместо одного треста две параллельные организации, следовательно, необходимо передать тресту все конторы одновременно. Тем не менее, в этот период, «Сибзолото» удалось добиться того, чтобы арендаторы, которые взяли прииски в аренду до образования треста, в его ведение не передавались.

Для организации добычных работ трест «Сибзолото» использовал территориальный принцип управления. На 1 октября 1925 г. в его составе действовало три районных управления (Мартайгинское, Бирюсинское, Алтайское) и Егорьевский золотоносный район. В дальнейшем организационная структура треста пополнилась новыми территориальными подразделениями (табл. 1).

Таблица 1. Территориальные подразделения треста «Сибзолото»

Наименование предприятий и заведений	Включение в состав «Сибзолото»
Мартайгинское районное управление	С 1 октября 1925 г.
Бирюсинское районное управление	С 1 октября 1925 г.
Алтайское районное управление	С 1 октября 1925 г.
Егорьевское районное управление (первоначально включено как Егорьевский район)	С 1 октября 1925 г.
Балыксинское районное управление	С конца 1926 г.
Саралинское районное управление	В 1927 г.
Абаканское районное управление	В 1927 г.
Уполномоченный по скупке золота в Минусинской системе	В 1927 г.
Уполномоченный по скупке золота в Кельбесской системе	В 1927 г.

Из представленных данных следует, что трест «Сибзолото» начал свою эксплуатационную деятельность в октябре 1925 г. на территориях бывших Алтайской, Томской (реорганизована в Маргруппу в 1924 г.) и Иркутской золотопромышленных контор. Территории, находившиеся в Красноярском крае и на которых ранее вела свою деятельность бывшая Красноярская золотопромышленная контора, частично вошли в состав «Сибзолото» только в 1927 г.

После соответствующей подготовительной работы в распоряжение треста «Сибзолото» было передано 110 приисков по трем районам: в Мартайгинском — 28, в Алтайском — 61, в Бирюсинском — 21 и Егорьевский район «в границах бывшей концессии». Однако при этом реально действовавших приисков насчитывалось только 37, в том числе в Алтайском районе — 25, Мартайгинский район — 4, Бирюсинский район — 8, а Егоро-Салаирский указывался как район без конкретного количества приисков. По данным Томско-Алтайского горного округа на подведомственной ему территории эксплуатируемых приисков на июнь 1926 г. было еще меньше: 14 по Алтайскому и 7 — по Егорьевскому районам [4, л. 17].

К концу 1925 г. оформились его организационная структура и штаты. В правлении треста «Сибзолото» было 9 служащих и 1 сотрудник младшего обслуживающего персонала

(далее — МОП). Районные управления: а) Мартайгинское — 11 служащих и 1 МОП, б) Алтайское — 16 служащих и 7 МОП, в) Иркутское — 11 служащих и 4 МОП, г) в Егорьевском районе — 1 служащий. Итого 48 служащих и 13 чел. МОП [10, л. 15]. Указанные сотрудники координировали работу старательских артелей и осуществляли золотоскупку в соответствующих территориальных подразделениях.

Всего они работали с 69 артелями и 560 старателями, 6 арендаторами и 263 рабочими. В Мартайгинском районе при этом работало 9 артелей и 76 старателей, 2 арендатора и 94 рабочих; в Алтайском районе — 18 артелей и 131 старатель, 3 арендатора и 52 рабочих; в Бирюсинском районе — 28 артелей и 169 старателей, 1 арендатор и 117 рабочих; в Егорьевском районе — 14 артелей и 184 старателя.

Необходимо обратить внимание, что по информации Томско-Алтайского горного округа, трест «Сибзолото» не являлся монополистом в добыче золота в Западной Сибири. Так, в середине 1926 г. помимо треста в этот период на руднике «Берикуль» действовала концессия, прииск «Стефановский» в системе р. Кундат находился в аренде у С.П. Михайлова, прииски «Идеальный» и «Способный» в системе р. Кия в аренде у А.Г. Миронова, прииск «Веро-Надеждинский» в системе р. Яя в аренде у Г.М. Миллера [4, л. 18].

Непосредственно трест «Сибзолото» смог организовать только старательские работы, хотя в «Уставе» предусматривалось развитие золотодобычи хозяйским способом (с оплатой за объемы горных работ, а не за граммы добытого драгметалла). Почти сразу руководство треста отказалось от постановки хозяйских работ на Бирюсинских приисках, так как не было проведено достаточных разведок и подготовительных работ. Более основательную попытку в первой половине 1926 г. предприняли на руднике «Центральный» Мартайги, однако и там вынуждены были отказаться от ведения работ хозяйским способом вследствие того, что рабочие-забойщики не согласились выполнять нормы выработки, утвержденные трестом.

Через один год эксплуатационной работы (на 30 сентября 1926 г.) в системе «Сибзолото» насчитывалось 44 действовавших прииска и, как минимум, 69 находившихся на консервации [11, л. 99–104]. В том числе:

- 1) Алтайский район:
 - а) Кондомская система — 10 действовавших и 14 на консервации,
 - б) Лебедская система — 10 действовавших и 10 на консервации,
 - в) Балыксинская система — 5 действовавших и 8 на консервации;
- 2) Егорьевский район — 7 действовавших объектов;
- 3) Мартайгинский район — 4 действовавших предприятия и 24 на консервации;
- 4) Бирюсинский район — 8 действовавших и 7 на консервации,
- 5) Прибайкальский район — 6 приисков на консервации.

К концу 1926 г. из Алтайского районного управления в самостоятельную организационную единицу была выделена Балыксинская система с непосредственным подчинением тресту. Основной причиной данной меры стали огромные затруднения со стороны аппарата Алтайского районного управления в организации работ на р. Балыксе вследствие удаленности от с. Спасского (резиденции Алтайского управления) более чем на 200 км по малопроезжимой таежной дороге.

В начале 1927 г. последовало очередное расширение территории деятельности треста «Сибзолото». В соответствии с постановлением президиума ВСНХ РСФСР от 28 января 1927 г. из резервного фонда треста «Енисейзолото» подлежали изъятию и передаче в распоряжение «Сибкрайсовнархоза» ряд рудников и приисков. В свою очередь «Сибкрайсовнархоз» передавал их в «Сибзолото». Данное решение мотивировалось тем, что «Енисейзолото» располагал «вполне достаточным эксплуатационным фондом» и без указанных районов золотодобычи, но в свою очередь они обеспечат дальнейшее развитие «Сибзолото». В марте 1927 г. в состав «Сибзолото» вошли Саралинская и Богомдарованная группы, а также система р. Черного Июса с рудником «Знаменитый» [8, л. 1–10].

Очередное пополнение фонда предприятий «Сибзолото» (и также с заделом на будущую эксплуатацию) произошло в апреле 1927 г. На основании соответствующего решения президиума «Сибкрайсовнархоза» с 1 апреля 1927 г. охрана золотого рудника «Берикуль» передавалась тресту «Сибзолото» с правом временного пользования имуществом рудника [3, л. 469]. Ранее данное предприятие находилось в ведении концессии «Штольценберг и К», однако ее деятельность была прекращена. Организационно-правовые аспекты деятельности Берикульского рудника в концессионный период изучал А.А. Рассказимов [15].

В целом к концу 1927 г. (и к завершению деятельности «Сибзолото»), в составе треста насчитывалось семь районных управлений: Мартайгинское, Саралинское, Алтайское, Бирюсинское, Егорьевское, Балыксинское, Абаканское. В Минусинской и Кельбесской системах действовали уполномоченные «Сибзолото» по скупке золота. По данным горного отдела «Сибкрайсовнархоза» в 1926/27 операционном году в ведении «Сибзолото» насчитывалось 496 приисков, из них в эксплуатации находилось лишь 133, или 26,8% от общего количестве предприятий [6, л. 47, 93–94].

Одновременно с рассмотренными событиями, в масштабах всей страны в течение 1927 г. велась активная подготовка по объединению всех золотодобывающих подразделений (за исключением концессий) под главенством Всесоюзного акционерного золотопромышленного общества «Союззолото». Данная мера предусматривала ликвидацию всех государственных золотодобывающих трестов, включая и «Сибзолото». Последнему предписывалось по состоянию на 1 октября 1927 г. передать прииски вновь образованным главным приисковым управлениям по территориальной принадлежности. Процесс ликвидации дел бывшего треста «Сибзолото» затянулся еще и на начало 1928 г., но добычных работ он уже не вел.

По состоянию на январь 1928 г. на территории деятельности бывшего треста «Сибзолото» были образованы Мартайгинское, Минусинское и Саралинское главные приисковые управления, Абаканская и Кузнецкая промышленные конторы (позднее — Абаканское и Кузнецкое отделения), Иркутское агентство. Все эти подразделения перешли в подчинение уполномоченного правления «Союззолото» по Сибири.

Рассмотрев эволюцию организационной структуры треста «Сибзолото», перейдем к анализу деятельности его руководителей. При налаживании работы новой структуры роль ее руководителя приобретает особо важное значение. Однако в случае с трестом «Сибзолото» краевым властям Сибири не удалось обеспечить необходимую стабильность руководящих кадров и за два года функционирования треста «Сибзолото» сменились четыре его управляющих, причем двое из них — в статусе временно исполнявших обязанности (табл. 2).

Таблица 2. Руководители государственного треста краевого значения «Сибзолото»

Фамилия, имя, отчество, должность	Сроки руководства трестом «Сибзолото»
Понько Константин Васильевич — управляющий трестом	5 июля 1925 г. — 17 июня 1926 г.
Гребенников Аркадий Григорьевич — временно исполняющий обязанности должность управляющего трестом (основная должность — заместитель управляющего «Сибзолото»)	После 17 июня 1926 г. и до 19 января 1927 г.
Юрмазов Александр Степанович — временно исполняющий обязанности управляющего трестом (основная должность — заведующий техническим отделом треста «Сибзолото»)	19 января — 11 апреля 1927 г.
Белорусец Виктор Иванович — управляющий трестом	11 апреля 1927 г. — октябрь 1927 г. (и работа по ликвидации дел треста до января 1928 г.)

Первым руководителем треста «Сибзолото» в 31 год стал Константин Васильевич Понько (18 марта 1894–28 октября 1964 г.). Он родился в с. Романовка, Украинской ССР, родные языки — украинский и русский, «был знаком с немецким, французским, латинским, греческим и польским» [13, л. 1–1 об]. Происходил из крестьян, окончил Екатеринославский горный институт и получил квалификацию горного инженера. От службы в годы Первой Мировой войны был освобожден. В каких-либо партиях не состоял. После 1917 г. работал в трудовой армии и на выборных должностях по профсоюзной линии. В 1920 г. стал членом профсоюза горнорабочих. В 1918–1919 гг. — работал на Марковском руднике Донбасса заведующим вентиляцией рудника и помощником управляющего рудником, в 1920–1921 гг. — в Рутченковском государственном кусте Донбасса заведующим паровым хозяйством и коксовыми печами куста, затем заведовал центральной электрической станцией куста и в последствии там же управлял двумя шахтами. В 1921–1922 гг. — начальник Юго-Западного горного округа (УССР), в 1922–1924 гг. — председатель Генсольтреста (Генические соляные промыслы, УССР), в 1924–1925 гг. — в Укрсольтресте (г. Артемовск), заместитель председателя треста. С июля 1925 по июнь 1926 гг. возглавлял трест «Сибзолото». Имел печатные научные работы по полезным ископаемым Правобережной Украины, публиковался в периодической печати по вопросам соляной и золотой промышленности.

К.В. Понько возглавил трест «Сибзолото» по приглашению председателя «Сибпромбюро» А.М. Тамарина. На руководящей должности К.В. Понько энергично отстаивал интересы треста и золотого дела в Сибири. Его работа положительно оценивалась и новым председателем «Сибкрайсовнархоза» Н.Г. Тереховым. Прежде всего К.В. Понько организовал стабильное функционирование треста, установил «правильную производственно-хозяйственную линию» развития золотопромышленности, ввел плановый подход в работу предприятия. План за первое полугодие 1925/26 операционного года трест выполнил на 124,5%, снизились накладные расходы, была восстановлена одна из золоторудных шахт рудника «Центральный», установлены и пущены в эксплуатацию две гидравлики в Алтайском районе. К.В. Понько принял участие в первом Всесоюзном съезде по вопросам золотопромышленности в апреле 1926 г. в Москве, на котором выступил с докладом и был включен в состав редакционной комиссии по публикации материалов съезда. Из невыполненных задач, поставленных перед «Сибзолото» и К.В. Понько, следует назвать неудавшуюся организацию хозяйственных работ на руднике «Центральный».

Обращается на себя внимание активная общественная деятельность К.В. Понько. Он состоял членом бюро по изобретениям при Сибкрайсовнархозе. В ноябре 1925 г. его избрали председателем Новониколаевского бюро инженерно-технической секции профсоюза горнорабочих, а в декабре 1925 г. — заместителем председателя Сибирского краевого оргбюро инженерно-технической секции профсоюза горнорабочих. В конце декабря 1925 г. К.В. Понько был избран народным заседателем от профсоюза горнорабочих в Сибирский краевой суд.

В начале июня 1926 г. К.В. Понько подал личное заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности, так как по состоянию здоровья ему требовался переезд для проживания в более мягких климатических условиях. Это подтверждалось соответствующей медицинской справкой. Вскоре его просьба была удовлетворена. После увольнения из «Сибзолото» (17 июня 1926 г.), дальнейшая трудовая деятельность К.В. Понько неизвестна.

Следующим руководителем «Сибзолото» (в статусе исполняющего пока обязанности) стал Аркадий Григорьевич Гребенников и к настоящему времени о нем выявлено мало информации. Известно, что в 1925 г. он из треста «Енисейзолото» перешел на работу в Сибирский краевой комитет профессионального союза горнорабочих СССР и переехал в Новониколаевск. В декабре 1925 г. он занимал должность заместителя председателя крайкома профсоюза. В документах указывалась его квалификация — горный техник. В 1926 г. он стал членом ВКП(б) [5, л. 15]. На профсоюзной работе А.Г. Гребенников более тесно познакомился

с делами «Сибзолото». Так, например, он принимал личное участие в различных совещаниях и заседаниях по проблемам золотодобычи. Точная дата перехода А.Г. Гребенникова на работу в «Сибзолото» не установлена, но 15 апреля 1926 г. он уже в статусе заместителя управляющего трестом «Сибзолото» выехал в командировку на рудник «Центральный» в Мартайгу. В архивных фондах не встретилось акта приема-передачи дел от К.В. Понько к А.Г. Гребенникову, однако, с большой степенью вероятности, временно исполняющим обязанности управляющего треста «Сибзолото» А.Г. Гребенников стал сразу после 17 июня 1926 г., т.е. после увольнения первого руководителя треста.

В «Сибзолото» А.Г. Гребенников зарекомендовал себя как весьма квалифицированный организатор золотодобычных работ, ему удалось вступить в партию, и как следствие, ВСНХ РСФСР решил направить его на руководящую работу в Казахстан (в Казвостзолото). В этой связи председатель Сибкрайсовнархоза Н.Г. Терехов начал поиск нового кандидата на должность управляющего «Сибзолото». Так 12 ноября 1926 г. он обратился к управляющему «Енисейзолото» С.В. Сергееву с предложением (поддержанном ВСНХ, президиумом Сибкрайсовнархоза и профсоюзом горнорабочих) назначить заместителя управляющего «Енисейзолото» Ф.М. Николенко председателем треста «Сибзолото». В ответ С.В. Сергеев сообщил, что освободить от работы своего заместителя может не ранее декабря 1926 г. и дополнительно уведомил, что последнему поступило предложение работы на Алданских золотых приисках. Еще некоторое время велась соответствующая переписка, однако в итоге Ф.М. Николенко остался в «Енисейзолото», при этом в апреле 1927 г. он был повышен до управляющего данного треста.

Одновременно с этим из Казахстана в декабре 1926 и январе 1927 г. телеграммами настойчиво требовали, чтобы А.Г. Гребенников срочно выехал к ним. Наконец, 19 января 1927 г. А.Г. Гребенников сдал дела по тресту «Сибзолото» А.С. Юрмазову и отправился к новому месту работы, а «Сибкрайсовнархоз» продолжил поиски подходящей кандидатуры руководителя «Сибзолото».

С 19 января по 11 апреля 1927 г. обязанности управляющего «Сибзолото» осуществлял 34-летний заведующий техническим отделом треста «Сибзолото» горный инженер Александр Степанович Юрмазов (1893–1938 гг.). Он родился в г. Мариинске, впоследствии получил образование горного инженера. С 11 апреля 1927 г. он вновь вернулся к руководству техническим отделом треста. После ликвидации «Сибзолото» А.С. Юрмазов в 1928–1931 гг. работал главным инженером и заведующим геолого-маркшейдерским бюро Мартайгинского главного приискового управления, затем трудился в Егоро-Салаирском приисковом управлении, в том числе начальником геолого-маркшейдерского бюро. Ему принадлежит большая заслуга в открытии и освоении Баритового золотоносного месторождения, что вывело Егоро-Салаирское приисковое управление на первое место по добыче золота в системе Запсибзолото. Однако с ужесточением политического режима в 1930-е гг. Гурьевская районная прокуратура, кроме всего прочего выявила, что А.С. Юрмазов в прошлом являлся белым офицером и ранее привлекался к уголовной ответственности. В 1937 г. прокуратура посчитала его «основным вредителем», который в течение 1934–1937 гг. «путал все данные по разведкам» и тем самым поставил Егоро-Салаирское приисковое управление на грань «явного провала» [2, л. 1–2]. 8 декабря 1937 г. А.С. Юрмазов был арестован в Горно-Алтайске, а 29 сентября 1938 г. — расстрелян.

Итак, кандидатура А.С. Юрмазова в качестве постоянного управляющего трестом «Сибзолото» по ряду причин не устраивала краевые власти и поиски продолжились. В начале апреля 1927 г. «Сибкрайсовнархоз» запросил согласия Сибкрайкома ВКП(б), чтобы на должность управляющего «Сибзолото» был назначен Виктор Иванович Белорусец, член ВКП(б) с 1925 г., ранее работавший в г. Красноярске управляющим конторой Промбанка. Одобрение, как представляется, было получено и 11 апреля 1927 г. последовал соответствующий приказ «Сибкрайсовнархоза», а 12 апреля 1927 г. произведена передача ценностей и документов

управления треста «Сибзолото» от А.С. Юрмазова к В.И. Белорусцу. Последний руководитель возглавил трест в 31 год [1, л. 3–9].

В.И. Белорусец родился в 1896 г. в г. Задонске, Воронежской губернии, происхождение — из мещан, образование — три класса городского училища (остальные знания получены, по его утверждению, в результате самообразования). С 1910 г. из-за отсутствия средств прекратил обучение и стал работать конторщиком. В 1915 г. был призван на военную службу. До Февральской революции находился в учебной команде в запасном полку в качестве обучающегося в звании унтер-офицера. После Февральской революции до демобилизации (в конце 1917 г.) занимал выборные должности: члена и председателя полкового комитета, председателя полкового суда и т.п. В 1918–1920 гг. работал в Рязани на финансово-счетных должностях, одновременно занимал ряд выборных должностей «по профессиональной работе до члена губернского Совета профсоюзов включительно». В 1920–1922 гг. трудился в системе снабжения войск внутренней службы и милиции. В июле 1922 г. по собственному желанию переехал из Москвы в Сибирь и работал в Томске. Впоследствии занял должность управляющего Красноярским отделением Промбанка и по причине закрытия этого подразделения 15 марта 1927 г. был откомандирован в распоряжение Сибкрайкома ВКП(б). С апреля 1927 по январь 1928 г. возглавлял трест «Сибзолото» и дела по его ликвидации. После этого с февраля 1928 г. работал в «Сибкрайиздате» в г. Новосибирске, в декабре 1928 г. был утвержден уполномоченным по долгосрочному кредитованию при Сибирской краевой конторе Госбанка. Дальнейшая его деятельность остается неизвестной.

Отметим, что большая текучесть руководителей в изучаемый период наблюдалась в нескольких хозяйственных подразделениях Сибири. Так инспекция ВСНХ РСФСР в 1927 г. в докладе о результатах обследования «Сибкрайсовнархоза» указала, что состав руководителей трестов и предприятий не был устойчив: в «Сиблестресте» сменилось четыре председателя правления, в «Сибкожтресте» — три, «Сибзолото» — четыре и т.д. [7, л. 25].

ВЫВОДЫ. Таким образом, трест «Сибзолото» использовал территориальный принцип организации золотодобычных работ, который применялся и в первой половине 1920-х гг. и будет востребован в последующие десятилетия. В организационном плане трест «Сибзолото» отличался от предшествующих ему золотопромышленных контор большей степенью централизации руководства. Вместе с тем его система управления была не такой жестко централизованной, как впоследствии будет у треста «Запсибзолото».

За период деятельности треста «Сибзолото» (1925–1927 гг.) его территориальное расширение следует признать весьма существенным, особенно в течение 1927-го года. Однако при этом добыча золота в 1926/27 операционном году на 12,7% снизилась по отношению к предыдущему году. То есть это расширение не привело к увеличению добычи золота, на что рассчитывали руководители Сибирского края. Имевшиеся технические, финансовые, кадровые и иные ресурсы «Сибзолото» для резкого подъема добычи драгметалла оказались недостаточными.

Трест «Сибзолото» осуществлял добычу золота только старательским способом, как и предшествующие ему золотопромышленные конторы Сибири, а организовать добычу хозяйским способом ему не удалось (на Бирюсе не приступили, на руднике «Центральный» сравнительно быстро остановили). При этом такая цель указывалась в «Уставе» треста и более настойчиво ставилась «Сибкрайсовнархозом».

Анализ биографий и управленческой деятельности руководителей «Сибзолото» показывает, что трое из них имели относительно молодой возраст для управления золотодобывающим трестом. Так К.В. Понько и В.И. Белорусец возглавили трест «Сибзолото» в 31 год, исполняющему обязанности управляющего А.С. Юрмазову в 1927 г. было 34 года.

К.В. Понько имел высшее горное образование, опыт работы в горной промышленности в Украинской ССР (на добыче угля и соли), но без опыта работы на золотодобыче и в Сибири. А.С. Юрмазов имел высшее горное образование, А.Г. Гребенников — среднеспециальное

горное и оба имели опыт работы на золотодобыче в Сибири. В отличие от трех своих предшественников, В.И. Белорусец перед назначением не имел никакого отношения к горному делу вообще и золотодобыче, в частности.

Уже в этот период важным критерием назначения на руководящую должность являлась принадлежность к коммунистической партии. Если при назначении К.В. Понько в 1925 г. еще удалось не абсолютизировать соблюдение этого требования, то в дальнейшем партийность стала одним из наиболее важных условий занятия руководящей должности. Как представляется, именно данное обстоятельство, обусловило долгие поиски кандидата на пост управляющего трестом, и в итоге назначение работника, не имевшего ни профильного горного образования, ни опыта работы на золотодобыче, но состоявшего в компартии.

Обращает на себя внимание тот факт, что временно исполняющие обязанности управляющего руководили трестом «Сибзолото» 10 из 24 месяцев (с 17 июня 1926 г. по 11 апреля 1927 г.) его полноценной эксплуатационной работы, то есть 41,7% этого времени. Не удалось закрепить на месте А.Г. Гребенникова, которого перевели на работу в Казахстан. Такая частая сменяемость руководителей (четыре управляющих за два года), как представляется, снижала стабильность работы треста «Сибзолото», хотя критических срывов за весь период его деятельности допущено не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАО). Ф. П-2. Оп. 6. Д. 172.
2. ГАО. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 166.
3. ГАО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 313.
4. ГАО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 359.
5. ГАО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 436.
6. ГАО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 904.
7. ГАО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 914.
8. ГАО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1306.
9. ГАО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 7.
11. ГАО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 468.
12. ГАО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 679.
13. ГАО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 1082.
14. Побережников И.В. Азиатская Россия: фронт, модернизации // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 191–203.
15. Рассказимов А.А. Арендно-концессионная политика на Берикульском руднике (1923–1926 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных Сборник материалов четвертой Всероссийской молодежной научной конференции. 2015. С. 169–177.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (dalee — GANO). F. P-2. Op. 6. D. 172. (In Russian).
2. GANO. F. P-3. Op. 14. D. 166. (In Russian).
3. GANO. F. R-22. Op. 1. D. 313. (In Russian).
4. GANO. F. R-22. Op. 1. D. 359. (In Russian).
5. GANO. F. R-22. Op. 1. D. 436. (In Russian).
6. GANO. F. R-22. Op. 1. D. 904. (In Russian).
7. GANO. F. R-22. Op. 1. D. 914. (In Russian).
8. GANO. F. R-22. Op. 1. D. 1306. (In Russian).
9. GANO. F. R-195. Op. 1. D. 2. (In Russian).
10. GANO. F. R-195. Op. 1. D. 7. (In Russian).
11. GANO. F. R-918. Op. 1. D. 468. (In Russian).

12. GANO. F. R-918. Op. 1. D. 679. (In Russian).
13. GANO. F. R-918. Op. 1. D. 1082. (In Russian).
14. Poberezhnikov I.V. *Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizacii* [Asian Russia: frontier, modernization] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2011. T. 96. № 4. S. 191–203. Poberezhnikov I.V. *Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizacii* // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2011. T. 96. № 4. S. 191–203. (In Russian).
15. Rasskazimov A.A. *Arendno-koncessionnaya politika na Berikul'skom rudnike (1923–1926 gg.)* [Lease and concession policy at the Berikul'sky mine (1923–1926)] // *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzglyad molodyh uchyonyh Sbornik materialov chetvertoj Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj konferencii*. 2015. S. 169–177. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.008

УДК 669:94(571.51)''19''

ББК 63.3(2Рос-4Крн)6-2

С.Т. ГАЙДИН,
Г.А. БУРМАКИНА

**НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ В ИСТОРИИ
СТРАНЫ И КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ
И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

S.T. GAIDIN,
G.A. BURMAKINA

**NORILSK NICKEL IN THE HISTORY
OF THE COUNTRY AND KRASNOYARSK KRAI:
ECONOMIC, SOCIAL AND ENVIRONMENTAL
ASPECTS**

Технический прогресс сопровождается потребностью в новых металлах или использовании новых свойств таких известных металлов, как никель, который в XX в. стал применяться в производстве нержавеющей стали, жаропрочных сплавов, брони для танков и другой военной техники. Цель статьи — исследовать политику государства в предвоенный и военный периоды по созданию никелевой промышленности, в том числе, на территории Красноярского края, а также элементы приобретенного опыта освоения природных ресурсов Арктики, которые не утратили своей актуальности в современных условиях. Разработка в 30-е гг. никелевых месторождений за Полярным кругом была обусловлена необходимостью укрепления обороноспособности страны накануне Второй мировой войны. Решение о строительстве Норильского горно-металлургического комбината стало одной из причин создания в декабре 1934 г. самостоятельного Красноярского края. Однако в чрезвычайных условиях надвигающейся войны вся хозяйственная деятельность севернее 62-ой параллели была возложена на Главное управление Северного морского пути, а выполнение строительных и технологических работ на ГУЛАГ НКВД. На территории Красноярского края была развернута система специализированных лагпунктов системы ГУЛАГА, хозяйственная деятельность промышленных и сельскохозяйственных предприятий края, в том числе в районах проживания коренных народов Енисейского Севера, была ориентирована на обеспечение потребностей строительства НГМК. В результате мобилизации всех сил и средств, коллектив Норильского комбината внес весомый вклад в победу советского народа в Великой Отечественной войне. Ввод в эксплуатацию и работа комбината представляют собой конкретный опыт освоения природных ресурсов Арктики, накопленный в экстремальных условиях Заполярья накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Technological progress is accompanied by the need for new metals or the use of new properties of such well-known metals as nickel, which in the twentieth century began to be used in the production of stainless steel, heat-resistant alloys, armor for tanks and other military equipment. The purpose of the article is to explore the policy of the state in the pre-war and war periods to create a nickel industry, including in the Krasnoyarsk Territory, as well as elements of the acquired experience in the development of natural resources of the Arctic, which have not lost their relevance in modern conditions. Development in the 30s. nickel deposits in the Arctic Circle were determined by the need to strengthen the country's defense capability on the eve of World War II. The decision to build the Norilsk Mining and Metallurgical Combine was one of the reasons for the creation of an independent Krasnoyarsk Territory in December 1934. However, in the emergency conditions of the impending war, all economic activities north of the 62nd parallel were entrusted to the Main Directorate of the Northern Sea Route, and the execution of construction and technological works

to the GULAG of the NKVD. A system of specialized GULAG camps was deployed on the territory of the Krasnoyarsk Territory, the economic activities of industrial and agricultural enterprises of the region, including in the areas inhabited by indigenous peoples of the Yenisei North, were focused on meeting the needs of the construction of the NMMC. As a result of the mobilization of all forces and means, the staff of the Norilsk Combine made a significant contribution to the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. The commissioning and operation of the plant represent a specific experience in the development of natural resources of the Arctic, accumulated in extreme conditions of the Arctic on the eve and during the Great Patriotic War.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: никель, Арктика, Главное Управление Северного морского пути (ГУСМП), «Норильсстрой», «Норильлаг», Красноярский край, «никелевый фронт».

KEY WORDS: nickel, Arctic, Main Directorate of the Northern Sea Route (GUSMP), Norilssstroy, Norillag, Krasnoyarsk krai, "nickel front".

ВВЕДЕНИЕ. Указом Президента РФ от 26 октября 2020 года № 645 была утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», в которой обозначены цели, направления, задачи и механизмы реализации арктической политики России [33]. В связи с этим практический интерес представляет история строительства в предвоенный и военный период заполярного Норильского горнометаллургического комбината и производства никеля на нем для нужд оборонной промышленности.

ЦЕЛЬ статьи — исследовать политику государства в предвоенный и военный периоды по созданию никелевой промышленности, в том числе, на территории Красноярского края, а также элементы приобретенного опыта освоения природных ресурсов Арктики, которые не утратили своей актуальности в современных условиях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Вопросы строительства и работы Норильского горнометаллургического комбината в контексте развития цветной металлургии СССР в годы Великой Отечественной войны, освещены в книге наркома цветной металлургии СССР П. Ф. Ломако [20, с. 26, 117]. Для исследования истории строительства и работы комбината мы воспользовались материалами официального сайта ГУФСИН по Красноярскому краю [14] и официального портала Красноярского края [30]. Полезными для исследования оказались подборки архивных материалов по истории НГМК, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края [12] и публикации в Норильской городской газете «Заполярная правда» [21]. Нами введены в научный оборот материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК): Красноярской окружной плановой комиссии Красноярского окружного исполкома (Ф. Р-1301), Таймырского окружного ВКП (б) (Ф. П-28), Туруханского районного комитета ВКП (б) (Ф. П-27), плановой комиссии Красноярского крайисполкома (Ф. Р-1478). В ходе исследования мы обращались к работам историков, специалистов разных отраслей знаний, ссылки на которые приведены в статье.

Для исследования заявленной проблемы нами использована теория модернизации, которую Россия в императорский и первый советский период проходила в догоняющем режиме. Мы согласны с мнением специалиста по проблемам освоения Арктики Н. Ю. Замятиной, которая относит территорию заполярного освоения к территориям фронта. К составляющим фронта она относит экстремальные климатические условия и высокую уязвимость природных систем Таймыра, деление года на период полярного дня и ночи, зависимость Норильска от поставок с материка, особую идеологию сообщества его строителей и жителей, а также другие факторы [15, с. 176, 185, 189]. Мы бы добавили к этому наличие в 30-е гг. заполярной «линии фронта» с высочайшей ответственностью за производство никеля и других металлов для победы над немецко-фашистскими оккупантами.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Никель, который в XIX в. использовался в производстве ювелирных украшений, монет и элитной итальянской сантехники,

на рубеже XIX–XX вв. стал применяться для производства корабельной, а затем и танковой брони.

В годы советской индустриализации возрастала потребность в собственном производстве металлов, имевших оборонное значение. Поэтому в 30-е гг. в Сибири была налажена добыча олова в Читинской области, вольфрама и молибдена в Бурят-Монгольской АССР. Особый спрос возник на никель, который СССР закупал в Канаде, но такая зависимость от зарубежных поставок отрицательно влияла на развитие оборонной промышленности страны [20, с. 26, 117].

Руководство Советского Союза в конце 20-х гг. приняло решение о создании в стране никелевой промышленности. Нарком цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако писал, что никель «стал металлом танковой промышленности», он применялся в производстве артиллерийских стволов, шатунов и коленчатых валов самолетных и танковых двигателей, а в сплаве с медью — в подводных лодках, баках и выхлопных трубах самолетов [20, с. 9].

ВСНХ СССР в 1928 г. принял постановление о строительстве Уфалейского никелевого завода треста «Уралцветмет» в Свердловском округе Уральской области. Строительство, начатое в августе 1931 г., было объявлено Всесоюзной ударной стройкой. В конце октября 1933 г. завод дал первый никель, а в 1934 г. наладил устойчивый выпуск металла. В 1936 г. мощности Уфалейского никелевого завода значительно выросли, так как введенный в эксплуатацию Режский никелевый завод, стал передавать ему полученный штейн для выплавки металлического никеля. Коллектив предприятия начал разработку технологии производства кобальта [34].

В 1934 г. было принято правительственное решение об организации на месторождениях Монче-тундры на Кольском полуострове комбината «Североникель», который располагался на границе Полярного круга в ста километрах по прямой линии от побережья Ледовитого океана. Это был важный шаг в освоении природных богатств российской Арктики и реализации прогностического предвидения М.В. Ломоносова о том, что могущество России будет прирастать Сибирью и Северным океаном.

Комбинат «Североникель» можно было быстро построить из-за относительно близкого расположения промышленных центров и наличия транспортных коммуникаций. С 23 февраля 1939 г. «Североникель» в г. Мончегорске стал поставлять никель предприятиям оборонной промышленности [39, с. 102, 105, 106]. Но комбинат имел высокую уязвимость в случае военных действий из-за близости к финской границе. Как показали дальнейшие события, люфтваффе начали бомбить «Североникель» с первых дней Великой Отечественной войны.

В связи с этим, в качестве альтернативы Североникелю было решено подготовить Норильское месторождение полиметаллических руд за Полярным кругом. Оно было открыто выпускником горного отделения Томского технологического института Н.Н. Урванцевым, который в качестве сотрудника, созданного в 1919 г. Сибирского геологического комитета, был направлен в полярную зону Енисейского Севера для поиска каменного угля, необходимого для судоходства по Северному морскому пути.

Советская власть, установленная в Сибири в начале 1920 г. была заинтересована в продолжении, начатых им исследований. В газете «Красноярский рабочий» мы нашли информацию об отправке в июне 1920 г. экспедиции Н.Н. Урванцева на пароходе в низовья Енисея [40]. Тогда же он открыл первое норильское медно-никелевое месторождение, за которым через несколько лет последовало открытие второго крупного полиметаллического месторождения. За вклад в изучение минеральной базы Заполярья Н.Н. Урванцев в 1932 г. был награжден орденом Ленина и назначен заместителем директора Всесоюзного Арктического института по геолого-геодезической части [11, с. 7].

Руководство Красноярского округа, созданного после организации в 1925 г. Сибирского края, принимало меры по освоению природных, в первую очередь, лесных ресурсов

Енисейского Севера в связи с налаживанием экспорта древесины по Северному морскому пути. В апреле 1927 г. было принято решение окрисполкома об открытии регулярных беспосадочных авиаперелетов из Красноярска в заполярную Дудинку [7]. **В июне 1928 г. Совет труда и обороны СССР принял постановление** «О мероприятиях по усилению экспорта из Сибири через Северный Морской путь», в соответствии с которым за Полярным кругом началось строительство глубоководного Игарского порта и Игарского лесокombината по производству экспортных пиломатериалов [26].

В 1928 г. Красноярский окрисполком обратился с жалобой в Сибирскую плановую комиссию на то, что многочисленные исследовательские экспедиции различных наркоматов и ведомств, работавшие на территории Енисейского севера, не передавали округу материалы, необходимые для развития его производительных сил. Окрисполком просил упорядочить работу экспедиций и обязать их передавать результаты исследований плановым органам округа [9].

В статье, опубликованной в 1932 г. в журнале «Плановое хозяйство», указывалось на бессистемность и разрозненность экспедиционных работ, проводимых в северной части страны [16, с. 174]. Не исключено, что обеспокоенность подобным положением дел побудила СНК СССР и ЦК ВКП (б) в июле 1934 г. принять специальное постановление о развитии Северного морского пути и северного хозяйства. Ответственность за все виды деятельности по изучению и освоению природных ресурсов севернее 62-ой параллели была возложена на Главное Управление Северного Морского пути (ГУСМП). Это постановление передавало ГУСМП для эксплуатации норильские угольные и полиметаллические месторождения треста «Норильскстрой» [27, с. 483, 484]. На территории края ГУСМП были переданы графитовая фабрика, рыбные промыслы и Усть — Портовский рыбный завод.

Решение об освоении вышеуказанных месторождений в полярной зоне бассейна Енисея стало одной из причин организации в декабре 1934 г. самостоятельного Красноярского края. В его первом народнохозяйственном плане на 1935 г. было отмечено, что край находится на этапе перехода от аграрно-индустриальной к индустриальной стадии развития и строительство Норильского полиметаллического комбината, который должен выпускать до 20 тыс. т никеля или почти треть его мирового производства, является важнейшей задачей краевого комитета партии и крайисполкома [10].

Первооткрыватель норильского месторождения Н.Н. Урванцев был утвержден Главным консультантом Горно-геологического управления Главного Управления Северного морского пути. В ноябре 1935 г. Высшая аттестационная комиссия при ЦИК СССР присудила ему ученую степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации.

Необходимость в наращивании производства никеля побудила Наркомат тяжелой промышленности в апреле 1935 г. принять решение о строительстве еще одного предприятия отрасли — Южноуральского никелевого комбината в г. Орске Оренбургской области. Он дал первый никель в феврале 1939 г. и в годы войны являлся основным поставщиком никеля для оборонной промышленности [37, с. 49].

Строительство промышленных и хозяйственных предприятий, жилого фонда в Норильске, как и многих других промышленных объектов СССР, было поручено Главному управлению лагерей НКВД СССР, которое создало «Норильлаг» [28]. Информацию о работе «Норильлага» мы взяли с официального сайта ГУФСИН России по Красноярскому краю. Его материалы свидетельствуют, что на начальном этапе в Норильлаге было организовано пять лагерных пунктов, дислоцированных в Норильске и Дудинке. Количество заключенных в них, которые строили производственные, хозяйственные и жилые объекты Норильска, железную дорогу Дудинка — Норильск, добывали руду и уголь, в период с 1934 г. по 1939 г. выросло с 2-х до 10 тыс. человек.

Затем, были созданы новые лагерные пункты «Норильлага» в п. Подтесово, где производилась зимовка его флота, в Маклаково, где готовились пиломатериалы для Норильска.

В Красноярске работало 8-е отделение «Норильлага», которое занималось отправкой на север людей и, поступавших в адрес стройки машин, оборудования и других грузов.

В Красноярске в 1939 г. был создан специализированный лагерь для строительства аффинажного завода, на котором планировалось наладить извлечение серебра, золота и металлов платиновой группы из концентрата, доставляемого из Норильска.

Лагерные пункты сельскохозяйственного профиля, были расположены в Сухобузимском районе, где выращивали картофель, овощи для продовольственного обеспечения норильчан, овес на фураж для конного парка Норильского комбината, в п. Ильичево в Шушенском районе Красноярского края, где развивали животноводство мясомолочного направления. В Курейском совхозе «Норильлага» было создано большое тепличное хозяйство, в котором выращивали овощи, молочное хозяйство позволяло производить творог и сливочное масло [14]. Таким образом, лагерные пункты «Норильлага» были расположены в разных частях Красноярского края и представляли собой автономную хозяйственную систему, обеспечивающую работу его специализированных подразделений и, в конечном счете, строительство Норильского горно-металлургического комбината.

«Норильлагу» были выделены рыболовные угодья по р. Пясине, которые осваивались силами заключенных. Правления национальных рыболовецких колхозов Таймыра были заинтересованы в заключении договоров с «Норильлагом» на поставки свежей и соленой рыбы [4]. В октябре 1938 г. 4-я Таймырская окружная партийная конференция рекомендовала северным колхозам развивать животноводство и овощеводство для продовольственного обеспечения строителей Норильского комбината [5].

В Туруханском районе, который относился к зоне рискованного земледелия был создан ориентированный на поставки продовольствия сельскохозяйственный кластер, в котором в 1939 г. выращивали: капусту на площади 35 га, картофель на площади 370 га, овес на фураж на площади 737 га. В колхозах и совхозах района держали 2922 лошадей, 5263 КРГ, 1897 овец и 17267 овец [3].

Проводимая в стране в 1937-1938 гг. репрессивная политика государства, которая позже получила название «большого террора», больно ударила по гражданским сотрудникам Норильского комбината. Существует множество версий причин проведения массовых репрессий, высказанных российскими и зарубежными историками и политологами [19; 3]. Российский историк О.В. Хлевнюк, не отрицая других причин, сделал акцент на необходимости консолидации общества в условиях нарастания угрозы мировой войны и повышения трудовой дисциплины работающего населения [29].

Проблемы с выполнением напряженных планов укрепления страны вызывали подозрения в недобросовестном отношении части специалистов к порученному делу и даже саботаже с их стороны. В частности, в Норильске из-за таяния вечной мерзлоты произошло полное разрушение деревянного цеха электролиза никеля, а затем стали разрушаться жилые бараки. При использовании труда заключенных с примитивными орудиями труда не удавалось выдерживать сроки проведения вскрышных работ на месторождении полиметаллических руд и выполнения планов их добычи [23, с. 15].

Так открыватель норильского месторождения полиметаллических руд Н.Н. Урванцев, который в декабре 1937 г. был назначен исполняющим обязанности директора Арктического института, в сентябре 1938 г. был арестован и осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей за «вредительство и участие в контрреволюционной организации». После обращения Н.Н. Урванцева к Верховному прокурору СССР, дело против него было прекращено из-за отсутствия состава преступления. Но в августе 1940 г. произошел повторный арест с вынесением приговора на 8 лет лагерей [11, с. 7].

Важный этап в строительстве комбината был связан с назначением в 1938 г. на должность его начальника А.П. Завенягина, опытного управленца, который в годы второй пятилетки возглавлял Магнитогорский металлургический комбинат и некоторое время работал

заместителем наркома тяжелой промышленности страны. Вопреки проекту, который предусматривал создание в Норильске мощностей по выплавке фанштейна, как промежуточного продукта для выплавки никеля, А.П. Завенягин настоял на организации на комбинате производства никеля, как конечного продукта производства.

В начале мая 1938 г. он подписал приказ о создании в структуре предприятия специализированной проектной конторы, которая затем была преобразована в Проектный отдел комбината [38, с. 19]. 18 июня 1938 г. был образован Горно-металлургический опытно-исследовательский центр комбината [1]. В том же году было начато формирование научно-технической библиотеки комбината, которая начиналась со специальных книг, привезенных с собой инженерами строящегося предприятия [13]. Также был основан Архив комбината, в котором стали накапливаться распоряжения органов управления, делопроизводственная документация и личные дела [32].

На строительстве промышленных объектов стал применяться метод свайного фундирования, при котором сваи фундаментов упирались в скальный грунт, независимо от глубины его залегания. Построенные на сваях дома не соприкасались с поверхностью земли, что позволяло сохранять вечную мерзлоту под ними.

В предвоенном 1940 г. были приняты меры по ускорению строительства металлургического комбината, для чего количество заключенных Норильлага было увеличено до 19575 человек. К началу 1943 г. их количество превысило 30757 человек [14].

Если на строительстве различных объектов и добыче руды работали только заключенные, то к работе на металлургических заводах привлекались специалисты по монтажу и эксплуатации оборудования, численность которых составляла примерно 25% от числа заключенных «Норильлага». Налаживание работы технологических переделов комбината потребовало привлечения вольнонаемных специалистов по обслуживанию оборудования и производству металла. Если в 1938 г. на комбинате работало около 600 вольнонаемных специалистов, то в 1940 г. их численность приблизилась к шести тысячам [12].

К началу Великой Отечественной войны на комбинате было завершено строительство технологического перечня предприятий, включавшего в себя рудные и угольные штольни, опытные обогатительную, агломерационную фабрики и малый металлургический завод. В мае 1941 г. был заложен фундамент трубы Большого никелевого завода, в июне началось строительство корпуса теплоцентрали.

После нападения гитлеровской Германии на СССР строительство Норильского горно-металлургического комбината было объявлено «никелевым фронтом», так как никель был нужен, прежде всего, для танковой и авиационной промышленности. В первый день военных действий начальник Норильского комбината А.А. Панюков приказами по комбинату и «Норильлагу», отменил очередные отпуска, потребовал отозвать из отпусков тех, кто выехал за пределы Норильска, ввел должность дежурного по комбинату и лагерю, который имел право на принятие решений в экстраординарных случаях. Личный состав охраны лагеря была переведен на Устав дисциплинарной службы Красной армии. Для вольнонаемных работников была увеличена продолжительность рабочего дня до 10 часов, а для заключенных, работавших на поверхности земли она была доведена до 12 часов.

Строительные и монтажные работы на комбинате велись круглосуточно, их удалось ускорить за счет доставки в Норильск демонтированного оборудования «Североникеля», оказавшегося в зоне действия немецкой бомбардировочной авиации. Немецкое командование планировало захватить комбинат и наладить на нем производство никеля. Поэтому 26 июня 1941 г. был отдан приказ о вывозе оборудования и к концу августа оно Северным морским путем было доставлено в Дудинку и затем по железной дороге в Норильск. Туда же вместе с семьями было вывезено около четырех тысяч работников «Североникеля», имевших опыт практической работы по производству стратегического металла. Главный инженер кобальтового завода в Мончегорске А. Логинов, возглавил работы по производству

кобальта в Норильске, первая партия которого была выпущена уже после окончания войны в 1946 г.

Для ускорения строительных работ в декабре 1941 г. пришлось налаживать производство цемента на базе местного месторождения известняков. Для кладки 140-метровой трубы никелевого завода в зимних условиях стали использовать электроподогрев, что позволило завершить ее кладку накануне нового 1942 г. 23 февраля 1942 г. была выпущена первая тонна катодного никеля, которого, по расчетам специалистов, должно было хватить на производство 25 танков [21]. По утверждению историка С.А. Липиной, 22 августа 1942 г. на Урале был начат выпуск танков, броня которых была произведена с использованием норильского никеля [18]. В сентябре 1942 г. Норильский комбинат начал разрабатывать рудник «Таймырский», который стал основой его сырьевой базы.

Главное управление Северного Морского пути к началу военных действий с гитлеровской Германией имело аэродромы в Игарке и Красноярске, авиаремонтный завод в Красноярске, полярная авиация обеспечивала регулярные перелеты по линии Красноярск — Диксон [31, с. 156].

С.А. Липина осветила роль морских перевозок в обеспечении Норильского комбината техническими грузами, стройматериалами, а населения северных территорий продовольствием. В частности, в годы войны перевалкой грузов для него занимались, расположенные на территории Красноярского края, порты Диксон, Игарка, Хатанга, Дудинка [18]. К сожалению, по разным причинам, не удавалось обеспечивать завоз строительных материалов, оборудования и продуктов в полном объеме. Так в навигацию 1941 г. из общего количества продуктовых и промышленных товаров было завезено 69% от уровня 1940 г., а в навигацию 1942 г. только 51% от этого уровня [30].

Не исключено, что ввод в навигацию 1942 г. немецких боевых кораблей и подводных лодок в моря Ледовитого океана преследовал не только цель борьбы с союзными морскими конвоями, но и парализацию перевозок в Норильск и из Норильска. В любом случае, в навигацию 1943 г. в Карском море, омывающем северные границы Красноярского края, действовало от пяти до семи немецких подводных лодок [17].

В декабре 1942 г. заключенного Н.Н. Урванцева направили в геологический отдел комбината для организации геологических работ. После освобождения из лагеря, он, в период с марта 1945 г. по декабрь 1946 г. назначался старшим геологом, начальником Геологического управления, Главным геологом Норильского горно-металлургического комбината [11, с. 7].

После выпуска первого никеля металлурги «никелевого фронта» встали на трудовую вахту «Удар по врагу». Но так как никеля, производимого на Уфалейском и Южно-Уральском никелевых предприятиях, было недостаточно для нужд фронта, а на Норильском комбинате производство никеля только начиналось, то Государственный Комитет Обороны в феврале 1942 г. поручил проработать вопрос о восстановлении «Североникеля». ГКО пришел к выводу, что Красная армия сможет не допустить захвата Кольского полуострова немецко-фашистскими войсками. Поэтому были оформлены заявки на поставку по ленд-лизу технологического оборудования из Соединенных Штатов Америки. Восстановительные работы велись под налетами немецкой авиации. Часть специалистов комбината вернулась из Норильска в Мончегорск. В результате проведения восстановительных работ и подготовки кадров, в рафинировочном цехе комбината осенью 1942 г. была налажена выплавка анодов, которые отправлялись в г. Орск для переработки в цехе электролиза никеля [25, с. 90–99].

1943 г. стал критическим для работы Норильского комбината, так как в навигацию на стройку не удалось доставить кирпич, цемент, химикаты. Но благодаря мобилизации всех сил и ресурсов, в Норильске было налажено собственное производство огнеупорного кирпича, цемента, битума, серной кислоты, что позволило наладить выпуск черновой меди и начать подготовку к выпуску кобальта [21].

За годы Великой Отечественной войны комбинат увеличил производство никеля и меди в 12 раз [12]. Специалисты Норильского ГМК подсчитали, что комбинат за этот период выпустил восьмую часть произведённого в стране никеля [21]. В невероятно сложных условиях Заполярья коллектив комбината внес свою весомую лепту в победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками.

Анализируя освоение ресурсов полярной части Сибири в предвоенный и военный период, историк А. Тимошенко, считала, что залогом успеха стало создание Главного управления Северного морского пути, как органа мобилизационного типа с полномочиями наркомата по решению северных проблем, который объединял усилия разных ведомств и организаций по изучению и вовлечению в хозяйственный оборот ресурсов советской Арктики.

Необходимость защиты судоходства на Северном морском пути в целом, и охраны морских конвоев союзников в Арктике потребовала создания и развития Северного морского флота. Эффективность северной политики государства была доказана вкладом хозяйственного комплекса Заполярья в победу СССР в Великой Отечественной войны [31, с. 157, 158, 161]. Исследователь истории ГУСМП П.А. Филин писал, что Управление выступало в роли «материнской» организации, которая создавала и развивала предприятия и затем передавала их в подчинение профильным министерствам и ведомствам [35, с. 261].

Доктор географических наук, профессор А.И. Пилясов выдвинул гипотезу смелости принятия хозяйственных решений в освоении новых территорий и констатировал, что первый период деятельности ГУСМП был периодом предельной смелости в хозяйственных решениях по поводу Арктики, потому что организация получила беспрецедентные полномочия от власти и право принятия экстраординарных решений [24, с. 88].

Ко времени окончания Великой Отечественной войны НГМК уже имел отлаженное производство никеля и меди, которое в 1945–1947 гг. было увеличено в два раза. На рубеже 40–50-х гг. на комбинате был введен в эксплуатацию карьер «Медвежий ручей» с открытой добычей руды, медный и платиновый заводы [6].

В июле 1953 г. рабочий поселок Норильск был преобразован в город. Приказом МВД СССР от 22.08.1956 г. «Норильлаг» был расформирован. В 1961–1964 гг. Норильский комбинат находился в системе Красноярского Совнархоза [36]. Новый импульс развитию НГМК дало открытие в 1960 г., одного из богатейших в мире, Талнахского месторождения полиметаллических руд [22]. Принимались активные меры по устойчивому энергоснабжению Норильского горно-металлургического комбината. В 1970 г. было завершено строительство газопровода Мессояха — Норильск, продолжалось строительство самой северной в мире Усть-Хантайской ГЭС и были начаты подготовительные работы к строительству Курейской ГЭС [8].

Комбинат внес весомый вклад в победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, хотя цена, заплаченная вольнонаемными работниками и, особенно, заключенными «Норильлага» оказалась очень высокой, а уровень нарушения природной среды чрезмерным.

В послевоенный период Норильский горнометаллургический комбинат стал одним из флагманов производства никеля и других металлов в мире, в 50–80-е гг. на комбинате была создана мощная рудная и энергетическая база, из руды извлекалось 14 элементов. Норильск к концу советского периода представлял собой современный город с развитой инфраструктурой, системой образования и здравоохранения, санаториями в комфортных для отдыха регионах страны.

ВЫВОДЫ. Опыт строительства заполярного комбината и города позволяет говорить о возможности использования для освоения природных ресурсов Арктики в современных условиях таких его элементов, как необходимость разработки целевой государственной программы освоения территории, подкрепленной созданием системы управления формированием арктического кластера с особыми полномочиями, адресным финансированием,

созданием логистических схем, транспортных коммуникаций, интеграцией кластера с хозяйственным комплексом административно-территориального образования страны (край, область, республика), на территории которого он расположен, формированием привлекательных для населения условий проживания и социально-культурного обеспечения на экстремальных территориях фронтирного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршавский В.В. Горно-металлургическому опытно-исследовательскому центру Заполярного филиала ОАО «ГМК «Норильский никель» — 65 лет // Цветные металлы. 2003. № 6. С. 24–26.
2. Бабаев Т.З. «Большой террор», как следствие борьбы в ЦК КПСС // Известия СОИГСИ. 2021. 42 (81). С. 44–51.
3. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. П — 27. Оп. 1. Д. 528. Л. 10.
4. ГАК К. Ф. П — 28. Оп. 7. Д. 1. Л. 26.
5. ГАК К. Ф. П — 28. Оп. 7. Д. 1. Л. 35, 36.
6. ГАК К. Ф. П — 26. Оп. 20. Д. 20. Л. 40, 257.
7. ГАК К. Ф. Р — 1301. Оп.1. Д. 9. Л. 28.
8. ГАК К. Ф. Р — 1478. Оп. 3. Д. 972. Л. 3.
9. ГАК К. Ф. Р — 1301. Оп.1. Д. 9. Л.100
10. ГАК К. Ф. Р — 1478. Оп.1. Д.205. Л. 21, 39.
11. Грамберг И.С., Додин Д.А. Выпускник Томского технологического института 1918 г. — великий полярный исследователь Николай Николаевич Урванцев (1893–1985 гг.) // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2002. С. 6–21.
12. Дворецкая А.П. Часть 1. Норильск и Норильский комбинат в документах Государственного архива Красноярского края: 1930–1992 годы. URL: [gosudarstvennyi-arkh/nauchno-spravochnyi-apparat/obzory-fondov/222](https://gosudarstvennyi-arkh-nauchno-spravochnyi-apparat/obzory-fondov/222) (дата обращения: 1.12. 2024).
13. Донченко Е. Вначале было слово // Цветные металлы. 2003. № 5. С. 94–96.
14. За полярным кругом// Официальный сайт ГУФСИН России по Красноярскому краю. URL: <https://24.fsin.gov.ru/history/2.php?month=9&year=2017> (дата обращения: 1.12. 2024).
15. Замятина Н.Ю. Норильск — город фронта // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 167–192.
16. Капитонов И. и Славин С. Проблемы освоения Севера во второй пятилетке // Плановое хозяйство. 1932. № 3 июль. С. 168–189.
17. Корякин В.С. Взаимодействие Северного флота и Главсевморпути в 1941–1945 гг.// Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2015. С. 99–106.
18. Липина С.А. Хозяйственные системы Советской Арктики в годы Великой Отечественной войны как один из факторов обеспечения Победы // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2015. С 125–131.
19. Литвин А.Л., Сальникова А.А. Проблема сталинского террора в новейших зарубежных исследованиях // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. 2011. № 3. С 153–164.
20. Ломако П.Ф. Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. М.: Металлургия, 1985. 286 с.
21. Норильск — фронту. Как закалялся никель // Заполярная правда. URL: <https://gazetazp.ru/special/norilsk-frontu/kak-zakalialsja-nikel.html> (дата обращения: 1.12. 2024).
22. Освоение Талнахского месторождения. Официальный портал Красноярского края. URL: <http://200eg.krskstate.ru/200facts/0/id/61160> (дата обращения: 1.12. 2024).
23. Пахомов П.С. Исторический опыт геологического исследования и строительства фундаментов на примере г. Норильск //Архитектура и дизайн. 2021. № . 2. С. 12–18.
24. Пилясов А.Н. Смелость хозяйственных решений и современное освоение Арктики.//Арктика и Север. 2020. № . 40. С. 82–106.
25. Позняков В.Я. Североникель: (страницы истории комбината «Североникель»). М.: Руда и металлы, 1999. 428 с.

26. Постановление Совета Труда и Оборона «О мероприятиях по усилению экспорта из Сибири через Северный Морской путь». URL: <https://exponat-online.ru/exhibit/14241214> (дата обращения: 1.12. 2024).
27. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б), 20 июля 1934 г. «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства (Извлечение)». //Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. Т. 2. 1929-1940 — М.: Политиздат, 1967. С. 481-486.
28. Приказ НКВД СССР № 00239 «Об организации строительства Норильского никелевого комбината». 25 июня 1935 г. // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/48758-prikaz-nkvd-sssr-00239-ob-organizatsii-stroitelstva-norilskogo-nikelevogo-kombinata-25-iyunya-1935-g> (дата обращения: 1.12. 2024).
29. Причины «большого террора». Историк Олег Хлевнюк о мотивах, мифах и последствиях репрессий 1937-1938 гг. // Ведомости 2017. 6 июля URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/06/712528-bolshogo-terrora> (дата обращения: 1.12. 2024).
30. Ссылки, каторги и лагеря // Официальный портал Красноярского края. URL: <http://www.krskstate.ru/about/history/0/id/14825> (дата обращения: 1.12. 2024).
31. Тимошенко А.И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930 1950-е гг. // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 150-168.
32. Толстов В. Хранилище памяти // Норильский никель. 2008. № 2 (41) март-апрель. С. 22-23.
33. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. N 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 1.12. 2024).
34. Уфалейникель, ОАО. 75 лет со дня ввода в строй 2 августа 1933. URL: https://chelreglib.ru/media/files/dl/el_izdan/kalend2008/ufaleinik.htm(дата обращения: 1.12. 2024).
35. Филин П.А. Главное управление Северного морского пути в истории управления Арктикой // «Полярные чтения — 2019». Вопросы управления. С. 237-261.
36. Фонд № . Р-11. Открытое акционерное общество «Норильский горно-металлургический комбинат им А.П. Завенягина» Историческая справка. URL: <https://alertino.com/ru/316553> (дата обращения: 1.12. 2024).
37. Хроника Оренбургской области / Ком. По делам арх. Оренбургской обл.: [отв. Сост.: В.Ф. Петрунь; под общ. ред. С.М. Муромцевой]. Оренбург: Димур, 2009. Т. I. 1934-1990. 305 с.
38. Цветные металлы. 2003. № 5.
39. Шолохнев В.В. Раскрывая архивы. К истории открытия В.К. Котульским месторождения богатых медно-никелевых руд Ниттис-Кумужья-Травяная (Мончегорский рудный район, Кольский полуостров). К 140-летию В.К. Котульского // Региональная геология и металлогения. 2019. № 79. С. 98-111.
40. Экспедиция в устье р. Енисей // Красноярский рабочий. 10 июня 1920. № 122.

REFERENCES

1. Arshavskij V.V. *Gorno-metallurgicheskomu opytно-issledovatel'skomu centru Zapolyarnogo filiala ОАО «ГМК «Норильский никель» — 65 лет* [The Mining and Metallurgical Experimental Research Center of the Polar Branch of OJSC MMC Norilsk Nickel is 65 years old]// *Cvetnye metally*. 2003. No. 6. S. 24-26. (In Russian).
2. Babaev T.Z. «*Bol'shoj terror*», *kak sledstvie bor'by v CK KPSS* [“The Great Terror” as a consequence of the struggle in the Central Committee of the CPSU] // *Izvestia SOIGSI*. 2021. 42 (81). S. 44-51. (In Russian).
3. GAKK (Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja). F. P — 27. Op. 1. D. 528. S. 10. (In Russian).
4. GAK K. F. P. — 28. Op. 7. D. 1. S. 26. (In Russian).
5. GAK K. F. P. — 28. Op. 7. D. 1. S. 35, 36. (In Russian).
6. GAK K. F. P. — 26. Op. 20. D. 20. S. 40, 257. (In Russian).

7. GAK K. F. R. — 1301. Op. 1. D. 9. S. 28. (In Russian).
8. GAK K. F. R. — 1478. Op. 3. D. 972. S. 3. (In Russian).
9. GAK K. F. R. — 1301. Op. 1. D. 9. S. 100. (In Russian).
10. GAK K. F. R. — 1478. Op. 1. D. 205. S. 21, 39. (In Russian).
11. Gramberg I.S., Dodin D.A. *Vypusknik Tomskogo tekhnologicheskogo instituta 1918 g. — velikij polyarnyj issledovatel' Nikolaj Nikolaevich Urvancev (1893–1985 gg.)* [Graduate of Tomsk Technological Institute of 1918 — great polar explorer Nikolai Nikolaevich Urvantsev (1893–1985)] // *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov*. 2002. S. 6–21. (In Russian).
12. Dvoreckaya A.P. *Chast' 1. Noril'sk i Noril'skij kombinat v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Krasnoyarskogo kraya: 1930–1992 gody*. [Part 1. Norilsk and Norilsk Combine in the documents of the State Archives of Krasnoyarsk Krai: 1930–1992] // URL: [gosudarstvennyi-arkh/nauchno-spravochnyi-apparat/obzory-fondov/222](https://24.fsin.gov.ru/history/2.php?month=9&year=2017). (data obrashheniya: 1.12. 2024). (In Russian).
13. Donchenko E. *Vnachale bylo slovo* [In the Beginning Was the Word] // *Cvetnye metally*. 2003. No. 5. S. 94–96. (In Russian).
14. *Za polyarnym krugom* [Beyond the Arctic Circle] // Oficial'nyj sajt GUFsin Rossii po Krasnoyarskomu krayu // <https://24.fsin.gov.ru/history/2.php?month=9&year=2017>. (data obrashheniya: 1.12. 2024). (In Russian).
15. Zamyatina N. Yu. *Noril'sk — gorod frontira* [Norilsk — a frontier city] // *Vestnik Evrazii*. 2007. No. 1 (35). S. 167–192. (In Russian).
16. Kapitonov I. i Slavin S. *Problemy osvoeniya Severa vo vtoroj pyatiletke* [Problems of the Development of the North in the Second Five-Year Plan] // *Planovoe hozyajstvo*. 1932. No. 3 July. S. 168–189. (In Russian).
17. Koryakin V.S. *Vzaimodejstvie Severnogo flota i Glavseморputi v 1941–1945 gg.* [Interaction of the Northern Fleet and the Main Sea Route in 1941–1945] // *Polyarnye chteniya na ledokole «Krasin»*. 2015. S. 99–106. (In Russian).
18. Lipina S.A. *Hozyajstvennye sistemy Sovetskoj Arktiki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny kak odin iz faktorov obespecheniya Pobedy* [Economic systems of the Soviet Arctic during the Great Patriotic War as one of the factors ensuring Victory] // *Polyarnye chteniya na ledokole «Krasin»*. 2015. S. 125–131. (In Russian).
19. Litvin A.L., Sal'nikova A.A. *Problema stalinskogo terrora v novejsih zarubezhnyh issledovaniyah* [The Problem of Stalin's Terror in the Latest Foreign Research] // *Rossiya i sovremennyy mir: Problemy. Mneniya. Diskussii. Sobytiya*. 2011. No. 3. S. 153–164. (In Russian).
20. Lomako P.F. *Cvetnaya metallurgiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Non-ferrous Metallurgy during the Great Patriotic War] // M.: Metallurgiya, 1985. 286 s. (In Russian).
21. *Noril'sk — frontu. Kak zakalyalsya nikel'* [Norilsk — to the front. How nickel was tempered] // *Zapol'yarnaya Pravda* <https://gazetazp.ru/special/norilsk-frontu/kak-zakalysja-nikel.html> (data obrashheniya: 1.12. 2024) (In Russian).
22. *Osvoenie Talnakhskogo mestorozhdeniya* [Development of the Talnakh deposit] Oficial'nyj portal Krasnoyarskogo kraya. // URL: <http://200eg.krskstate.ru/200facts/0/id/61160>. (data obrashheniya: 1.12. 2024) (In Russian).
23. Pahomov P.S. *Istoricheskij opyt geologicheskogo issledovaniya i stroitel'stva fundamentov na primere g. Noril'sk* [Historical experience of geological survey and foundation construction on the example of Norilsk] // *Arhitektura i dizajn*. 2021. No. 2. S. 12–18.
24. Pilyasov A.N. *Smelost' hozyajstvennyh reshenij i sovremennoe osvoenie Arktiki* [Courage of economic decisions and modern development of the Arctic] // *Arktika i Sever*. 2020. No. 40. S. 82–106. (In Russian).
25. Poznyakov V. Ya. *Severonikel': (stranicy istorii kombinata «Severonikel'»)* [Severonikel: (pages from the history of the Severonikel plant)]. M.: Ruda i metally, 1999. 428 s.
26. *Postanovlenie Soveta Truda i Oborony «O meropriyatiyah po usileniyu eksporta iz Sibiri cherez Severnyj Morskoy put'»* [Resolution of the Council of Labor and Defense “On measures to strengthen exports from Siberia via the Northern Sea Route”] // <https://exponat-online.ru/exhibit/14241214>. (data obrashheniya: 1.12. 2024) (In Russian).

27. *Postanovlenie Sovnarkoma SSSR i CK VKP (b), 20 iyulya 1934 g. "O meropriyatiyah po razvitiyu Severnogo morskogo puti i severnogo hozyajstva (Izvlечение)"* [Resolution of the USSR Council of People's Commissars and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b), 20 July 1934 On measures for the development of the Northern Sea Route and the northern economy (Extract)] // *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam V 5 t. T.2. 1929–1940* — M.: Politizdat, 1967. S. 481–486. (In Russian).
28. *Prikaz NKVD SSSR № 00239 «Ob organizacii stroitel'stva Noril'skogo nikelovogo kombinata»*. 25 iyunya 1935 g. [Order of the NKVD of the USSR No. 00239 'On Organising the Construction of the Norilsk Nickel Combine'. 25 June 1935] // <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/48758-prikaz-nkvd-sssr-00239-ob-organizatsii-stroitelstva-noril'skogo-nikelovogo-kombinata-25-iyunya-1935-g>. (data obrashheniya: 1.12. 2024) (In Russian).
29. *Prichiny «bol'shogo terrora»*. Istorik Oleg Hlevnyuk o motivah, mifah i posledstviyah repressij 1937–1938 gg. // *Vedomosti* 2017. 6 iyulya [Causes of the "Great Terror". Historian Oleg Khlevnyuk on the motives, myths and consequences of the repressions of 1937–1938] // *Vedomosti* 2017. July 6 <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/06/712528-bolshogo-terrora>. (data obrashheniya: 1.12. 2024) (In Russian).
30. *Ssylki, katorgi i lagerya* [Links, penal servitude and camps] // Oficial'nyj portal Krasnoyarskogo kraja // <http://www.krskstate.ru/about/history/0/id/14825>. (data obrashheniya: 1.12. 2024) (In Russian).
31. Timoshenko A.I. *Sovetskij opyt mobilizacionnyh reshenij v osvoenii Arktiki i Severnogo morskogo puti v 1930–1950-e gg* [Soviet experience of mobilization decisions in the development of the Arctic and the Northern Sea Route in the 1930s–1950s] // *Arktika i Sever*. 2013. No. 13. S. 150–168. (In Russian).
32. Tolstov V. *Hranilishche pamyati* [Memory repository] // *Noril'skij nikel*. — 2008. — No. 2 (41) Mart-Apr'el'. S. 22–23. (In Russian).
33. *Ukaz Prezidenta RF ot 26 oktyabrya 2020 g. N 645 "O Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2035 goda" (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [Decree of the President of the Russian Federation of 26 October 2020 N 645 'On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and National Security until 2035' (with amendments and additions)] // <https://base.garant.ru/74810556/> (data obrashheniya: 1.12. 2024). (In Russian).
34. *Ufalejnikel', OAO. 75 let so dnya vvoda v stroj 2 avgusta 1933* [Ufaleynickel, OJSC. 75 years since commissioning on 2 August 1933] // https://chelreglib.ru/media/files/dl/el_izdan/kalend2008/ufaleinik.htm. (data obrashheniya: 1.12. 2024). (In Russian).
35. Filin P.A. *Glavnoe upravlenie Severnogo morskogo puti v istorii upravleniya Arktikoj* [Main Directorate of the Northern Sea Route in the history of Arctic management] // 'Polar Readings — 2019'. Management issues. S. 237–261. (In Russian).
36. *Fond № . R-11. Otkrytoe akcionernoe obshchestvo «Noril'skij gorno-metallurgicheskij kombinat im A.P. Zavenyagina» Istoricheskaya spravka* [Fund no. P-11. Open Joint Stock Company 'Norilsk Mining and Metallurgical Plant named after A.P. Zavenyagin' Historical information] // <https://alertino.com/ru/316553>. (data obrashheniya: 1.12. 2024) (In Russian).
37. *Hronika Orenburgskoj oblasti* [Chronicle of the Orenburg Oblast] / Kom. Po delam arh. Orenburgskoj obl.: [otv. Sost.: V.F. Petrun': pod obshch. red. S.M. Muromcevoj]. Orenburg: Dimur, 2009. T. I. 1934–1990. 305 s.
38. *Cvetnye metally* [Non-ferrous metals]. 2003. № 5. (In Russian).
39. Sholohnev V.V. *Raskryvaya arhivy. K istorii otkrytiya V.K. Kotul'skim mestorozhdeniya bogatykh medno-nikelevykh rud Nittis-Kumuzh'ya-Travyanaya (Monchegorskij rudnyj rajon, Kol'skij poluoostrov). K 140-letiyu V.K. Kotul'skogo* [Revealing the archives. To the history of V.K. Kotulsky's discovery of rich copper-nickel ore deposit Nittis-Kumuzha-Travyanaya (Monchegorsk ore district, Kola Peninsula). To the 140th anniversary of V.K. Kotulsky] // *Regional'naya geologiya i metallogeniya*. 2019. № 79. S. 98–111.
40. *Ekspediciya v ust'e r. Eniseya* [Expedition to the mouth of the Yenisei River] // *Krasnoyarskij rabochij*. 10 iyunya 1920. № 122. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.009

УДК 662.7:94(571.1)»19»

ББК 63.3(253.3)632-2

Е.В. БОДРОВА,
В.В. КАЛИНОВ**НАЧАЛО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ
НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОВИНЦИИ:
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ**E.V. BODROVA,
V.V. KALINOV**THE BEGINNING OF THE DEVELOPMENT
OF THE WEST SIBERIAN OIL AND GAS
PROVINCE: ALTERNATIVE APPROACHES**

На основе в настоящее время рассекреченных архивных документов исследуется проблема существования различных подходов к освоению Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Доказано, что в действительности существовало несколько вариантов освоения Западной Сибири, и в условиях осложнившейся экономической ситуации в СССР в начале 1960-х гг. центральным партийно-государственным органам следовало срочно определиться с приоритетами. Формулируется вывод о том, что во многом энергия и предприимчивость сторонников форсированных темпов создания мощного нефтегазового комплекса в этом регионе предопределило выбор стратегии. Изученные опубликованные и архивные документы свидетельствуют не только об особом внимании, которое стало уделяться в этот период властными органами нефтедобывающим отраслям, но и позволяют определить механизмы реализации масштабных проектов, факторы, влиявшие на выбор курса, рассмотреть позитивные и негативные последствия.

Based on currently declassified archival documents, the problem of the existence of various approaches to the development of the West Siberian oil and gas province is being investigated. It is proved that in reality there were several options for the development of Western Siberia, and in the conditions of the complicated economic situation in the USSR in the early 1960s, the central party and state bodies urgently needed to determine priorities. The conclusion is formulated that, in many ways, the energy and entrepreneurial spirit of supporters of the accelerated pace of creating a powerful oil and gas complex in this region predetermined the choice of strategy. The studied published and archival documents indicate not only the special attention that the authorities began to pay to the oil-producing industries during this period, but also allow us to determine the mechanisms for implementing large-scale projects, the factors that influenced the choice of course, to consider the positive and negative consequences.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Западно-Сибирская нефтегазовая провинция, альтернативы развития, нефтегазовый комплекс, форсированное освоение.

KEY WORDS: West Siberian oil and gas province, development alternatives, oil and gas complex, accelerated development.

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования определяется особым значением нефтегазового фактора в отечественной истории последних десятилетий. Формирование нефтегазового комплекса стало одним из грандиозных общенациональных проектов, реализуемых в позднесоветский период. Ряд сюжетов, связанных с формированием мощного нефтегазового комплекса (НГК) страны в 1960-1970-е гг., требует более пристального, основанного на ставших к настоящему времени доступными архивных документов. Целый ряд проблем, связанных с освоением Западной Сибири в эти годы, освещен в публикациях последних лет [7]. Так, М.В. Славкиной, на наш взгляд, совершенно справедливо характеризуются принятые властью

решения в отношении форсированного освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (ЗСНГП) как вынужденные, обусловленные необходимостью решения задач дальнейшей модернизации [19, с. 5–48]. В.П. Карпов в целом негативно оценивает выбранный руководством курс, основанный на принципе «максимум добычи — минимум подготовленных условий», объясняя ставку на подобную стратегию склонностью экономической системы к экстенсивному саморасширению [4, с. 34].

Представляет интерес и проблема противоборства альтернативных подходов к социально-экономическому развитию региона. Так, Е.А. Хромовым рассматривались варианты руководства Тюменской области (форсированное становление НГК) и Томской области (осуществление горно-металлургических проектов) [21, с. 26].

Напомним, что И.М. Губкин пытался привлечь внимание руководства страны еще в 1931 г., но лишь в 1948 г. была создана Тюменская нефтеразведочная экспедиция. Была подтверждена возможность добычи нефти и газа в северной части Западно-Сибирской низменности уже в начале 1950-х гг. [8, с. 72–73]. Однако точку в дискуссиях поставило открытие в 1953 г. знаменитого Березовского месторождения [1, с. 268].

Согласимся с исследователями, настаивающими на вынужденном характере принятых руководством страны решений об ускоренных темпах освоения ЗСНГП. В начале 1960-х гг. снизились темпы прироста добычи в прежних районах, обнадеживали возможности экспорта углеводородов, одновременно увеличивались потребности в сырье экономики, и углеводородов [5, с. 232]. Одновременно возрастали потребности промышленности и транспорта, перспективными представлялись и планы в отношении экспорта.

ЦЕЛЬ. На основе рассекреченных архивных документов исследовать вопрос о существовании в 60-е гг. прошлого столетия различных подходов по освоению Западно-Сибирской нефтегазовой провинции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Значительное количество рассекреченных в настоящее время документов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), и прежде всего фонда аппарата ЦК КПСС — докладные записки, отчеты, выступления крупных ученых, руководителей научных учреждений, отдельных чиновников, отвечающих за экономическое развитие страны, дают возможность более полно рассмотреть вопрос о принятии решений, связанных со становлением Западно-Сибирского нефте-газового комплекса.

Методологической базой исследования является теория модернизации. В ряду определяющих особенности российской модели модернизации нами выделяется так называемый нефтегазовый фактор.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Промышленное освоение открытых в Западной Сибири нефтяных и газовых месторождений началось на рубеже 1963–1964 гг., когда 4 декабря 1963 года было утверждено специальное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1208 [10], согласно которому создавалось объединение «Тюменнефтегаз». Это событие стало вехой в эволюции государственной нефтегазовой политики СССР. Одним из значимых факторов для изменения курса, интенсификации формирования мощного нефтегазового комплекса страны стала, действительно, весьма сложная ситуация в экономике.

Об этом свидетельствует целый ряд документов и материалов. Так, 28 августа 1964 г. в ЦК КПСС и Совет Министров СССР руководство Госплана СССР были направлены план развития народного хозяйства на 1966–1970 гг. и сопровождающий этот документ доклад, в котором констатировались серьезные проблемы и трудности в экономике, отставание по многим показателям от США. В частности, по производительности труда, производству нефти (55% по сравнению с США) и газа (22%) [13, л. 102, 104]. В докладе обосновывались выводы о невозможности выполнить плановые задания в 1970 г. [13, л. 20–21].

Для достижения намеченных в 1961 г. целей следовало срочно определить приоритеты, обеспечить перераспределение средств, использовать оптимальные механизмы для реализации первоочередных задач. Очевидной становилась необходимость улучшения структуры

топливного баланса страны, обеспечения высоких темпов развития нефтегазовой промышленности [13, л. 35]. Это требовало и ввода новых мощностей, и активизации работ по освоению месторождений на Кавказе, в Урало-Поволжье, и роста добычи в Азербайджане и в Средней Азии [13, л. 130].

Но главным в этой связи оставался дискуссионным вопрос об оптимальном перераспределении средств: в пользу ли традиционных сырьевых баз с несомненно более благоприятными климатическими условиями [2], либо направление колоссальных затрат на освоение Севера. Сторонником первого варианта был Н.К. Байбаков предлагавший добывать газ прежде всего в Средней Азии, отложив на некоторое время планомерную разработку ЗСНГП [1, с. 280]. Сторонниками ускоренной индустриализации региона уже в середине 1960-х гг. стали министр газовой промышленности А.К. Коротунов, министр нефтяной промышленности В.Д. Шашин, министр геологии А.В. Сидоренко и руководство Тюменского обкома. Они предлагали концентрацию всех ресурсов на самых крупных месторождениях, используя вахтовый методы работы [18, с. 73], корректируя ценовую политику [6], расширяя экспорт [18, с. 146-147].

Документы свидетельствуют об определенных разногласиях между ведомственными и региональными группами, проявившихся, в частности, на Всесоюзном совещании геологов, состоявшемся 24-26 февраля 1965 г. В их основе была борьба за перераспределение основных капиталовложений. Особо активным отстаиванием своей позиции отличалось партийно-хозяйственное руководство Тюменской области [9, с. 195-204; 21].

Частью выступавших предлагался комплексный подход к освоению Западной Сибири, предусматривающий опережающее строительство нефтеперерабатывающих предприятий и производственных баз, масштабное развитие транспорта.

Но в 1965 г. объединение «Тюменнефтегаз» преобразовывалось в главк — Главтюменнефтегаз под руководством В.И. Муравленко, для которого главным приоритетом стали темпы. Уже в 1965 г. Тюмень уже дала первый миллион тонн нефти, во многом благодаря по запасам уникальным месторождениям [21]. Темпы и масштабы работ были невиданными в мировой практике. Это потребовало огромных ресурсов и напряжения сил всей страны.

В этой связи представляют значительный интерес разработанные М.В. Славкиной имитационные модели, которые доказывают, что реализация первого варианта привела бы к серьезным сложностям в экономике в СССР уже в 1970-х гг. [20, с. 192].

Так или иначе стратегия была определена на XXIII съезде КПСС: «Считать важнейшей задачей создание новых нефте- и газодобывающих центров в Западной Сибири, Западном Казахстане и значительное увеличение добычи нефти в старых нефтедобывающих районах» [23, с. 234]. Решение этой задачи потребовало усилий всей страны, предопределив во многом судьбу реформы середины 1960-х гг. [3, с. 460].

Тем не менее, уже к 1965 г. в ЗСНГП было открыто 29 нефтяных и 26 газовых месторождений, причем 80% из них — в Тюменской области [1, с. 284]. Цели достигались, несмотря на то, что в этот период ощущался острый дефицит кадров, жилья, строительных материалов, оборудования и дорог.

Об этих и других проблемах писал в ЦК КПСС 12 января 1967 г. министр нефтедобывающей промышленности СССР В.Д. Шашин. В частности, весьма эмоционально он описывал ситуацию, связанную с паводковыми водами, которые затапливали значительную часть этой территории в весенне-летний период, дефицит запасов камня, глины и песка, отсутствие опыта работы в подобных условиях [14, л. 1], что обусловило невозможность использования большей части используемых ранее организационно-технических решений. Министр признавал, что при составлении проектов оказалось, что для завершения строительства того или иного объекта требовалось средств в 3 раза больше, чем в регионах Урало-Поволжья. Однако Госпланом сумма капитальных вложений с 1966 по 1970 гг. была определена на 388 млн руб. меньше. В этой ситуации министр, признавая наличие различных подходов к решению этой проблемы, предложил найти такие организационные и технические решения, которые

позволили бы добиться намеченного и позволили бы за малые средства получать больше нефти и газа в регионе. Одновременно им были названы и весьма трудно выполнимые условия реализации планов: строительство целой сети автодорог, дамб, способных защитить от паводковых вод, 7–8 городов и рабочих поселков, решение кадровой проблемы и др. Все это требовало огромных средств. В.Д. Шашин предлагал использовать опыт Канады, прежде всего такие методы как закачка воды в пласт, обеспечение надежности промышленного оборудования, средств автоматики, создание системы централизованного диспетчерского управления, строительство гравийных дорог, широкое внедрение вездеходного транспорта, прокладка трубопроводов зимой, вахтовый метод работы и др. Особый акцент министр делал на необходимости закупки по импорту вездеходов, различного оборудования, средств автоматики и диспетчерской системы управления. Стоимость оборудования для двух промыслов оценивалась им примерно 5 млн долларов. На полях документа содержался комментарий о том, что 4 марта 1967 г. было принято соответствующее Постановление ЦК КПСС.

Изученные архивные документы подтверждают, что многое из рекомендованного министром было внедрено в практику. Особую ценность эти нововведения представляли для освоения севера Тюменской области. Еще в 1965 г. Министерство Геологии СССР доложило Правительству о геологических предпосылках открытия крупных газовых месторождений этого региона и необходимости организации там поисковых и геологоразведочных работ с целью создания нового газодобывающего района страны. За кратчайшие сроки силами Главного Тюменского производственного геологического управления были открыты и разведаны крупнейшие по запасам месторождения природного газа — такие как Уренгойское, Заполярное, Медвежье, Губкинское и ряд других. С открытием и разведкой газовых месторождений на севере Тюменской области наша страна по разведанным запасам газа вышла на первое место в мире.

Министерства геологии докладывало, что с целью оценки продуктивности меловых и юрских отложений, залегающих ниже газоносных горизонтов, на крупных месторождениях природного газа на севере области были заложены 11 поисковые скважины, в результате бурения которых удалось получить высокодебитные фонтаны высококачественной нефти на Губкинском и Варьеганской площадях и вскрыть нефтеносные пласты на Уренгойской площади [17, л. 91]. Подобным образом были получены более убедительные геолого-геофизические материалы, чем тогда, когда начинали поиски и разведку газовых месторождений на этих территориях. Данные свидетельствовали о том, что на севере Тюменской области от 62° северной широты и далее к Полярному кругу и к Карскому морю, реально могли быть открыты крупнейшие по запасам нефтяные и газоконденсатные месторождения, что позволяло создать здесь новую крупную сырьевую базу нефтедобывающей и нефтехимической промышленности страны.

По поручению Министерства экспертами была осуществлена оценка прогнозных запасов нефти этого района. По предварительным данным прогнозные геологические запасы нефти составляли не менее 50 млрд т, а прогнозные геологические запасы нефти, содержащиеся в структурах, залегающих под 10 газовыми месторождениями, — не менее 11–12 млрд т [17, л. 92].

В августе 1967 г. Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых при Совете Министров СССР рассмотрела и утвердила с правом разработки запасов Мамонтовского и Южно-Балыкинского нефтяных и Заполярного газового месторождений в Тюменской области, открытых и разведанных Главным Тюменским производственным геологическим управлением. Мамонтовское и Южно-Балыкское месторождения были расположены в среднем течении Оби. Продуктивные горизонты залегали на глубине до 2400 м, нефть обладала высоким качеством. Запасы месторождений утверждены в количестве 122,6 млн т по категории В и 373,6 млн — по категории C_1 (суммарно В+ C_1 в количестве 496,2 млн т). По своим запасам эта площадь занимала 3-е место в СССР, уступая лишь Арланскому и Ромашкин-

скому нефтяным месторождениям. Расположение на трассе вводимого в эксплуатацию нефтепровода Усть-Балык-Омск обуславливало возможность быстрого использования этих запасов [17, л. 98].

Заполярное газовое месторождение было расположено в северо-восточной части Тюменской области в нижнем течении реки Таз. Продуктивные горизонты залегали на глубине до 1250 м. Запасы месторождения были утверждены по категориям В+С₁ в объеме 1500 млрд м³, в том числе по категории В — 590 млрд м³. По своим запасам Заполярное месторождение являлось одним из крупнейших в мире и в 3 раза превосходило запасы каждого из тогда крупнейших в СССР — Газлинского и Шебелинского газовых месторождений. Месторождение было разведано за 2 года 14 скважинами.

Несмотря на исключительно сложные условия ведения разведки, стоимость подготовки запасов оказалась очень низкой (0,31 коп. за 1000 м³) и не имела себе равных в отечественной практике [17, л. 99].

11 сентября 1967 г. было утверждено Постановление ЦК КПСС «Об открытии и подготовке к разработке Мамонтовского и Южно-Балыкинского нефтяных и Заполярного газового месторождений в Тюменской области» [15, л. 98–99].

Особый интерес для нашего исследования представляют материалы конференции по проблемам развития Тюменской области, состоявшейся 15–18 апреля 1969 г. в Тюмени [16, л. 65–70]. В ее работе принимали участие министерства, ведомства, видные ученые, представители Госплана СССР и РСФСР, проектных и научно-исследовательских организаций, партийные и советские работники — всего 1150 чел. Было заслушано 237 докладов. В выступлениях, в принятом постановлении подтверждались высокая экономическая эффективность ускоренного развития нефтегазовых и других отраслей промышленности в Тюменской области. Только предприятия Главтюменьнефтегаза обеспечили в 1969 г. почти половину прироста добычи нефти в стране и должны были добыть свыше 20 млн т нефти. Более 9 млрд м³, как планировалось, должны были получить предприятия Урала [16, л. 65–66].

Выступавшие особо подчеркивали, что генеральным направлением в освоении природных богатств следовало считать перспективную заботу о внедрении новейших достижений науки и техники, автоматизации, телемеханики, обеспечивающие наивысшую производительность труда. Одновременно отмечалось, что себестоимость добываемой нефти и газа должна была стать намного ниже среднеотраслевой.

Однако в качестве наиболее серьезной проблемы определялось медленное освоение северной части Тюменской области, где были открыты более трех лет назад месторождения, оценочные запасы которых определялись в 10–11 трлн м³, но в промышленную разработку они оказались не вовлечены. Это, подчеркивали участники, наносило значительный экономический ущерб народному хозяйству. Наряду с работами по созданию сверхмощных газопроводов требовалось строительство ряда тепловых электростанций на базе использования природного газа севера Тюменской области и подачи электроэнергии на Урал и в Центр страны. Резолюция завершалась выводом о решающем значении предстоящей пятилетки для превращения Тюменской области в энергетический центр страны [16, л. 67].

Острые дискуссии вызвала проблема энерготопливоемких производств. Резкой критике одновременно была подвергнута практика ускоренного развития подобных производств в европейской части СССР, тогда как основной источник топлива и нефтехимического сырья находился в Сибири. Чтобы передать нефть и газ в Центр страны приходилось строить трубопроводный транспорт большой протяженности. Между тем каждая тонна условного топлива, использованная на месте, могла бы дать на 5 руб. прибыли больше, чем если бы это топливо использовать в европейской части [16, л. 67]. Поэтому было признано целесообразным ускорить сооружение комплекса нефтепереработки и нефтехимии в районе Тобольска.

Кроме того, участники конференции настаивали на необходимости прекращения работ по проектированию строительства Нижне-Обской ГЭС как «мешающей развитию нефтега-

зодобывающей промышленности страны», использованию пойм Оби и Иртыша для производства корма для сельского хозяйства, не отвечал этот проект и задачам рыбного хозяйства. В целом документы, утвержденные участниками конференции, свидетельствовали не только о достаточно критических настроениях, но и о стремлении находить наиболее оптимальные варианты решения весьма сложных задач. Констатировалось значительное отставание энергетического строительства, электростанций, линий электропередач. Требовало больших усилий дорожное строительство, развитие трубопроводного транспорта. Следовало обеспечить опережающие темпы развития мощностей строительной индустрии и промышленности строительных материалов; поднять качество градостроительства, повысить уровень культурно-бытового обслуживания населения северных районов; принять меры к закреплению кадров, повышению их квалификации, развитию научно-исследовательских, учебных, проектных институтов, техникумов, системы профобразования; ускорить развитие машиностроения для обслуживания отраслей специализации; обеспечить большее внимание развитию сельского хозяйства, рыбной промышленности.

Очевидно требовалась реализация научно обоснованной комплексной программы развития. В свою очередь, для разработки НИР и координации работ, связанных с освоением природных богатств Тюменской области, предлагалось создать в Тюмени Институт комплексных проблем АН СССР. Для оперативного планирования и руководства развитием района рекомендовалось в Госплане СССР сформировать орган, которому возможно было бы поручить координацию работ по созданию народнохозяйственного комплекса. Тюменский Обком КПСС обращался в ЦК КПСС с просьбой поддержать рекомендации конференции и поручить Госпланам СССР и РСФСР при составлении планов на 1970 г., следующую пятилетку и более далекую перспективу учесть предложения по развитию и размещению производительных сил Тюменской области [16, л. 69–70].

Соответствующие указания ЦК КПСС Госплану СССР и РСФСР дал, поручив сделать соответствующие выводы при разработке проекта пятилетнего плана [16, л. 71].

18 августа 1969 г. на заседании коллегии Министерства геологии СССР, в котором участвовал и Министр нефтедобывающей промышленности В.Д. Шашин, были рассмотрены все полученные геолого-геофизические материалы, касающиеся севера Тюменской области. Было принято заключение о необходимости начать организацию геолого-поисковых и разведочных работы на нефть с целью создания там новой крупной сырьевой базы [17, л. 92]. Открытие на Севере, помимо газовых месторождений, также и крупных нефтяных и газоконденсатных месторождений обуславливало необходимость по-новому, комплексно, решать мероприятия по развитию нефтегазодобывающей и нефтехимической промышленности этого, стратегически удобно расположенного района. Предварительные экономические расчеты показывали, что на поиски и разведку 4,5–5 млрд т запасов нефти следовало затратить не более 1,8–2,0 млрд руб. В документах не только подтверждались значительные объемы запасов, но и акцентировалось внимание на стоимости их подготовки, которая не должна была превысить 40 коп. за 1 тонну, что оказалось в 2,5 раза ниже средней стоимости по стране [17, л. 92].

Создание нового крупного нефтедобывающего района не должно было торможения работ по поиску месторождений в среднем течении Оби. Однако освоение Севера требовало уже в 1970 г., а затем и в 1971–1975 гг. увеличения целевых ассигнований и проведения ряда организационных мероприятий [17, л. 94].

Все данные, связанные с созданием крупной минерально— сырьевой базы на севере Тюменской области, были направлены руководством Министерства Геологии в ЦК КПСС и рассматривались в Отделе тяжелой промышленности 17 сентября 1969 г. [17, л. 94]. Уже 11 декабря 1969 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» [12]. В нем ставились конкретные задачи перед партийными, советскими, хозяйственными и про-

фсоюзными организациями Тюменской и Томской областей, а также перед комсомольскими организациями страны, по скорейшему развитию нефтедобывающей промышленности на территории Западной Сибири. Важнейшей народнохозяйственной задачей было признано создание в ближайшие годы в Западной Сибири новой крупной нефтедобывающей базы и обеспечение добычи нефти в этом районе в 1975 г. в количестве 100–120 млн т с доведением в 1980 г. до 230–260 млн т. 4 января 1970 г. Совет Министров РСФСР принимает постановление, направленное на выполнение поставленных задач [11].

ВЫВОДЫ. Таким образом, изученные документы подтверждают существование и активное обсуждение нескольких альтернативных вариантов освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Очевидно, что экономическая ситуация требовала ускоренных темпов реализации планов, но подобный подход обуславливал поиск оптимальных организационных и технологических решений с точки зрения финансирования и преодоления объективных проблем. Сторонниками варианта форсированного освоения ЗСНПП, в частности, министром В.Д. Шашиным была продемонстрирована энергия, целеустремленность, умение обосновывать ответы на весьма сложные вопросы. Полагаем, что это стало во многом определяющим при принятии центральными партийно-государственными органами судьбоносных решений. Изученные опубликованные и архивные документы свидетельствуют не только об особом внимании, которое стало уделяться в этот период властными органами нефтедобывающим отраслям, но и позволяют определить механизмы реализации масштабных проектов, выявить факторы, влиявшие на выбор курса, рассмотреть как позитивные, так и негативные последствия, в частности доминирование в регионе добывающих, весьма значительные затраты трудовых и финансовых ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбаков Н.К. Дело жизни. М.: Сов. Россия, 1984. 350 с.
2. Байбаков Н.К. Прогрессивные методы добычи нефти // Экономическая газета. 1965. 22 сентября.
3. Дегтев С.И. Внешнеполитические аспекты хозяйственной реформы 1965 г. (На примере нефтяной промышленности) // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991) / Под общ. ред. В.Ю. Алекперова. М.: Древнехранилище, 2005. С. 456–491
4. Карпов В.П. Создание и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.): автореферат... диссертации доктора исторических наук. Екатеринбург, 2007. 49 с.
5. Карпов В.П., Панарин С.М. Нефтегазодобывающая промышленность Западной Сибири: исторические корни современных проблем // Ежегодник ТОКМ: 2000. Тюмень, 2001. С. 228–238.
6. Кортунов А.К. Газовая промышленность на новом этапе // Экономическая газета. 1965. № 42.
7. Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). /Под общ. ред. действительного члена РАЕН, д.э.н. В.Ю. Алекперова М.: Древнехранилище,, 2005. 616.
8. Неелов Ю. «Ямальские мега-проекты — локомотивы российской экономики» // Родина. 2009. № 10. С. 72–73.
9. Некрасов В.Л. Проблемы стратегического развития нефтегазового комплекса СССР (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х годов). // Исторический ежегодник. 2008: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2008. С. 195–209.
10. Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» // <http://www.alppp.ru/law/hozjajstvennaja-dejatelnost/promyshlennost/27/postanovlenie-sovmyna-sssr-ot-04-12-1963-1208.html> (дата обращения: 7.07.2024).
11. Постановление № 6 от 4 января 1970 г. «О мероприятиях по выполнению Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. № 967 «о мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири». http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196015868&empire=1

12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 7. М.: Полдиздат, 1970. С. 579–582.
13. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) Ф.5. Оп. 40. Д. 270.
14. РГАН И. Ф. 5. Оп. 59. Д. 77.
15. РГАН И. Ф. 5. Оп. 59. Д. 80.
16. РГАН И. Ф. 5. Оп. 61. Д. 105.
17. РГАН И. Ф. 5. Оп. 61. Д. 110.
18. Рунов В.А., Седых А.Д. Алексей Кортуннов. Москва: Моск. воен.-ист. о-во, 1999. 189 с.
19. Славкина М.В. Влияние отечественного нефтегазового комплекса на модернизационные процессы в СССР-России (1939–2008 гг.): автореферат ... диссертации доктора исторических наук. М., 2012. 48 с.
20. Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: Влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М.: Нефть и газ, 2007. 383 с.
21. Так начиналась Тюменская нефть // Промышленность и экология Севера. URL: <http://promecosever.ru/jurnal/neftegazovaya-dolina/tak-nachinalas-tyumenskaya-neft.html> (дата обращения: 24.07.2024).
22. Хромов Е.А. Формирование ведомственных и региональных интересов в нефтегазовом секторе СССР в 1957–1965 гг. (На примере освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции): автореферат ... диссертации кандидата истории наук. Томск. 2010. 26 с.
23. XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 2. М.: Политиздат, 1966. 640 с.

REFERENCES

1. Bajbakov N.K. *Delo zhizni*. [The business of life]. M.: Sov. Russia, 1984. 350 s. (In Russian).
2. Bajbakov N.K. *Progressivny'e metody' doby'chi nefi*. [Progressive methods of oil production] // *E'konomicheskaya gazeta*. 1965. № 38 (In Russian).
3. *Vneshneekonomicheskie aspekty hozyajstvennoj reformy 1965 g. (Na primere neftyanoj promyshlennosti SSSR)* [Foreign economic aspects of the economic reform of 1965 (On the example of the USSR oil industry)]. Oil of the country of the Soviets. Problems of the history of the oil industry of the USSR (1917–1991). Under the general editorship of V.Y. Alekperov. Moscow, 2005. S. 456–490. (In Russian).
4. Karpov V.P. *Sozdanie i razvitie Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1948–1990 gg.)* [Creation and development of the West Siberian oil and Gas complex (1948–1990)]: Avtoref. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2007. 49 s. (In Russian).
5. Karpov V.P., Panarin S.M. *Neftegazodoby'vayushhaya promy'shlennost' Zapadnoj Sibiri: istoricheskie korni sovremenny'x problem* [The oil and gas industry of Western Siberia: the historical roots of modern problems] *Ezhegodnik TOKM*: 2000. Tyumen', 2001. S. 228–238. (In Russian).
6. Kortunov A.K. *Gazovaya promy'shlennost' na novom e'tape* [The gas industry is at a new stage] // *E'konomicheskaya gazeta*. 1965. № 42 (In Russian).
7. *Neft' strany' Sovetov. Problemy' istorii neftyanoj promy'shlennosti SSSR (1917–1991)* [The oil of the Soviet country. Problems of the history of the USSR oil industry (1917–1991)] / Pod obshh. red. V. Yu. Alekperova. Moscow: Drevnextranilishhe, 2005. 616 s. (In Russian).
8. Neelov Yu. «Yamal'skie mega-proekty' — lokomotivy' rossijskoj e'konomiki» [Yamal Mega-Projects are the locomotives of the Russian economy] // *Rodina*. 2009. № 10. S. 72–73. (In Russian).
9. Nekrasov V.L. *Problemy' strategicheskogo razvitiya neftegazovogo kompleksa SSSR (vtoraya polovina 1950-x — pervaya polovina 1960-x godov)* [Problems of strategic development of the oil and gas complex of the USSR (the second half of the 1950s — the first half of the 1960s)] // *Istoricheskij ezhegodnik*. 2008: Sb. nauch. tr. Instituta istorii SO RAN. Novosibirsk, 2008. S.195–209. (In Russian).
10. *Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 4 dekabrya 1963 g. «Ob organizacii podgotovitel'ny'x rabot po promy'shlennomu osvoeniyu otkry'ty'x neftyany'x i gazovy'x mestorozhdenij i o dal'nejshem razvitii geologorazvedochny'x rabot v Tyumenskoj oblasti»* [Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated December 4, 1963 «On the organization of preparatory work for the industrial development of open oil and gas fields and on the further development of geological exploration in the Tyumen region»].

- URL: <http://www.alppp.ru/law/hozjajstvennaja-deyatelnost/promyshlennost/27/postanovlenie-sovmina-sssr-ot-04-12-1963-1208.html> (data obrashheniya: 17.07.2024). (In Russian).
11. *Postanovlenie № 6 Soveta Ministrov RSFSR ot 4 yanvarya 1970 g. «O meropriyatiyax po vy'polneniyu Postanovleniya CzK KPSS I Soveta Ministrov SSSR ot 11 dekabrya 1969 g. № 967 «o merax po uskorennomu razvitii nefte doby'vayushhej promy'shlennosti v Zapadnoj Sibiri»*. [Resolution No. 6 of the Council of Ministers of the RSFSR of January 4, 1970 «On measures to implement the Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of December 11, 1969 No. 967 «on measures to accelerate the development of the oil industry in Western Siberia»]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196015868&empire=1 (data obrashheniya: 15.08.2024). (In Russian).
 12. *Resheniya partii i pravitel'stva po xozyajstvenny'm voprosam: Sb. dok. T. 7. Iyul' 1968 g.* [Decisions of the party and the government on economic issues: Sat. doc. Vol. 7. July 1968]. Moscow: Politizdat, 1970. S. 579–582. (In Russian).
 13. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii* [The Russian State Archive of Modern History]. (RGANI). F. 5. Op. 40. Ed. xr. 270. (In Russian).
 14. RGAN I. F. 5. Op. 59. Ed. xr. 77. (In Russian).
 15. RGAN I. F. 5. Op. 59. Ed. xr. 80. (In Russian).
 16. 16. RGAN I. F. 5. Op. 61. Ed. xr. 105. (In Russian).
 17. 17. RGAN I. F. 5. Op. 59. Ed. xr. 110. (In Russian).
 18. 18. Runov V.A., Sedy'x A.D. *Aleksej Kortunov*. [Alexey Kortunov]. Moscow: Mosk. voen.-ist. o-vo, 1999. 189 s.
 19. 19. Slavkina M.V. *Vliyanie otechestvennogo neftegazovogo kompleksa na modernizacionny'e processy' v SSSR-Rossii (1939–2008 gg.)* [The influence of the domestic oil and gas complex on modernization processes in the USSR-Russia (1939–2008)]: Avtoref. ... kand. ist. nauk. Moscow. 2012. 22 s. (In Russian).
 20. 20. Slavkina M.V. *Velikie pobedy' i upushhenny'e vozmozhnosti: Vliyanie neftegazovogo kompleksa na social'no-e'konomicheskoe razvitie SSSR v 1945–1991 gg.* [Great victories and missed opportunities: The impact of the oil and gas complex on the socio-economic development of the USSR in 1945–1991] Moscow: Neft' i gaz, 2007. 383 s. (In Russian).
 21. *Tak nachinalas' Tyumenskaya neft'* [This is how Tyumen oil began] // *Promy'shlennost' i e'kologiya Severa*. URL: <http://promecosever.ru/jurnal/neftegazovaya-dolina/tak-nachinalas-tyumenskaya-neft.html> (data obrashheniya: 24.07.2024). (In Russian).
 22. Xromov E.A. *Formirovanie vedomstvenny'x i regional'ny'x interesov v neftegazovom sektore SSSR v 1957–1965 gg. (Na primere osvoeniya Zapadno-Sibirskoj neftegazovoj provincii)* [Formation of departmental and regional interests in the oil and gas sector of the USSR in 1957–1965 (On the example of the development of the West Siberian oil and Gas province)]: Avtoref. ... kand. ist. nauk. Tomsk. 2010. 26 s. (In Russian).
 23. *XXIII s'ezd KPSS. Stenograficheskij otchet. T.2.* [XXIII Congress of the CPSU. Verbatim report. Vol. 2]. M.: Politizdat, 1966. 640 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.010

УДК 504.054:94(571)»19/20»

ББК 63.3(2)64-2+20.171г

П.В. ДРУЖИНИН

**ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ
ЧЕТЫРЕХ СЕВЕРНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ОКРУГОВ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

P.V. DRUZHININ

**THE IMPACT OF THE ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE FOUR
NORTHERN NATIONAL DISTRICTS
ON THE ENVIRONMENT
IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY**

Промышленность СССР в XX веке развивалась без учета наносимого природе ущерба. В северных и арктических регионах экономика основана на добыче полезных ископаемых, что, как правило, наносит значительный ущерб окружающей среде. Постепенно отношение общества к экологии стало меняться, в 1980-х годах стала формироваться статистика окружающей среды и появились постепенно ужесточающиеся экологические ограничения. Целью данного исследования является сравнительный анализ влияния развития промышленности четырех северных автономных округов на окружающую среду. В исследовании применяются общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, аналогии и регрессионный анализ. В результате показано, что в 1990-х годах экологические проблемы отошли на второй план и лишь в 2000-х годах модернизация и активная природоохранная политика способствовали уменьшению воздействия на окружающую среду. С середины 2010-х годов у части регионов снова стали расти загрязнения окружающей среды.

The industry of the USSR in the XX century developed without taking into account the damage caused to nature. In the northern and Arctic regions, the economy is based on mining, which, as a rule, causes significant damage to the environment. Gradually, the attitude of society towards ecology began to change, in the 1980s environmental statistics began to form and gradually increasing environmental restrictions appeared. The purpose of this study is a comparative analysis of the impact of industrial development in the four northern autonomous okrugs on the environment. The research uses general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, analogy and regression analysis. As a result, it is shown that in the 1990s environmental problems receded into the background and only in the 2000s modernization and active environmental policy contributed to reducing the impact on the environment. Since the mid-2010s, environmental pollution has been increasing again in some regions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: северный регион, загрязнение окружающей среды, модернизация, природоохранная политика

KEY WORDS: northern region, environmental pollution, modernization, environmental policy

ВВЕДЕНИЕ. В XX веке Советский Союз активно осваивал северные регионы, богатые природными ресурсами, которые требовались для развития экономики. В 1950–1970-е годы особого внимания на состояние окружающей среды не обращали, надо было быстро наращивать добычу полезных ископаемых. В то же время северная природа долго восстанавливается, растения медленно растут. Земля вокруг поселений засорялась отходами,

реки загрязнялись, вырастали терриконы. При добыче нефти особую опасность представляют аварийные ситуации, время от времени возникали утечки углеводородов. Проблемой было неэффективное использование природных ресурсов, низкая технологическая культура, также нарастал износ оборудования.

Постепенно возникало понимание необходимости более бережливого отношения к природе. В середине 1970-х годов в системе плановых документов появился специальный раздел по охране природы и рациональному использованию окружающей среды. Стали возникать специализированные органы и начала формироваться система статистики охраны окружающей среды. Появился специальный раздел и в статистическом справочниках «Народное хозяйство СССР» и «Народное хозяйство РСФСР» [5]. В 1980 г. был принят закон СССР «Об охране атмосферного воздуха».

Проблемой являлось сложность получения достоверных данных по загрязнениям и статотчетность дополнялась сплошными и выборочными обследованиями по различным видам загрязнений. Постепенно количество показателей росло, в статистических справочниках представлялась информация не только в целом по РСФСР, но и по крупным городам, а затем и по регионам.

В северных и арктических регионах всегда была высокой доля добычи полезных ископаемых, которая оказывает значительное воздействие на природу, причем в 1990-х годах ее доля существенно выросла, поскольку часть обрабатывающей промышленности оказалась неконкурентоспособной. За предыдущие десятилетия в арктических регионах накопилось множество экологических проблем, а однобокость развития добавила новых. Актуальность исследования определяется важностью для российских регионов определения путей устойчивого развития, при котором рост экономики не ведет к ухудшению окружающей среды.

На окружающую среду влияют все отрасли экономики, но влияние промышленности является определяющим. В РФ в промышленности образуется примерно 98% отходов промышленности и потребления, в основном в добыче полезных ископаемых, около 95% сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы, 85% выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников. Соответственно динамика загрязнений определяется развитием промышленности, но на нее должны положительно влиять модернизация промышленности и природоохранная политика. Анализ данных процессов на примере северных регионов определяет новизну исследования.

ЦЕЛЬ. Сравнительный анализ влияния развития промышленности четырех северных автономных округов на окружающую среду.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниковая база исследования проблемы ограничена. Лишь в 1989 г. был выпущен первый специализированный статистический справочник по охране окружающей среды. В 1990-х годах раздел по охране окружающей среды в справочниках «Регионы России» стал постоянным и количество показателей в нем возрастало и ежегодно стали выходить статистический справочник или бюллетень по охране окружающей среды. Информация по Чукотскому автономному округу (ЧАО) в них стала представляться с 1993 г., а по другим северным автономным округам немного позднее. Одновременно появилась информация о развитии промышленности автономных округов, что позволяет оценить ее влияние на состояние окружающей среды в регионах. Методы, применяемые в исследовании, включают общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и аналогии. Также используется регрессионный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Северные округа отличаются высокой долей добычи полезных ископаемых в ВРП, высоким уровнем ВРП на душу населения и относительно высокой средней зарплатой. Входящие в АЗРФ три округа теряют население, а расположенный южнее ХМАО имеет положительное сальдо миграции за межпереписной период (таблица 1).

Таблица 1. Показатели, характеризующие уровень развития четырех автономных округов и РФ в 2022 г. Источник: рассчитано автором по данным справочников «Регионы России» [9]

	НАО	ЯНАО	ХМАО	ЧАО	РФ
Доля ДПИ, %	86	74	75	42	14,4
ВРП на душу населения, тыс.руб	9150	7572	3334	2735	830
Население, тыс.чел	41,4	512	1730	47,8	146447
Сальдо миграции за 2010–2021 гг., тыс.чел	-3,4	-72,3	18,5	-4,9	6303
Средняя зарплата, тыс.руб	107	131,5	97,6	140,6	65,3

Динамика ВРП четырех регионов заметно различается, в НАО в 2000-х годах шло бурное освоение месторождений углеводородов, близкая динамика ВРП и в ЧАО, но она связана с восстановлением после спада 1990-х годов, возможно оказало влияние губернаторство Р. Абрамовича.

В Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) в 1953 г. было открыто первое месторождение газа, а в 1960-х годах началась добыча нефти, которая быстро росла и достигла пика в 1988 г., после чего стала снижаться [6]. В 1990-х годах промышленное производство было нестабильно. Тем не менее в последние годы более половины добычи нефти в стране приходится на округ. А по добыче газа он занимает второе место в РФ. В 1990-х годах промышленное производство было нестабильно [10].

Уже в 1950-х годах началась добыча золота в Чукотском автономном округе (ЧАО), вначале россыпного золота. Пик добычи пришелся на 1974 г., затем уровень добычи стал снижаться. Снова возрастать добыча золота стала после начала эксплуатации с 1996 г. коренных месторождений. В 1990-х годах промышленно производство сильно колебалось, рост на 15% мог на следующий год смениться падением на 10–20% [10]. В последние годы на ЧАО приходится примерно 10% добычи золота в стране.

Уренгойское месторождение в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) было открыто в 1966 г. Добыча газа наращивалась до 1992 г., затем наступил временный спад, связанный с рыночными реформами. В 1990-х годах промышленное производство медленно снижалось [10]. В 2000-х годах объемы добычи стали снова расти и в настоящее время в округе добывается около 80% российского газа.

В Ненецком автономном округе нефть стали добывать в 1984 г. После спада в начале 1990-х годов уже с середины промышленное производство стало расти.

Динамика развития промышленности похожа на динамику ВРП (рис. 1), сфера услуг и сельское хозяйство развиваются медленно. В 1990-х годах промышленное производство снижалось, но у трех регионов медленнее, чем в РФ, лишь в ЧАО был очень сильный спад производства. В 2000-х годах быстро росла промышленность в НАО и ЧАО, а в 2010-х годах в НАО, ЧАО и ХМАО промышленное производство не растет, хотя в ХМАО растет переработка углеводородов и древесины [7, 8].

В 1990-х годах выбросы загрязняющих веществ снижались во всех регионах, но затем у трех регионов они стали расти. Динамика выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников в ЧАО стабильно снижается, в ХМАО снижается с середины 2000-х годов, в НАО с 2011 г., а в ЯНАО — растет (рис. 2). ХМАО на протяжении последних лет занимает первое место в Российской Федерации по объему выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников [7, 8]. Модернизация в промышленности в 2000-х годах способствовала не только росту производительности труда, но и снижению воздействия на окружающую среду.

Резкое снижение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в НАО было вызвано несколькими причинами, связанными с модернизацией производства и природоохранными

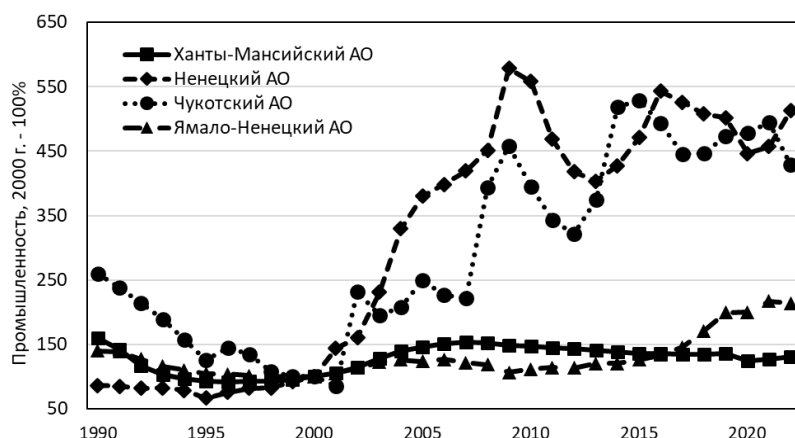


Рис. 1 Динамика промышленности четырех регионов (НАО, ЯНАО, ХМАО, ЧАО), (2000 г. – 100%)

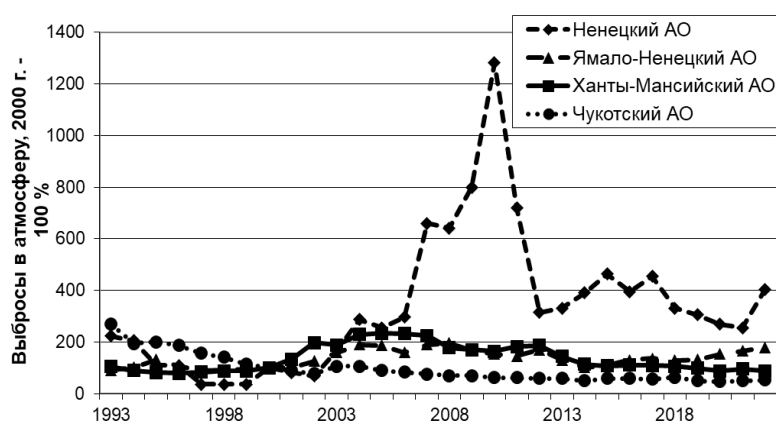


Рис. 2. Динамика выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников в XXI веке в четырех регионах (НАО, ЯНАО, ХМАО, ЧАО), (2000 г. – 100%)

инвестициями на нескольких месторождениях [1]. Около 90% факелов низкого и высокого давления на нефтяных месторождениях были оборудованы запальниками, в которых стал гореть очищенный попутный нефтяной газ. Были запущены энергоцентры (комплексы по очистке нефти от сероводорода и аминовой очистки попутного газа), построенные по канадской технологии, позволяющей значительно уменьшить негативное влияние на окружающую среду по выбросам загрязняющих веществ. В ходе модернизации на нескольких месторождениях перешли на технологии с удалением сероводорода для снижения выбросов диоксида серы и произошел отказ от факельного сжигания газа. На Перевозном месторождении реализовывалась программа по переводу дизельных электростанций на газодизельное топливо.

Относительно ВРП снижение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников с середины 2010-х годов приостановилось, лишь в НАО оно продолжается. В начале 2000-х годов в трех регионах выбросы в атмосферу загрязняющих веществ росли быстрее промышленного производства, лишь в ЧАО они быстро снижались (рис. 3). В 2010-х годах наоборот, в ЧАО промышленный рост и рост выбросов приостановились, а в трех других регионах удельные выбросы стали снижаться [7, 8]. Надо отметить, что в НАО и ЯНАО выбросы загрязняющих веществ в атмосферу росли медленнее, чем промышленное производство.

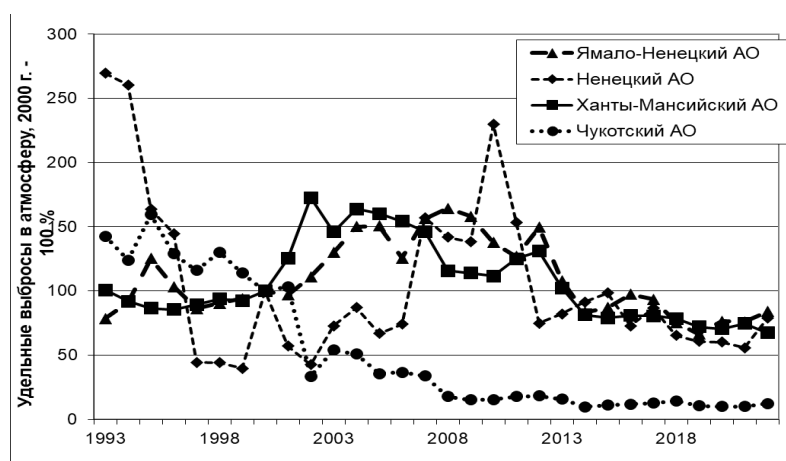


Рис. 3. Динамика отношения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников к промышленному производству в XXI веке в четырех регионах (НАО, ЯНАО, ХМАО, ЧАО), (2000 г. – 100%)

В трех регионах сбросы загрязнённых сточных вод с конца 2000-х годов постепенно уменьшались, а в 2010-х годах относительно стабильны (рис. 4). Иная ситуация в ХМАО, поверхностные воды характеризуются как неблагополучные [3]. Многие реки ХМАО относятся к категориям «очень загрязненная» и «грязная». В ХМАО в 2013 г. сброс загрязненных сточных вод вырос почти в два раза и по мере модернизации очистных сооружений медленно снижается. Резкое уменьшение нормативно очищенных сточных вод в 2013 г. связано с тем, что несколько крупных водопользователей не достигли нормативов допустимых сбросов (МУП «Горводоканал» г. Сургут, МУП «УГХ» г. Пыть-Ях, Лангепасское ГМУП, «УВиК» г. Лангепас). В остальных регионах модернизация и природоохранные инвестиции привели к снижению сбросов загрязненных сточных вод с середины 2000-х годов.

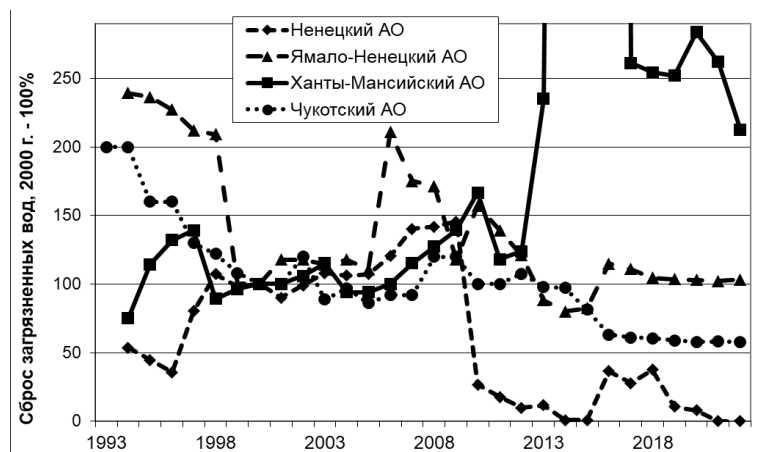


Рис. 4. Динамика сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы в четырех регионах (НАО, ЯНАО, ХМАО, ЧАО), (2000 г. – 100%)

Удельный сброс загрязненных сточных вод относительного промышленного производства в трех регионах в 2010-х годах медленно снижаются, и в ЧАО близок к нулю. После быстрого роста в ХМАО в середине 2010-х годов он также стал снижаться.

Во время промышленного спада 1990-х годов использование свежей воды снижалось, а с началом экономического роста во всех четырех регионах увеличивается, иногда очень быстро (рис. 5). Увеличение забранной воды в ХМАО обусловлено увеличением количества часов работы энергетического оборудования ЗАО «Нижеварттовская ГРЭС» и выходом на технические параметры энергоблоков ОАО «Фортум» филиал Энергосистема «Западная Сибирь» Няганская ГРЭС [3].

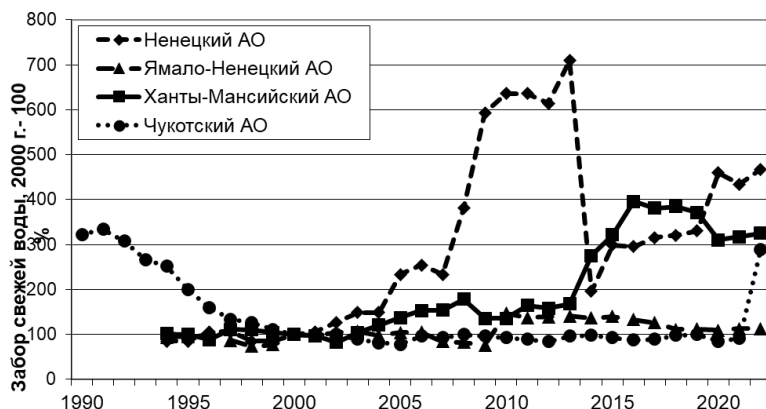


Рис. 5. Динамика использования свежей воды в четырех регионах (НАО, ЯНАО, ХМАО, ЧАО), (2000 г. — 100%)

Общий забор воды в 2014 г. по НАО составил 9,36 млн.м³, что на 24,35 млн м³ меньше, чем в 2013 г. Резкое сокращение объемов забранной воды по предприятиям объясняется резким снижением в сравнении с 2013 г. объемов добычи подтоварной и питьевой воды из подземных горизонтов, поверхностных водных объектов, а также снижением объемов производства по предприятиям нефтяной промышленности [2].

Лишь в двух регионах (ЧАО и ЯНАО) использование свежей воды растет медленнее, чем ВРП. В ХМАО и НАО в отдельные годы забор воды резко растет. Относительно промышленного роста ситуация немного лучше, в трех регионах потребление свежей воды выросло меньше, чем производство промышленной продукции.

Еще один показатель — отходы производства и потребления, они быстро растут, возможно немного иная ситуация с токсичными отходами, но в доступной отчетности по регионам их теперь нет (рис. 6). Отходы 5 класса опасности, в основном связанные с добывающими производствами (их много в АЗРФ) составляют более 98% всех отходов. Доступная статистика по отходам беднее, данные за некоторые годы отсутствуют, поэтому график начинается с 2012 г.

Для оценки влияния различных факторов на динамику загрязнений проводились расчеты регрессионных уравнений [4]. Расчеты по ЯНАО показали определяющее влияние на динамику выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников динамики развития промышленности. Инвестиции в охрану атмосферного воздуха оказались значимы, а структурные сдвиги оказали незначительное положительное влияние. По другим регионам значимое положительное влияние оказали инвестиции в промышленность и природоохранные инвестиции. Влияние структурных сдвигов для четырех северных регионов пока незаметно.

В целом анализ данных по четырем регионам показал, что с определенного момента инвестиции шли в основном на модернизацию действующих предприятий, поэтому инвестиции приводили к уменьшению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. В то же время динамика инвестиций в экономику лучше, чем ВРП и промышленного производства отражала потенциальный рост загрязнений.

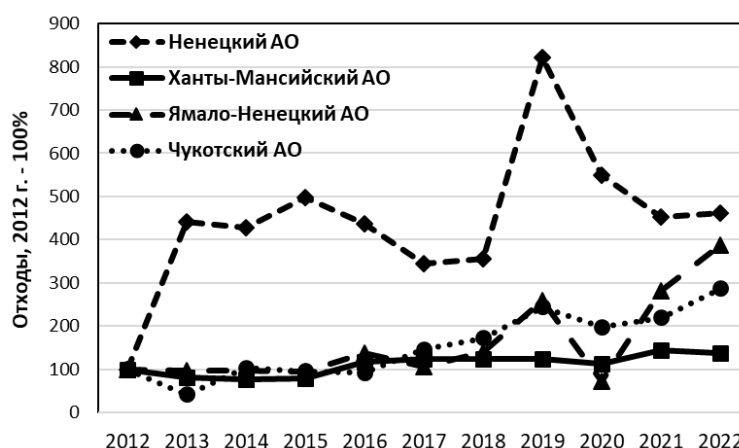


Рис. 6. Динамика отходов производства и потребления в четырех регионах (НАО, ЯНАО, ХМАО, ЧАО), (2012 г. – 100%)

ВЫВОДЫ. Проведенный анализ данных по четырем северным регионам показал существование зависимости экологических показателей от экономических. Развитие промышленности ведет к росту загрязнений, но изменение структуры экономики, модернизация производства и природоохранные инвестиции позволяли снижать их, что показывают два последних десятилетия.

В конце XX века динамика загрязнений определялась изменением промышленного производства. Экономический спад вел к некоторому уменьшению загрязнений, поскольку предприятия не имели средств на модернизацию и природоохранную деятельность, к тому же структура экономики менялась в сторону добывающих производств. В результате росли удельные загрязнения. В 2000-е годы динамика загрязнений больше определялась модернизацией предприятий, переходом к новым технологиям, которое приостановилось в 2010-х годах. Также существенно влияли природоохранные инвестиции.

Экономический спад 1990-х годов привел к близкому виду зависимости экологических показателей от экономических для разных регионов. А в дальнейшем изменение экологических показателей сильно различалось, оно зависело от политики менеджмента крупных предприятий и структуры промышленности.

Публикация подготовлена в рамках госзадания Института экономических проблем Кольского НЦ РАН (тема FMEZ-2023-0007)

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о состоянии окружающей среды Ненецкого автономного округа в 2013 году. Нарьян-Мар. Департамент природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса Ненецкого автономного округа. 2014. 24 с.
2. Доклад о состоянии окружающей среды Ненецкого автономного округа в 2014 году. Нарьян-Мар. Департамент природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса Ненецкого автономного округа. 2015. 34 с.
3. Доклад об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2015 году. Ханты-Мансийск. Служба по контролю и надзору в области окружающей среды. 2016. 173 с.
4. Дружинин П.В., Морошкина М.В., Седова К.Е. Влияние на загрязнение атмосферы перемещения промышленной деятельности из регионального центра на периферию // ЭКО. 2023. № 12. С. 150–169.
5. Думнов А.Д. Статистика окружающей природной среды: история и современность // Вопросы статистики. 2008. № 3. С. 5–18.

6. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Стат.ежегодник / Госкомстат РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 592 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 112 с.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.
10. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2001. 827 с.

REFERENCES

1. *Doklad o sostojanii okruzhajushej sredy Neneckogo avtonomnogo okruga v 2013 godu* [Report on the state of the environment of the Nenets Autonomous Okrug in 2013]. Nar'jan-Mar. Departament prirodnnykh resursov, ekologii i agropromyshlennogo kompleksa Neneckogo avtonomnogo okruga. 2014. 24 s. (In Russian).
2. *Doklad o sostojanii okruzhajushej sredy Neneckogo avtonomnogo okruga v 2014 godu* [Report on the state of the environment of the Nenets Autonomous Okrug in 2014]. Nar'jan-Mar. Departament prirodnnykh resursov, ekologii i agropromyshlennogo kompleksa Neneckogo avtonomnogo okruga. 2015. 34 s. (In Russian).
3. *Doklad ob ekologicheskoj situacii v Khanty-Mansijskom avtonomnom okruge — Югре в 2015 году* [Report on the environmental situation in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra in 2015]. Khanty-Mansijsk. Sluzhba po kontrolju i nadzoru b oblasti okruzhajushej sredy. 2016. 173 s. (In Russian).
4. Druzhinin P.V., Moroshkina M.V., Sedova K.E. *Vlijanie na zagraznenie atmosfery peremeschenija promyshlennoj dejatel'nosti iz regional'nogo centra na periferiju* [Impact of industrial activity relocation from the regional center to the periphery on air pollution] // EKO. 2023. № 12. S. 150-169. (In Russian).
5. Dumnov A.D. *Statistika okruzhajushej prirodnoj sredy: istorija i sovremennost'* [Environmental Statistics: History and Modernity] // Voprosy statistiki. 2008. № 3. S.5-18. (In Russian).
6. *Narodnoe khozjajstvo RSFSR v 1990 g.*: Stat.book [The national economy of the RSFSR in 1990: Stat. yearbook] / Goskomstat RSFSR. M.: Respublikanskij informacionno-izdatel'skij centr, 1991. 592 s. (In Russian).
7. *Regiony Rossii. Social'noekonomicheskie pokazateli*. 2011 [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2011]: Stat.book / Rosstat. M., 2011. 990 s. (In Russian).
8. *Regiony Rossii. Social'noekonomicheskie pokazateli*. 2021 [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021]: Stat.book / Rosstat. M., 2021. 1123 s. (In Russian).
9. *Regiony Rossii. Social'noekonomicheskie pokazateli*. 2023 [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023]: Stat.book / Rosstat. M., 2023. 1126 s. (In Russian).
10. *Regiony Rossii: Stat.sb. v 2 t.t.2* [Regions of Russia: Stat. sat. In 2 vol. Vol.2] / Goskomstat Rossii. M., 2001. 827 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.011

УДК 330.15:553.04(571)»2006/2022» (091)

ББК 65.049г(2Рос)64

СОКОЛОВ С.Н.,
СЕРЕДОВСКИХ Б.А.**СТРУКТУРА И ДИНАМИКА
МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОГО ПОТЕНЦИАЛА
РЕГИОНОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В 2006–
2022 ГГ.**SOKOLOV S.N.,
SEREDOVSKIKH B.A.**THE STRUCTURE AND DYNAMICS
OF THE MINERAL RESOURCE POTENTIAL
OF THE REGIONS OF ASIAN RUSSIA
IN 2006–2022**

Понятие природно-ресурсного потенциала (ПРП) является динамичным, в процессе деятельности людей оно может изменять содержание. Исторический подход в экономической географии определяет необходимость изучения потенциала региона, как динамичной так и инерционной его частей, а также изменение всего ПРП во времени. Именно временной аспект в экономической географии обеспечивает система методов, выбор которых определен историческим подходом. Одной из составных частей общего ПРП является минерально-сырьевой потенциал (МСП). Цель — провести оценку потенциала и структуры МСП регионов Азиатской России (АР), а также его изменение за период с 2006 по 2023 гг. с помощью балльного метода. В качестве материала были проанализированы Государственные доклады о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ в 2006–2022 гг. МСП определяется не только величиной запасов, но также их потенциальной значимостью в экономике, геологической изученностью недр, освоенностью территории и транспортной доступностью конкретных месторождений полезных ископаемых. Все это позволяет оценить МСП по определенным формулам. Первые пять мест за период 2006–2022 гг. занимали Красноярский край, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский и Приморский края, а последнее место — Омская область. Тем не менее, за данный промежуток времени произошли некоторые подвижки в рейтинговом списке. Все субъекты Азиатской России можно сгруппировать по структуре МСП в 10 групп. Результаты исследования можно использовать при корректировке стратегий социально-экономического развития регионов Азиатской России.

The concept of natural resource potential (NRP) is dynamic, and it can change its content in the process of human activity. The historical approach in economic geography determines the need to study the potential of the region, both dynamic and inertial parts of it, as well as the change of the entire NRP over time. It is the temporal aspect in economic geography that is provided by a system of methods, the choice of which is determined by the historical approach. One of the components of the general NRP is the mineral resource potential (MRP). Aim — to assess the potential and structure of MRP in the regions of Asian Russia, as well as its change over the period from 2006 to 2023 using the point method. As a material, the State reports on the state and use of mineral resources of the Russian Federation in 2006–2022 were analyzed. MRP are determined not only by the size of reserves, but also by their potential significance in the economy, the geological study of the subsoil, the development of the territory and the transport accessibility of specific mineral deposits. All this makes it possible to evaluate MRP according to certain formulas. The first five places for the period 2006–2022 were occupied by the Krasnoyarsk Territory, the Irkutsk Region, the Republic of Sakha (Yakutia), the Trans-Baikal and Primorsky Territories, and the last place

was taken by the Omsk Region. Nevertheless, during this period of time, there have been some changes in the rating list. All subjects of Asian Russia can be grouped into 10 groups according to the structure of MRP. The results of the study can be used to adjust the strategy of socio-economic development of the regions of Asian Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: природно-ресурсный потенциал, минерально-сырьевые ресурсы, минерально-сырьевой потенциал, динамика, структура, оценка, Азиатская Россия.

KEY WORDS: natural resource potential, mineral and raw materials resources, mineral resource potential, dynamics, structure, assessment, Asian Russia.

ВВЕДЕНИЕ. Вовлечение в хозяйственный оборот новых природных богатств и функционирование территориально-производственных систем Азиатской России (АР) опирается на регулярное обновление и поддержание особого каркаса освоения территории, включающего, среди прочего, природно-ресурсный потенциал территории. Особую эффективность развитию производства в регионе придает сочетание очаговости (выборочности) освоения ценных видов минерально-сырьевых ресурсов с широким (часто сплошным) освоением территории и комплексным удовлетворением социальных потребностей проживающего здесь населения.

Размер природного богатства любого района выражается природно-ресурсным потенциалом (ПРП), который измеряется стоимостью первичной продукции. Ее можно получить в течение года при рациональной эксплуатации данных ресурсов, расположенных на определенной территории.

Понятие ПРП является динамичным и может изменять содержание. Исторический подход в экономической географии определяет необходимость изучения потенциала региона, как динамичной и так инерционной его частей, а также изменение всего ПРП во времени. Именно временной аспект в экономической географии обеспечивает система методов, выбор которых определен историческим подходом.

Одной из составных частей общего ПРП является минерально-сырьевой потенциал (МСП), под которым подразумевается совокупность разведанных и предварительно оцененных запасов (категорий А, В, С₁ и С₂), прогнозных и перспективных ресурсов (категорий С₃, D₁ и D₂ для углеводородного сырья или Р₁ и Р₂ для других видов) полезных ископаемых. Важнейшей чертой территориальной организации производительных сил в регионе до сих пор остается ее обусловленность выборочным освоением этого потенциала, что приводит к жесткой локализации производства в относительно немногих пунктах наибольшей концентрации источников минерального сырья наилучшего качества, а также благоприятного экономико-географического положения. В связи с тем, что ПРП является основой социально-экономического развития большинства регионов АР, анализ и характеристика структуры МСП отдельных территорий АР, их изменения с течением времени является весьма актуальной задачей.

В конце XX века в России была создана значительная географическая литература по оценке отдельных природных ресурсов и условий. Можно отметить относительно новые публикации, посвященные изучению минерально-сырьевого потенциала, в том числе В.В. Балащенко и др. [1], В.Н. Волович и О.А. Марининой [2], Н.В. Елтошкиной и Х.И. Юндунова [5], Н.И. Ипполитовой [7], Н.В. Ломакиной [8], Э.А. Новикова и И.Я. Блехцина [9], В.В. Попова [10], Савельевой И.Л. [14] и др., а также коллективную монографию, посвященные ПРП Иркутской области [12].

ЦЕЛЬЮ данного исследования было проведение оценки потенциала и структуры МСП регионов Азиатской России (АР), а также его изменение за период с 2006 по 2023 гг. с помощью балльного метода. Количественная оценка МСП дает возможность соизмерить различные территории по значимости их минерального богатства для общества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве материала были проанализированы Государственные доклады о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ в 2016

и 2022 гг. [3; 4]. Необходимо отметить, что данный сборник издается с 2001 г., но количество и качество информации за 2000–2012 гг. заметно отличается от 2012–2022 гг. Например, в 2000–2005 гг. недостаточно информации по запасам МСП по субъектам РФ, что затрудняет их использование. В 2004 г. данные по запасам МСП по субъектам представлены не в млрд т, а в условных единицах. Кроме того, до 2011 гг. информация по извлекаемым запасам нефти и никелевых руд в целом по РФ была засекречена, что тоже сказывается на оценке МСП. И только с 2012 г. информация была представлена в целом по РФ, что необходимо для оценки МСП.

Тем не менее, сопоставив данные Государственных докладов за 2006–2013 гг. и сделав обратный пересчет прироста запасов, можно рассчитать, что в среднем 1 условная единица запасов нефти была равна 32,43 млн т. Поэтому, мы можем провести оценку МСП, начиная с 2006 г.

Что представляет собой количественная оценка МСП? Такая оценка может быть как стоимостной, так и балльной, последняя соотносится с каким-либо эталоном. Стоимостные оценки МСП почти всегда подвержены колебаниям, связанных с динамикой цен, отражают текущую коммерческую значимость минеральных ресурсов.

Каждый компонент МСП рассматривается в ранжированном ряду баллов, часто даже с «коэффициентом взвешивания», а затем баллы всех компонентов суммируются. Эксперт, давая оценку «веса» ресурса, может присвоить разные баллы одному и тому же ресурсу для разных уровней рассмотрения. Важно, чтобы эксперт соответствовал возлагаемым функциям «выразителя интересов» соответствующей территории.

По нашему мнению, найденная с учетом современных условий освоения оценка МСП прямо пропорциональна значимости ресурса, величине запасов, коэффициенту изученности, освоенности и обратно пропорциональна коэффициенту удаленности от транспортных путей. Такая ценность МСП базируется на наших знаниях и на современном экономико-географическом положении [15].

Для расчета МСП (М) используем формулу:

$$M = \sum \frac{D_i \times Q_i \times S_i \times G_i}{T_i} \quad (1)$$

где D_i – значимость минерального ресурса, Q_i – коэффициент величины запасов, S_i – коэффициент изученности, G_i – коэффициент освоенности данного вида ресурсов, T_i – коэффициент транспортной доступности; i – вид ресурса, n – количество видов ресурсов.

В качестве одного из возможных вариантов баллирования может быть использована шкала относительной ценности главных минеральных ресурсов.

Для оценки значимости ресурсов были проанализированы шкалы, предложенные в работах И.Ф. Зайцева и О.А. Изюмского [6], И.Я. Кузьмина и др. [11]. Значимость ресурса D_i связана с логарифмом по основанию 2 от мировой цены, поэтому мы предлагаем формулу для расчета значимости ресурса:

$$D_i = \log_2 P_i \quad (2)$$

где P_i – мировая цена i -го минерального ресурса (в долларах за тонну).

Для оценки значимости в расчетах для исключения инфляции применялись постоянные цены 2001 г.

Оценки МСП являются сравнительными и имеют смысл при рассмотрении территориальной системы уровня Азиатской России.

При расчете МСП необходимо использовать усредненную величину запасов, соответствующую удельному весу минерального ресурса в пределах РФ. Поэтому коэффициент величины запасов Q_i можно вычислить по формуле:

$$Q_i = 0,35R_i + 1,5 \quad (3)$$

где R_i — доля i -го минерального ресурса в его общероссийских запасах. Если эта доля составляет более 30%, то коэффициент Q_i устанавливается в 12 баллов, а если она менее 1,5%, то он равен 1.

Условия транспортной доступности характеризуются степенью удаленности района. Удаленность учитывается с помощью шкалы коэффициентов, построенных в зависимости от средневзвешенного расстояния крупнейших месторождений от магистральных железных и автомобильных дорог, трубопроводов, речных и морских портов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Для всех субъектов АР был рассчитан МСП, определена доля региона в суммарном МСП России (табл. 1).

Таблица 1. Оценка МСП субъектов АР

Ранг 2022 г.	Регион	Потенциал		Изменение		Ранг 2006 г.
		2022 г.	2006 г.	Баллы	%	
1	Красноярский край	932	958	-25	-3	1
2	Иркутская область	467	446	22	5	2
3	Республика Саха (Якутия)	424	390	35	9	3
4	Забайкальский край	377	365	12	3	4
5	Приморский край	313	312	1	0	5
6	Кемеровская область	242	229	13	6	8
7	Ханты-Мансийский АО	238	235	3	1	7
8	Ямало-Ненецкий АО	221	274	-53	-19	6
9	Чукотский АО	212	202	10	5	9
10	Республика Бурятия	205	187	18	10	11
11	Хабаровский край	196	188	8	4	10
12	Магаданская область	179	136	43	31	14
13	Алтайский край	174	161	13	8	12
14	Республика Тыва	166	133	33	25	15
15	Амурская область	161	141	20	14	13
16	Сахалинская область	124	117	7	6	17
17	Камчатский край	114	111	3	2	18
18	Еврейская АО	112	102	10	9	19
19	Томская область	100	120	-20	-17	16
20	Республика Хакасия	74	73	1	1	20
21	Новосибирская область	55	52	3	5	23
22	Тюменская область (юг)	53	53	0	-1	22
23	Республика Алтай	46	58	-12	-21	21
24	Омская область	35	42	-7	-18	24

Первые пять мест за период 2006–2022 гг. занимали Красноярский край, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский и Приморский края, а последнее место — Омская область. Расчеты показали, что Ханты-Мансийский АО — Югра находится на 7 месте среди регионов АР по величине потенциала МСП. Тем не менее, произошли некоторые подвижки в рейтинговом списке. Так, например, Ямало-Ненецкий АО и Томская область опустились с 6 на 8 и с 16 на 19 место (соответственно), а Магаданская область и Новосибирская область поднялась с 14 на 12 и с 23 на 21 место.

Кроме того, наиболее существенные потери по сумме баллов МСП были у Ямало-Ненецкого АО и Томской области (–53 и –20 баллов соответственно), что произошло за счет сокращения доли добываемой в регионах нефти. В Магаданской области, Республиках Саха (Якутия) и Тыва, наоборот, произошло повышение оценки (+43, +35 и +33 балла соответственно).

У Тывы — за счет увеличения доли урановых, медных и молибденовых руд, у Якутии – урановых руд и руд редкоземельных металлов, у Магаданской области — золота.

Рассмотрим структуру потенциала МСП субъектов федерации АР, сгруппировав все ресурсы в 5 укрупненных групп (топливно-энергетические, благородных металлов и драгоценных камней, черных и цветных металлов, химического сырья, технического и минерально-строительного сырья).

К топливно-энергетическим ресурсам (ТЭР) относятся: бурый и каменный уголь, нефть, природный газ и урановая руда. К группе благородных металлов и драгоценных камней (РБМДК) принадлежат: золото, платиноиды, серебро, драгоценные камни и алмазы. В группу черных и цветных металлов (РЧЦМ) входят руды: алюминия (бокситы, нефелины, сыныри-ты), вольфрама, меди, молибдена, никеля, олова, свинца, цинка, редкоземельных металлов, лития, ртути, циркония, сурьмы, кобальта, мышьяка, титана, железа, марганца, хрома, а также магнезит и барит. К химическому сырью (ХС) относятся: апатиты, фосфориты, калийные, поваренные и глауберовы соли, сера, флюорит, бораты, бром, сода, а также условно торф и сапропель. К группе технического и минерально-строительного сырья (ТМСР) принадлежат: гранит, мрамор, горный хрусталь, кремнистое сырье, кварцит и кварцевый песок, цементное сырье (в основном известняк), каолин, минеральные краски, асбест, импактные алмазы, тальк, слюда, волластонит, гипс, графит, корундит, исландский шпат, туф, минеральные строительные материалы (песок, глина и др.).

Данные о структуре МСП регионов АР приведены в табл. 2. Все регионы группировались в 8 групп (в 2006 г.)

Таблица 2. Структура МСП по группам ресурсов (2006 г.)

	ТЭР	РБМДК	РЧЦМ	ХС	ТМСР
1 группа регионов					
Ямало-Ненецкий АО	85,6	1,7	8,0	4,2	0,5
Тюменская область (юг)	62,6	0,0	8,8	25,9	2,6
Ханты-Мансийский АО — Югра	60,5	11,5	15,2	7,8	5,1
Омская область	71,2	0,0	16,5	10,2	2,1
Новосибирская область	51,2	4,1	24,6	10,3	9,9
2 группа регионов					
Магаданская область	3,9	73,5	20,6	0,9	1,1
Республика Саха (Якутия)	7,5	66,2	19,8	3,2	3,3
Камчатский край	9,5	51,7	26,1	4,8	7,9
3 группа регионов					
Еврейская АО	7,0	14,9	59,7	5,3	13,1
Республика Бурятия	9,2	16,8	58,3	7,4	8,2
Хабаровский край	6,1	30,7	58,2	2,2	2,8
Республика Тыва	5,1	7,7	53,7	0,4	33,1
Забайкальский край	32,7	7,4	53,6	4,6	1,7
Чукотский АО	3,9	41,0	54,6	0,0	0,5
Красноярский край	6,7	36,1	50,6	2,5	4,1
4 группа регионов					
Алтайский край	1,3	6,3	17,0	57,5	17,8
5 группа регионов					
Томская область	32,0	11,5	44,6	6,7	5,2
Кемеровская область — Кузбасс	28,0	11,8	32,9	5,8	21,4
6 группа регионов					
Республика Алтай	7,1	41,8	38,8	1,6	10,6

Республика Хакасия	11,3	38,7	40,3	0,7	9,1
Амурская область	3,4	39,9	37,4	2,7	16,5
7 группа регионов					
Иркутская область	15,0	32,3	20,9	10,4	21,4
Сахалинская область	16,9	22,6	14,8	19,4	26,2
8 группа регионов					
Приморский край	3,8	27,1	34,4	27,1	7,6

По структуре МСП 2006 г. можно сгруппировать все субъекты в несколько групп:

- 1) с преобладанием топливно-энергетических ресурсов (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Новосибирская и Омская области, юг Тюменской области)
- 2) с преобладанием ресурсов благородных металлов и драгоценных камней (Магаданская область, Камчатский край, Якутия)
- 3) с преобладанием ресурсов черных и цветных металлов (Красноярский край, Республики Тыва и Бурятия, Еврейская АО, Забайкальский и Хабаровский края, Чукотский АО)
- 4) с преобладанием химического сырья (Алтайский край)
- 5) с преобладанием топливно-энергетических ресурсов и ресурсов черных и цветных металлов (Томская и Кемеровская области)
- 6) с преобладанием ресурсов благородных металлов и драгоценных камней и ресурсов черных и цветных металлов (Республики Алтай и Хакасия, Амурская область)
- 7) с преобладанием ресурсов благородных металлов и драгоценных камней и технического и минерально-строительного сырья (Иркутская и Сахалинская область)
- 8) с примерно одинаковыми величинами ресурсов благородных металлов и драгоценных камней, ресурсов черных и цветных металлов и химического сырья (Приморский край)

В 2022 г. все регионы были сгруппированы немного по-другому (табл. 3).

Таблица 3. Структура МСП по группам ресурсов (2022 г.)

	ТЭР	РБМДК	РЧЦМ	ХС	ТМСР
1 группа регионов					
Ямало-Ненецкий АО	83,3	2,4	7,3	5,7	1,4
Ханты-Мансийский АО — Югра	54,4	9,6	16,7	9,2	10,1
Новосибирская область	53,9	6,9	20,4	9,8	9,0
2 группа регионов					
Магаданская область	2,8	78,2	16,8	0,7	1,5
Камчатский край	7,9	63,5	11,4	5,9	11,3
Республика Саха (Якутия)	12,3	51,1	26,4	6,8	3,3
3 группа регионов					
Республика Тыва	10,2	5,2	62,8	0,3	21,4
Республика Алтай	8,9	13,1	62,5	2,0	13,4
Забайкальский край	19,4	15,2	59,4	4,1	1,9
Республика Бурятия	11,9	13,8	59,0	7,3	7,9
Чукотский АО	2,9	38,9	57,7	0,0	0,5
Хабаровский край	5,5	29,3	56,8	3,2	5,2
4 группа регионов					
Алтайский край	1,4	6,8	14,1	60,7	17,1
5 группа регионов					
Томская область	19,6	6,2	48,4	15,2	10,5
Кемеровская область — Кузбасс	32,1	8,5	31,0	6,9	21,4

6 группа регионов					
Омская область	44,8	0,0	19,9	30,3	5,0
7 группа регионов					
Красноярский край	6,8	40,5	42,4	1,7	8,6
Республика Хакасия	16,7	38,9	30,2	4,5	9,7
Иркутская область	16,0	30,0	23,4	11,5	19,1
Амурская область	5,5	32,0	44,4	3,0	15,2
8 группа регионов					
Еврейская АО	5,5	9,4	45,5	9,2	30,5
Сахалинская область	14,3	19,4	21,9	18,4	25,9
9 группа регионов					
Тюменская область (юг)	30,7	0,0	33,4	30,6	5,3
10 группа регионов					
Приморский край	3,3	22,7	40,2	22,8	11,0

По структуре МСП в 2022 г. можно сгруппировать все субъекты в несколько групп:

- 1) с преобладанием топливно-энергетических ресурсов (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Новосибирская области)
- 2) с преобладанием ресурсов благородных металлов и драгоценных камней (Магаданская область, Камчатский край, Якутия)
- 3) с преобладанием ресурсов черных и цветных металлов (Республики Тыва, Алтай, Бурятия, Забайкальский и Хабаровский края, Чукотский АО)
- 4) с преобладанием химического сырья (Алтайский край)
- 5) с преобладанием топливно-энергетических ресурсов и ресурсов черных и цветных металлов (Томская и Кемеровская области)
- 6) с преобладанием топливно-энергетических ресурсов и химического сырья (Омская область)
- 7) с преобладанием ресурсов благородных металлов и драгоценных камней и ресурсов черных и цветных металлов (Красноярский край, Хакасия, Иркутская и Амурская области)
- 8) с преобладанием ресурсов черных и цветных металлов и технического и минерально-строительного сырья (Еврейская АО и Сахалинская область)
- 9) с примерно одинаковыми величинами топливно-энергетических ресурсов, ресурсов черных и цветных металлов, и технического и минерально-строительного сырья (юг Тюменской области)
- 10) с примерно одинаковыми величинами ресурсов благородных металлов и драгоценных камней и химического сырья (Приморский край)

В отличие от 2006 г. в 2022 г. структура была немного другая: выделялась группа с преобладанием ресурсов благородных металлов и драгоценных камней и технического и минерально-строительного сырья.

Таким образом, все субъекты можно сгруппировать всего в 2 группы: со стабильным состоянием (инерционное положение) и с изменившимся состоянием (динамичное положение). Ко второй группе относятся всего 6 субъектов (Омская, Сахалинская области, Еврейская АО, юг Тюменской области, Красноярский край и Республика Алтай). Все остальные субъекты АР в 2022 г. не поменяли своего положения в группах.

При анализе таблицы 2 можно видеть, что структура МСП Ханты-Мансийского АО — Югры в 2006 г. во многом схожа со структурой потенциала Ямало-Ненецкого АО, Новосибирской и Омской областей (коэффициенты корреляции 0,99, 0,90, 0,94 и 0,98 соответственно). Анализируя таблицу 3, видим, что структура МСП Югры осталась схожа только со структурой потенциала Ямало-Ненецкого АО, Новосибирской области (оба коэффициента корреляции 0,99).

Нефть и природный газ являются основными полезными ископаемыми на территории Югры. В равнинной части, приуроченной к Западно-Сибирской плите и сложенной осадочными горными породами, залегают нефть, природный газ, газовый конденсат и торф. Сформировались эти месторождения в меловом периоде мезозойской эры (140–70 млн лет назад). Нефть ХМАО — Югры отличается более высоким качеством, чем нефть Поволжья, но дальнейшему увеличению нефтедобычи препятствует выработанность месторождений, 70% запасов нефти относятся к трудноизвлекаемым. Из крупнейших месторождений уровень выработанности на Самотлорском месторождении составляет 73%, Мамонтовском — 80%, Федоровском — 68% начальных извлекаемых запасов. Наибольший объем добычи нефти ХМАО приходится на 2 месторождения: Приобское и Самотлорское [4].

По величине запасов (категорий А, В, С₁ и С₂) нефтяные меторождения в 2022 г. распределяются следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Запасы крупнейших месторождний нефти в Югре в 2022 г.

Ранг по запаса- сам, 2022 г.	Месторождения	Запасы, млн т.			Доля запаса- сов в РФ, %
		А+В ₁ +С ₁	В ₂ +С ₂	всего	
1	Приобское	1326,5	275,8	1602,3	5,2
2	Красноленинское	560,2	582,7	1142,9	3,7
3	Самотлорское	808,3	21,7	830,0	2,7
4	Приразломное	211,6	160,3	371,9	1,2
5	Федоровское	173,6	31,3	204,9	0,7
6	Малобалыкское	152,7	24	176,7	0,6
7	Ван-Еганское	88	74,5	162,5	0,5
8	Тайлаковское	130,1	29,9	160,0	0,5
9	Мамонтовское	96,3	37,5	133,8	0,4
10	Тагринское	93,2	30,4	123,6	0,4

Тем не менее, широко бытующее мнение о том, что кроме нефти и газа в регионе ничего нет, следует отбросить. В Уральских горах сосредоточены металлические полезные ископаемые, большинство из них почти не изучено. В настоящее время запасы промышленных категорий неуглеводородного сырья имеются только по месторождениям кварца, россыпного и рудного золота, бурых углей, строительного камня [13]. Запасы минеральных строительных материалов (пески, глины и др.) начали формироваться 140 млн лет назад в меловом периоде, продолжали формироваться в палеогене (кайнозойская эра), в условиях мелководных морей шло накопление песков, глины, опоки, опоквидной глины, диатомиты и диатомовые глины — ценное горнохимическое сырье и местные строительные материалы.

Для подтверждения адекватности выбранного метода исследования можно отметить, что коэффициент корреляции между величинами МСП и величиной стоимости добычи полезных ископаемых (в 2022 г.) всех субъектов АР составлял 0,69 — т.е. достаточно существенный. Это может говорить о том, что в большинстве регионов развитие экономики определяется именно МСП, хотя и зависит от других факторов развития.

Коэффициент корреляции между величиной потенциала МСП и площадью территории составляет 0,73, с численностью населения –0,29, валового регионального продукта 0,30. Это говорит о том, что чем больше территория субъекта, тем больше величина МСП. Этот потенциал связан слабой обратной связью как с человеческими ресурсами и прямой слабой связью с масштабами развития экономики.

ВЫВОДЫ. Экономика России функционирует в рамках экспортно-сырьевой модели, характерной для многих стран, имеющих богатые запасы минеральных ресурсов. Ресурсно-

сырьевая специализация в сочетании с высокими технологиями — это сегодняшний путь процветания регионов АР.

Успешность поиска путей развития России в новом тысячелетии, ее участия в глобальных процессах современности во многом определяется правильностью выбора приоритетов региональной политики. Один из главных ее приоритетов должен состоять в осознании и планомерном использовании того неоспоримого факта, что АР является не только ресурсно-сырьевой кладовой страны, но и важнейшим материально-производственным базисом экономики, основным ее территориальным ресурсом в настоящее время и резервом на будущее. А существующий МСП является мощным «локомотивом региональной экономики», за счет чего и будет продолжаться развитие всего региона. Поэтому необходимо задумываться, как и за счет чего мы будем жить в ближайшее время. А для этого нужно проводить ресурсосберегающую политику, диверсифицировать отраслевую структуру экономики.

Конечно же, предложенная в работе методика расчетов достаточно спорна, но, по нашему мнению, у нее есть ряд преимуществ при недостатке информации по минерально-сырьевым ресурсам. Систематическая оценка потенциала МСП различных территорий крайне важна, так как понятия «значимость минерального ресурса» и «экономический эффект от использования этого ресурса» исторически изменчивы и зависят как от уровня экономического развития самого общества, так и состояния минеральных ресурсов.

В данной работе обоснованы теоретические положения, направленные на совершенствование территориальной организации производительных сил региона, что имеет большое научное и практическое значение для экономической и социальной географии и региональной экономики.

В дальнейшем объект исследования может быть расширен как хронологически, так и территориально, а также за счет изучения смежной научной проблематики.

Результаты исследования имеют прикладное значение для муниципального и регионального управления социально-экономическими процессами. Результаты исследования можно использовать при корректировке стратегий социально-экономического развития регионов АР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашенко В.В., Игнатьева М.Н., Логинов В.Г. Природно-ресурсный потенциал северных районов: методические особенности комплексной оценки // Экономика региона. 2015. № 4(44). С. 84–94.
2. Волович В.Н., Маринина О.А. Экономическая оценка минерально-сырьевых ресурсов // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2005. № 12. С. 166–169.
3. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ в 2006 году / Гл. ред. А.И. Варламов. Министерство природных ресурсов Российской Федерации, 2007. 338 с.
4. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ 2022 году / Гл. ред. Д.Д. Тетенькин, Е.И. Петров. М.: Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2023. 640 с.
5. Елтошкина Н.В., Юндунов Х.И. Оценка потенциала минерально-сырьевых ресурсов Республики Бурятия // Московский экономический журнал. 2019. № 6. С. 41–52
6. Зайцев И.Ф., Изюмский О.А. Природные ресурсы — на службу экономическому прогрессу. М.: Мысль, 1972. 57 с.
7. Ипполитова Н.А. Использование топливно-энергетических ресурсов Сибири на современном этапе развития хозяйственного комплекса // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Том 9, № 6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/29EVN617.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2002. 135 с.
9. Новиков Э.А., Блехцин И.Я. Минерально-сырьевой потенциал. Освоение и рациональное использование. Л.: Недра, 1987. 96 с.

10. Попов В.В. Минеральные ресурсы и экономика России на рубеже XX–XXI столетий. Проблемы и пути их решения. М: ОИФЗ РАН, 2000. 47 с.
11. Принципиальная основа прогнозирования, рационального использования и охраны минеральных ресурсов Восточной Сибири / И.Я. Кузьмин, А.С. Барышев, Г.Г. Русин, А.И. Верхозин // Оценка, прогнозирование, рациональное использование и охрана минеральных ресурсов. Новосибирск, 1980. С. 66–73.
12. Природно-ресурсный потенциал Иркутской области / И.Л. Савельева, Л.А. Безруков, Л.Б. Башалханова и др. Иркутск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1998. 238 с.
13. Ржепка Э.А., Соколов С.Н. Методы оценки природно-ресурсного потенциала территории // Географические исследования Сибири и Алтае-Саянского трансграничного региона: [Сб. ст.]. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 218–232.
14. Савельева И.Л. Минерально-сырьевые циклы производств Азиатской России: Региональные черты становления и развития. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2007. 274 с.
15. Соколов С.Н. Пространственно-временная организация производительных сил регионов Азиатской России: Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. Иркутск, 2009. 45 с.

REFERENCES

1. Balashenko V.V., Ignatyeva I.M., Loginov V.G. *Prirodno-resursnyj potencial severnykh rajonov: metodicheskie osobennosti kompleksnoj ocenki* [Natural Resources Potential of Northern Regions: Consistent Features of Comprehensive Assessment] // *Jekonomika regiona*. 2015. № 4(44). S. 84–94. (In Russian).
2. Volovich V.N., Marinina O.A. *Jekonomicheskaja ocenka mineral'no-syr'evykh resursov* [Economic assessment of mineral and raw materials resources] // *Gornyj informacionno-analiticheskij bjulleten'*. 2005. № 12. S. 166–169. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyj doklad o sostojanii i ispol'zovanii mineral'no-syr'evykh resursov RF v 2006 godu* [State report on the state and use of mineral resources of the Russian Federation in 2006] / Gl. red. A.I. Varlamov. Ministerstvo prirodnih resursov Rossijskoj Federacii, 2007. 338 s. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyj doklad o sostojanii i ispol'zovanii mineral'no-syr'evykh resursov RF 2022 godu* [State report on the state and use of mineral resources of the Russian Federation in 2022] / Gl. red. D.D. Teten'kin, E.I. Petrov. M.: Ministerstvo prirodnih resursov i jekologii Rossijskoj Federacii, 2023. 640 s. (In Russian).
5. Eltoshkina N.V., Yundunov H.I. *Ocenka potenciala mineral'no-syr'evykh resursov Respubliki Burjatija* [Assessment of the potential of mineral and raw materials resources in the Republic of Buryatia] // *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal*. 2019. № 6. S. 41–52. (In Russian).
6. Zajcev I.F., Izjumskij O.A. *Prirodnye resursy — na sluzhbu jekonomicheskomu progressu* [Natural resources at the service of economic progress]. M.: Mysl', 1972. 57 s. (In Russian).
7. Ippolitova N.A. *Ispol'zovanie toplivno-jenergeticheskikh resursov Sibiri na sovremennom jetape razvitija hozjajstvennogo kompleksa* [The use of fuel and energy resources of Siberia at the present development stage of the economic complex] // *Internet-zhurnal «Naukovedenie»*. 2017. Tom 9, № 6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/29EVN617.pdf> (data obrashheniya: 01.10.2024). (In Russian).
8. Lomakina N.V. *Mineral'no-syr'evoj kompleks v jekonomike Dal'nego Vostoka* [The mineral resource complex in the economy of the Far East]. Vladivostok: Dal'nauka, 2002. 135 s. (In Russian).
9. Novikov Je.A., Blehcin I. Ja. *Mineral'no-syr'evoj potencial. Osvoenie i racional'noe ispol'zovanie* [Mineral resource potential. Development and rational use]. L.: Nedra, 1987. 96 s. (In Russian).
10. Popov V.V. *Mineral'nye resursy i jekonomika Rossii na rubezhe XX–XXI stoletij. Problemy i puti ih reshenija* [Mineral resources and the Russian economy at the turn of the XX–XXI centuries. Problems and ways to solve them]. M.: OIFZ RAN, 2000. 47 s. (In Russian).
11. *Principial'naja osnova prognozirovaniya, racional'nogo ispol'zovaniya i ohrany mineral'nykh resursov Vostochnoj Sibiri* [The fundamental basis for forecasting, rational use and protection of the mineral resources of Eastern Siberia] / I. Ja. Kuz'min, A.S. Baryshev, G.G. Rusin, A.I. Verhozin // *Ocenka, prognozirovaniye, racional'noe ispol'zovanie i ohrana mineral'nykh resursov*. Novosibirsk, 1980. S.66–73. (In Russian).

12. *Prirodno-resursnyj potencial Irkutskoj oblasti* / I.L. Savel'eva, L.A. Bezrukov, L.B. Bashalhanova i dr. [Natural-resources potential of Irkutsk oblast: Natural-resources potential of Irkutsk oblast]. Irkutsk: Izd-vo Sib. otd-nija RAN, 1998. 238 s. (In Russian).
13. Rzhepka Je.A., Sokolov S.N. *Metody ocenki prirodno-resursnogo potenciala territorii* [Methods of assessing the natural resource potential of the territory]// Geograficheskie issledovanija Sibiri i Altae-Sajanskogo transgranichnogo regiona: [Sb. st.]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2022. S. 218–232. (In Russian).
14. Savel'eva I.L. *Mineral'no-syr'evye cikly proizvodstv Aziatskoj Rossii: Regional'nye cherty stanovlenija i razvitija* [Mineral and raw material production cycles of Asian Russia: regional features of formation and development]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd-nija RAN, 2007. 274 s. (In Russian).
15. Sokolov S.N. *Prostranstvenno-vremennaja organizacija proizvoditel'nyh sil regionov Aziatskoj Rossii* [Spatial and temporal organization of the productive forces of the regions of Asian Russia]: Avtoref. dis. ... dokt. geogr. nauk. Irkutsk, 2009. 45 s. (In Russian).

ВОДА И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ**WATER AND WATER RESOURCES IN HISTORY AND CULTURE**

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.012

ББК 26.222.588г(2)64

УДК 556.94(470+571)

Е.Ю. ДЕМЕНЧУК

МАЛЫЕ РЕКИ КАК GENIUS LOCI

E.Y. DEMENCHUK

SMALL RIVERS AS GENIUS LOCI

Малые реки и связанные с ними ландшафты обладают рядом качеств и ценностей, к которым можно отнести не только природные ресурсы, такие как биоразнообразие, среда обитания и вода, но и культурное наследие, состоящее из материальных объектов и нематериальных ценностей, таких как чувство места, Genius Loci. Цель данной статьи — рассмотрение роли малых рек как факторов, формирующих данный нематериальный ресурс. Игнорирование ресурсной оценки нематериальных экосистемных услуг природных объектов может привести к реализации ландшафтной и геоэкологической политики, игнорирующей культурные ценности, широко воспринимаемые людьми.

Small rivers and associated landscapes possess a number of qualities and values, which include not only natural resources such as biodiversity, natural habitat and water, but also cultural heritage consisting of physical cultural resources and immaterial values such as a sense of place Genius Loci. This article is not supposed merely to present the role of small rivers as factors forming this intangible resource. Ignoring the resource assessment of intangible ecosystem services of natural objects could lead to the implementation of landscape and geoecological policies that ignore widely perceived cultural values.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: малые реки, природные ресурсы, чувство места, культурные ценности, экосистемные услуги

KEY WORDS: small rivers, natural resources, sense of place, cultural values, ecosystem services

ВВЕДЕНИЕ. На протяжении последних веков многие ученые и философы задумывались об истоках древних и современных цивилизаций, в ряде работ неоднократно подчеркивалась роль географических ландшафтов в становлении цивилизаций (О. Шпенглер [5, с. 151, 223, 589], Л.Н. Гумилев [2], М. Элиаде [6, с. 59] и др.). Непосредственно о связи великих рек и становлении цивилизаций заговорил Л.Н. Мечников, утверждая, что «основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки. Река во всякой стране является как бы выражением живого синтеза, всей совокупности физико-географических условий: и климата, и почвы, и рельефа земной поверхности, и геологического строения данной области. Быстрота или медленность ее течения, обилие воды в реке обуславливаются дождями, таянием снегов, сменой времен года и бесчисленными климатическими изменениями; рельеф земной поверхности, степень удаленности реки от моря определяют длину реки и извилистость русла; геологическое строение, обилие или недостаток наносов, присутствие или отсутствие органических остатков и различных минеральных веществ в русле обуславливают прозрачность или мутность вод; те же условия сообщают речной воде специальные свойства, окраску, запах, увеличивают или уменьшают ее пластическую или разрушительную мощь» [4, с. 216].

С точки зрения современных геоэкологических представлений, речные экосистемы действительно связаны с землями в окружающих их водосборных бассейнах за счет различных

потоков вещества и энергии. Изменения в землепользовании и ландшафтной структуре оказывают серьезное влияние на соседние речные экосистемы, что отражается на качестве воды, структуре и функциях речных экосистем.

В отличие от крупных рек малые реки имеют более тесную связь с окружающим ландшафтом. И если в результате действия природных и антропогенных факторов на крупные реки там происходят изменения, то они обычно более растянуты и сглажены в пространстве и во времени за счет затухания в геозекосистемах. Однако на водосборах малых рек эти изменения проявляются быстро и более резко.

Говоря о роли малых рек в формировании человеческого общества, отметим, что в отличие от великих рек, имеющих цивилизационное влияние, вокруг малых рек формируются различные локальные сообщества. И так же, как малые реки впадают в более крупные, эти локальные сообщества в конечном итоге и образуют цивилизацию в целом, создавая систему прямых и обратных связей, состоящую как из объектов предметных (торговля и обмен), так и из нематериальных (информационный обмен, передача обычаев и нравов и т.п.).

ЦЕЛЬ данной работы — показать, что малые реки являются не только природным ресурсом, таким как поддержка биоразнообразия, среда обитания и вода, но и ресурсом нематериального культурного наследия — чувства места или *Genius Loci*.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Существующие тенденции в оценке водных ресурсов свидетельствуют о том, что эта проблема будет одной из самых существенных в XXI веке. Нехватка водных ресурсов продолжает увеличиваться с течением времени из-за роста населения, методов ведения сельского хозяйства и общих климатических изменений. Для многих стран проблема нехватки водных ресурсов связана с неэффективным использованием воды в бытовом и сельскохозяйственном секторах (высокое потребление воды на душу населения, утечки из распределительной сети, расточительное использование в сельском хозяйстве и архаичные методы орошения). ЮНЕСКО выделяет [14] шесть угроз для поверхностных водотоков: водохозяйственная инфраструктура (включая плотины, мелиоративные каналы и т.п.), чрезмерный забор воды, изменение климата, внесение инвазивных видов, загрязнение от чрезмерного рыболовства. Эти угрозы не являются изобретением нашего времени, в прошлом мы можем найти исторические примеры не только влияния рек на цивилизации, но и негативного влияния цивилизации на реки. От цивилизации Моче [10] на американском континенте, основанной на сельском хозяйстве, которая вкладывала значительные средства в строительство сети ирригационных каналов для отвода речной воды для снабжения своих посевов, бактрийско-маргианской культуры, сформировавшейся в Центральной Азии в эпоху неолита, поселения которой строились на берегах многочисленных рек и речушек, до современных проблем малых и средних рек, связанных с нарушением гидрографических, гидрохимических и гидрологических режимов в результате проведения мелиоративных работ, строительства дорог, жилищного строительства — проблемы тысячелетиями возникают очень похожие.

Однако было бы неправильно рассматривать малые реки только в качестве водного ресурса. Источники пресной воды уникальны, они не абстрактны и не могут быть переданы другим людям, это сразу же выводит нас за рамки воды как ресурса, точнее сказать, не столько ресурса, сколько как часть социокультурного, философского и политического пространства.

С этой точки зрения необходимо вспомнить концепт *Genius Loci*, («дух места»), известный с античных времён. Дух места — понятие неоднозначное, множество литературных источников не содержит его строгого определения. Культурологи вкладывают свой смысл, архитекторы — свой, но в любом случае понятие отражает структуру взаимозависимостей между многочисленными компонентами в разных масштабах, связанными в латентном порядке, отражая связь между прошлой историей и настоящей жизнью применительно к некоторому пространству. Ранее он относился к уникальности места, объединяющему

группу людей в одно целое, как конкретная реальность, с которой человек сталкивается в повседневной жизни. Место может иметь вполне географическое определение, хотя, возможно, географы будут сопротивляться тому, чтобы сводить *Genius Loci* к чему-то, созданному социальными, культурными или природными силами.

Говоря о понятиях места, необходимо отметить разные концепции, которые высказываются как в области психологии окружающей среды, так и в социальной географии.

В частности, можно выделить четыре основных понятия: идентичность места, зависимость от места, привязанность к месту и чувство места.

Идентичность места — это та часть нашей идентичности, которая связана с местом. По мнению авторов [13; 7], идентификация с местом или сообществом может происходить как из физической (территория), так и из социально-культурной принадлежности, это сложная конструкция, которая может относиться к различным экологическим и социальным уровням, включая национальную, региональную и городскую идентичность. Говоря о роли рек в данном аспекте идентификации, можно привести различные примеры. Это и небольшие реки, на берегах которых строились деревни и поселки, и эти реки становились в восприятии местных жителей неотъемлемым элементом «малой родины». С точки зрения национальной идентификации с местом, наверное, стоит отметить восприятие как русской (российской) идентичности берегового ландшафта реки Нерль во Владимирской области с храмом Покрова-на-Нерли.

Зависимость от места показывает, как место может быть важным из-за его функциональной ценности. На ранних этапах формирования поселений малые реки выполняли различные функции, в том числе добычи пропитания, защиты, информирования и коммуникации. За рекой можно было укрыться от врагов, вода реки тушила пожары, река кормила и поила, несла отдых и успокоение. Некоторые из выполняемых функций постепенно отпадали, некоторые сохранили свою актуальность и по сей день, например рыбалка и рекреация.

Привязанность к месту — это эмоциональные и когнитивные компоненты, связывающие нас с определенным местом. Эмоциональная привязанность является отдельным компонентом идентичности, включающим в себя чувство эмоциональной приверженности, принадлежности или эмоциональной вовлеченности в группу (семья, друзья, соседи, далекие предки), то, что может проявляться в вариантах шкалы «неприятие места» — «жертвенность ради места» [7; 12].

А вот чувство места выделяется [8] как комплексный элемент, включающий в себя предыдущие три, что в большей степени соотносится с концепцией *Genius Loci* во многих аспектах — и географических, и культурологических, и философских. Чувство места относится к эмоциональным связям и привязанностям, которые люди развивают или испытывают в определенных местах и средах, в масштабах от дома до страны. Чувство места также используется для описания самобытности или уникального характера конкретных местностей и регионов.

Место возникает в результате сложного взаимодействия прошлых и будущих событий, некоторые из которых естественны, некоторые менее естественны. Все, что в нем делается или происходит, сознательно или бессознательно, приобретает характер этого места — *Genius Loci*, оставляя его с чем-то из его сущностного бытия или добавляя к нему.

С экономической точки зрения мы можем приписать понятию места и его *Genius Loci* следующие характеристики:

1. *Уникальность и аутентичность*. Эти два атрибута относятся как к материальным, так и к нематериальным качествам объекта, связывая их с ценностью и незаменимостью объекта.
2. *Невоспроизводимость*. Каждый малый водоток уникален, потому что его режим формируется под действием местных природных факторов, чаще всего не совпадаю-

щих с зональными особенностями. В существующих системах мониторинга и оценки, применяемых во всем мире, преобладает редуccionистское мышление, основанное на количественной оценке показателей, сравниваемых с едиными нормативами ПДК, а не на мышлении, которое сосредоточено на обеспечении ресурсами и обеспечении значимого биофизического понимания конкретных (местных) речных систем, хотя изучение таких подходов ведется и довольно активно в нашей стране [3; 9].

3. *Способность быть чистым общественным благом*, неисключаемым и неконкурентным.
4. *Наличие характеристик культурного наследия*. Локальные малые реки часто упоминаются в местных песнях, выступают в различных преданиях и легендах, как объекты, влияющие на развитие сюжета, или непосредственно участниками сюжетной линии. Очень часто эти предания воспроизводят гидрологические или гидрохимические особенности рек. Например, если рассмотреть предания народов, обитавших на Черноморском побережье Кавказа, то огромное количество преданий связано с внезапным подъемом воды в летнее время, который помогает влюбленным, спасает богатыря от врагов и т.п.

Для количественной оценки данных характеристик в последнее время активно используют экосистемные услуги, определяемые как выгоды, предоставляемые экосистемами, которые способствуют тому, чтобы сделать человеческую жизнь более благоприятной. Такая количественная оценка могла бы стать полезным инструментом как в мониторинге и нормировании, так и при разработке различных проектов берегоустройства и прибрежного землепользования.

Выделяют 4 класса экосистемных услуг [1]:

1. Поддерживающие (supporting ecosystem services) — природные процессы, необходимые для поддержания экосистемы в целом (круговорот воды и биогенных веществ, почвообразование, образование наносов, формирование берегов и т.п.)
2. Регулирующие услуги (regulating ecosystem services) — выгоды и удобства, получаемые от регулирования экосистемных процессов (формирование местного микроклимата, очистка атмосферы и др.)
3. Обеспечивающие услуги (provisioning ecosystem services) — обеспечение продуктами, которые люди получают от экосистем (вода, рыба и др.)
4. Культурные услуги (cultural ecosystem services) — культурные услуги, определяемые как нематериальные выгоды, получаемые от экосистем, включая эстетическую красоту, отдых, ценность культурного наследия и, в центре внимания данной статьи, чувство места.

ООН определены десять культурных экосистемных услуг: Культурное разнообразие, Духовные и религиозные ценности, Системы знаний, Образовательные ценности, Вдохновение, Эстетические ценности, Общественные отношения, Чувство места, Ценности культурного наследия, Отдых и экотуризм. Проведенные [11] исследования, показывают, что среди изученных культурных экосистемных услуг (CES), адекватную денежную оценку удалось обнаружить только для отдыха и экотуризма. Наиболее частыми категориями CES являются отдых и экотуризм и эстетические ценности, которые встречаются в более чем пятидесяти процентах рассмотренных работ, в то время как культурное разнообразие, чувство места и системы знаний являются наименее оцененными.

ВЫВОДЫ. В условиях отсутствия методов оценки мы рискуем непреднамеренно способствовать разработке ландшафтной и геоэкологической политики и планированию, учитывающему экосистемные услуги, которые легче поддаются количественной оценке и измерению, но могут быть трудными для восприятия населением в целом, игнорируя при этом культурные ценности, которые широко воспринимаются людьми, но не поддаются измерению. Для жителей данной местности чувство места связано с конкретны-

ми географическими объектами и с определенными элементами ландшафта, а не с абстрактными представлениями об экосистемах, которые обычно фигурируют в различных оценках.

Нематериальные культурные экосистемные услуги, такие как чувство места, часто игнорируются, но в контексте урбанизации поддержание культурных экосистемных услуг является важной политической целью государства. Следовательно, федеральный проект РФ по оздоровлению крупных водных артерий, который должен быть запущен в 2025 году, а также действующий проект «Сохранение уникальных водных объектов» не должны склоняться только к очистке русел и береговой линии, зарыблению, облагораживанию территорий, организации мест отдыха и т.п. Необходимо учесть и эстетические ландшафтные особенности речных пойм, сохранить уникальную красоту и *Genius Loci* данных мест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагарина Е.С. Зеленая инфраструктура и экосистемные услуги в устойчивом развитии городов // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2023. № 1(62). С. 228–247.
2. Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., Экспрос, 1994. 317 с.
3. Дмитриев В.В., Третьяков В.Ю., Зырянова Д.С., Овсепян А.А., Почепко С.Ю., Немчинова А.В., Каппин М.О. Оценка экологического статуса водоемов на основе построения композитных индексов: методика, результаты, перспективы // *Гидрометеорология и экология*. 2024. № 75. С. 293–309.
4. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. М.: Литрес, 2010. 222 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. 663 с.
6. Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., Критерион, 2001. 464 с.
7. Haines-Young R. Sustainable development and sustainable landscapes: defining a new paradigm for landscape ecology // *Fennia*, 2000. № 178 (1). Pp. 7–14
8. Jorgensen B.S., Stedman R.C. Sense of place as an attitude: lakeshore owners attitudes toward their properties // *Journal of Environmental Psychology*, V. 21, Issue 3, 2001. P. 233–248.
9. Klubov S., Tretyakov V., Dmitriev V., Nikulina A., Kalinayte-Kramer C. Methodology for urbanized watersheds parameters ascertainment // В сборнике: E3S Web of Conferences. Actual Problems of Ecology and Environmental Management (APEEM 2023). EDP Sciences, 2023. С. 02002.
10. Leroy S.A.G. Natural Hazards, Landscapes and Civilizations/Treatise on Geomorphology (Second Edition), Academic Press, 2022. V. 9. P. 620–634.
11. Romanazzi G.R., Koto R., De Boni A., Palmisano G.O., Cioffi M., Roma R. Cultural ecosystem services: A review of methods and tools for economic evaluation//*Environmental and Sustainability Indicators*, 2023. V. 20.
12. Sakurai R., Ota T., Uehara T. Sense of place and attitudes towards future generations for conservation of coastal areas in the Satoumi of Japan // *Biological Conservation*, Volume 209, 2017. P. 332–340.
13. Strandberg C., Ek Styvén M. The multidimensionality of place identity: A systematic concept analysis and framework of place-related identity elements//*Journal of Environmental Psychology*, 2024. V. 95.
14. The United Nations World Water Development Report 2024: water for prosperity and peace; facts, figures and action examples. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388952> (дата обращения: 30.10.2024).

REFERENCES

1. Gagarina E.S. *Zelenaya infrastruktura i ekosistemnye uslugi v ustojchivom razvitii gorodov* [Green infrastructure and ecosystem services in sustainable urban development] // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2023. № 1 (62). S. 228–247. (In Russian).
2. Gumilev L.N. *Ot Rusi k Rossii. Oчерki etnicheskoy istorii* [From Russia to Russia. Essays on ethnic history]. М., Ekopros, 1994. 317 s. (In Russian).

3. Dmitriev V.V., Tret'yakov V.Yu., Zyryanova D.S., Ovsepyan A.A., Pochepko S.Yu., Nemchinova A.V., Kaspin M.O. *Ocenka ekologicheskogo statusa vodoemov na osnove postroeniya kompozitnyh indeksov: metodika, rezul'taty, perspektivy* [Assessment of the ecological status of reservoirs based on the construction of composite indices: methodology, results, prospects] // *Gidrometeorologiya i ekologiya*. 2024. № 75. S. 293–309. (In Russian).
4. Mechnikov L.I. *Civilizaciya i velikie istoricheskie reki. Geograficheskaya teoriya razvitiya sovremennyh obshchestv* [Civilization and great historical rivers. Geographical theory of the development of modern societies]. M.: Litres, 2010. 222 s. (In Russian).
5. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. M., 1993. 663 s. (In Russian).
6. Eliade M. *Istoriya very i religioznyh idej* [The history of faith and religious ideas]. M., Kriterion, 2001. 464 s. (In Russian).
7. Haines-Young R. *Sustainable development and sustainable landscapes: defining a new paradigm for landscape ecology* // *Fennia*, 2000. № 178 (1). Pp. 7–14. (In English).
8. Jorgensen B.S., Stedman R.C. *Sense of place as an attitude: lakeshore owners attitudes toward their properties* // *Journal of Environmental Psychology*, V. 21, Issue 3, 2001. P. 233–248. (In English).
9. Klubov S., Tretyakov V., Dmitriev V., Nikulina A., Kalinayte-Kramer C. *Methodology for urbanized watersheds parameters ascertainment* // *V sbornike: E3S Web of Conferences. Actual Problems of Ecology and Environmental Management (APEEM 2023)*. EDP Sciences, 2023. P. 02002. (In English).
10. Leroy S.A.G. *Natural Hazards, Landscapes and Civilizations / Treatise on Geomorphology* (Second Edition), Academic Press, 2022. V. 9. P. 620–634.
11. Romanazzi G.R., Koto R., De Boni A., Palmisano G.O., Cioffi M., Roma R. *Cultural ecosystem services: A review of methods and tools for economic evaluation* // *Environmental and Sustainability Indicators*, 2023. V. 20. (In English).
12. Sakurai R., Ota T., Uehara T. *Sense of place and attitudes towards future generations for conservation of coastal areas in the Satoumi of Japan* // *Biological Conservation*, Volume 209, 2017. P. 332–340. (In English).
13. Strandberg C., Ek Styvén M. *The multidimensionality of place identity: A systematic concept analysis and framework of place-related identity elements* // *Journal of Environmental Psychology*, 2024. V. 95. (In English).
14. *The United Nations World Water Development Report 2024: water for prosperity and peace; facts, figures and action examples*. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388952> (data obrashcheniya: 30.10.2024). (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.013

УДК 639.13:94(571.6)

ББК 63.3(235.1)-2

Т.С. МИНАЕВА

**ПОМОРСКИЙ ТЮЛЕНИЙ ПРОМЫСЕЛ:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ВОЗРОЖДЕНИЯ**

T.S. MINAEVA

**POMOR SEAL HUNTING: HISTORY
AND PROSPECTS OF REVIVAL**

Добычей тюленей в Белом море население занималось с момента заселения арктических территорий. В XIX в. зверобойный промысел уже являлся традиционным занятием поморского населения и охватывал пространства Белого и Баренцева морей. Охотились на гренландского тюленя, морского зайца, нерпу. В советское время промысел получил широкое развитие за счет использования судов ледокольного флота, самолетов и вертолетов полярной авиации. Масштабная добыча гренландского тюленя привела с 1960-х гг. к введению мониторинга популяции и ограничений на добычу морского зверя, как на международном, так и на отечественном уровне. Тем не менее, до начала 2000-х гг. на тюленьем промысле специализировались целые рыболовецкие колхозы в Архангельской области. Среди причин прекращения промысла можно отметить рост движения зоозащитников, инфляцию, рост цен на топливо, транспортные проблемы, увеличение налогообложения и ряд других. Прекращение промысла привело к потере рабочих мест, кадровых ресурсов, промышленных технологий, оттоку населения, поэтому вопрос о возобновлении тюленьего промысла в Архангельской области и обсуждение условий для его возобновления являются по-прежнему актуальными для развития региона.

The population has been engaged in the production of seals in the White Sea since the settlement of the Arctic territories. In the 19th century, the mammal hunting was already a traditional occupation of the Pomor population and covered the expanses of the White and Barents Seas. They hunted Greenland seals, bearded seals, and ringed seals. In Soviet times, mammal hunting was widely developed through the use of icebreaking fleet vessels, aircraft and helicopters of polar aviation. Large-scale hunting of the Greenland seal has led since the 1960s to the introduction of population monitoring and restrictions on the hunting of marine animals, both internationally and domestically. Nevertheless, until the early 2000s, whole fishing collective farms in the Arkhangelsk region specialized in seal hunting. Among the reasons for the cessation of fishing, one can note the growth of the animal rights movement, inflation, rising fuel prices, transport problems, increased taxation and a number of others. The issue of resuming seal hunting in the Arkhangelsk region and discussing the conditions for its resumption are still relevant for the development of the region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зверобойный промысел, добыча тюленя, гренландский тюлень, поморы, Европейский Север России.

KEY WORDS: mammal hunting, seal hunting, Greenland seal, Pomor, European North of Russia.

ВВЕДЕНИЕ. Вопрос о тюленьем промысле на Европейском Севере России сохраняет свою актуальность уже на протяжении более 100 лет. В его обсуждении принимают участие представители науки, власти и общественности, так как он затрагивает сферы экологии, экономики, народонаселения, истории и культуры. Актуальность исследования проблем

зверобойного промысла связана также с повышением значимости природных ресурсов Арктики в XXI в. для международного сообщества и участием России в их освоении.

Изучение поморских зверобойных промыслов началось в середине XIX в. Исследователи собирали и изучали материалы об участии населения и особенностях ведения промыслов в XVI–XX в. [5; 11; 15; 17; 20; 32] рассматривали влияние модернизации на поморские промыслы [13; 19], анализировали добычу морского зверя норвежскими и российскими промышленниками в водах Белого и Баренцева морей [34; 37], обращали внимание на экологические последствия промысла [1; 13; 35]. Научная новизна данной работы заключается в выяснении отношения населения Архангельского Севера в разные исторические периоды к участию в промысле и перспектив его возрождения.

ЦЕЛЬ — выявить наличие факторов, которые могут способствовать возобновлению тюленьего промысла на Европейском Севере России.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для написания статьи использованы документы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Архангельской области (ГААО), в которых представлена информация о зверобойных промыслах Архангельской губернии в XVIII — начале XX в. Подробности о проведении промыслов и их особенностях заимствованы из исторических описаний Архангельской губернии. Количественные данные получены также из изданий Архангельского губернского статистического комитета и статистических сборников XIX — начала XX в. Материалы центральной и региональной периодической печати XIX–XXI в. анализировались и обобщались для получения представления о состоянии промыслов и отношения общественности к их проведению и возобновлению.

Концептуальной основой исследовательской работы послужила теория модернизации, под которой понимают процесс качественных изменений традиционного общества при переходе к современному. Авторская точка зрения исходит из того, что техническая модернизация неизбежно ведет к конфликту между интересами индустриального общества и возможностями биосферы. Степень осознания этого конфликта государством и обществом влияет на риск возникновения экологического кризиса, связанного с потреблением природных ресурсов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Добычей тюленей население, жившее на побережье Белого моря, занималось со времен неолита [14, с. 105]. В XII–XIV вв. в ходе новгородской колонизации тюлений жир и шкуры стали предметами дани, которое местное население поставляло новгородским боярам, и ценным товаром, востребованным в торговле с Новгородом. В XV в. зверобойным промыслом в Белом море стали интересоваться северные монастыри. Первоначально они только закупали продукцию промыслов у местного населения и собирали налог с промышленников, добывавших зверя во владениях монастыря. В XVII в. северные монастыри уже сами занимались промыслами. В Соловецком монастыре даже появился кожевенный завод для обработки шкур морского зверя — нерпы и морского зайца, которых добывали у островов архипелага. Продукцию промыслов монастыри использовали для своих нужд и поставляли на продажу в Холмогоры и Архангельск.

Вероятно, с XVI в. начал развиваться зверобойный промысел в Баренцевом море, в ходе которого поморы осваивали природные богатства Новой Земли, а затем и Шпицбергена. Освоению островов Баренцева моря способствовала торговля с Западной Европой, куда отправляли тюленьи шкуры и сало морского зверя.

Как писал российский натуралист второй половины XVIII в. И. И. Лепехин, побывавший на Русском Севере в 1771–1772 гг., морские зверобойные промыслы по месту их проведения делились на домашние и отдаленные. На отдаленные или судовые промыслы ходили на Новую Землю и Грумант (Шпицберген), где оставались в становищах на зимовку, а домашние осуществляли по берегам Белого моря в весеннее время, что отразилось в местном названии промыслов — веснованье [20, с. 8]. На веснованье охотились на гренландского тюленя, морского зайца, нерпу, в лучшие годы в конце XVIII в. на один карбас (судно дли-

ной около 9 м с 8 охотниками) добывали иногда до 300 зверей. В таком случае, не имея возможности погрузить всю добычу в карбас, звериные шкуры связывали одну за другой и транспортировали их по воде за карбасом. Если же добыча целиком доставлялась до берега, то жир складывали в приготовленные ямы, закрывая их досками, в шкуры оставляли сушиться и вялиться в растянутом состоянии. Позднее, привезя из ближайших селений бочки, затаривали их салом и отвозили в Архангельск [4, с. 83]. В среднем доход от промысла составлял 10–20 руб. на человека, при том, что основные налоги в виде подушной подати и оброчного сбора крестьян Архангельской губернии составляли к концу XVIII в. не более 5 руб. По данным подворной переписи Архангельской губернии 1785 г. в морских зверобойных промыслах участвовали представители 26% крестьянских дворов (510 из 1945) [2]. Выделкой тюленьих кож занимались в Архангельске и Соловецком монастыре. Так, в Архангельске, например, в середине 1780-х гг. действовало 6 кожевенных и 9 салотопенных предприятий [6]. Кожи морских животных использовали для обивки сундуков, пошива обуви, изготовления лошадиной сбруи. Шкуры бельков и серок (детеныши и молодые тюлени в возрасте до 1 года) являлись также предметом торга с Китаем через Кяхту. Ворванное сало вывозилось в Москву и Петербург и также за границу, как и шкуры морских животных — в немецкие земли и Англию. По рапорту Архангельской таможни в 1799 г. было привезено к Архангельскому морскому порту для продажи 4763 бельковых шкуры и 8129 шкур различных тюленей по цене от 2,5 до 4 руб [8, оп. 9. Д. 88. Л. 59об.]. В XIX в. зверобойный промысел считался традиционным занятием поморского населения и охватывал пространства Белого и Баренцева морей. В зависимости от результатов промысла и спроса на товар в первые годы XIX в. в Архангельске продавалось ворванного сала от 23 до 44 тыс. пудов по цене 2,2–4,8 руб. за пуд, тюленьих кож — от 4,6 тыс. до 22 тыс. штук по цене 2–4 руб. каждая [31, оп.2. Д.780. Л.11об., 14]. Во второй половине 1830-х гг. наблюдался упадок зверобойных промыслов, так как из-за интенсивного истребления животных, прежде всего, моржей, промысловые экспедиции на Шпицберген и Новую Землю стали невыгодными, что сказалось на объемах экспортируемого товара и количестве обрабатывающих предприятий, в 1834 г. в губернии насчитывалось 8 салотопенных и 3 кожевенных предприятия, а среднегодовой вывоз в 1834–1838 гг. составил 25 тыс. пудов [9, оп.4. Д. 1. Л.2; 23, с. 330]. Тем не менее, к середине XIX в. в связи с падением объемов поставок в Западную Европу из Норвегии и США спрос на российский товар вырос. В среднем в 1845–1849 гг. а Западную Европу вывозилось из Архангельска 40 тыс. пудов ворвани [9, оп.6. Д. 2. Л. 75–86]. В годы Крымской войны 1853–1856 г. внешняя торговля Беломорья переживала упадок, как и морские промыслы, которые пострадали из-за разорительных действий англо-французской эскадры на Севере России. Как указывалось в исторических и статистических материалах Архангельской губернии, опубликованных в 1863 г.: «В последнее десятилетие звериная промышленность по губернии, как на суше, так и на море была весьма малоуспешна. Во все это время ловля зверей уменьшилась против 1826 года почти в половину» [3, с. 126]. В 1856–1857 гг. писатель С.В. Максимов совершил путешествие вдоль побережья Белого моря и записал рассказы жителей Архангельской губернии об охоте на тюленя с помощью ружей, палок и «хвостяг» (длинная палка на одном конце с утолщением, на другом с багром). Хотя на промысле часто гибли охотники, проваливаясь под лед, к этому занятию население относилось, как к прибыльному: «счастлив человек, коли жив на берег вышел. Много денег тому архангельские купцы за харавину (шкуру — Т.М.), и за сало дадут» [21, с. 37–38].

После Крымской войны промыслы восстанавливались медленно. Тем не менее в 1860 г. в зверобойных промыслах участвовал 7021 житель 2-х городов — Кеми и Мезени и 5 уездов Архангельской губернии — Архангельского, Кемского, Мезенского, Онежского и Пинежского. Среди занятых добычей морского зверя было 12 женщин в качестве хозяев, нанимавших работников на промыслы [28, приложение]. Основным объектом лова являлся гренландский

тюлень. Сало вместе со шкурой охотники обычно продавали скупщикам, которые уже и отделяли сало от кожи. Шкура с салом взрослого тюленя стоила 5–7 руб. серебром. Количество сала, получаемого от промысла по всему побережью, составляла в конце 1850-х — начале 1860-х гг. 50–70 тыс. пудов, из которых в среднем 30 тыс. пудов отправлялось на экспорт [17, с. 171–172].

Тюлений промысел далеко не всегда был успешным. Так, в 1876 г. по сообщениям из Мезенского уезда 90 хозяев из Золотицкой волости со 180 покрутчиками на 90 лодках добыли всего 80 зверей и понесли убыток на сумму 2700 руб., 49 хозяев с 294 покрутчиками из Койденской волости на 49 лодках не добыли ни одного тюленя. В 1889 г. 90 хозяев с 120 покрутчиками на 50 карбасах в результате промысла получили 800 шкур и 1200 пудов сала, но затраты превысили выручку на 300 руб. [19, с. 407, 418]

С 1870-х гг. у поморов появились конкуренты — норвежцы, которые начали активно вести промысел тюленя не только в районе Новой Земли, но и иногда и в Белом море [35, с. 5–6; 36, с. 7]. Тем не менее, объем российского промысла в 1875–1915 гг. составлял в среднем от 19 до 57 тыс. штук гренландского тюленя в год. Наиболее удачными стали 1912 и 1913 гг., когда было добыто соответственно 41.074 и 59.954 голов [12, с. 69].

Зверобойными промыслами в начале XX в. в Архангельской губернии занималось 2–4 тыс. человек [12, с. 68], т. е. в два раза меньше, чем в середине XIX в., но объем добычи не уменьшился за счет ее технического усовершенствования и частичного изменения районов промысла. С конца XIX в. наиболее предприимчивые купцы стали покупать для ведения зверобойных промыслов парусно-моторные и паровые суда в Норвегии и заниматься промыслом в горле Белого моря и у берегов Новой Земли. В 1901 г. здесь занимались добычей морского зверя уже более десятка российских судов [10, оп. 6. Д. 13, 20; 26, с. 32]. С конца XIX в. поморы начали использовать на промысле нарезное оружие вместо гладкоствольного. В ходе переоснащения русской армии снятые с вооружения винтовки Бердана продавались охотникам. С 1894 по 1900 гг. зверобой Архангельской губернии при содействии губернатора А. П. Энгельгардта получали винтовки с патронами с рассрочкой платежа [25, с. 33–34]. В 1911 г. самой распространенной винтовкой для охоты на тюленей на русских промысловых судах и у колонистов на Новой Земле была уже винтовка Ремингтона, которую покупали в Норвегии. На промысловых судах также использовали магазинную винтовку системы Браунинга [15, с. 777–780].

Модернизация промыслов положительно влияла на их результативность, но и заставляла задумываться о возможных негативных последствиях, связанных с сокращением популяции животных. На это обращал внимание уже в 1918 г. в своей статье в журнале «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» один из участников промыслов, капитан ледокольного парохода «Святой Николай» И. П. Ануфриев [1, с. 155].

После 1917 г. норвежцы продолжали без всяких ограничений вести зверобойный промысел в Белом море, объемы его достигли в 1923 г. до 175 тыс. штук [13, с. 56]. Для урегулирования этого вопроса в конце 1923 г. между СССР и Норвегией была подписано соглашение о создании концессии, по которой Олезундской группе судовладельцев из Норвегии разрешалось вести промысел в водах Северного Ледовитого океана от Мурманского побережья до архипелага Новая Земля, включая горло Белого моря [32, с. 58]. Деятельность концессии продолжалась до 1939 г. включительно. В этот период интенсивность промысла значительно выросла. Данные об объемах промысла в различных источниках очень сильно расходятся, тем не менее, в среднем только в Белом море добывалось в год от 160 тыс. до 500 тыс. гренландских тюленей, при этом норвежцы почти всегда превосходили по результатам промысла советских промышленников [13, с. 56]. Советскими промышленниками проводился в основном судовой промысел, в том числе с помощью ледоколов «Малыгин», «Седов», «Сибиряков», «Русанов», на долю берегового приходилось 10–15% добычи. Благодаря использованию ледоколов и авиаразведки (осуществлялась с середины 1920-х гг.) удалось также расширить

район промыслов, который охватывал теперь не только Белое море и район Новой Земли, но и часть Карского моря, воды между архипелагами Новая Земля и Земля Франца-Иосифа и берега архипелага Земля Франца-Иосифа.

Судовой ледокольный промысел в советский период давал стабильный заработок, он считался выгодным, поэтому попасть на него стремились многие жители побережья Белого моря. Крестьянские кооперативы, а затем и колхозы формировали артели (с 1932 г. — бригады) для судовых промыслов. Разбивка промышленников на гарпунеров и рядовых проходила на общем собрании зверобоев, где также утверждалось число звеньев в бригаде и их расстановка на промысле. В бригаду обычно входило 8–9 звеньев, по 7 человек в каждом. В 1936 г. изменились правила оплаты труда членов зверобойных бригад. Вместо традиционной паевой системы вводилась гарантийная ставка всем членам зверобойной бригады и обслуживающего персонала. Если после неудачного промысла по причинам, не зависящим от бригады, месячный заработок зверобоя составлял менее 75% твердого оклада, Управление Северного морского пути производило доплату. В результате стала расти мотивация колхозников для участия в промыслах. Кроме того, сверх гарантийной ставки зверобой получали так называемые столовые во время нахождения в море в размере 125 руб. в месяц и бесплатную спецодежду. При окончательном расчете промышленникам выплачивалась компенсация за неиспользованный отпуск из расчета среднего дневного заработка за каждый проработанный месяц [5, с.109].

На фоне крупномасштабного роста добычи тюленя ученых беспокоил риск полного истребления популяций морских животных в Белом и Баренцевом морях. Однако, после окончания Великой Отечественной войны, в 1946–1955 гг. в СССР по-прежнему добывали ежегодно в среднем 140 тыс. тюленей. Только в 1955 г. ввели квоту для судового промысла — 100 тыс. штук в год, и с этого времени объемы промысла стали уменьшаться из-за принимаемых ограничений его объема.

В 1961 г. в Архангельске был образован союз рыболовецких колхозов (Архрыбакколхозсоюз), который объединил 18 хозяйств. Один из важнейших вопросов, стоявших перед Рыбакколхозсоюзом заключался в выработке и реализации таких организационно-технических мер, которые бы сделали зверобойный промысел менее продолжительным и приносящим больше доходов. Получив полную самостоятельность в организации промысла, рыболовецкие колхозы не могли рассчитывать на аренду дорогостоящих ледоколов у Министерства морского флота как это делалось раньше государственной рыбной промышленностью. В 1962 г. после прецедента со спасением вертолетом бригады зверобоев и их трофеев, идея использования вертолетов была взята на вооружение руководством Архрыбакколхозсоюза и успешно реализована в последующие годы. Доставка зверобоев на промысел и вывоз добытого зверя стали осуществлять вертолетами. Использование вертолетов позволяло увеличить прибыль от промысла. Так, уже в 1963 г. чистого дохода (покрыв все производственные расходы включая аренду вертолетов и самолетов для подвозки бензина) колхозы получили свыше 10 тыс. руб. В результате, если в 1964–1965 гг. в промысле на Белом море на долевых началах участвовали 5 рыболовецких колхозов, то в 1970 г. уже 10. Сократилась продолжительность промысла от нескольких месяцев (когда промысел осуществлялся старым способом на лодках) до 5–10 дней. В 1969 г. только сверхплановая прибыль колхозов составила уже более 100 тыс. руб. Для сравнения — сметная стоимость первого двухквартирного дома, построенного колхозом «Северный Рыбак» составила в то время — 12 тысяч руб [34].

С середины 1960-х гг. увеличились меры по сохранению поголовья тюленей. В 1964 г. был введен мораторий на промысел взрослых самок на щенных залёжках и ограничение промысловой квоты до 60 тыс. шт. В 1965 г. в Белом море судовой промысел был запрещен вначале на 5 лет, а потом еще на 10 лет, лимит добычи устанавливался в 20 тыс. штук. В 1981 г. квота увеличилась до 40 тыс. шт., а в 1982–1988 гг. — до 60 тыс. шт., с частичным участием зверобойно-рыболовных судов, но в последующие 10 лет снова снизилась

до 30,5 тыс., а затем опять поднялась, и в 1999–2003 гг. среднегодовая добыча составила около 32,5 тыс. шт [33, с. 217].

В связи с ограничением объемов добычи колхозы постепенно переориентировались в основном на меховую направленность промыслов, в чем успешно помогала освоенная практика вольерного выращивания детенышей тюленя до стадии серки. Переработка морского зверя в Архангельской области осуществлялась на двух базах: в рыбаколхозе «Северный рыбац» в поселке Нижняя Золотица Приморского района и рыбаколхозе «Освобождение» в деревне Койда Мезенского района. В деревне Койда с 1973 по 1994 гг. действовала тюленья ферма, цеха по обработке добытого зверя, мастерская по производству меховой продукции. Первичная обработка шкур осуществлялась на месте, а выделка меха — на Казанской меховой фабрике. В Мурманской области в рыбаколхозе «Волна» в селе Чапома в 1980-х — 1990-х гг. также работал цех по обработке шкур морского зверя.

С распадом СССР и переходом России на рыночную экономику зверобойный промысел столкнулся с финансовыми трудностями и проблемами со сбытом: исчезли фиксированные государственные закупочные цены, резко увеличились расходы на горюче-смазочные материалы и аренду вертолетов. В 2004 г. промысел впервые не состоялся. Введение налога на добычу морского зверя в размере 350 руб. за одно животное, а также накопившиеся долги за предыдущие годы за аренду вертолетов не позволили приступить к зверобойной кампании. В этом же году также из-за финансовых трудностей распался колхоз «Северный рыбац» в поселке Нижняя Золотица.

В 2006–2008 гг. была сделана попытка возродить судовой промысел гренландского тюленя в Белом море российско-норвежской компанией «Рибер-Скинн Поморье» при помощи маломерных судов и вертолета. Среднегодовая добыча составила около 10 тыс. шт. тюленей. В 2007 г за три недели промысловики заработали от 45 до 60 тысяч руб [29]. Однако в 2009 г. промысел тюленя вновь не состоялся. Накануне начала промыслового сезона был введен запрет на промысел в Белом море тюленей в возрасте до одного года. Запрет стал результатом большой пиар-компании экологов и деятелей культуры. В 2015 г. запрещения отменили, но рыбаколхозы из-за тяжелого экономического состояния не смогли организовать промысел.

В 2020 г. Правительством Архангельской области была утверждена Программа развития Арктического рыбопромышленного кластера на период до 2024 г., одним из направлений которой являлось изучение возможностей возрождения тюленьего промысла. Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) поддержал предложение правительства Архангельской области. Для получения актуальной информации о численности беломорской популяции гренландского тюленя, весной 2023 г. институт провел авиаучет тюленя на льдах Белого моря. Согласно этим данным, общая численность беломорской популяции гренландского тюленя в возрасте от 1 до 25 лет должна составлять около 1,5 миллиона особей, а численность бельков — около 124 тыс. особей [7]. 12 мая 2023 г. на конференции по биоресурсам и рыболовству в Арктике, которая проходила в Архангельске, состоялось обсуждение вопроса о возрождении тюленьего промысла в Белом и Баренцевом морях для регулирования численности млекопитающих. Участники конференции отметили, что осуществлять промысел вертолетами уже фактически невозможно, так как час работы вертолета Ми-8 стоит 140 тыс. руб., один промысловый рейс обойдется, таким образом, в 500 тыс. руб., поэтому для возобновления промысла требуются зверобойные суда. Старые здания и оборудование бывших перерабатывающих предприятий также нельзя использовать по причине их ветхости. Таким образом, необходима подготовка целевой федеральной программы по возрождению инфраструктуры промысла, включая зверобойные суда и береговые обрабатывающие предприятия [22].

К обсуждению вопроса, поднятого на конференции, активно подключились жители региона, журналисты, руководители рыболовецких колхозов Архангельской области. По их мнению, государство должно поддерживать отечественного производителя. Это вопрос не только о фи-

нансовых субсидиях и льготах для промышленников, но и о занятости людей, обеспечения их заработка, сохранения населения в регионе. Серьезной проблемой являются кадры, так как многие специалисты, ранее участвовавшие в промыслах и переработке его продукции, ушли на пенсию или уехали из региона. Необходимо также искать центры обработки сырья и потенциальных покупателей, изучать спрос на продукцию тюленьего промысла, например, на использования шкур в меховой промышленности и тюленьего жира — в фармацевтическом производстве [24]. Одним из аргументов в пользу возобновления промысла является также продолжающаяся добыча гренландского тюленя норвежцами в объеме до 7 тыс. шт. в год [33, с. 218]. Негативные доводы были высказаны, прежде всего, зоозащитниками, пытающимися создать представление об архаичности и жестокости промысла.

В марте 2024 г. Администрация Архангельской области утвердила новую Программу развития Арктического рыбопромышленного кластера на 2024–2035 гг.», в соответствие с которой планируется начать добычу тюленя к концу реализации программы численностью до 7 тыс. голов [27]. Промысел предполагается вести в постоянном сотрудничестве с наукой, не только добывая животных, но и изучая беломорское стадо гренландского тюленя, и сохраняя его популяцию.

ВЫВОДЫ. Таким образом, в истории поморского промысла гренландского тюленя можно выделить как минимум два периода:

- 1) с XVI в. по начало XX в., когда формируется представление о поморах, их традиционных занятиях и районах тюленьего промысла в Белом и Баренцевом морях. Для этого периода характерно потребительское отношение к природным богатствам;
- 2) с начала XX в. по настоящее время, когда быстрыми темпами растет техническая модернизация промысла и добыча тюленя, в результате которых участники промысла, ученые, представители власти и общественности начинают задумываться не только о получении прибыли, но и о сохранении популяции животных.

Проведенное исследование показало, что тюлений промысел на Европейском Севере России имеет реальные возможности к возобновлению. Этому способствует:

- а) длительная история его существования, которая привела к формированию у местного населения устойчивого представления о его традиционности для Архангельского региона и выгоды для населения;
- б) имеющийся исторический опыт различных способов добычи тюленя, который позволит выбрать его оптимальный вариант в современных условиях;
- в) численность популяции беломорского стада гренландского тюленя;
- г) поддержка идеи о возобновлении промысла администрацией Архангельской области и научным сообществом, что позволяет разработать конкретную программу его возобновления с учетом имеющихся проблем и экономических рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ануфриев И.П. Морские звериные и рыбные промыслы Русского Севера в старину (продолжение) // Известия АОИРС. 1918. № 5–6. С. 123–132.
2. Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года: (итоги подворной переписи). — Архангельск: Арханг. губ. стат. ком., 1916. 117 с.
3. Архангельский сборник, или материалы для подробного описания Архангельской губернии, собранные из отдельных статей, помещенных в разное время в Архангельских губернских ведомостях. Кн.1. Архангельск, 1863. 524 с.
4. Атлас Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями. 1797 г., Часть первая. // Культура Русского Севера. Л.: «Наука», 1988. С. 75–85.
5. Бернштам Т.А. Ледокольная зверобойная артель поморов Зимнего берега Белого моря. // Советская этнография. 1968. № 5. С. 105–110.

6. Брызгалов В.В., Овсянников О.В. Ясински М.Э. Архангелогородская губерния: описания XVIII столетия. URL: <https://mezrob29.ru/arhangelogorodskaya-guberniya-opisaniya-xviii-stoletiya-trebuetsya-redaktirovanie/> (дата обращения 18.10.2024).
7. В Белом море проведен авиаучет гренландского тюленя. URL: <http://vniro.ru/ru/novosti/arkhiv-za-2024-god/v-belom-more-provedjon-aviatsionnyj-uchjot-grenlandskogo-tyuleny> (дата обращения 20.10.2024).
8. ГАО. Ф. И-4
9. ГАО. Ф. И-6
10. ГАО. Ф. И-48
11. Данилевский Н.Я. Рыбные и звериные промыслы на Белом море и Ледовитом морях. Общие отчеты и предположения. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. СПб., 1862, 257 с.
12. Жилинский А.А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Петроград, 1917. 148 с.
13. Жилинский А.А. Северный морской зверобойный промысел. // Карело-Мурманский край. 1932. № 5-6. С. 53-58.
14. Капитонова С.А. Основные этапы хозяйственного освоения Западного (Карельского) Поморья // Общество. Среда. Развитие. 2018, № 4. С. 105-111.
15. Керцелли С. О типе ружья, наиболее пригодного для северного промышленника. Известия АО-ИРС. 1911. № 10. С. 777-782.
16. Книпович Н.М. О рыбных и морских звериных промыслах Архангельской губернии. СПб., 1897. 163 с.
17. Козлов Н. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Архангельская губ. СПб., 1865. 403 с.
18. Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX — первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1998. 192 с.
19. Леонтьев А.И. Зимняя сторона. Архангельск: Правда Севера, 1999. 575 с.
20. Лепехин И.И. Дневные записки. Т. 4. СПб., 1805. 438 с.
21. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск: Правда Севера, 1984. 605 с.
22. Мельник В. В Белом море провели авиаучет популяции гренландского тюленя. // Правда Севера. 2023. 24 мая. URL: <https://pravdasevera.ru/2023/05/14/645fe5a6f0bb16f5ff4b8572.html> (дата обращения 18.10.2024)
23. Небольсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 2. СПб., 1850. 495 с.
24. Никитин С. В холодном Белом море вновь разгорелись страсти по гренландскому тюленю. // Информационное агентство Красная Весна URL: <https://rossaprimavera.ru/article/7d0c72cf> (дата обращения 20.10.2024)
25. Обзор Архангельской губернии за 1899 год. Архангельск, 1900. 203 с.
26. Обзор Архангельской губернии за 1901 г. Архангельск, 1902. 130 с.
27. Об утверждении программы развития Арктического рыбопромышленного кластера на 2024-2035 гг. // Правительство Архангельской области <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/5cc4cf4c0dd97deff0a5b0072411e0d2/default/?&> (дата обращения 21.10.2024)
28. Памятная книжка для Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск, 1861. 200 с.
29. Потапова Т. Компания «Рибер Скинн-Поморье»: никогда не добывали и не собираемся добывать белька. // Бизнес-класс Архангельск. 2008. 23 марта. URL: https://bclass.ru/region/ekonomika/kompaniya_riber_skinn_pomore_nikogda_ne_dobyvali_i_ne_sobiraemsya_dobyvat_belka/ (дата обращения 18.10.2024)
30. Потелов В.А. Тюлень и человек. // Размышления о беломорском тюлене. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1999. С. 28-41.
31. РГИ А. Ф.13
32. Репневский А.В. Олезундская зверобойная концессия: проблемы браконьерства и экологии в советско-норвежских отношениях. // Размышления о беломорском тюлене. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1999. С. 49-99.

33. Светочев В.Н., Светочева О.Н. Промысловый потенциал и экология гренландского тюленя беломорской популяции в условиях нестабильности ледовитости Белого моря // Экосистемы и климат арктических морей. Материалы Всероссийской науч.-практич. Конференции. Мурманск: ПИНРО им. Н.М. Книповича, 2024. С. 216–227.
34. Точилев В. Интересные исторические факты, отразившиеся на жизни нашей деревни. // Я люблю Золотицу. URL: https://vk.com/topic-10130666_23342673?offset=140 (дата обращения 20.10.2024)
35. Kjær Kjell-G. Ishavsfangst fra Møre før år 1900. // Isflaket. 2011. № . 4. S. 4–7.
36. Utdrag av Tromsø og omegns sjøfarthistorie. Tromsø, 1929. 90 s.

REFERENCES

1. Anufriev I.P. *Morskie zverinye i rybnye promysly Russkogo Severa v starinu (prodolzhenie)* [Mammal hunting and fisheries of the Russian North in the days of old (continued)]. *Izvestiya AOIRS*. 1918. № . 5–6. S. 123–132. (In Russian).
2. *Arhangel'skaya guberniya po statisticheskomu opisaniyu 1785 goda: (itogi podvornoj perepisi)* [Arkhangelsk province according to the statistical description of 1785: (the results of the household census)]. Arhangel'sk: Arhang. gub. stat. kom., 1916. 117 s. (In Russian).
3. *Arhangel'skij sbornik, ili materialy dlya podrobnogo opisaniya Arhangel'skoj gubernii, sobrannye iz otdel'nykh statej, pomeshchennyh v raznoe vremya v Arhangel'skih gubernskih vedomostyah*. [The Arkhangelsk collection, or materials for a detailed description of the Arkhangelsk province, collected from individual articles published at different times in the Arkhangelsk provincial Gazette]. Kn.1. Arhangel'sk, 1863. 524 s. (In Russian).
4. *Atlas Arhangel'skoj gubernii s topograficheskimi, istoricheskimi, ekonomicheskimi i kameral'nymi opisaniyami. 1797 g., Chast' pervaja*. [Atlas of the Arkhangelsk province with topographic, historical, economic and cameral descriptions. 1797, Part one.]. *Kul'tura Russkogo Severa*. L.; Nauka, 1988. S. 75–85. (In Russian).
5. Bernshtam T.A. *Ledokol'naya zverobojnaya artel' pomorov Zimnego berega Belogo morya*. [Icebreaking mammal hunting artel of the Pomors of the Winter coast of the White Sea.] // *Sovetskaya etnografiya*. 1968. № 5. S. 105–110. (In Russian).
6. Bryzgalov V.V., Ovsyannikov O.V. Yasinski M.E. *Arhangelogorodskaya guberniya: opisaniya XVI–II stoletiya* [Arkhangelsk province: descriptions of the XVIII century]. URL: <https://mezrob29.ru/arhangelogorodskaya-guberniya-opisaniya-xviii-stoletiya-trebuetsya-redaktirovanie/> (data obrashcheniya 18.10.2024). (In Russian).
7. *V Belom more proveden aviauchet grenlandskogo tyulena*. [An aerial survey of a Greenland seal was conducted in the White Sea.]. URL: <http://vniro.ru/novosti/arkhiv-za-2024-god/v-belom-more-provedjon-aviatsionnyj-uchjot-grenlandskogo-tyulena> (data obrashcheniya 20.10.2024). (In Russian).
8. *Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti* [The State Archive of the Arkhangelsk region]. F. I-4. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti* [The State Archive of the Arkhangelsk region]. F. I-6. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti* [The State Archive of the Arkhangelsk region]. F. I-48. (In Russian).
11. Danilevskiy N. Ya. *Rybnye i zverinye promysly na Belom more i Ledovitom moryakh. Obshchie otchety i predpolozheniya* [Fisheries and mammal hunting on the White Sea and the Arctic seas. General reports and assumptions]. *Issledovaniya o sostoyanii rybolovstva v Rossii*. T. VI. SPb., 1862, 257 s. (In Russian).
12. Zhilinskiy A.A. *Morskie promysly Belogo morya i Ledovitogo okeana* [Marine hunting of the White Sea and the Arctic Ocean]. Petrograg., 1917. 148 s. (In Russian).
13. Zhilinskiy A.A. *Severnyj morskoy zverobojnyj promysel*. [The Northern mammal hunting.] // *Karelo-Murmanskij kraj*. 1932. № 5–6. S. 53–58. (In Russian).
14. Kapitonova S.A. *Osnovnye etapy hozyajstvennogo osvoeniya Zapadnogo (Karel'skogo) Pomor'ya* [The main stages of economic development of the Western (Karelian) Pomor'ya] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2018, № 4. S. 105–111. (In Russian).

15. Kertselli S. *O tipe ruzh'ya, naibolee prigodnogo dlya severnogo promyshlennika* [On the type of gun, the most suitable for the northern mammal hunter]. *Izvestiya AOIRS*. 1911. № 10. S. 777-782. [In Russian].
16. Knipovich N.M. *O rybnykh i morskikh zverinykh promyslakh Arkhangel'skoy gubernii* [About fish and sea animal crafts of the Arkhangelsk province]. SPb., 1897. 163 p. (In Russian).
17. Kozlov N. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba: Arhangel'skaya gub.* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff: Arkhangelsk province] SPb., 1865. 403 s. (In Russian).
18. Korotaev V.I. *Russkiy Sever v kontse XIX — pervoy trety XX veka. Problemy modernizatsii i sotsial'noy ekologii*. [Russian North at the end of XIX — the first third of the twentieth century. Problems of modernization and social ecology]. Arkhangelsk, Izd-vo Pomor. gos. un-ta im. M.V. Lomonosova, 1998. 192 s. (In Russian).
19. Leont'ev A.I. *Zimnyaya storona*. [The winter side]. Arhangel'sk: Pravda Severa, 1999. 575 s. (In Russian).
20. Lepekhin I.I. *Dnevnye zapiski*. [Day notes]. T. 4. SPb., 1805. 438 s. (In Russian).
21. Maksimov S.V. *God na Severe* [Year in the North]. Arkhangelsk, Pravda Severa, 1984. 605 p. (In Russian).
22. Mel'nik V. *V Belom more proveli aviauchet populyatsii grenlandskogo tyulena*. [An aerial survey of the Greenland seal population was conducted in the White Sea.] // *Pravda Severa*. 2023. 24 maya. URL: <https://pravdasevera.ru/2023/05/14/645fe5a6f0bb16f5ff4b8572.html> (data obrashcheniya 18.10.2024). (In Russian).
23. Nebol'sin G.P. *Statisticheskoe obozrenie vneshnej trgovli Rossii*. [Statistical review of foreign trade of Russia.] Ch. 2. SPb., 1850. 495 s. [In Russian].
24. Nikitin S. *V holodnom Belom more vnov' razgorelis' strasti po grenlandskomu tyulenyu*. [In the cold White Sea, passions for the Greenland seal flared up again.] // *Informacionnoe agentstvo Krasnaya Vesna* URL: <https://rossaprimavera.ru/article/7d0c72cf> (data obrashcheniya 20.10.2024). (In Russian).
25. *Obzor Arkhangel'skoy gubernii za 1899 g.* [Overview of the Arkhangelsk province for 1899]. Arkhangelsk, 1902. 203 s. (In Russian).
26. *Obzor Arkhangel'skoy gubernii za 1901 g.* [Overview of the Arkhangelsk province for 1901]. Arkhangelsk, 1902. 130 p. (In Russian).
27. *Ob utverzhdenii programmy razvitiya Arkticheskogo rybopromyshlennogo klastera na 2024-2035 gg.* [On approval of the program for the development of the Arctic fishing cluster for 2024-2035] // *Pravitel'stvo Arhangel'skoj oblasti* <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/5cc4cf4c0dd97deff0a5b0072411e0d2/default/?&> (data obrashcheniya 21.10.2024). (In Russian).
28. *Pamyatnaya knizhka dlya Arhangel'skoj gubernii na 1861 god*. [A commemorative book for the Arkhangelsk province in 1861.] Arhangel'sk, 1861. 200 s. (In Russian).
29. Potapova T. *Kompaniya «Riber Skinn-Pomor'e»: nikogda ne dobyvali i ne sobiraemysya dobyvat' bel'ka*. [Riber Skinn-Pomorie Company: we have never mined and are not going to harvest baby seals.] // *Biznes-klass Arhangel'sk*. 2008. 23 marta. URL: https://bclass.ru/region/ekonomika/kompaniya_riber_skinn_pomore_nikogda_ne_dobyvali_i_ne_sobiraemysya_dobyvat_belka/ (data obrashcheniya 18.10.2024). (In Russian).
30. Potelov V.A. *Tyulen' i chelovek*. [Potelov V.A. Tyulen' i chelovek. // *Razmyshleniya o belomorskom tyulene*. Arhangel'sk: Izd-vo Pomor. gos. un-ta im. M.V. Lomonosova, 1999. S. 28-41.] // *Razmyshleniya o belomorskom tyulene*. Arhangel'sk: Izd-vo Pomor. gos. un-ta im. M.V. Lomonosova, 1999. S. 28-41. (In Russian).
31. *Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv*. [The Russian State Historical Archive] F. 13. (In Russian).
32. Repnevskij A.V. *Olezundskaya zverobojnaya koncessiya: problemy brakon'erstva i ekologii v sovetsko-norvezhskih otnosheniyah*. [Olezund mammal hunting concession: problems of poaching and ecology in Soviet-Norwegian relations.] // *Razmyshleniya o belomorskom tyulene*. Arhangel'sk: Izd-vo Pomor. gos. un-ta im. M.V. Lomonosova, 1999. S. 49-99. (In Russian).
33. Svetochev V.N., Svetocheva O.N. *Promyslovyy potencial i ekologiya grenlandskogo tyulena belomorskoj populyatsii v usloviyah nestabil'nosti ledovitosti Belogo morya* [Mammal hunting potential and ecol-

- ogy of the Greenland seal of the White Sea population in conditions of instability of the arctic of the White Sea] // *Ekosistemy i klimat arkticheskikh morej. Materialy Vserossijskoj nauch.-praktich. Konferencii*. Murmansk: PINRO im. N.M. Knipovicha, 2024. — S. 216–227. (In Russian).
34. Tochilov T.E. *Interesnye istoricheskie fakty, otrazivshiesya na zhizni nashej derevni*. [Interesting historical facts that have affected the life of our village.] // Ya lyublyu Zoloticu. URL: https://vk.com/topic-10130666_23342673?offset=140 (data obrashcheniya 20.10.2024). (In Russian).
35. Kjær Kjell-G. *Ishavsfangst fra Møre før år 1900*. // *Isflaket*. 2011. № 4. S. 4–7. (In Norwegian).
36. *Utdrag av Tromsø og omegns sjøfarthistorie*. Tromsø, 1929. 90 s. (In Norwegian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.014

УДК 908:94 (571.1) «19»

ББК 63.3(28–8Тоб)6

О.А. МИЛЕВСКИЙ

**РЕКА ВАХ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПОЛЕ
ТОБОЛЬСКИХ КРАЕВЕДОВ НАЧАЛА XX В.**

O.A. MILEVSKY

**THE VAKH RIVER IN THE RESEARCH FIELD
OF TOBOLSK LOCAL HISTORIANS
OF THE EARLY XX CENTURY**

В статье рассматривается деятельность краеведов Тобольской губернии, в первую очередь Г.М. Дмитриева-Садовникова, по изучению реки Вах и ее окрестностей, проводимая ими в 1910–1913 гг. Анализируются научные результаты экспедиции 1913 г. под руководством Б.Н. Городкова, организованной тобольским музеем при поддержке столичных научных учреждений — Академии наук и Санкт-Петербургского Ботанического сада с целью изучения реки Вах, ее крупных притоков, а также прилегающих к ней территорий. Делается вывод о том, что именно местные исследователи-краеведы сыграли решающую роль в научном «открытии» реки Вах.

The article deals with the activities of local historians of Tobolsk province, first of all G.M. Dmitriev-Sadovnikov, on the study of the Vakh River and its environs, conducted by them in 1910–1913. The scientific results of the 1913 expedition led by B.N. Gorodkov, organized by the Tobolsk Museum with the support of metropolitan scientific institutions — the Academy of Sciences and the St. Petersburg Botanical Garden — to study the Vakh River, its major tributaries, as well as adjacent territories are analyzed. It is concluded that it was local researchers and local historians who played a decisive role in the scientific «discovery» of the Vakh River.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Тобольская губерния, Ларьяк, река Вах, река Сабун, Тобольский губернский музей, остьяки, география, краеведение.

KEY WORDS. Tobolsk province, Laryak, Vakh river, Sabun river, Tobolsk province museum, Ostyaks, geography, local lore.

ВВЕДЕНИЕ. Последняя треть XIX — начало XX вв. в Российской империи было временем повышенного интереса к изучению ее северных регионов. Здесь совпало все: и запрос государства на прокладывание новых стратегических транспортных коммуникаций, включая Северный морской путь, и интерес сибирских торгово-промышленных кругов к созданию логистически максимально привлекательных маршрутов. Вспомним, что именно в это время иностранные мореплаватели, а затем и сибирские купцы уже пытались совершать перевозки коммерческих грузов по северным морям [8, с. 51], хотя это и таило в себе большой риск.

Предпринимались и попытки использования больших сибирских рек как транспортных артерий, связывающих различные районы Российского Севера. Например, в конце XIX столетия начали строить Обь-Енисейский канал, главное его предназначение — это установление сплошного водного пути от Урала до Китайской границы. Но даже при патронаже российского правительства это дело оказалось малоуспешным. Работы превратились в долгострой, а в результате канал оказался «пригодным только для мелководных судов» и в конце концов эту идею забросили [8, с. 53].

Попытки «открытия» Севера Западной Сибири, как с экономической, так и с научной точки зрения, будили интерес местных энтузиастов-краеведов к исследованию тех территорий, на которых они проживали. Делалось это преимущественно при поддержке регио-

нальных отделений ИРГО и музеев, которые начинают возникать в Сибири с начала 1870-х гг. Обский Север здесь не исключение. Интерес к его изучению формировался, если так можно выразиться, двояким способом — с одной стороны, как чисто коммерческий, главные интересанты — представители крупного торгового капитала, те же купцы Сибиряковы, Корниловы, Плотниковы и проч. С другой — научно-исследовательский — это направление представляли структуры ЗСОИРГО, Томский Императорский университет, Тобольский музей и аффилированные с ним лица, включая политических ссыльных.

Особое внимание научных структур вызывали огромные и практически не исследованные районы Обского Севера, по территории которого протекало огромное число больших и малых рек, включая красавицу Обь. Вместе они составляли то, что сейчас географы именуют Обь-Иртышским водным бассейном. Этот огромный водный ареал является третьим по величине в Азии, после Янцзы и Хуанхэ, включая в свой состав 5339 рек и речушек общей протяженностью 222 709 километров. В число крупных рек Обь-Иртышского бассейна входит и река Вах, правый приток Оби протяженностью в 964 км и площадью водосбора 76 700 кв. км [9, с. 144]. Эта река, по берегам которой жили остяки (ханты), также оставалась «terra incognita» для российских ученых вплоть до начала XX в. До этого в научном плане внимание этому краю уделяли только финские исследователи-угроведы У.Т. Сирелиус (1899–1900 гг.) и К.Ф. Карьялайнен (1899–1902 гг.) [8, с. 61].

ЦЕЛЬЮ статьи является реконструкция истории изучения реки Вах сотрудниками Тобольского губернского музея в начале 1900-х гг. и анализ их научного наследия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве источниковой базы выступают статьи и сообщения о реке Вах, а также о проживающих по ее берегам остяках и их культуре, опубликованные на страницах «Ежегодника Тобольского губернского музея» и «Сибирского листка». Огромное значение при восстановлении истории научного «открытия» этой реки сыграл дневник Г.М. Дмитриева-Садовникова об экспедиции на Вах 1913 г. [3, с. 105–141], найденный в фондах Тобольского музея в 1997 г. благодаря усилиям научного секретаря Л.В. Шестаковой и краеведа В.К. Белобородова [7, с. 313].

Основным методом, используемым в работе, является сравнительно-исторический, при помощи которого анализировались имеющиеся в наличии и написанные в разное время краеведческие материалы и историко-типологический — его применение способствовало выделению единых типологических черт при анализе рассматриваемых явлений и их последующей систематизации по сходным признакам.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Изучение реки Вах и территорий, к ней прилегающих, в первую очередь связано с подвижнической деятельностью Григория Матвеевича Дмитриева-Садовникова, занимавшего место преподавателя в Ларьякском сельском начальном училище с 1904 по 1913 гг. Именно он первым из российских исследователей всерьез обратил внимание на этот регион Обского Севера. Для Г.М. Дмитриева-Садовникова все началось в 1904 г., когда он, выходец из Тобольска, окончивший там уездное училище, в возрасте 19 лет получил место учителя в местечке Ларьяк. Село со смешанным остяцко-русским населением располагалось на берегу реки Вах. Молодой человек не растерялся перед трудностями жизни в удаленном селении, с головой погрузившись в педагогическую и краеведческую работу. В результате он стал не только «пионером просвещения остяков» [6, с. 413], но и занялся изучением края, где жил и работал.

Судя по дошедшим до нас его письмам к консерватору Тобольского губернского музея В.Н. Пигнатти, он уже в первые годы пребывания в Ларьяке установил контакты с Николаевской физической лабораторией, куда посылал информацию о разливах реки [3, с. 12]. Пользуясь большим авторитетом и доверием коренного населения этих мест — остяков [6, с. 413], молодой учитель много внимания уделял изучению жизни и быта ваховских хантов. Его этнографические увлечения шли рука об руку с наблюдениями за рекой и природой этих мест, свидетельство чему дошедшие до нас статьи и очерки Г.М. Дмитриева-Садовникова.

В 1909 г. появляются его первые корреспонденции в «Сибирском листке», а в 1910 г. он устанавливает тесные отношения с губернским музеем. Произошло это по инициативе В.Н. Пигнатти. В.Н. Пигнатти, заинтересованный в расширении внештатных член-корреспондентов музея, сам обратился к ларьякскому учителю с предложением о сотрудничестве. Ответ Г.М. Дмитриева-Садовникова не заставил себя ждать: «На лето будущего года я остаюсь в Ларьяке для сбора гербария и насекомых, и если Вам что-нибудь нужно, то пишите... К Рождеству пришлю Вам несколько описаний быта остяков, словарь с краткой грамматикой и небольшое количество фотографических снимков» [7, с. 310]. Таким образом, деловые отношения с музеем сложились, и началась научная деятельность Г.М. Дмитриева-Садовникова.

Уже в следующем году в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» появляется первая публикация из Ларьяка под говорящим названием «С реки Вах Сургутского уезда». Этот очерк носил ярко выраженный описательный характер. В нем автор, помимо общих сведений о реке — ее истоки, расстояние до места впадения в Обь, ширину в верхнем и нижнем течении [5, с. 1], рекостав и сроки открытия реки ото льда [4, с. 2] — давал и описание ее берегов, отмечая, что «течет река Вах среди материков (так называли возвышенности, состоящие из песка и глины покрытые хвойными и смешанными лесами), которые то сходятся и сжимают его, то расходятся верст на 40–50, образуя низменные пространства, прорезанные множеством протоков и речек и усеянные кедровыми островами, сорами (мелководные озера) и болотами» [5, с. 1]. Причем автор писал со знанием дела, он хорошо изучил реку и ее окрестности по всему ее течению. Свидетельство тому его указания на смену ландшафтов разных частей реки, так в нижнем течении кедровые и сосновые острова уступают место тальниковым, осиновым и березовым [5, с. 1].

Характеризуя породы рыб, имеющиеся в Вахе, наблюдательный исследователь фиксировал их немногочисленность и фактическое отсутствие первосортной промысловой рыбы. В реке в обилии водилась только щука, окунь, ерш, чебак (мохтик), пескарь, вьюн, язь налим и небольшое количество нельмы [5, с. 2]. Что касается фауны этих мест, то Г.М. Дмитриев-Садовников фиксировал небольшое наличие крупного зверя: медведь большей частью проходной, малое число лося и оленя, а из пушного зверя немного лис, россомах, песца, основным зверем для промысла являлась белка. Охотничья дичь по его наблюдениям была представлена глухарями, косачами, рябчиками и куропатками, число певчих птиц тоже невелико [5, с. 3]. Казалось бы, самая общая и непритязательная информация, но не стоит забывать, что до этого каких-либо объективных сведений о реке и приречных районах практически не имелось. Поэтому неудивительно, что этот очерк по достоинству оценили представителями университетской науки. Так, зоолог из Томского университета С.М. Чугунов в своей статье «Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 года» не раз ссылался на него [7, с. 311], а в другой статье он же отмечал, что «многие наблюдения г. Садовникова часто представляют немалый интерес» [7, с. 311].

По берегам Ваха и его притоков проживали остяки (ханты), они, как уже указывалось, помимо географического, составляли постоянный научный интерес ларьякского учителя, успевшего за время работы в школе хорошо узнать этих людей. Всего в тех местах их проживало 2170 человек [5, с. 4]. В выше приводимом очерке много места отведено бытописанию жизни остяков. От пищевых пристрастий до особенностей охоты и рыбной ловли. Содержалась в нем также информация о ярмарках, брачном обряде (калым, сватанье и т.д.), обычаях в воспитании детей, традиционных верованиях и культах и т.п. Дал М.Г. Дмитриев-Садовников и антропологическое описание ваховского остяка — среднего роста, круглая голова, выдающиеся скулы, приплюснутые носы, темные волосы, малая растительность на лице. Отмечалось также их слабое физическое строение, этим объяснялась их подверженность болезням [5, с. 5].

При этом Г.М. Дмитриев-Садовников зарекомендовал себя очень пытливым наблюдателем за необычными природными явлениями. Так, изучая технику ловли рыбы у коренных

жителей, он обратил внимание на такой речной феномен, как замор, и на то, как ханты использовали это природное явление для поимки рыбы на зиму. Острый глаз краеведа отметил, что обычно заморы возникали в начале ноября, признаками их служила «съеденная и выброшенная назад щукою рыба» [5, с. 11].

Живописал он и процесс рыбной ловли с использованием «замора» — «живой» и «мертвой» водой. С помощью «мертвой воды» (вода в которой рыба не могла дышать) из протоки остяки загоняли рыбу к тем местам, где искусственно приостанавливалось на несколько часов течение и сохранялась «живая вода» (вода, впадающая в протоку из незамерзающих речушек) рыба устремлялась в эти места и там ее в огромных количествах ловили мордами [5, с. 12].

В дальнейшем он не оставлял без внимания явление «замора», старясь расширить свои знания о нем, дать ему научное объяснение. Он так писал о его происхождении: «Воды реки Ваха — ржавые болотные, и на них, за исключением верховья, с половины ноября месяца (среднее время) и до весны бывает замор, т.е. вода становится негодною для жизни рыбы. Замор начинается с мелких стоячих вод среднего течения, курей и «спертых» прибелей осенней водою устьев живых с тихим течением рек. Скатывающаяся «мертвая» вода «глушит» небольшие притоки реки: на них наступает замор; за притоками замор распространяется вниз по течению и «глушит» всю реку. По сбыче осенней воды устья коротких живых рек оживают от притока живой воды с близкого верховья. Время замора реки зависит от температуры воздуха и связанных с нею водно-химических реакций: при холодной погоде мороз крепко, «наглухо» сковывает реку, и вскоре после стоячих вод замор начинается и на ней; при теплой погоде замор бывает через несколько недель и наступает как-то не приметно. Остяки реки Ваха знакомы с условиями образования замора и не преминули воспользоваться им для ловли рыбы, устраивая искусственные заморы» [3, с. 146].

Следует отметить, что фактически своими публикациями 1910–1913 гг. Г.М. Дмитриев-Садовников «открыл» ваховских остяков для российской научной общественности, многое сделав для их этнографического изучения. В своих статьях, помещенных в разные годы в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» и «Сибирском листке», он дал детальное описание остяцкого обласа (национальное остяцкое судно — О.М.) [3], изложил способы изготовления лука и охоты с ним [3, с. 60–78], а также очень подробно изучил использование бересты и ее роль в хозяйственной жизни хантов [3, с. 89–97]. Помимо этого, он проявил себя как деятельный собиратель хантыйского фольклора. Жемчужина его коллекции — это очерк «Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Вах» [1].

Г.М. Дмитриев-Садовников, наблюдая за жизнью остяков, обращал внимание на сильное русское влияние, меняющие традиционный уклад их жизни, в частности у них появились русские избы с застекленными окнами и печами, иконы, преимущественно Святого Николая, ружья, котлы, чайники, одежда русского покроя и даже самовары [5, с. 4]. Отмечалось им и негативное воздействие цивилизации на этот народ: «Ваховские остяки первых юрт от Оби, где в с. Александрове есть винная лавка, начинают спиваться поголовно. Воровство, ругань, сифилис, чего не было здесь ранее, теперь — обыкновенное явление» [5, с. 5].

Столкновение с цивилизацией со всеми ее плюсами и минусами, неминуемо сказывается на жизни любого реликтового этноса и ваховские остяки не являлись исключением. В целом расширение подобных контактов и культурных заимствований, носило объективный характер, хотя подчас таило в себе негативные явления, связанные с появлением новых опасностей для аборигенов этих мест. Г.М. Дмитриев-Садовников понимал это. В одной из своих статей за 1913 г. он отмечал, что «инородцы реки Ваха, остяки начинают, хотя и не особенно заметно вымирать, и вымирание это началось с недавних 4–7 лет» [3, с. 100]. Однако надо признать, что прекрасно знакомый с местными хантами и их образом жизни исследователь вполне объективно смотрел на складывающуюся ситуацию и не ставил это в вину местной администрации.

Главную причину повышенной смертности остяков он усматривал не в экономических условиях их жизни, а в объективных процессах, в частности, появлении у них новых болезней:

оспа, чахотка, сифилис [3, с. 101]. Другой причиной оставалось, конечно, пьянство и его побочные проявления — драки, убийства. На этот негативный фактор он с горечью указывал в одной из заметок (1911 г.), отмечая, что «к числу новых явлений нужно отнести и неоднократные убийства между ваховскими осятками, происходящие во время пьянства» [3, с. 148].

Однако анализируя этот социальный недуг, пагубно отражающийся на жизни инородцев, он отмечал, что власти бессильны в этом отношении, они не имеют каких-либо серьезных рычагов воздействия на нарушителей порядка и вынуждены терпеть самые негативные проявления у осятков этой пагубной привычки. Вот описание им жизни в Ларьке после начала навигации (1913 г.): «С приходом пароходов, как только повеяло винным запахом, начинают проявлять себя хулиганы. По обыкновению, в Ларьяке в таких случаях пьяные свободно разгуливают по селу и «дебоширят»... Недавно один из инородцев, высланный за дебоширства с устья реки Ваха, затем с реки Оби и поселившийся здесь, пьяный ходил по берегам и ругал встречных...встретивши станового пристава, при народе принялся ругать его отборной бранью. Посаженный на время в амбар («каталажка» еще не выстроена), вылез оттуда, бегал со стягом... и в конце концов принялся палить из ружья. Призванный назавтра в инородную управу, говорил, что ничего не помнит» [3, с. 157-158]. И разбирательство этого дела, как и многих подобных, ничем не закончилось, нарушители фактически остались безнаказанными.

Как уже указывалось, его этнографические увлечения шли рука об руку с его интересом к географическому изучению региона, к тому же ими живо заинтересовался тобольский музей. В одном из своих писем (31 мая 1911 г.) он сообщал в В.Н. Пигнатти: «Посылаю Вам в двух небольших ящиках почвы. Взяты из долины Ваховского материка и с вершины (растет смешанный березовый, осиновый и сосновый лес), две бутылки «живой» и «мертвой» воды модель «перевеса» [7, с. 311]. Очевидно, что присылка воды двух видов предназначалась для ее анализа с целью научного изучения явления «замора».

Из его ноябрьского письма за этот же год (2 ноября 1911 г.) можно узнать, о его летних изысканиях: «Нынешним летом собирал гербарий. Собрал более 100 видов (более 300 экземпляров, по 3 на каждый вид)... Если музей желает, могу написать до 10 небольших характерных осятских сказок, которые Вы может издать в свою пользу... Собираю осятский словарь, который вместе с грамматикой ваховского языка привезу весной. Словарь порядочный» [3, с. 12].

Летом 1912 г. на средства, полученные от музея, он совершил поездку с проводником к одному из культовых мест осятков — шаманской избушки с целью ее фотографирования [4, с. 1]. И что очень важно отметить, проводимые им в этой поездке наблюдения привели к интересным открытиям, которые могут сегодня серьезно помочь археологам. Так, он записал рассказ старика-ханта из Ларьятских юрт о том, что «пришедши сюда с верховьев Обского егана» осятки нашли здесь «остатки какого-то народа, но не самоедов» [4, с. 12]. И далее пытливый краевед установил, что: «На одной из сопок окружающего озера (Большое Ларьятское озеро) материка, по рассказам, и сейчас еще есть поросшие лесом остатки земляных укреплений бывшего их города» [4, с. 12]. Помимо этого, Г.М. Дмитриев-Садовников привел в этом очерке географическое описание Ларьятского озера, с указанием растительности его берегов, примерной глубины, топкости дна, наличия дичи и т.д. [4, с. 1]. В этом же 1912 г. музей приобрел у него гербарий, собранный в долине Ваха и получил 80 фотографий [7, с. 312].

И все же наиболее плодотворным в исследованиях Ваха и его окрестностей оказался 1913 г. Именно тогда, благодаря подвижнической деятельности Г.М. Дмитриева-Садовникова, сумевшего привлечь внимание научной общественности к этому району, принимается решение о проведении в нем уже настоящей научной экспедиции. Сам же неутомимый краевед не прекращал наблюдений за природой этих мест, причем делал это по свершено разным направлениям. Так, в одной из своих весенних корреспонденций в «Сибирском листке» он поделился ценными орнитологическими наблюдениями за прилетом птиц в 1913 г.,

приведя следующие данные: «Прилет птиц: лебеди — конец марта, снегирь — 30 марта, галка — 9 апреля, утки — 16 апреля, скворец — 20 апреля, мартын — 20 апреля, певчие летние птички — 22 апреля, стрижи — 14 мая» [3, с. 158].

Экспедиция 1913 г. была организована силами Тобольского музея при поддержке столичных научных учреждений — Академии наук и Санкт-Петербургского Ботанического сада [8, с. 58], а руководил ею Б.Н. Городков, уже имевший опыт подобных исследований на реке Конде в 1910 г. Главной ее целью заявлялись ботанико-географические и почвенные исследования. Экскурсионный маршрут предполагал движение вверх по Ваху до его притока Куль-егена, далее по этому притоку планировали продвинуться до Лохкэн-тугских озер, а уже с них совершить пешеходный переход на реку Ерган-еган, спуститься по нему до реки Сабун и по Сабуну уже вернуться в Ларьяк [3, с. 106].

В состав участников, по приглашению музея, вошел и Г.М. Дмитриев-Садовников, который намеревался во время этой поездки продолжать знакомиться с жизнью местных хантов. Большую помощь в организации этого научного предприятия оказывал его тесть, по совместительству попечитель местного училища П.А. Кайдалов. Он помог нанять проводников и устроить поездки на реки Куль-еган и Сабун [7, с. 312]. Помимо Б.Н. Городкова и Г.М. Дмитриева-Садовникова, в состав экспедиции вошел Л.С. Мельников. Планировалось также участие тобольчанина Л.Р. Шульца, отвечающего за топографические работы, но он принять участие не смог. В результате этот вид работ пришлось уменьшить и производить вместо инструментальной съемки маршрутную.

Члены экспедиции прибыли из Тобольска в Ларьяк 27 июня 1913 г., а движение вверх по реке Вах начали 2 июля [7, с. 312]. Благодаря дневнику, который вел Г.М. Дмитриев-Садовников на протяжении всего путешествия [3, с. 105–141], можно реконструировать весь ход этой небольшого, но весьма результативного в научном плане путешествия.

В начале пути экскурсанты обследовали ближайшее к Ларьяку болото и сделали вылазку на небольшой кедровый остров. Срубили и изучили срезы деревьев (ель, кедр). Вырыли несколько шурфов голубиной с аршин (71,12 см), на дне обнаружили следы мерзлоты. В свою очередь это позволило выдвинуть гипотезу о том, что благодаря мерзлоте «лес болотных островов развит менее, чем лес увалов материка. Достигнув вышины в 4–5 печатных сажен (8–10 метров), он как будто сразу останавливается в развитии» [3, с. 107].

По всему маршруту движения собирали образцы почв и растения, проводили фотографирование (у участников имелось 2 фотоаппарата — музейный у Городкова и личный у Дмитриева-Садовникова), делали описание местности, проводили съемку и промеры реки. А при посещении остяцких юрт приобретали для пополнения коллекций музея различные атрибуты хантыйской культуры. В частности, удалось купить у местных обитателей шаманский бубен, шаманскую шапку и рукавицы, деревянный «томар» (музыкальный инструмент) и старинный «томар» с костяным наконечником, остяцкий нож с ножнами, также несколько берестяных изделий.

Стоит отметить, что в своем дневнике Г.М. Дмитриев-Садовников фиксировал и негативные явления, связанные с хозяйственной деятельностью остяков, проживающих в этих местах. Так, он отмечал, что возле юрт Ераскиных: «Ходя по лесу, видели много срубленных в прошлом году огромных кедров. Это остяки, несмотря на то, что инородной управой под страхом 25-ти рублевого штрафа за каждый срубленный кедр запрещено рубить его, рубят для сбора шишек» [3, с. 115].

Неудивительно, что одним из уроков этой экспедиции стали размышления ее участников, по крайней мере Г.М. Дмитриева-Садовникова, над вопросами охраны природы, страдающей от хозяйственной деятельности человека, взять хотя бы те же случаи рубки кедра или техногенного наступления цивилизации. На основе бесед с жителем юрт Ласкина Г.М. Дмитриев-Садовников записал в дневнике следующее: «Ласка сильно жаловался, что рыба не подымается вверх по Ваху. Виною, по его словам, — ходящие в село пароходы: они пугают рыбу». И от себя прибавил: «Катера, работающие нефтью, к тому же еще и отравляют воду» [3, с. 120].

Впрочем, для него подобные размышления оказались не новы. Он и в своих газетных публикациях 1912 г. поднимал подобную тему: «Думаю, что небезынтересны будут цифровые данные о количестве птиц всех родов, добываемых для пропитания населением Ваха. Если считать, что каждый промышленник добывает до 300 штук в год (величина средняя), а всех подобных промышленников наберется 400 душ, выйдет, что 120 тысяч штук, истребляет лишь ваховское население, а сколько истребляют ее на Оби! И после этого спрашивают: куда девается птица?» [3, с. 154].

20 июля 1913 г. Городков с командой достигли реки Сабун. Далее по пути следования они проводили съемку реки, описывали ее берега, изучали характер растительности этих мест. Из природных особенностей Сабуна обращало на себя внимание то, что: «...шишек на береговых кедрах мало... Плодоносный кедр здешней местности растет по островам» [3, с. 139]. Отметили путешественники и сельскохозяйственное значение прилегающих к реке территорий: «Низовья Сабуна заполнены сорами, удобными для сенокоса, и на них, когда мы проезжали, там и тут виделись стога сена» [3, с. 141].

26 июля экспедиция завершила свою работу, возвратившись в Ларьяк. За столь небольшое время участники этого научного проекта прошли по воде и пешком около 900 верст [3, с. 105]. Им впервые удалось описать ранее практически неизвестные науке, с естественнонаучной точки зрения, земли. С помощью маршрутной съемки они составили карту местности по маршруту следования. Совместными усилиями, под руководством Б.Н. Городкова, удалось собрать большой гербарий из 1200 листов, около 300 видов высших растений и 114 листов мхов и лишайников. Также сформировали небольшие зоологические коллекции, сделали большое количество фотографий и закупили предметы культуры и быта остяков [7, с. 313].

ВЫВОДЫ. Таким образом, Г.М. Дмитриев-Садовников при поддержке В.Н. Пигнатти своими изысканиями и публикациями в «Ежегоднике Тобольского музея» и «Сибирском листке» в период 1910–1913 гг. выступил подлинным пионером изучения реки Вах. Он своей подвижнической деятельностью привлек внимание академической науки к этим очень интересным, как с географической, так и с этнографической точки зрения, местам. Венцом же изучения региона явилась экспедиция 1913 г., «открывшая» реку Вах с научной точки зрения. Дальнейшие исследования этой части Севера Западной Сибири оказались прерваны Первой мировой войной и событиями «Великой Русской революции» 1917–1922 гг. Они продолжились уже в советское время, увенчавшись успехами в геологическом изучении этих мест и в конце концов открытием здесь «большой» нефти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев-Садовников Г. М. Богатырь реки Сабун, правого притока реки Ваха // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1912. Вып. XX. 1910. С. 1–6. (8-я паг).
2. Дмитриев-Садовников Г. М. Ваховский облас // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, Вып. XXI. 1913. С. 1–10. (6-я паг).
3. Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки / Ред.-сост. В.К. Белобородов. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. 224 р.
4. Дмитриев-Садовников Г. М. На Вахе // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, Вып. XXVI., 1915. С. 1–15. (4-я паг).
5. Дмитриев-Садовников Г. М. С реки Вах Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, Вып. XIX., 1911. С. 1–21. (3-я паг).
6. Н.С. Внутренние известия (д. Борки, г. Тара, г. Сургут) [1906. № 24] // Сибирский листок. 1901–1907 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и К, 2003. С. 412–413
7. Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. 408 с.

8. Пирожников Г.А. Записки уездного исправника. Сургут: Северо— Сибирское региональное кн. изд-во, 2002. 104 с.
9. Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты— Мансийск: ИД «Со- крат», 2000.Т.1. С. 144.

REFERENCES

1. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Bogaty`r` reki Sabuna, pravogo pritoka reki Vaxa* [Bogatyr of the Sabuna River, a right tributary of the Vakh River] // *Ezhegodnik Tobol`skogo gubernskogo muzeya. Tobol`sk: Tip-ya Eparxial`nogo Bratstva*, 1912. Vyp. XX. 1910. S. 1–6. (8-ya pag). (In Russian).
2. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Vaxovskij oblas* [Vakhovsky region] // *Ezhegodnik Tobol`skogo gubernskogo muzeya. Tobol`sk: Tip-ya Eparxial`nogo Bratstva*, Vyp. XXI. 1913. S. 1–10. (6-ya pag). (In Russian).
3. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Versty` i stroki* [Milestones and lines] / Red.-sost. V.K. Beloborodov. Ekaterinburg: Sredne-Ural`skoe kn. izd-vo, 1998. 224 s. (In Russian).
4. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Na Vaxe* [On Vaha] // *Ezhegodnik Tobol`skogo gubernskogo muzeya. Tobol`sk: Tip-ya Eparxial`nogo Bratstva*, Vyp. XXVI., 1915. S. 1–15. (4-ya pag). (In Russian).
5. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *S reki Vax Surgutskogo uezda* [From the Vakh River in Surgut District] // *Ezhegodnik Tobol`skogo gubernskogo muzeya. Tobol`sk: Tip-ya Eparxial`nogo Bratstva*, Vyp. XIX., 1911. S. 1–21. (3-ya pag). (In Russian).
6. *N.S. Vnutrennie izvestiya (d. Borki, g. Tara, g. Surgut)* [Internal news (Borki village, Tara city, Surgut city)] [1906. № 24] // *Sibirskij listok. 1901–1907* / Sost. V. Beloborodov (pri uchastii Yu. Mandriki). Tyumen`: Mandriki, 2003. S. 412–413. (In Russian).
7. *Ocherki istorii Yugry`* [Essays on the history of Ugra] / Otv. red. D.A. Redin, N.B. Patrikeev. Ekaterinburg: Izd-vo «Volot», 2000. 408 p. (In Russian).
8. Pirozhnikov G.A. *Zapiski uездного исправника* [Notes of the district police officer]. Surgut: Severo— Sibirskoe regional`noe kn. izd-vo, 2002. 104 s. (In Russian).
9. Yugoriya. *E`nciklopediya Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga* [Yugoria. Encyclopedia of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. Xanty` — Mansijsk: ID «Sokrat», 2000.Т.1. S. 144. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.015

УДК 332.012.334:94(571.13)»18»

ББК 63.3(2Рос-4Омс-2Омск)53–22

К.С. БАРАБАНОВА,
А.Р. МУХЬЯРОВА**«ВОДОПРОВОД ДОЛЖЕН БЫТЬ ГОТОВ
К 1914 ГОДУ, НО ОН ОКАЗАЛСЯ НЕ ГОТОВ
И К 1915 ГОДУ И МОЖЕТ БЫТЬ НЕ ГОТОВ
ТАКЖЕ К 1916 ГОДУ»: СТРОИТЕЛЬСТВО
ПЕРВОГО ВОДОПРОВОДА В ОМСКЕ**K.S. BARABANOVA,
A.R. MUHYAROVA**«THE WATER SUPPLY SYSTEM SHOULD
BE READY BY 1914, BUT IT WAS NOT READY
BY 1915 AND MAY NOT BE READY
BY 1916 EITHER»: CONSTRUCTION
OF THE FIRST WATER PIPELINE IN OMSK**

В конце XIX века омские врачи начали длинный диалог с властью о необходимости строительства в городе водопровода. Они выступали в качестве главных экспертов в вопросах качества воды, причинах ее загрязнения и опыте других городов в строительстве водопровода и канализации. Но обсуждение реального проекта началось в 1902 г. с рекомендации Комиссии по усилению противопожарных средств построить пожарный водопровод. Позднее холера вновь стала важным аргументом для омской городской думы. Обсуждение проекта водопровода и выбор подрядчиков растянулись почти на десятилетие, а само строительство заняло больше времени, чем планировалось изначально.

At the end of the XIX century, Omsk doctors began a long dialogue with the authorities about the need to build a water pipeline in the city. They acted as the main experts on water quality issues, the causes of its pollution and the experience of other cities in the construction of water supply and sewerage. But the discussion of the real project began in 1902 with the recommendation of the Commission on Strengthening Fire-fighting equipment to build a fire water supply system. Later, cholera again became an important argument for the Omsk City Duma. The discussion of the water pipeline project and the selection of contractors stretched for almost a decade, and the construction itself took longer than originally planned. Keywords: Omsk, water supply, infrastructure, cholera

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Омск, водопровод, инфраструктура, холера

KEY WORDS: Omsk, water supply, infrastructure, cholera

ВВЕДЕНИЕ. На рубеже XIX и XX веков Омск, как и другие города Российской империи, переживал период модернизации городской инфраструктуры. Нововведения были призваны, не только улучшить качество жизни горожан, но сохранить их здоровье, а порой и жизни. В условиях постоянных эпидемий холеры и развития микробной теории, а также усиливающегося загрязнения городских рек новыми предприятиями, водопровод стал наиболее востребованным новшеством.

Следует отметить, что сооружение водопроводной сети требовало значительных финансовых затрат. В связи с этим требовалось развернутое обоснование необходимости такой стройки. Здесь главными экспертами по водопроводным сетям и канализациям выступали врачи, которые не только могли привести сведения о последствиях их отсутствия, но и могли представить успешно реализованные проекты.

Вторая половина XIX — начало XX вв. стала сложным периодом для Омска из-за впервые вступившей в Западную Сибирь холеры, строительства Транссибирской магистрали и при-

бытия множества переселенцев в город. При этом город нуждался в улучшении санитарного состояния. Находясь на границе степи, Омск постоянно одолевали ветра, приносившие песок, а городские улицы были заполнены отходами. В этих условиях строительство водопровода стало возможностью победить эпидемии и улучшить качество жизни омичей.

ЦЕЛЬ данного исследования заключается в изучении истории разработки проекта и строительства водопровода в Омске в конце XIX начале XX в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Проблема загрязнения городских рек и каналов в конце XIX начале XX в. актуальная тема для исследователей. Ее могут рассматривать через призму промышленного производства, как это делает А.В. Виноградов в своем исследовании о Казанском заводе Товарищества «Ушков и К°» [2] или К. Евтухов в работе «Ранняя русская индустриализация: экологическая перспектива» [16]. В центре внимания исследователей находятся индустриальные предприятия, которые меняют пространство города и негативно влияют на состояние местных источников воды.

В случае со строительством водопроводов важную роль сыграли эпидемии. Р. Эванс обратился к городской среде и развитию урбанизации в контексте холеры. Так эпидемия 1892 г. послужила спусковым механизмом для строительства водопровода в Гамбурге [15]. На материале Нью-Йорка Ч. Розенберг также обращается к развитию городской инфраструктуры и санитарной системы [17]. Холеру можно по праву считать центральным актором, менявшим отношение к качеству воды и создававшей необходимые условия для строительства дорогостоящих объектов городской водной инфраструктуры.

Врачи Омского медицинского общества внимательно следили за новыми противоэпидемическими мероприятиями, в том числе за строительством водопровода и канализации. А в это время в других городах Западной Сибири полным ходом шло строительство собственных водопроводных систем. Так Тюмень и Томск значительно опередили Омск в этом вопросе [1]. Отметим, что омские городские власти позднее будут приглашать инженеров из Томска для консультаций по водопроводу.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Начало большой дискуссии о воде и необходимости организации грамотного водозабора в Омске было положено в 1883 г. на одном из первых заседаний Омского медицинского общества. Тогда было принято решение о необходимости изучения состояния омской воды и поиск причин ухудшения ее качества.

Начало большому исследованию о качестве омской воды заложил в 1885 г. доктор П.А. Соломин. Он провел анализ воды из городских рек — Иртыша и Оми, который показал высокий уровень загрязненности [12, с. 133]. В 1887 г. он указал, что ситуация с питьевой водой ухудшилась. Вода в самой Оми, по мнению автора, была «совершенно непригодной», из-за органических веществ. Одним из первых предложений стал совет по фильтрации и отстаиванию воды. Вместе с этим Соломин рекомендовал организовать водозабор с середины Иртыша, как наиболее чистой реки. Для этого он предлагал использовать 2–3 водопроводные трубы, по которым бы с помощью насосов или водокачек вода доставлялась бы на берег. Идею использовать плоты, Соломин отверг, так как, по его мнению, эти помосты будут использоваться прачками не по назначению [11, с. 85].

Летом 1892 г. в Омске началась одна из самых крупных эпидемий холеры в истории города. Только с 24 июля по 18 августа 1892 г. в Омске было выявлено 1115 больных, из которых 571 человек скончался [13]. В период с 1892 по 1896 г. в Омске было выявлено более пяти тысяч больных холерой, половина из которых скончалась от этой страшной болезни. Отметим, что первая вспышка холеры произошла в Омске в 1871 г. И с этого времени врачи начали готовиться к большой эпидемии. В 1885 г. была избрана комиссия для указания необходимых мер на случай появления холеры. Работа комиссии должна была предотвратить крупную вспышку холеры, как в самом городе, так и в войсках расположенных в нем. Комиссия пришла к выводу, что предотвратить занесение холеры в Омск не возможно. Объяснилось это тем, что было нельзя прекратить пароходные рейсы по Иртышу, на которых и ожидалось при-

бытие больных в город, как это было в 1871 г. В связи с этим комиссия сконцентрировалась на выработке рекомендаций по мерам, которые устранили бы все благоприятные условия для развития холеры в городе. Рекомендации комиссии были направлены на улучшение санитарного состояния и качества воды в городе. Предлагалось очистить площади, базары, улицы, дворы горожан, помойные ямы и отхожие места. Отдельное внимание следовало уделить бойням, кожевенным и салотопительным заводам. Омские врачи обратились к теории Коха, согласно которой воды была «исключительным разносчиком холерного яда» и подняли важный вопрос о состоянии питьевой воды в городе. К вопросу очистки пространства вернулись осенью 1892 г., когда холера отступила от Омска. Тогда Комитет общественного здоровья пришел к выводам, что санитарное устройство города страдает из-за загрязнения улиц и площадей и сброса мусора и нечистот в реки. Самым дешевым способом улучшить состояние городского пространства стало решение о вывозе мусора и нечистот за город. Это позволяло очистить улицы и снизить загрязнение источников питьевой воды.

Водозабор в Омске производился водовозами непосредственно из реки или с плотов. Во время половодья на плоты было сложно заехать, а когда вода спадала, то плоты оставались лежать на берегу. Так как плоты были небольшими, то забор воды происходил рядом с берегом. Врачи отмечали, что организация забора воды только способствовала загрязнению омских рек. В 1892 г. уже в свете эпидемии холеры было вновь вынесено предложение об организации водокачек на берегу Иртыша. Водозабор, для которых бы производился бы от 20 (выше Оми) до 40 сажень (ниже Оми) от берега [8, с. 27].

Вопрос о строительстве водопровода в омской Городской Думе был поднят в 1902 г. комиссией по усилению противопожарных средств. Тогда комиссия рекомендовала Думе организовать городской противопожарный водопровод. Здесь следует отметить, что пожары были постоянной проблемой Омска. Хотя в городе активно боролись с этой напастью и было организовано в 1885 г. Вольное пожарное общество, а в 1900 г. на Казачьем рынке начала работать пожарная команда, но Обществу взаимного страхования огня все равно приходилось ежегодно выплачивать довольно крупные суммы.

Ответом стала организация особой комиссии, которой было поручено рассмотрение возможностей по строительству водопровода в Омске [6, л. 165]. Комиссия согласилась с необходимостью строительства пожарного водопровода и предложила возбудить ходатайство о займе из общеимперского пожарного капитала всей суммы стоимости водопровода, то есть не менее 400 000 руб. Омская Городская Дума одобрила предложение комиссии и поручила городскому голове возбудить ходатайство через военного губернатора. К сожалению, министр внутренних дел ответил отказом, ссылаясь на крайнюю ограниченность свободных средств.

В 1903 г. омская Городская Дума вернулась к проблеме изыскания средств на строительство пожарного водопровода и вновь обратилась к министру внутренних дел с просьбой дать разрешение на заем из других средств МВД. На заседании 15 октября 1904 г. гласные сделали новое заявление о необходимости сооружения водопровода. Была избрана новая особая комиссия, задачей которой была разработка сооружения омского водопровода. Для того, чтобы определиться с системой и ее стоимостью, комиссия обратилась к специальным техническим заводам и инженерам-техникам. На просьбу комиссии откликнулся инженер Зимин, который составил объяснительную записку с общими положениями и основными заданиями и фирма «Бр. Бромлей», предоставившая предварительный проект и смету с пояснительной запиской. По этому проекту расчет водопровода исходил из статистических данных для русских городов. В том числе с расчетом на 75 000 человек и суточной подачей воды по 350 000 ведер [6, л. 165 об.]. Длина труб первоначально должна была составить 18,75 версты. Особенностью данного проекта было то, что проектируемые к прокладке трубы должны были быть магистральными, позднее это должно было удешевить и облегчить расширение водопроводной сети. Стоимость водопровода составляла 412 000 руб. После этого 4 октября 1905 г. омская Дума постановила распустить комиссию и избрала техническую комиссию, обязанностью

которой было более детальное рассмотрение проекта водопровода. Также в техническую комиссию поступили проекты водопровода от товарищества Добровых и Набгольц, но эти они были больше похожи на эскизы и требовали более детальной проработки. Комиссия обратилась с просьбой к городскому архитектору приступить к разработке проекта водопровода и составления сметы на основе выработанных комиссией общих заданий. Омский водопровод должен был обеспечить суточную подачу воды на 300 000 ведер, а стоимость должна была составить 500 000 руб. Так как городское управление не располагало необходимой суммой, то в 1907 г. было внесено предложение выпустить облигационный заем или сделать заем в одном из частных банков. Тогда же финансовый вопрос был поручен думской финансовой комиссии [6, л. 166].

Результатом работы водопроводной комиссии стал проект 1908 г., согласно которому в Омске должен был быть построен водопровод, рассчитанный на подачу 300 000 ведер в сутки с максимальной восьмичасовой работой для разбора по 200 000 ведер. Во время пожара водопровод должен был подавать дополнительно по 10 000 ведер в час. Таким образом, во время пожара рассчитывалось подавать по 35 000 ведер в час. Стоимость же самого водопровода должна была составить 634 146 руб. 54 коп. В 1909 г. после рассмотрения проекта инженерами его стоимость выросла, но, не смотря на удорожание проекта, омская Городская Дума приняла его и постановила начать строительство водопровода.

Следующим этапом стал поиск фирмы, которая бы взялась за реализацию проекта водопровода в Омске. Для этого проект был разослан в известные фирмы: Бромлей, Нептун, Товариществу машиностроительного производства «Добров и Набгольц» и обществу Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода (в деле — Брянских заводов). Для обеспечения водопроводного сооружения кирпичом городская дума поручила омской Городской Управе приступить к составлению проекта и сметы на сооружение и оборудование городского кирпичного завода с гофманской обжигательной печью.

Осенью 1908 г. финансовая комиссия порекомендовала Городской Думе выпустить облигационный заем на сумму 500 000 руб. под 6% годовых. Дума приняла предложение и установила размер займа в 750 000 руб.

В 1908 г. в Городскую Думу обратился гражданский инженер В.К. Терлецкий с предложением построить в Омске водопровод, канализацию, набережную Иртыша, замостить улицы, организовать электрическое освещение и трамвай. Запуск трамвая предполагалось осуществить на условиях концессии, а остальные сооружения должны были быть построены на средства Терлецкого. Город брал в долг под 5% у инженера средства на благоустройство городского пространства. Стоимость водопровода должна была быть возвращена в течение 5–10 лет. Финансовая комиссия признала предложение более выгодным, чем выпуск займа, но указала, что передачу строительства каждого из указанных сооружений сможет осуществить только после разработки его проекта. Терлецкий указал, что фирма, которую он представляет, желает поместить в дело как можно большую сумму своих капиталов. Для того чтобы приступить к срочному сооружению водопровода Терлецкий запросил у городской думы залог в размере 100 000 руб., на что получил положительный ответ. В ходе составления договора, Терлецкий сообщил, что фирма Вайс опиралась на банкирский дом «Вестерман и Ко», но между ними возникли разногласия в размере оценки некоторых работ и «Вайс и Ко» берутся исполнить все работы самостоятельно. «Вайс и Ко» брались построить водопровод по проекту городского управления. Долг управление должно было погасить в течение 50 лет. 1 сентября и 9 октября 1909 г. состоялись заседания омской городской думы на которых был одобрен договор с фирмой «Вайс и Ко». Уже одобренный договор был послан в Санкт-Петербург через Терлецкого, но возвращен в Омск не был и ответа на него не последовало [6, лл. 167 об. — 168].

Вместо фирмы «Вайс и Ко» Терлецкий предложил Омску подписать договор с фирмой «Браун Инженерин и Ко» из Лондона, которая согласилась взять на себя сооружение водопровода.

В это же время омская Дума получила ответы на свои запросы от других фирм. Правление общества Брянских заводов и фирма «Нептун» предлагали свои условия и указали, что некоторые работы выгоднее осуществить хозяйственным способом. Правление общества Брянских заводов не только было готово взяться за стройку за указанную думой сумму, но и было готово сделать 5% скидку на некоторые строительные материалы и 10% на материалы, которые изготавливаются на их заводах.

В 1910 году в Омск прибыл представитель «Браун Инженеринг и Ко» Г.С. Регельман и в ходе обсуждения возможного сотрудничества выяснилось, что Терлецкий предоставил смету в которой были отражены цены актуальные для 1907 г. После пересчета стоимость водопровода увеличилась на 79 977 руб. 67 коп., а общая стоимость достигла 729 083 руб. 91 коп. Из-за неправильных расчетов возникла необходимость замены фильтров и увеличению их стоимости на 11 000 руб. В апреле для продолжения переговоров в Омск прибыл еще один представитель фирмы Гарисон. Предполагалось, что город подпишет контракт не только по строительству водопровода, но и набережные, мощение городских улиц и даст фирме опцион на право строительства канализации, моста через Иртыш.

В ходе обсуждения проекта «Браун Инженеринг и Ко» оказалось, что история строительства водопровода в Омске началась в 1902 г., но ни один проект не был принят Думой. Гласный Кабалкин связывал это не только с медленной работой комиссий, но и постоянным вмешательством благотворительных фирм, которые выступали с многообещающими предложениями, а потом исчезали.

21 мая 1910 г. Омская городская дума для разработки вопроса по сооружению водопровода выбрала специальную комиссию. 13 июля 1910 г. была выбрана исполнительная комиссия в состав которой вошли гласные М.В. Скручаев, Н.И. Грибанова, И.П. Лаптев, В.И. Пантелеев, Н.А. Иванов, И.А. В.В. Коробейников, И.П. Кравцев, В.В. Пшеничников, А.С. Кабелкин. Председателем водопроводной комиссии был выбран Н.И. Грибанов [9, лл. 319–320 об.].

15 октября 1910 года Омская городская дума после долгих дебатов согласилась выделить водопроводной комиссии 10 000 руб. на составление проекта, сметы и кондиции на сооружение водопроводов [3, л. 544]. После столь длительного периода обсуждения проектов и поиска подрядчиков было принято решение выбрать общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода

Летом 1912 года общество Брянских заводов наконец начало строительство водопровода в Омске. Все работы по его сооружению должны были быть окончены за два строительных сезона. Водопровод должен был быть открыт не позднее декабря 1913 г.

На заседании Городской Думы 27 февраля 1915 г. было принято решение о найме лаборанта в лабораторию для производства анализов воды омского городского водопровода. Оклад лаборанту был положен в размере 3000 руб. [10, лл. 150–150 об.].

В то же время рассматривалось ходатайство Вячеслава Васильевича Коробейникова о назначении платы за воду из водопровода из бани. В нем Коробейников просил городского голову указать цену, по которой водопроводная вода будет отпускаться для торговых бань. Сам он предлагал цену в 55 к. за 1000 ведер, а также просил об отсрочке оплаты устройства отведения водопровода от 3 до 4 месяцев. Городская Управа 12 февраля 1915 г. постановила цену за 100 ведер для Коробейникова в 12 коп. В Городской Думе этот вопрос вызвал жаркую дискуссию между гласными. Гласный Г.Я. Райзер предлагал уступить Коробейникову, иначе тот будет брать воду в р. Оми. В результате голосования цена на воду для бани Коробейникова была установлена 12 коп. за 100 ведер. Гласный Ф.Ф. Штумпф предложил понизить плату водовозам, чтобы заставить их пользоваться водой из городского водопровода, а не из городских рек [10, л. 153].

История с привлечением водовозов к снабжению горожан воды из водопровода получила продолжение. Было вынесено предложение отпускать воду из водопроводных будок зимой с 6 часов, а летом с 5 часов утра, а также наладить продажу марок на воду в разных частях

города и в том числе в водоразборных будках. Последнее предложение, по мнению гласного И.Г. Кузнецова, было затруднительно, так как на тот момент водоразборы находились под управлением общества Брянских заводов. Он же отметил, что марки можно было купить во многих торговых заведениях, в том числе и мелочных лавках. Результатом обсуждения стала скидка в 5% для тех, кто покупал марки на воду на сумму не менее 5 руб., а также распространили эту скидку на воду, поступающую через домовые отведения. Большинство голосов была установлена плата за доставку воды из реки ниже, чем из водопровода — полкопейки за ведро. Этот шаг должен был принудить водовозов отказаться от воды из Иртыша [7, л. 175]. Отметим, что позднее доставка на дом воды из водопровода обходилась омичам в 50 коп. за 40-ведерную бочку, и по 20 копеек за такой же объем воды из Иртыша.

10 марта 1915 г. Городская Дума рассматривала вопрос о вознаграждении инженера А.Г. Сорокина, который заведовал постройкой водопровода. Еще 14 октября 1914 г. городской инженер Сорокин обратился к председателю водопроводной комиссии с просьбой о выплате премии за постройку сооружения. До окончательного выяснения стоимости водопровода он предлагал выплатить ему премию на сумму 690 р. Гласные высказали опасение, что после получения вознаграждения инженер покинет службу и не закончит проект, а также указали на то, что водопровод на тот момент не был полностью закончен, хоть и находился на этапе доделок. В связи с этим просьба Сорокина была отклонена [14, л. 185].

Хотя согласно договору омский водопровод должен был заработать еще зимой 1913 г., но его строительство затянулось. 23 января 1915 г. в Городской Думе состоялось заседание, на котором обсуждали вопрос о приемке сооружений. Еще в 1914 г. водопроводная комиссия требовала у Городской Думы принудить общество Брянских заводов к скорейшей сдаче объекта, так как к 12 сентября были уже построены основные узлы, оставалось доделать переход у железного моста на р. Оми и некоторые недоделки, которые не могли помешать работе водопровода. Городская Дума для предварительной и окончательной приемки сооружений организовала специальную приемочную комиссию, куда был приглашен профессор Томского технологического института В.Л. Малеев, принимавший водопровод в Томске и Челябинске. В декабре 1914 г. была проведена предварительная приемка. Перед гласными встал вопрос можно ли принять водопровод с неоконченным вторым переходом через р. Омь и с непроверенной частью сети, на условии последующего устранения неисправностей и недоделок. Гласный П.Н. Емельянов предложил рассмотреть эту проблему с двух точек зрения. Со стороны города замедление приемки ведет за собой непредвиденные расходы. А отсутствие чистой воды в городе, где находились военнопленные, создавало идеальные условия для крупной эпидемии. С точки зрения обывателя, который ждет открытия водопровода с нетерпением, всякое промедление предписывалось нерасторопности городских властей. Поэтому Емельянов высказался за приемку водопровода, хотя и отметил, что «водопровод должен быть готов к 1914 году, но он оказался не готов и к 1915 году и может быть не готов также к 1916 году» [4, л. 41]. Гласный П.Б. Ящеров, как председатель комиссии по постройке водопровода, указал, что второй переход через Омь нельзя назвать недоделкой. Это и вызвало необходимость вынести обсуждение возможности принять водопровод не в водопроводной комиссии, а в Городской Думе. Гласный Г.Я. Серебряков в свою очередь отметил, что водопроводная комиссия проявляла чрезмерную осторожность в принятии решения. Он указал, что несколько лет водопровод мог работать без второго перехода, который общество Брянских заводов обязалось достроить в короткие сроки. Гласный Ф.Ф. Штумпф также указывал на необходимость принятия водопровода в интересах санитарных мероприятий, проводимых в городе. В качестве эксперта выступил инженер А.Г. Сорокин, который рассказал, что вследствие кругового движения воды не должно прекращаться водоснабжение даже в тех участках, где произойдет поломка. Отсутствие второго перехода превращает круговую систему в тупиковую, что не позволит подавать воду на аварийные участки. По его мнению, отсутствие второго перехода увеличивало шансы прекращения водоснабжения

в два раза. На заседании выступил и представитель общества Брянских заводов инженер И.И. Архангельский. Он поведал собравшимся, что второй переход через р. Омь на самом деле построен, но требуется устранить некоторые недочеты. Городской голова В.А. Морозов вынес на голосование вопрос о возможной приемке водопроводных сооружений с условием устранения недоделок обществом Брянских заводов и уценкой тех, из них, которые не отвечают условиям договора. Большинством, 24 против 11 голосов, было принято решение о приемке освидетельствованных водопроводных сооружений [4, л. 43].

17 марта 1915 г. было рассмотрено обращение владельца центральных бань В.В. Коробейникова об отпуске ему для бани воды из городского водопровода через устроенное ответвление. Обсуждение этого вопроса показало, что общество Брянских заводов сдает устроенные им водопроводные ответвления с нарушениями. Но так как одна из крупнейших общественных бань в это время брала воду из Оми, течение которой из-за поднятия воды в Иртыше почти остановилось, а сверху по реке спускалась грязная вода, следовало открыть водоснабжение бань Коробейникова, Городского театра и ответвлениям по Гасфортской улице. Позднее общество Брянских заводов должно было исправить неисправности [5, л. 194].

Торжественное открытие омского городского водопровода состоялось 2 февраля 1915 г. До 6 февраля 1915 г. отпуск воды из водоразборных будок должен был производиться бесплатно, после этой даты воду можно было получить за марки, продававшиеся в Городской управе. За первые пять дней из водоразборных будок было отпущено 20 059 ведер и продано марок на сумму 516 руб. 78 коп.

Первая очередь омского водопровода охватила его центр: улицу Кузнечную, Думскую, Омскую, Лермонтовскую, Тарскую, Тобольскую, Бутырскую и Люблинский проспект. Насосная станция была размещена на пересечении Кузнечной и Войковской улиц, а водонапорная башня на Бутырской улице.

ВЫВОДЫ. Вторая половина XIX — начало XX вв. стали периодом активного строительства городских водопроводов. Важным актором в этом начинании была холера, которая создавала идеальные условия для того, чтобы городские власти находили необходимые средства на реализацию дорогостоящих проектов водной инфраструктуры.

Западная Сибирь и Омск в частности не стали исключением. Омские врачи впервые заговорили о необходимости строительства, пусть даже самого примитивного, но водопровода, еще в 80-е гг. XIX в. Когда город в 1892 г. столкнулся с крупной эпидемией холеры, актуальность водопровода и в целом улучшения качества водоснабжения вышло на первый план. Но с окончанием эпидемии и отступлением холеры на второй план дискуссия о водопроводе затухла.

Большая дискуссия о необходимости водопровода в Омске развернулась в омской городской думе в 1902 г. и спусковым механизмом для этого послужила не эпидемическая угроза, а пожары, приносившие серьезные убытки. Дополнительным стимулом ускорить стройку стала эпидемия холеры 1907–1910 гг.

На десятилетие затянулся этап разработки проекта водопровода и поиска подрядчиков, которые смогли бы его реализовать. Важную роль в этом сыграла не только дороговизна объекта водной городской инфраструктуры, но и множество фирм, которые предлагали свои услуги, а затем исчезали.

Строительство водопровода, которое началось в 1912 г. затянулось до 1915 г. Водопроводной комиссии пришлось приложить усилия для того, чтобы добиться от общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода сдачи пусть и не оконченного водопровода. Город нуждался в качественной воде и был готов идти на уступки.

Строительство омского водопровода стало одним из мероприятий для создания благоприятной городской среды. Этот объект позволял улучшить санитарную, эпидемиологическую и пожарную обстановку в городе. И хотя стройка затянулась и частично пришлось на начало Первой мировой войны, но проект был реализован и введен в работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанова К.С. Эпидемии, врачи и водопровод: создание водной инфраструктуры в Западной Сибири во второй половине XIX — первой половине XX вв. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (87). С. 87–94.
2. Виноградов А.В. Казанский завод Товарищества “Ушков и к о”: воздействие на окружающую среду и здоровье населения (конец XIX — начало XX в.) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 87–92.
3. Доклад Водопроводной комиссии о положении работ по сооружению водопровода. 15 октября 1910 г. // БУ Иса (Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области») Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.
4. Доклад о положении дел по приемке водопровода // БУ Иса Ф. 30. Оп. 1. Д. 28.
5. Журнал Городской управы по вопросу постановления Водопроводной комиссии о продлении деятельности до окончания работ по сооружению водопровода // БУ Иса Ф. 30. Оп. 1. Д. 28.
6. Заявление фирмы Браун Инженерин и К-о об условиях сооружения водопровода // БУ Ис А.Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.
7. О принятии мер к привлечению водовозов снабжать население города водой из городского водопровода // БУ Ис А.Ф. 30. Оп. 1. Д. 28.
8. Полубинский А.А. О мерах против холеры. Протокол заседания общества омских врачей № 2 от 19 ноября 1892 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1893. С. 26–34.
9. Постановление Омской городской думы № 121. 13 июля 1910 // БУ Иса Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.
10. Протокол заседания Омской городской думы 27 февраля 1915 г. // БУ Иса Ф. 30. Оп. 1. Д. 28.
11. Соломин П.А. Дополнение к санитарному исследованию питьевых вод г. Омска // Протокол заседания общества омских врачей. 1888. 4 апреля. № 7. С. 81–85.
12. Соломин П.А. О результатах химического анализа воды, взятой из р.р. Иртыша и Оми и некоторых колодцев г. Омска // Протокол заседания общества омских врачей. 1885. 30 декабря. № 5. С. 123–134.
13. Федорова Г.В. Роль Омского медицинского общества в профилактике эпидемий холеры // Вести МАНЭБ в Омской области. 2013. № 3. С. 23–25.
14. Ходатайство заведующего постройкой водопровода инженера А.Г. Соломина о выдаче ему процентного вознаграждения за постройку водопровода // БУ Иса Ф. 30. Оп. 1. Д. 28.
15. Evans R. Death in Hamburg: Society and Politics in the cholera years, 1830–1910. — New York: Penguin Books, 1987. 673 p.
16. Evtuhov C. Early Russian Industrialization: An Environmental Perspective // Thinking Russia's History Environmentally by Catherine Evtuhov, Julia Lajus, and David Moon, eds. New York: Berghahn Books, 2023. P. 48–73.
17. Rosenberg C. Cholera Years: The United States in 1832, 1849, and 1866. — Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. 265 p.

REFERENCES

1. Barabanova K.S. *Epidemii, vrachi i vodoprovod: sozdanie vodnoj infrastruktury v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX — pervoj polovine XX vv.* [Epidemics, doctors and water supply: the creation of water infrastructure in Western Siberia in the second half of the 19th — first half of the 20th centuries.] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 6 (87). S. 87–94. (In Russian).
2. Vinogradov A.V. *Kazanskij zavod Tovarishchestva “Ushkov i ko”: vozdejstvie na okruzhayushchuyu sredy i zdorov'e naseleniya (konec XIX — nachalo HXH v.)* [Kazan plant of the Partnership “Ushkov and co.”: impact on the environment and public health (late XIX — early XX century)] // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2013. T. 155. Kn. 3. CH. 1. S. 87–92. (In Russian).

3. *Doklad Vodoprovodnoj komissii o polozenii rabot po sooruzheniyu vodoprovoda. 15 oktyabrya 1910 g.* [Report of the Water Supply Commission on the status of works on the construction of a water pipeline. October 15, 1910] // BU IsA (Byudzhethnoe uchrezhdenie Omskoj oblasti «Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti») F. 30. Op. 1. D. 25. (In Russian).
4. *Doklad o polozenii del po priemke vodoprovoda* [Report on the status of water supply acceptance] // BU IsA F. 30. Op. 1. D. 28. (In Russian).
5. *Zhurnal Gorodskoj upravy po voprosu postanovleniya Vodoprovodnoj komissii o prodlenii deyatel'nosti do okonchaniya rabot po sooruzheniyu vodoprovoda* [Journal of the City Council on the issue of the resolution of the Water Supply Commission on the extension of activities until the completion of work on the construction of a water pipeline] // BU IsA F. 30. Op. 1. D. 28. (In Russian).
6. *Zayavlenie firmy Braun Inzhenerin i K-o ob usloviyah sooruzheniya vodoprovoda* [Statement of the company Brown Engineering and K-o on the conditions for the construction of a water pipeline] // BU Is A.F. 30. Op. 1. D. 25. (In Russian).
7. *O prinyatii mer k privlecheniyu vodovozov snabzhat' naselenie goroda vodoj iz gorodskogo vodoprovoda* [О принятии мер к привлечению водовозов снабжать население города водой из городского водопровода] // BU Is A.F. 30. Op. 1. D. 28. (In Russian).
8. Polubinskij A.A. *O merah protiv holery. Protokol zasedaniya obshchestva omskih vrachej № 2 ot 19 noyabrya 1892* [Polubinsky A.A. On measures against cholera. Minutes of the meeting of the Society of Omsk doctors No. 2 dated November 19, 1892] // *Protokoly omskogo medicinskogo obshchestva*. Omsk: Omsk. tip. okruzh. shtab., 1893. S. 26–34. (In Russian).
9. *Postanovlenie Omskoj gorodskoj dumy № 121. 13 iyulya 1910* [Resolution of the Omsk City Duma No. 121. July 13, 1910] // BU IsA F. 30. Op. 1. D. 25. (In Russian).
10. *Protokol zasedaniya Omskoj gorodskoj dumy 27 fevralya 1915 g.* [Minutes of the meeting of the Tomsk City Duma on February 27, 1915] // BU IsA F. 30. Op. 1. D. 28. (In Russian).
11. Solomin P.A. *Dopolnenie k sanitarnomu issledovaniyu pit'evykh vod g. Omska* [Supplement to the sanitary study of drinking waters in Omsk] // *Protokol zasedaniya obshchestva omskih vrachej*. 1888. 4 aprelya. № 7. S. 81–85. (In Russian).
12. Solomin P.A. *O rezul'tatah himicheskogo analiza vody, vzyatoj iz r.r. Irtysha i Omi i nekotorykh kolodcev g. Omska* [On the results of chemical analysis of water taken from the Irtysh and Omi rivers and some wells in Omsk] // *Protokol zasedaniya obshchestva omskih vrachej*. 1885. 30 dekabrya. № 5. S. 123–134. (In Russian).
13. Fedorova G.V. *Rol' Omskogo medicinskogo obshchestva v profilaktike epidemij holery* [The role of the Omsk Medical Society in the prevention of cholera epidemics] // *Vesti MANEB v Omskoj oblasti*. 2013. № 3. S. 23–25. (In Russian).
14. *Hodatajstvo zaveduyushchego postrojkoj vodoprovoda inzhenera A.G. Solomina o vydache emu procentnogo voznagrazhdeniya za postrojku vodoprovoda* [The petition of the head of the construction of the water supply system, engineer A.G. Solomin, for granting him a percentage fee for the construction of the water supply system] // BU IsA F. 30. Op. 1. D. 28. (In Russian).
15. Evans R. *Death in Hamburg: Society and Politics in the cholera years, 1830–1910*. New York: Penguin Books, 1987. 673 p.
16. Evtuhov C. *Early Russian Industrialization: An Environmental Perspective* // *Thinking Russia's History Environmentally* by Catherine Evtuhov, Julia Lajus, and David Moon, eds. New York: Berghahn Books, 2023. P. 48–73.
17. Rosenberg C. *Cholera Years: The United States in 1832, 1849, and 1866*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. 265 p.

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.016
УДК 639.2:94(571.121)»1931/1941»
ББК 63.3(2Рос-6Яма)622-2

Л.В. АЛЕКСЕЕВА

**ИЗУЧЕНИЕ РЫБ И РЫБНЫХ РЕСУРСОВ
ЯМАЛЬСКОГО СЕВЕРА В ПРЕДВОЕННОЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1931–1941 ГГ.)**

L.V. ALEKSEEVA

**STUDY OF FISH AND FISH RESOURCES
OF THE YAMAL NORTH IN THE PRE-WAR
DECADE (1931–1941)**

Рассматривается малоизученный вопрос отечественной историографии о деятельности научных учреждений по исследованию рыб и рыбных ресурсов приарктических территорий Ямало-Ненецкого округа в предвоенное десятилетие (1931–1941 гг.). В центре внимания — Всесоюзные научные организации и региональное отделение (станция) в Тобольске, экспедиционная деятельность которых систематизирована и изложена в проблемно-хронологическом порядке. Наибольшее внимание уделено ихтиологическим исследованиям, направленных на изучение рыб и рыбных ресурсов Обской губы и Гыданского залива.

Цель — выявить научные учреждения, систематизировать и осуществить анализ фактографического материала об исследовательской деятельности экспедиций и отдельных ученых, определить результаты по изучению рыб и рыбных ресурсов Ямальского Севера в предвоенное десятилетие (1931–1941 гг.).

Статья подготовлена на основе источниковых материалов ихтиологов, опубликованных в предвоенное десятилетие и послевоенные годы, авторами которых являлись Е.К. Суворов, Е.В. Бурмакин, И.Г. Юданов, М.П. Сальдау. Поставленная в статье цель решалась на основе комплексного использования возможностей проблемно-хронологического, историко-сравнительного, структурно-системного методов исследования.

Результаты и научная новизна. Определены факторы, выявлены особенности, оказавшие воздействие на масштабы и векторы изысканий в рассматриваемом регионе. Выявлены научные учреждения, экспедиции, выполненная ими исследовательская работа; определено значение результатов экспедиций для расширения фундаментальных и прикладных знаний по ихтиологии и состоянию рыбных ресурсов к началу Великой Отечественной войны.

The little-studied issue of Russian historiography on the activities of scientific institutions for the study of fish and fish resources of the Arctic territories of the Yamalo-Nenets District in the pre-war decade (1931–1941) is considered. The focus is on All-Union scientific organizations and the regional branch (station) in Tobolsk, whose expeditionary activities are systematized and presented in a problematic chronological order. The greatest attention is paid to ichthyological studies aimed at studying the fish and fish resources of the Gulf of Ob and Gydan Bay.

The purpose is to identify scientific institutions, systematize and analyze factual material about the research activities of expeditions and individual scientists, to determine the results of the study of fish and fish resources of the Yamal North in the pre-war decade (1931–1941).

The article is based on the source materials of ichthyologists published in the pre-war decade and post-war years, the authors of which were E.K. Suvorov, E.V. Burmakin, I.G. Yudanov, M.P. Saldaу. The goal set in the article was solved on the basis of the integrated use of the possibilities of problem-chronological, historical-comparative, structural-systemic research methods.

The factors have been identified, and the features that have influenced the scale and vectors of research in the region under consideration have been identified. Scientific institutions, expeditions, and research work carried out by them were identified; the importance of the results of expeditions for expanding fundamental and applied knowledge on ichthyology and the state of fish resources by the beginning of the Great Patriotic War was determined.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рыба, ресурсы, Север, Ямал, экспедиция, институт, станция исследования.

KEY WORDS: fish, resources, North, Yamal, expedition, institute, research station.

ВВЕДЕНИЕ. Предвоенное десятилетие в истории народов Севера СССР — время радикальных перемен. Расположенные в труднодоступных районах, но имевшие богатейшие природные ресурсы, территории национальных округов Севера Сибири стали объектом разностороннего изучения. Выявление, анализ и обобщение имеющихся источниковых материалов по истории изучения рыбных ресурсов Севера Западной Сибири к началу Великой Отечественной войны является одним из малоизученных вопросов отечественной историографии, что и обуславливает предмет рассмотрения в статье. В центре внимания — исследовательская работа в северной части Ямало-Ненецкого национального округа (далее — ЯННО) по изучению рыб и рыбных ресурсов в предвоенное десятилетие (1931–1941 гг.), которую осуществляли научные организации (Всесоюзный Арктический институт (далее — ВАИ); Научно-исследовательский институт полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства (далее — НИИПЗЖПХ); Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (далее — ВНИРО); Всесоюзный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства (далее — ВНИОРХ).

Территориальные рамки статьи определены в границах современного Ямало-Ненецкого автономного округа, а *хронологические рубежи* охватывают предвоенное десятилетие, явившееся для данного округа временем вступления в процессы советской модернизации.

ЦЕЛЬ — выявить научные учреждения, систематизировать и осуществить анализ фактографического материала об исследовательской деятельности экспедиций и отдельных ученых, определить проблемы и результаты по изучению рыб и рыбных ресурсов Ямалского Севера в предвоенное десятилетие (1931–1941 гг.).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Теоретическими и фактографическими материалами для подготовки статьи послужили публикации современных ученых: П.А. Филина, Д.А. Ананьева, П.А. Попова, А.А. Сулейманова, Л.Н. Сергиенко. Источниковую базу составили результаты научных экспедиций, в том числе полевые материалы ихтиологов, опубликованные в предвоенное десятилетие и послевоенные годы, авторами которых являлись Е.К. Суворов, Е.В. Бурмакин, И.Г. Юданов, М.П. Сальдау. Эти материалы с различной степенью полноты характеризуют результаты предпринимавшихся исследовательских практик. Методологический основой статьи стал полидисциплинарный подход, позволяющий использовать наряду с историческими, знания по физической географии, ихтиологии, экономике. Поставленные в статье задачи решались на основе комплексного использования возможностей проблемно-хронологического, историко-сравнительного, структурно-системного методов исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. В 1930-х гг. освоение приарктических территорий было связано не только с решением экономических, но и геополитических задач, в котором важную роль играло Государственное управление Северного морского пути (далее — ГУСМП). Западные наблюдатели — современники событий 1930-х гг., прежде всего, из США, указывали на поразительный масштаб научно-исследовательских работ в Арктике и приарктических территориях СССР [14; 15]. В 1929–1934 гг. на Крайнем Севере, как свидетельствуют материалы журналов «Советский Север», «Хозяйство Севера», «Советская Арктика», вели работу более 40 научно-исследовательских экспедиций. По оценке зарубежных исследователей действовало 30 экспедиций, работало 38 научных и метеорологических станций

[1, с. 457–458]. Ямальский Север являлся одним из исследуемых приарктических районов. Среди экспедиций 1930-х гг., осуществлявших деятельность здесь, были и те, которые изучали рыб и рыбные ресурсы.

В современной отечественной историографии имеются работы, отразившие не только реализацию важнейших академических инициатив по изучению районов Крайнего Севера РСФСР [10], но и деятельность региональных научных коллективов, к каковым относилась Тобольская рыбохозяйственная станция [8]. К малоизученным аспектам темы относится история ихтиологических исследований на Севере ЯННО.

Источниковый материал, опубликованный в научных изданиях ВНИОРХ, ВНИРО и ГУСМП (в ведении которого находился НИИПЗЖПХ), позволяет изучить и оценить масштабы предпринятых исследований о рыбах Обской¹, Тазовской² губ и Гыданского³ залива (современное название — губа), их проблемах и результатах; систематизировать фактографический материал о деятельности экспедиций и отдельных ученых по изучению рыб и рыбных ресурсов Ямальского Севера в предвоенное десятилетие.

Территория, на которой велись исследования не только обширна, а площадь водоемов с прибрежными заливами Карского моря столь велика и труднодоступна, что требовались немалые материальные ресурсы и подвижнический труд ученых, чтобы выполнять здесь исследования.

Особенностью региона являлось и то, что в предвоенное десятилетие здесь не осуществлялось экспедиций АН СССР в отличие от Европейского Севера, где Академия вела активные исследования. Причинами данного факта, А.А. Сулейманов называет не только сосредоточение усилий на более доступных в географическом и инфраструктурном отношении территориях, что позволяло значительно быстрее получить экономическую отдачу, но также и то, что для севера Сибири было характерно обширное присутствие структур ГУСМП и НКВД. Эти структуры, опираясь на государственную административную и финансовую поддержку, являлись в 1930-е гг., по его мнению, основными акторами освоения арктических районов азиатской части Советского Союза [10, с. 400–401]. С этим утверждением стоит согласиться. ЯННО попал в зону деятельности ГУСМП. В связи с освоением Северного морского пути, внимание к изучению ресурсов этого региона возросло. Ставилась задача обеспечения северной трассы местными продуктами, важнейшим из которых являлась рыба. В этой связи требовалось разностороннее изучение рыбного промысла, открытие новых ресурсных баз, анализ условий для организации производства, чтобы минимизировать затраты на завоз продуктов питания. Новые промыслы связывались с Обской и Тазовской губами, а также с Гыданским заливом [6; 9, с. 5]. ГУСМП инициировало, оснащало, финансировало ряд экспедиций, что касается деятельности комендатур Объединенного государственного политического управления на Ямальском Севере, то она заключалась в организации спецпоселений (в начале 1930-х гг. это были преимущественно крестьяне, раскулаченные и сосланные в этот округ, общей численностью к концу 1932 г. не более 3500 человек) и предоставлении спецконтингента для работ по запросу хозяйственных организаций. Организованные пять специальных поселков из крестьян-спецпереселенцев (Обдорск, Аксарка, Новый Порт, Шуга, Тазовский) за Полярным кругом занимались рыболовством в тяжелейших условиях.

Исследования на Ямальском Севере осуществлялись представителями различных ведомств и учреждений. Мы рассмотрим деятельность только научных организаций. Среди них был ВАИ, организованный 6 июня 1930 г. постановлением ЦИК СССР. После создания в 1932 г.

¹ ОБСКАЯ — губа Карского моря при устье р. Оби. Название закрепилось на картах после Великой Северной экспедиции в середине XVIII века. Слово «об» или «аб» — тюркского происхождения, обозначающее «вода», «река».

² ТАЗОВСКАЯ — губа, отвечающая от Обской губы к востоку. Называется по впадающей в нее реке Таз с середины XVIII века. По-ненецки таз (таси, тасу) — «нижний».

³ ГЫДАНСКИЙ — залив, полуостров и пролив. Названия возникли от реки Гыды, впадающей в залив, который стали называть Гыданским (или Гыдаемским) с середины XVIII века; полуостров и пролив — с 1920-х годов. Гыда (ныда) — название проживавшего здесь ненецкого племени.

ГУСМП, ВАИ перешел в его ведение. Перед институтом ставилась цель — исследование Северного морского пути. Однако, задачи вскоре расширились. Они связывались с комплексным хозяйственным, культурно-бытовым освоением и обустройством Севера [12, с. 240–241]. Одним из районов исследований ВАИ являлись низовья Обской губы, с рыбными ресурсами которой связывались перспективы промышленного рыболовства. Первая фактория ГУСМП была создана в 1930 г. на Юрибее⁴, в 10 милях от устья. В следующую навигацию теплоход «А. Микоян» доставил сюда первую группу рыбаков (это были спецпереселенцы). Лов здесь начали в 1932 г., когда выловили 1000 ц рыбы. Рыбачили тогда 68 человек [6, с. 179].

Экспедиции ВАИ в Обскую губу (по мнению Е.В. Бурмакина, это был залив) начались в 1934 г. и продолжались вплоть до 1937 г. [9, с. 5]. Есть сведения, что в Северо-Ямальной ихтиологической экспедиции ВАИ принимал участие В.П. Евладов. В 1935/1936 г. он провел зимовку на самой северной фактории — Дровяная в качестве научного сотрудника⁵.

Одновременно начались исследования в Гыданском заливе. По сути, речь идет о Гыданском полуострове на северо-востоке Западной Сибири, разделенный мелководными заливами Карского моря на полуострова меньшего размера, который и в настоящее время в ихтиологическом отношении является слабоизученным прежде всего по причине труднодоступности этого района [4, с. 128]. С 1934 г. по 1937 г. изучались промысловые рыбы Гыданского залива и р. Юрибей, в результате чего были опубликованы работы по экологии сиговых рыб и хариуса, состоянию рыбных запасов.

Обско-Тазовскую промысловую экспедицию (начальник — К.К. Чапский) в составе трех отрядов снарядили в 1934 г. Один из отрядов являлся ихтиологическим (научные сотрудники: Е.В. Бурмакин, Т.З. Винокуров, Н.В. Горский, Г.Х. Шапошникова и два технических работника) [9, с. 5–6]. Работы отряда осуществлялись по графику движения буксирного парохода «Анастас Микоян». Им были доставлены участники экспедиции и сняты с наблюдательных пунктов те, кто был доставлен ранее. Данным отрядом работы проводились в северной части Обской губы в районе фактории Дровяной, в устье реки Се-Яга, а также в Гыданском заливе в районе Черного мыса и в низовьях реки Юрибей.

В 1935 г. ихтиологический отряд этой экспедиции был выделен в самостоятельную экспедицию, работы которой продолжались как в Обской губе, так и в Гыданском заливе вплоть до 1937 г. Отряд получил название «Северообская промысловая экспедиция». В ее составе работали научные сотрудники: Е.В. Бурмакин, Т.З. Винокуров, Е.В. Киселева, Г.Х. Шапошникова, И.К. Якимович. Ими были продолжены работы в районе фактории Дровяной (краткосрочные летние наблюдения) и в Гыданском заливе, в районе рек Юрибей и Гыда (зимовка). Состав научных сотрудников был тот же. В 1934–1935 г. ихтиологическими работами руководил Е.В. Бурмакин. Исследовали различные виды рыб: ряпушка, налим, сиг-пыжьян, щокор и др. Интерес представляют результаты исследований, полученных по омулю. Всего исследовали 529 экз. этого вида рыб. Изучали миграции омуля. Ученые пришли к выводу, что миграции с середины августа и до конца сентября в Обскую губу носили нагульный характер. Ихтиологи исследовали питание омуля у фактории Дровяной, мыса Таран⁶, устья р. Тамбей⁷, р. Се-Яга⁸ [6, с. 72].

⁴ ЮРИБЕЙ — (по-ненецки — «жирная река»). С таким названием в округе две реки. Одна — на Ямальском полуострове. Она образуется слиянием рек Правый Юрибей и Левый Юрибей, впадает в Байдарацкую губу. Вторая река — на Гыданском полуострове и впадает в Гыданский залив. В нашем случае речь идет об Юрибее Гыданского полуострова.

⁵ По материалам П.В. Евладова (сын В.П. Евладова), опубликованным в газете «Красный Север». URL: <https://ks-yanao.ru/narrative/obschestvo/jamal-harjutti-95-let-so-starta-pervoj-sovetskoj-ekspeditsii-na-poluostrov> (18.10. 2024).

⁶ ТАРАН — мыс на восточном берегу Обской губы. Назвал в 1895 г. гидрограф А. Вилькицкий за сходство с тараном — нижней частью форштевня военного корабля.

⁷ ТАМБЕЙ — бухта и река в северной части западного побережья Обской губы. В 1920-х годах гидрографы Убеко-Сибири отнесли название реки Тамбей (по-ненецки — «озерная») к бухте, в которую она впадает.

⁸ СЕЯГА — река севернее м. Каменный в Обской губе (по-ненецки — «зеленая река»), называлась так за пышную травяную растительность на ее берегах.

В 1936 г. экспедицией в указанном ранее составе в Гыданском заливе продолжены зимовочные наблюдения и начаты наблюдения в районе фактории Дровяной. В 1936–1937 гг. ихтиологическими работами руководил И.К. Якимович. Осенью 1937 г. полевые работы были закончены. Среди интереснейших были новые материалы о наличии сельди. Ихтиологи, работавшие на северо-восточном побережье Ямала у фактории Дровяной, вели наблюдения в августе–сентябре 1937 г. Результатами стало установление обитания сельди в северной части Обской губы [6, с. 72]. Тщательное изучение биологии одного из ценных сибирских сегов — пеляди позволило позднее Е.В. Бурмакину в статье «Пелядь (*Coregonus*) бассейна Гыданского залива» обосновать ее вселение в водоемы Европейской части СССР [11, с. 89–117].

Стоит подчеркнуть, что первые результаты исследований о составе ихтиофауны в Обской губе и Гыданском заливе были представлены Е.В. Бурмакиным [3, с. 93–97], являвшимся блестящим знатоком биологии сибирских и северных рыб. Им впервые в 1933–1937 гг. осуществлено рыбохозяйственное обследование заполярных озер в районах Большеземельской тундры и Гыданского полуострова, а также Гыданского залива и Обской губы [11, с. 89–117].

В результате экспедиций ВАИ 1934–1937 гг. были получены материалы ихтиологического характера и сформулированы результаты по составу ихтиофауны; представлены выводы о промысловых возможностях исследованного региона (низовья Обской губы, Гыданский залив, р. Юрибей). Было установлено 24 вида рыб из Обской губы: проходные — 11 видов (46%), пресноводные — 6 (23%), морские — 6 (23%), разнородные — 1 (4%) [6, с. 113]. Итоги промысловых возможностей исследованного региона были сформулированы Е.В. Бурмакиным, Г.Г. Галкиным и В.К. Есиповым.

Проф. Е.К. Суворов отмечал, что практическим достижением этих экспедиций стало установление возможности организации промысла в северной части Обского залива и выяснение путей его осуществления. Существенным недостатком экспедиций ВАИ 1934–1937 гг., по мнению Е.К. Суворова, являлось отсутствие собственных судов, что ставило экспедиции в условия зависимости от движения транспортных караванов и, тем самым, определяло сроки работы экспедиций [9, с. 6]. Это являлось серьезным сдерживающим фактором для проведения масштабных исследований.

Немалый вклад в изучение рыб и рыбных ресурсов внесла Тобольская рыбохозяйственная станция. В 1933 году приказом Наркомснаба СССР был основан ВНИРО путем слияния Государственного океанографического института и Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства. Незадолго до реорганизации, в 1932–1933 г. два отряда экспедиции Государственного океанографического института работали в районе Югорского шара и Карской губы, где был собран первоначальный материал о наличии сельди [6, с. 87]. Позднее эту тему продолжили ученые ВАИ в 1936–1937 гг., о чем сообщалось нами ранее.

ВНИРО имел в своей структуре региональные рыбохозяйственные станции. Одной из таких станций являлась Тобольская, носившая название Обско-Тазовской научной рыбохозяйственной станции ВНИРО (далее — ОНРХС). В составе ВНИРО сотрудники Тобольской станции осуществляли регулярные экспедиции на Ямальский Север. С 1931 г. Тобольская станция под руководством П.И. Лопарева предпринимала усилия к организации планомерных комплексных исследований сырьевых ресурсов Обской, Тазовской и Гыданской губ, предустьевой части р. Оби и пойменно-соровой системы [13]. Данные экспедиции призваны способствовать решению поставленных правительством задач о расширении промысла для обслуживания Северного морского пути. Сотрудникам ОНРХС приходилось много времени уделять не столько ихтиологическим, сколько технологическим и промысловым вопросам рыбного хозяйства, в частности обнаружению новых угодий и выявлению наиболее эффективных способов лова рыбы. Сотрудники ОНРХС приступили к изучению биологии белухи в Обской губе [8, с. 77]. Среди сотрудников станции выделялась исследовательская деятельность И.Г. Юданова. Он первый высказал предположение об оценке имевшихся сырьевых ресурсов Севера Западной Сибири, определив их в 50 тыс. т.

И.Г. Юдановым и М.В. Хахардиным в 1932–1933 гг. проводились ихтиологические исследования о питании рыб Обь-Иртышского бассейна. В исследованиях принимал участие и их коллега А.А. Пнев. Исследовали питание ряпушки, пеляди, муксуна, чира, сига, нельмы. Почему данному направлению в ихтиологии отводилось важное место? Пища обеспечивает на всех этапах развития организма энергетические процессы, связанные с движением, ростом, созреванием, размножением. Имеют место два типа питания — эндогенное и экзогенное. Так, у проходных рыб во время нерестовых миграций поступление пищи извне прекращается, запасы жира позволяют покрыть огромную трату энергии при их длительных передвижениях от мест нагула к местам нереста, у некоторых видов процесс является необратимым. Рыба настолько истощается, что после нереста погибает. Нужно знать также и кормовую базу водоемов, чтобы прогнозировать указанные процессы, т.к. это напрямую влияет на количество рыбы, а в конечном итоге на объемы уловов. Так, например, И.Г. Юданов исследовал заход пеляди в сора, где протекал ее нагул. Он установил, что большая часть рыбы питалась в сорах выше Салехарда, между Большой и Малой Обью; меньшая часть, преимущественно половозрелые особи заходили в сора Аксарковского участка. По И.Г. Юданову, половозрелая пелядь нагуливалась в сорах Малой Оби, и затем шла на нерест в притоки: Малая Сосьва, Войкар, Собь. Другая группа рыб, связанная с Большой Обью шла на нерест на восток — в реку Томь [7, с.183]. И.Г. Юданов также установил, что размеры самок пеляди превышали в длину самцов, равно как и по весу. Самцы были легче, чем самки. Эти результаты были опубликованы в 1932 г. в «Работах Обь-Иртышской научной рыбохозяйственной станции».

Примерно в то же время (1932–1933 гг.) питание рыб изучал М.В. Хахардин. Он также, как и И.Г. Юданов изучал сора близ Аксарки и сформулировал вывод о слабом питании пеляди. Исследуя желудки рыб, установил малую степень наполнения, более того, часто встречались пустые желудки. М.В. Хахардин выявил, что муксун предпочитает для питания салмы, но кроме них распределяется по соровой системе ниже Салехарда. Питание муксуна изучалось им в Валенгальских сорах Аксарковского участка. М.В. Хахардин пришел к заключению, что интенсивность питания у рыб здесь невысокая [7, с.181, 185].

Весьма интересными являются исследования И.Г. Юданова о питании сибирского осетра. В 1935 г. им проводилось изучение в районе мыса Виткова⁹ (вероятно, речь идет о морской косе рядом с мысом), в 15–20 км от берега. Было поймано 10 осетров общим весом 72 кг и исследовано содержание пищи в желудках. Подробности неизвестны. Проводились исследования и по упитанности осетра. Сравнивали упитанность рыб близ Нового Порта¹⁰ и у Чугор-Яга и Анти-Паюта. Оказалось, что близ Нового Порта упитанность хуже, чем в сравниваемых с ним, двух других местах [7, с.198]. Стоит подчеркнуть, что большинство материалов накануне войны давали качественную, а не количественную характеристику состава питания рыб с визуальной оценкой по пяти критериям (масса, много, мало, средне, единично), хотя к этому времени уже был известен количественный метод Л.А. Зенкевича-В.А. Бродской, но этот метод применялся незначительно. В центральных научных изданиях (Известия ВНИОРХ) сообщалось об исследованиях тобольских сотрудников. Так, М.П. Сальдау в специальной статье, посвященной питанию рыб Обь-Иртышского бассейна, оценивал ситуацию в данном направлении ихтиологии по указанному региону недостаточно изученной и приводил данные, полученные тобольскими специалистами ОНРХС [7].

Тобольская станция в 1938 г. перешла в ведение ВНИОРХ. Новый институт получил название в результате реорганизации Ленинградского научно-исследовательского ихтиологического института. В 1938 г. Обско-Тазовская научная рыбохозяйственная станция была передана

⁹ ВИТКОВА — мыс в бухте Находка. Назван в 1896 г. А.И. Вилькицким по фамилии участника его экспедиции Александра Аркадьевича Виткова (род. в 1868 г.), составившего первую карту бухты.

¹⁰ НОВЫЙ ПОРТ — бухта и поселок на западном берегу Обской губы. Название бухте дано Обь-Енисейским гидрографическим отрядом, обнаружившим здесь в 1920 г. более удобное, чем бухта Находка, место для устройства порта.

из ВНИРО во ВНИОРХ. На базе станции открыли Обь-Тазовское отделение (далее — ОТО) ВНИОРХ в Тобольске, сотрудники которого продолжили исследования на Севере Западной Сибири. Мы установили, что одной из первых экспедиций после преобразования станции в отделение, стала работа по ихтиологии в районе Салехарда и Аксарки. В числе участников экспедиции находилась В.В. Урбан. В марте 1937 г. ее направили из института в г. Тобольск на работу в ОТО. Здесь, гидробиолог В.В. Урбан проработала 3 года в должности младшего научного сотрудника [5, с. 198]. В 1938 г. она приняла участие в экспедиции на Ямальский Север, где вела исследовательские работы по изучению питания пеляди. И, как и М.В. Хажардин ранее, пришла к тем же выводам. По результатам ее работы, 46% исследуемых рыб, показали малое наполнение желудков, а 20% — значительное. Ею установлено предпочтение в питании пеляди куколки (личинки) тендипедид (*Tendipedidae*) [7, с. 181].

Другим учреждением, осуществлявшим активное изучение Крайнего Севера являлся НИИПЗЖПХ. Его организовали в 1937 г. в Ленинграде на базе отделов оленеводства, экономики, промысловой и рыбной биологии ВАИ. В 1940 г. вышел сборник «Трудов ...» (Серия «Промысловое хозяйство», вып. 10), содержащий материалы исследований предвоенных лет, позволивших получить обзор рыб северной части Обской губы, состояние промысла и дальнейшие перспективы его развития [2]. В этом сборнике Е.В. Бурмакиным был опубликован гидрологический и физико-географический очерк Обской губы и Гыданского залива. В материалах сборника настойчиво проводилась идея о перемещении промысла из рек в море и привлечении местных национальных кадров к промышленному рыболовству из-за дороговизны привозной рабочей силы [2, с. 5]. Находясь в ведении ГУСМП, институт осуществлял и гидрографические исследования. В 1938 г. Гидрографическим управлением ГУСМП была издана новая карта Гыданского залива.

В 1941 г. вышли «Труды...» посвященные оценке промысловых возможностей Гыданского залива [6]. Материалами для познания ресурсов Гыданского залива, низовьев рек в него впадающих, и некоторых прилегающих к нему озер, послужили сборы и наблюдения, начатые Обско-Тазовской промысловой биологической экспедицией ВАИ в 1934 г. В данном выпуске опубликованы материалы, дававшие представление о современном состоянии научных знаний о сырьевой базе исследуемого региона, о биологии и промысле важнейших видов рыб [11], среди которых были нельма, муксун, осетр и др. В заключительном очерке Е.В. Бурмакина «Рыболовство в системе Гыданского залива» давалась характеристика рыболовства и излагались его нужды. Высказывалась идея об изменении отношения к сырьевым ресурсам Нового порта, где ловили осетров. Развитие осетрового лова в районе Нового порта с последующим основанием здесь фабрики в 1928 г., а затем и организации здесь рыбзавода в 1931 г., на котором работали спецпереселенцы, привело к увеличению вылова до 10 тыс. ц. Однако, десятилетняя эксплуатация ресурсов, вылов маломерной и незрелой рыбы, вызывал необходимость введения запрета лова [11, с. 5]. Требовался постоянный мониторинг сырьевой базы. Однако, жесткие требования выполнения планов по рыбодобыче, не создавали условий рыбохозяйственному тресту для подобных мероприятий.

Ученые пришли к выводам, что условия Дальнего Севера осложняют рыбный промысел в Гыданском заливе. Это относилось к кратковременной навигации, недостаткам материалов, средств и транспорта, малочисленности постоянного населения, не вовлеченного в круглогодичный лов рыбы. Примерный вылов рыбы (товарный выход) учеными определялся в 8,5 тыс. ц. Это означало, что по сравнению с существующими объемами добычи, уловы могли увеличиться в 2–2,5 раза [11, с. 5].

Одним из основных параметров оценки хозяйственного значения конкретного водного объекта является рыбопродуктивность. Такие исследования на том этапе не проводились.

Изучение источников и исследовательского материала о научных работах в ЯННО, позволило систематизировать хронологию экспедиций на Ямальский Север, место работы и цель (см. табл. 1.).

Таблица 1. Экспедиции на Ямальском Севере в 1931–1938 гг.

Год	Место работы экспедиции, ее руководитель / состав	Организатор экспедиции и цель экспедиции
1931	Обская губа — А.А. Пнев	ОТНРХС Изучение возможностей зверобойного промысла
1931	Новый Порт — М.А. Судаков	ОТНРХС Изучение биологии и промысла осетра
1932	Обская губа, Большая и Малая Обь — И.Г. Юданов	ОТНРХС Питание ряпушки и пеляди
1932	Тазовская губа — А.А. Пнев	ОТНРХС Изучение питания рыб
1932	Предустьевая часть р. Оби и соров — С.И. Милованов	ОТНРХС Научно-промысловая разведка
1932–1933	Югорский шар и Карская губа	Государственный океанографический институт
1932–1933	Устье р. Войкар (в районе п.Аксарка) — М.В. Хахардин	ОТНРХС Изучение биологии обских рыб, оценка места нагула, кормность соров; ход и распределение рыб по нерестилищам
1933	Прибрежные воды Карского моря — Н.А. Валиков	ОТНРХС Изучение биологии белухи и возможностей промысла
1934	Ямальский округ — С.И. Милованов	ОТНРХС Научно-промысловая разведка
1934	Обско-Тазовская промысловая экспедиция — К.К. Чапский	ВАИ Работы в северной части Обской губы в районе фактории Дровяной, в средней части залива, в устье реки Се-Яга, а также в Гыданском заливе в районе Черного мыса и в низовьях реки Юрибей по ихтиологии и определению рыбных запасов
1934	Обская губа, Новый Порт — И.Г. Юданов	ОТНРХС Поисковые и биологические работы, изучение вонзевго хода
1934	Тазовская губа — А.А. Пнев	ОТНРХС Промысловая разведка
1935	Комплексная экспедиция большой группы сотрудников (реки Обь и Таз, южная часть Обской губы, Тазовской губы)	ОТНРХС Изучение сырьевых и кормовых ресурсов, биологии и промысла белухи; распределение главных промысловых рыб (осетровые, сиговые); пути миграций рыб, их половой и возрастной состав
1935–1937	Северообская промысловая экспедиция — Е.В. Бурмакин, И.К. Якимович	ВАИ Работы в районе фактории Дровяной и в Гыданском заливе, в районе рек Юрибей и Гыда по ихтиологии и определению рыбных запасов
1936	Ямальский округ — экспедиция с участием молодых специалистов	ОТНРХС Сбор материала по ихтиофауне и изучению рыбного промысла в бассейне р. Оби
1937	Дельта р. Оби и южная часть Обской губы до Нового Порта — в составе тральщика ГУСМП	ОТНРХС Научно-опытный лов близнецовым неводом, сбор ихтиологического и гидробиологического материалов
1938	Ямальский Север	ОТО Исследовательские работы по изучению питания пеляди

Сведения, систематизированные в таблице показывают, что основную исследовательскую работу на Ямальском Севере выполняли специалисты Тобольской станции. Находясь в составе ВНИРО и ВНИОРХ сотрудниками Тобольской станции из 17 выявленных экспедиций, осуществлено 14. Следует подчеркнуть, что деятельность станции ограничивалась преимущественно изучением бассейна Оби, а для исследований Обской и Тазовской губ, а также и прибрежных вод Карского моря не имелось ни специального оборудования, ни техники и судов.

Аналитические материалы научных институтов содержали выводы о состоянии рыбных ресурсов региона. Ученые сформулировали рекомендации о том, что на увеличение рыбных запасов может повлиять регулирование рыболовства и рыбоохранные мероприятия; полное запрещение лова молоди проходных рыб; улучшение нерестилищ и увеличение кормовой базы для рыб; проведение искусственного разведения и акклиматизации наиболее ценных видов. Анализ источников показал, что в научных коллективах ставились новые исследовательские задачи — изучение экологической и географической изменчивости рыб, возраста, темпа роста, питания, нереста, биологии молоди, миграций рыб, определения продуктивности водоемов, состояния рыбных запасов, орудий и методов промышленного рыболовства.

ВЫВОДЫ. Важнейшим фактором освоения приарктических территорий СССР в 1930-х гг., к каковым относился Север ЯННО, стал комплексный подход к решению экономических задач, тесно увязанных с научными исследованиями.

Исследовательскую работу в северной части Ямальского округа осуществляли ВАИ, НИ-ИПЗЖПХ, ВНИРО, ВНИОРХ. Ихтиологические исследования включали: питание, миграции, биологию, морфологию разных видов рыб. Другим направлением в исследованиях являлись рыбные ресурсы, их промысел, оценка запасов.

Общее количество исследованных водных объектов установить не удалось, хотя состав ихтиофауны исследованных водоемов ученым к этому времени в целом был известен, но большинство водных объектов оставались неисследованными, таковыми они продолжают оставаться и сегодня. В совокупности, проведенные исследования в 1930-х гг. позволили заложить основы для последующего системного изучения водных объектов (в военный и послевоенный период) и способствовали накоплению материалов по биологии, морфологии, экологии, питанию, росту, размножению промысловых рыб и приблизительной оценке сырьевой базы северной части ЯННО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Д.А. Проблемы освоения Советской Арктики в освещении англо-американских исследователей 1930-1950-х гг. // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 3. С. 454-479.
2. Бурмакин Е.В. Рыбы Обской губы // Труды и исследования Института полярного земледелия и промыслового хозяйства. Сер. пром. хоз-во. Издание ГУСМП, 1940. Вып.10. С. 33-47.
3. Бурмакин Е.В. Состав ихтиофауны бассейна Гыданского залива // Проблемы Арктики. 1938. № 3. С. 93-97.
4. Попов П.А. Характеристика ихтиофауны водоемов Гыданского полуострова // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2011. № 3 (15). С. 127-138.
5. Романова Е.П., Дзюбан А.Н., Саксонов С.В. Исследования зоопланктона на Куйбышевской биологической станции // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2019. Т. 28. № 4. С. 190-213.
6. Рыбы и рыболовство в бассейне Гыданского залива / под ред. проф. Е.К. Суворова. Л. М.: Изд-во Главсевморпути, 1941. 204 с.
7. Сальдау М.П. Питание рыб Обь-Иртышского бассейна // Известия ВНИОРХ. 1949. Т. 28. С. 175-225.
8. Сергиенко Л.Н. Хроника исследований Тобольской научной рыбохозяйственной станции Обь-Тазовского отделения ВНИОРХА 1927-1952 гг. // Вестник рыбохозяйственной науки. 2019. Т. 6. № 3 (23). Июль. С. 77-95.

9. Суворов Е.К. Вступительная статья // Рыбы северной части Обской губы и их промысел. Л.-М.: Изд-во ГУСМП, 1940. 136 с.
10. Сулейманов А.А. Исследования Академии наук СССР в российской Арктике в 1930-е — 1941 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 392–407.
11. Труды НИИ полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 15. 202 с.
12. Филин П.А. История исследования и освоения Арктики в зеркале истории Арктического и антарктического научно-исследовательского института // Полярные чтения — 2020. История научных исследований в Арктике и Антарктике. К 100-летию Арктического и антарктического научно-исследовательского института и 200-летию открытия Антарктиды: материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2020 г.). М.: Паулсен, 2021. 584 с. С. 230–256.
13. Юданов И.Г. Обская губа и ее рыбохозяйственное значение (по материалам Ямальской экспедиции 1932 г.) // Работы Обско-Тазовской науч. рыбохозяйственной ст. ВНИРО / Под ред. П.И. Лопарева. Тобольск, 1935. Т. 1. Вып. 4. 103 с.
14. The Soviet Polar Expedition // Science. New Series. 1937. Vol. 85. N. 2213. (May 28). P. 520–521.
15. Taracouzio T.A. Soviets in the Arctic. An Historical, Economic and Political Study of the Soviet Advance into the Arctic. T.A. Taracouzio. New York: The Macmillan Company, 1938. 563 p.

REFERENCES

1. Anan'ev D.A. *Problemy osvoeniya Sovetskoj Arktiki v osveshchenii anglo-amerikanskikh issledovatelej 1930–1950-h gg.* [Problems of the Soviet Arctic Development in the Works by Anglo-American Researchers of the 1930s–1950s] // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2019. T. 20. № 3. S. 454–479. (In Russian).
2. Burmakina E.V. *Ryby Ob'skoj guby* [Fish of the Gulf of Ob] // Trudy i issledovaniya Instituta polyarnogo zemledeliya i promyslovogo hoz'yajstva. Ser. prom. hoz-vo. Izdanie GUSMP, 1940. Vyp.10. S. 33–47. (In Russian).
3. Burmakina E.V. *Sostav ihtiofauny bassejna Gydanskogo zaliva* [Composition of the Ichthyofauna of the Gydan Gulf Basin] // Problemy Arktiki. 1938. № 3. S. 93–97. (In Russian).
4. Popov P.A. *Harakteristika ihtiofauny vodoemov Gydanskogo poluostrova* [Characterization of the ichthyofauna of Water Bodies of the Gydan Peninsula] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya. 2011. № 3 (15). S. 127–138. (In Russian).
5. Romanova E.P., Dzyuban A.N., Saxonov S.V. *Issledovaniya zooplanktona na Kuibyshevskoj biologicheskoy stancii* [Studies of Zooplankton at the Kuibyshev Biological Station] // Samarskaya Luka: problemy regional'noj i global'noj ekologii. 2019. T. 28. № 4. S. 190–213. (In Russian).
6. *Ryby i rybolovstvo v bassejne Gydanskogo zaliva* [Fish and fishery in the Basin of the Gydan Gulf] / pod red. prof. E.K. Suvorova. L. M.: Izd-vo Glavsevmorputi, 1941. 204 s. (In Russian).
7. Salda M.P. *Pitanie ryb Ob'-Irtyskogo bassejna* [Fish Nutrition of the Ob-Irtysh Basin] // Izvestiya VNIORH. 1949. T. 28. S. 175–225. (In Russian).
8. Sergienko L.N. *Hronika issledovanij Tobol'skoj nauchnoj rybohozyajstvennoj stancii Ob'-Tazovskogo otdeleniya VNIORHA 1927–1952 gg.* [Chronicle of Research Tobolsk Scientific Fishery Station Ob-Tazov Department of AURILRF 1927–1952] // Vestnik rybohozyajstvennoj nauki. 2019. T. 6. № 3 (23). Iyul'. S. 77–95. (In Russian).
9. Suvorov E.K. *Vstupitel'naya stat'ya* [Introductory Article] // Ryby severnoj chasti Ob'skoj guby i ih promysel. L.-M.: Izd-vo GUSMP, 1940. 136 s. (In Russian).
10. Suleymanov A.A. *Issledovaniya Akademii nauk SSSR v rossijskoj Arktike v 1930-e — 1941 gg.* [Research of the USSR Academy of Sciences in the Russian Arctic in 1930-s — 1941] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. № 1. S. 392–407. (In Russian).
11. *Trudy NII polyarnogo zemledeliya, zhivotnovodstva i promyslovogo hoz'yajstva* [Proceedings of the Research Institute of Polar Agriculture, Animal Husbandry and Commercial Farming]. L.— M.: Izd-vo AN SSSR, 1941. Vyp. 15. 202 s. (In Russian).

12. Filin P.A. *Istoriya issledovaniya i osvoeniya Arktiki v zerkale istorii Arkticheskogo i antarkticheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [History of the Arctic Research and Development in the Mirror of the History of the Arctic and Antarctic Research Institute] // Polyarnye Chteniya — 2020. Istoriya nauchnyh issledovanij v Arktike i Antarktike. K 100-letiyu Arkticheskogo i antarkticheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta i 200-letiyu otkrytiya Antarktidy: materialy 8-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 18–21 maya 2020 g.). M.: Paulsen, 2021. 584 c. S. 230–256. (In Russian).
13. Yudanov I.G. *Obskaya guba i ee rybohozyajstvennoe znachenie (po materialam YAmal'skoj ekspedicii 1932 g.)* [The Gulf of Ob and Its Fishery Significance (Based on the Materials of the Yamal Expedition of 1932)] // Raboty Obsko-Tazovskoj nauch. rybohozyajstvennoj st. VNIRO / Pod red. dir. Stancii P.I. Lopareva. Tobol'sk, 1935. T. 1. Vyp. 4. 103 s. (In Russian).
14. The Soviet Polar Expedition // Science. New Series. 1937. Vol. 85. No. 2213. (May 28). P. 520–521. (In English).
15. Taracouzio T.A. *Soviets in the Arctic. An Historical, Economic and Political Study of the Soviet Advance into the Arctic*. T.A. Taracouzio. New York: The Macmillan Company, 1938. 563 p. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.017
УДК 626.814:94(470.43)»1930/1950»
ББК 63.3(235.545)6-6

Е.Д. МАКЕЕВА

**ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
В СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ В 1930–1950-Е ГГ.
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

E.D. MAKEEVA

**WATER MANAGEMENT CONSTRUCTION
IN THE STEPPE VOLGA REGION
IN THE 1930S-1950S. AND ITS IMPACT
ON THE ECONOMY OF THE REGION (USING
THE EXAMPLE OF THE SAMARA REGION)**

В статье представлены результаты исследования истории водохозяйственного строительства в степных районах Заволжья в 1930-е — 1950-е гг. С целью решения проблемы возникновения катастрофических засух и неурожаев в этот период началось создание водохранилищ и оросительных систем, использование которых помогло поднять на новый уровень сельское хозяйство региона и ликвидировать угрозу нехватки продовольствия. Повысилась урожайность зерновых и овощных культур, сформировались условия для развития животноводства и прудового рыбоводства. Проведенное исследование базируется на опубликованных и неопубликованных источниках, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Прежде всего, это архивные документы из фондов организаций, осуществлявших водохозяйственное строительство в регионе — Кутулукстрой, Средволговодстрой, Мелиоводстрой. Автор статьи подчеркивает необходимость сохранения исторической памяти о создателях водохозяйственного комплекса Самарской области и привлечения внимания к экологическим проблемам региона.

The article presents the results of a study of the history of water management construction in the steppe regions of the Volga region in the 1930s — 1950s. In order to solve the problem of catastrophic droughts and crop failures during this period, the creation of reservoirs and irrigation systems began, the use of which helped to raise the agriculture of the region to a new level and eliminate the threat of food shortages. The yield of grain and vegetable crops has increased, and conditions have been created for the development of animal husbandry and pond fish farming. The conducted research is based on published and unpublished sources, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time. First of all, these are archival documents from the funds of organizations that carried out water management construction in the region — Kutulukstroy, Sredvolgovodstroy, Meliovodstroy. The author of the article emphasizes the importance of preserving the historical memory of the creators of the Samara region's water management complex and drawing attention to the environmental problems of the region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: водохозяйственное строительство, ирригация Заволжья, борьба с засухой, оросительные системы, искусственные водоемы, преобразование природы, экологическая история России.

KEY WORDS: water management construction, irrigation of the Volga region, drought control, irrigation systems, artificial reservoirs, transformation of nature, ecological history of Russia.

ВВЕДЕНИЕ. Масштабное водохозяйственное строительство в степном Заволжье происходило на протяжении шестидесяти лет (1930-е — 1980-е гг.). Его основной задачей явля-

лось сооружение прудов, водохранилищ и оросительных систем на засушливых территориях, нуждавшихся в искусственной ирригации. Первый этап строительства (1930-е — 1950-е гг.) совпал по времени с наиболее тяжелым периодом в истории страны: индустриализация, коллективизация, война, послевоенное восстановление народного хозяйства — на фоне всех этих событий и процессов с большим трудом создавались первые крупные оросительные системы, преимущественно, самотечного типа, использование которых обусловило существенный рост сельскохозяйственных отраслей экономики Среднего Поволжья. Окончание данного периода в конце 1950-х гг. было связано с запуском в эксплуатацию Куйбышевской ГЭС (1958 г.), обеспечившей дешевой электроэнергией весь регион, что позволило в дальнейшем строить и развивать механизированные системы ирригации.

С начала 1990-х гг. повсеместно наблюдается ухудшение экологического состояния водохранилищ и разрушение гидротехнических сооружений. Водоемы заиливаются и загрязняются химическими и биологическими компонентами, их акватории зарастают, оросительные каналы пересыхают. Для сельскохозяйственных нужд водные ресурсы используются в гораздо меньшем объеме, так как площадь орошаемых земель за последние 30 лет снизилась более чем в три раза. К сожалению, в настоящее время ни государственные, ни общественные организации не уделяют достаточного внимания экологическому состоянию искусственных водоемов, несмотря на то, что они являются важной частью природного ландшафта и водно-ресурсного потенциала степного Заволжья.

ЦЕЛЬ исследования состоит в изучении истории строительства искусственных водоемов и ирригационных систем на засушливых территориях степного Заволжья.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниками для проведения исследования послужили официальные документы (постановления центральных и региональных органов власти), публикации в периодической печати и материалы фондов Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Основные методы исследования: проблемно-аналитический, историко-генетический, историко-ретроспективный и метод анализа статистических данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Земли степного Заволжья (территория современных Самарской, Саратовской и частично Оренбургской областей) издавна отличались засушливостью. Климат здесь умеренно континентальный, площадь лесов незначительна, естественных водных ресурсов всегда не хватало для успешного ведения сельского хозяйства. Вплоть до середины XX в. действие природных факторов в совокупности с повсеместным использованием примитивной агротехники провоцировали неурожаи и, как следствие, массовый голод каждые 7–8 лет. Самые масштабные и тяжелые для Поволжья социально-экономические кризисы, вызванные засухой и голодом, произошли в 1891–1892 гг. и 1921–1923 гг. По мнению специалистов, аномальные погодные условия стали одной из причин голода также и в 1932–1933 гг., и в 1946–1947 гг. [3; 6; 12 и др.]. Ликвидировать угрозу повторения подобных бедствий можно было только путем создания в регионе целого комплекса оросительных систем на базе имеющихся естественных водных ресурсов.

Обсуждение способов борьбы с засухами и неурожаями учеными, аграриями и инженерами началось еще в конце XIX в. Однако до разработки и реализации государственной программы широкой ирригации засушливых земель в дореволюционный период дело так и не дошло, а частные собственники пытались решить проблему своими силами, создавая на своих угодьях малые пруды и примитивные орошаемые участки.

Начало масштабному водохозяйственному строительству было положено в период индустриализации в 1930-х гг. Предшествовало этому принятие органами советской власти нескольких решений, обусловленных сложившейся критической ситуацией с обеспечением населения продовольствием. В апреле 1921 г. Советом труда и обороны было принято решение «разработать план мероприятий по систематической борьбе с засухой на ближайшие годы и повсеместному проведению необходимых для этого работ» [9; 10], а в октябре 1927 г.

Совет Народных Комиссаров СССР сформировал Особую комиссию под председательством сотрудника водной секции Госплана СССР А.В. Чаплыгина для разработки проекта строительства ирригационных систем в засушливых районах Поволжья на имеющейся водохозяйственной базе. Предлагалось создать целый комплекс искусственных водоемов для орошения более 4 млн га полей. Для решения столь масштабной задачи в 1932 г. при Наркомате земледелия СССР была основана изыскательно-проектировочная организация «Ниже-Волго-проект» (НВП). Под руководством академика И.Г. Александра ее сотрудники разработали план ирригации Заволжья на основе использования местных водных ресурсов, к выполнению которого приступили в 1934 г.

Первыми в степном Заволжье были построены Домашкинская и Елшанская оросительные системы в Оренбургской области. Их запуск состоялся в 1938 г. Одновременно в Куйбышевской области сооружалась Кутулукская оросительная система, основу которой составило крупнейшее в регионе водохранилище емкостью 105,1 млн м³. Это была самая сложная и масштабная стройка периода индустриализации в области. На протяжении шести лет (1935–1941 гг.) в тяжелейших условиях на земляных и строительных работах трудились тысячи людей: местные крестьяне, вольнонаемные рабочие и инженеры-строители, приезжавшие сюда из разных уголков страны, заключенные, для которых вблизи строительной площадки были образованы две исправительно-трудовые колонии. Большая часть работ здесь производилась вручную. Постоянно не хватало рабочей силы, специалистов, строительных материалов, машин и механизмов, финансовых средств. Поэтому сроки окончания работ неоднократно сдвигались [7, с. 437–445]. В самый сложный период (с апреля 1938 г. по январь 1940 г.) контору «Кутулукстрой» возглавлял знаменитый инженер-гидростроитель Андрей Ефимович Бочкин, в дальнейшем руководивший строительством Иркутской и Красноярской ГЭС и награжденный за свои заслуги перед страной званием Героя Социалистического Труда СССР и Ленинской премией. Спустя годы о своей работе в заволжских степях А.Е. Бочкин рассказал в автобиографической книге «С водой, как с огнем» [1].

В августе 1941 г. Кутулукская оросительная система, самая крупная в Заволжье, была сдана в эксплуатацию. Ее мощности были рассчитаны на регулярный полив 7317 га обрабатываемых земель в 12 колхозах и 1 совхозе. На ее базе специалистами Всероссийского научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации проводились агротехнические и почвенно-мелиоративные изыскания, планировалось создать здесь школу по изучению технических и организационных вопросов ирригации и подготовке кадров орошаемого земледелия в связи с предстоящим освоением новых территорий. Кутулукская система должна была служить образцовым водохозяйственным объектом, опыт ее строительства и эксплуатации стал основой для разработки подробной инструкции по организации и применению различных способов ирригации на местном стоке [23, л. 4].

Строительная контора «Кутулукстрой» к окончанию работ превратилась в «крепкий коллектив инженерно-технических работников, изыскателей, проектировщиков и строителей орошаемых систем» [13, л. 2]. Руководством Куйбышевской области было принято решение уже осенью 1941 г. перебросить ее специалистов и технические мощности на сооружение новых крупных водохозяйственных объектов. Согласно перспективному плану широкой ирригации на 1939–1952 гг., в Куйбышевской области за 14 лет предполагалось создать четыре крупных механизированных орошаемых массива общей площадью 591 тыс. га: Спасский, Безенчукский, Ставропольский и Междуреченский, а также двенадцать малых участков преимущественно самотечного орошения на местных стоках рек Самара, Малый Кинель, Большой Кинель, Ветлянка, Безымянка, Черновка, Большой Иргиз, Сок, Таволжанка и др. [22, л. 2–21]. Механизированные системы должны были обеспечивать электроэнергией Куйбышевская ГЭС, окончание строительства и запуск которой планировались в 1948 г. Однако начавшаяся Великая Отечественная война нарушила все планы, водохозяйственное строительство в регионе пришлось приостановить.

Война нанесла сельскому хозяйству страны серьезный ущерб: существенно сократилась территория посевных площадей, на треть уменьшилась численность сельского трудоспособного населения (с 35 448 тыс. человек в 1941 г. до 21 976 тыс. в начале 1946 г.) [5, с. 35], объем производства сельскохозяйственной продукции снизился практически в два раза по сравнению с довоенным уровнем [5, с. 35]. Проблема нехватки продовольствия резко усугубилась летом 1946 г., когда на значительной территории страны, включая Поволжье, вновь разразилась сильная засуха. Она стала одной из причин голода 1946–1947 гг., унесшего жизни от 1 до 1,5 млн человек [4, с. 89–95].

Вопрос о способах повышения урожайности сельского хозяйства вновь был актуализирован. С целью окончательной победы над засухой советское правительство в 1948 г. приняло постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрении травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР», широко известное под названием «Сталинский план преобразования природы» [8]. Это был масштабный экологический проект, рассчитанный на 15 лет работы по трем направлениям: 1) создание системы государственных защитных лесных полос общей протяженностью более 5300 км; 2) внедрение травопольной системы земледелия; 3) строительство 44 228 прудов и водоемов (из них 1100 — в Куйбышевской области). Его реализация началась в 1949 г. с развертывания колхозами и совхозами полезащитного лесоразведения, а в 1951 г. Министерство сельского хозяйства СССР вновь приступило к водохозяйственному строительству. Для руководства данным направлением борьбы с засухой в январе 1951 г. в Москве было образовано Главное управление водного хозяйства при Совете Министров РСФСР (Главводхоз), а в июле 1951 г. в Куйбышеве — Главное управление по строительству оросительных систем в Саратовской, Ульяновской, Пензенской, Чкаловской и Куйбышевской областях — Средволговодстрой. В течение 15 лет эта организация должна была построить в регионе комплекс ирригационных систем и сооружений для обеспечения полива 1 млн га сельскохозяйственных земель. На начальном этапе для трудоустройства в Средволговодстрой направлялось 200 квалифицированных рабочих — выпускников гидростроительных техникумов, еще 500 рядовых сотрудников было рекомендовано набрать среди местного сельского и городского населения [14, с. 2–4].

Строительные работы в 1951–1952 гг. развернулись сразу в нескольких районах Куйбышевской области, началось сооружение Ветлянского, Таловского, Тепловского, Пекилянского и Черновского водохранилищ путем зарегулирования стоков малых рек. Возводились плотины, строились гидротехнические сооружения и оросительные каналы. Такой объем работ требовал привлечения огромных материальных и человеческих ресурсов, которых по-прежнему не хватало. Возникали те же проблемы, что и ранее, при строительстве Кутулукской оросительной системы: неудовлетворительное материально-техническое снабжение (необеспеченность цементом, древесиной и запчастями для техники), удорожание строительных работ, недофинансирование, нехватка рабочей силы, низкая трудовая дисциплина, текучесть кадров вследствие плохой организации производственных работ и тяжелых условий труда [17, л. 10–11; 15, л. 2–5]. Например, только за 7 месяцев 1955 г. уволилось 1193 человека, что на 46% превысило число принятых за это же время на работу [24, л. 5].

Средволговодстрой не справлялся с решением всех поставленных перед ним задач. В 1955 г. план по основным строительным работам за 9 месяцев был выполнен лишь на 45,7%, по подрядным работам — на 63,4%, по вводу в действие основных фондов — на 13,2% [24, л. 4–5]. За 1956 г. план оказался выполнен на 42% [15, л. 2]. Строившиеся оросительные системы вводились в эксплуатацию частями, принимались государственными комиссиями с недоделками, при условии готовности водохранилища, основных гидротехнических сооружений и первой очереди каналов для полива [25; 26; 27]. Доработка и устранение недоделок впоследствии затягивались на несколько месяцев и даже лет, заставляя перебрасывать рабочих и технику с других строящихся объектов [17, л. 9].

В 1955–1956 гг., несмотря на выявленные недоделки, было запущено в эксплуатацию три новых государственных оросительных системы в Куйбышевской области: Черновская, Таловская и Тепловская (суммарная площадь орошения — 6088 га) и две — в Оренбургской области: Боровская и Крутинковская (суммарная площадь орошения — 2019 га). Тем не менее, по итогам 1956 г. Министерство сельского хозяйства РСФСР признало результаты работы Средволговодстроя неудовлетворительными [15, л. 13].

Помимо Средволговодстроя, водохозяйственное строительство в регионе с 1939 г. находилось в ведении Куйбышевской областной мелиоративно-гидротехнической строительной конторы «Мелиоводстрой» областного управления водного хозяйства. Она осуществляла мелиоративно-гидротехнические и буровые работы в колхозах, техническое руководство эксплуатацией оросительных систем, строительство прудов, водоемов, водопроводов, насосных станций и водонапорных башен в сельской местности [28, л. 95]. Дальнейшее расширение водохозяйственного строительства в регионе требовало существенного увеличения технической мощности и численного состава работников Средволговодстроя. Эта проблема была решена в 1957 г. путем присоединения к Средневолговодстрою двух других строительных организаций — Мелиоводстроя и Куйбышевсовхозводстроя и создания таким путем крупного единого треста водохозяйственного строительства [19, л. 1]. 15 августа 1957 г. новый трест, как и все остальные водохозяйственные предприятия и организации, постановлением Совета министров РСФСР были переданы из республиканского подчинения в ведение местных органов сельского и водного хозяйства, что позволило осуществлять руководство и контроль проведения работ непосредственно на месте их осуществления [19, л. 2].

Постепенно ситуация в сфере водохозяйственного строительства в регионе улучшалась. За 1958 г. Средволговодстрой выполнил производственный план на 104,7%, производительность труда на строящихся объектах достигла в целом 114,4% [20, л. 18]. В 1959 г. план был выполнен на 109,9% [21, л. 1]. Финансовое положение также изменилось к лучшему: если 1957 г. был завершен с убытками в размере 1405 тыс. руб., то 1958 г. — с прибылью в 306 тыс. руб. [20, л. 18]. В 1958–1960 гг. сданы в эксплуатацию новые крупные водохозяйственные объекты: Ветлянское (1958 г.) и Михайло-Овсянское (1960 г.) с оросительными системами, обеспечившими полив более 5 тыс. га в наиболее засушливых степных районах области.

В значительной степени успехи в организации орошения заволжских территорий после 1958 г. связаны с окончанием строительства и запуском Куйбышевской ГЭС. Оценить степень влияния ее работы на производительность сельского хозяйства в регионе довольно сложно, так как официальная статистика на этот счет отсутствует. Однако советские экономисты утверждали, что доля государственной электроэнергии в сельском потреблении после 1958 г. выросла с 3,4% до 57,8%, а себестоимость 1 кВт/ч государственной электроэнергии снизилась в 3 раза. [2, с. 113]. Дешевая электроэнергия, появившаяся в большом количестве, стала важным ресурсом для строительства и эксплуатации новых систем ирригации на основе преимущественно не самотечного, а механизированного водоснабжения. В 1960-е — 1970-е гг. по такому принципу были построены Спасская, Жигулевская и Безенчукская оросительные системы, а также крупнейший Куйбышевский оросительно-обводнительный канал, питающиеся волжской водой, поступающей на поля с помощью насосных станций.

К началу 1960-х гг. в Куйбышевской области уже существовало 1574 искусственных водоема общим объемом 62109 тыс. м³. [28, л. 95]. Почти половина из них (744 водоема) было создано в 1949–1956 гг. в соответствии с постановлением правительства о «преобразовании природы» на засушливых территориях степного Заволжья. Площадь искусственно орошаемых земель за 26 лет увеличилась в 38,2 раз: в 1933 г. она составляла 500 га [11, с. 183], а в 1959 г. — 19132 га [20, л. 23].

Бесперебойный и эффективный полив колхозных и совхозных полей, к сожалению, удалось наладить далеко не сразу, планы систематически не выполнялись. Кутулукская оросительная система на протяжении первых нескольких лет своего существования (с 1942 по 1950 г.)

эксплуатировалась очень плохо, так как для ее обслуживания катастрофически не хватало людей. В 1950-х гг. нагрузка ее мощностей постепенно увеличивалась, но все равно оставалась на низком уровне. Из 7743 га земель, подлежащих орошению, поливались: в 1952 г. — 5060 га (65,3%), в 1953 г. — 1333 га (17,2%), в 1954 г. — 2679 га (34,6%), в 1955 г. — 3063 га (39,6%), в 1956 г. — 2156 га (27,8%) и т.д. [29, л. 7]. Черновская и Таловская оросительные системы, запущенные в 1956 г., за первый год работы выполнили план полива на 62% и 44% соответственно [28, л. 19]. Такая ситуация была довольно типична для сельского хозяйства страны, которое финансировалось по остаточному принципу. Недостаток ресурсов (как материальных, так и человеческих) был главной причиной и отставания в сроках строительства водохозяйственных объектов, и их плохой эксплуатации. На протяжении 10–15 послевоенных лет в колхозах и совхозах повсеместно не хватало рабочих рук. Штатное расписание Кутулукской оросительной системы, например, в середине 1950-х гг. включало 24 ставки гидротехников, а трудоустроено было только 8 специалистов.

Кроме того, руководство конторы Мелиоводстрой, которая осуществляла техническое руководство эксплуатацией оросительных систем, отмечало, что выполнению планов орошения препятствовало несерьезное отношение к ним представителей местной исполнительной власти и руководителей самих сельскохозяйственных предприятий: «руководство колхозов, МТС и райисполкомы устарились от полива и безответственно относятся к орошению, считая его второстепенным делом. На орошаемых полях ... севообороты нарушены, агротехника не соблюдается, полив производится без учета фазы развития растений» [29, л. 7].

С целью повышения производительности труда в колхозах и совхозах области проводились индивидуальные и групповые социалистические соревнования, областной исполком рассылал по районам директивные указания и рекомендации, выполнение которых должно было повысить эффективность работы сельхозпредприятий. Так, в 1957 г. вышел циркуляр «Основные вопросы системы ведения сельского хозяйства в колхозах и совхозах Куйбышевской области», состоявший из предписаний и инструкций по проведению мероприятий, направленных на интенсификацию и улучшение технической эксплуатации всех оросительных систем региона [28, л. 41]. Однако экономическая эффективность искусственной ирригации заметно повысилась только в 1960-х гг. после серьезного улучшения технического оснащения и механизации оросительных систем, когда на колхозных и совхозных полях появились новые, более совершенные дождевальные машины (ДДС-30С), стала совершенствоваться агротехника, и в сельскую местность направляются специалисты с профильным высшим образованием. Становится очевидным, что, несмотря на все проблемы, трудности и недоработки, водохозяйственное строительство оказывает значительное влияние на экономику региона.

Прежде всего, орошение засушливых земель способствовало увеличению урожайности зерновых, овощных и ягодных культур, собираемых с местных полей и садов, в 3–4 раза (с 5–6 ц/га до 15–25 ц/га). Угрозу нехватки продовольствия, вследствие периодически возникающих засух и неурожаев, практически удалось ликвидировать. Передовые колхозы и совхозы даже в засушливые годы получали высокие и устойчивые урожаи сельскохозяйственных культур и значительные доходы на орошаемых землях. Особенно благотворно искусственная ирригация повлияла на результаты выращивания овощей (капусты, свеклы, томатов, огурцов) [20, л. 23]. Важным следствием водохозяйственного строительства становится также существенное расширение ассортимента продукции растениеводства, а также формирование устойчивой кормовой базы для развития животноводства в восточных и юго-восточных районах области.

Благодаря устройству буровых колодцев, прудов и водоемов, а также механизации водоподъема во многих колхозах значительно улучшилась ситуация с водоснабжением ферм и повысилась продуктивность животноводства. Например, надой молока увеличился на 10–15%, настриг шерсти с овец — на 10%, прирост веса свиней — на 10–15%. Были районы, в которых устройство водоснабжения и улучшение условий содержания и кормления животных способствовало повышению надоев за один год на 70% и более [28, л. 70–71].

На базе созданных искусственных водоемов в 1960-е гг. в регионе возникла новая хозяйственная отрасль — прудовое рыбоводство. Руководство области 10 февраля 1959 г. приняло постановление «О развитии прудового рыбоводства в области с целью увеличения продовольственных ресурсов и создания устойчивой базы для снабжения населения живой и свежей рыбой», в котором перечислялись меры, направленные на увеличение объемов выращивания и вылова рыбы в прудах и водохранилищах области до 47,2 тыс. центнеров в год к 1965 г. Колхозы строят на своих водоемах рыбопитомники по выращиванию карпа, сазана, плотвы, карася, окуня. На крупных водохранилищах — Кутулукском, Черновском, Ветлянском, Михайло-Овсянском, Таловском создаются полносистемные рыбные хозяйства. В городах для приема и продажи живой рыбы открываются специальные садки в магазинах и торговые ряды на колхозных рынках. Прудовое рыбоводство становится быстро развивающейся отраслью экономики региона.

ВЫВОДЫ. Водохозяйственное строительство в регионе продолжилось и в 1960-е — 1980-е гг. Эти тридцать лет стали временем наиболее активной эксплуатации уже имеющихся и вновь созданных оросительных систем, благодаря которым сельское хозяйство области обеспечивало население своей, хоть и не всегда качественной продукцией. С начала 1990-х гг., после ликвидации колхозов и совхозов, ирригационные системы постепенно приходили в упадок, гидротехнические сооружения разрушались.

В настоящее время практически все пруды и водохранилища, построенные в советскую эпоху, находятся в плохом состоянии: вода в них застаивается и заиливается, берега зарастают кустарником и камышом. Специалисты установили, что создание искусственных водоемов (особенно таких крупных, как Кутулукское и Ветлянское водохранилища), еще и с системами каналов, имеет негативные экологические последствия: происходит подъем уровня грунтовых вод, заболачивание и засоление почвы, изменение почвенно-растительного покрова и животного мира [11, с. 185]. Несмотря на это, водохранилища продолжают выполнять, помимо хозяйственных, еще и рекреационные функции. На протяжении нескольких десятилетий они остаются привлекательными объектами для туризма, семейного отдыха и рыбной ловли.

Сегодня в Самарской области действуют 27 оросительных систем, некоторые из них за последние годы были очищены и отремонтированы, другие еще нуждаются в реконструкции. Работы по их обновлению ведутся постоянно, однако большинство старых водохранилищ остаются без должного внимания властей. Необходима целевая программа по их очистке и восстановлению. Это поможет не только продлить жизнь искусственным водоемам, имеющим большое значение для экономики региона, но и сохранить историческую память об их создателях — людях, самоотверженно трудившихся в тяжелейших условиях на благо всей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкин А.Е. С водой, как с огнём: (рассказ гидростроителя). М.: Советская Россия, 1978. 190 с.
2. Бурдин Е.А. История строительства Куйбышевского гидроузла: достижения, издержки и последствия. Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, 2009. 188 с.
3. Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 28–36.
4. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Институт Российской истории РАН, 1996. 265 с.
5. История советского крестьянства. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 — конец 50-х годов. / М.Л. Богденко, О.М. Вербицкая, И.М. Волков и др. М.: Наука, 1988. 395 с.
6. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1(1). С. 6–21.

7. Макеева Е.Д. Ирригация Заволжья: трудный путь к победе над засухой и неурожаем (на примере строительства Кутулукской оросительной системы в 1935–1941 годах) // Новейшая история России. 2024. Т. 14. Вып. 2. С. 433–448.
8. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане полесозидательных лесонасаждений, внедрении травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». URL: <https://istmat.org/node/17970> (дата обращения: 11.10.2024).
9. Постановление Совета труда и обороны от 27.04.1921 «О борьбе с засухой» // Декреты Советской власти. Т. 14. Апрель 1921 г. М.: Археографический центр, 1997. С. 145–146.
10. Постановление Совета труда и обороны от 29.04.1921 «О конкретных мерах по борьбе с засухой» // Декреты Советской власти. Т. 14. Апрель 1921 г. М.: Археографический центр, 1997. С. 157–160.
11. Соловьева В.В. Этапы создания малых искусственных водоемов Среднего Поволжья // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 марта 2019 г. СПб: Культурно-просветительское товарищество, 2019. С. 182–187.
12. Хисамутдинова Р.Р. Голод 1946–1947 годов в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 2000-е годы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6–2. С. 331–336.
13. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2577. Оп. 2. Д. 3.
14. ЦГАС О. Ф. Р-4146. Оп. 1. Д. 1.
15. ЦГАС О. Ф. Р-4146. Оп. 1. Д. 120.
16. ЦГАС О. Ф. Р-4146. Оп. 1. Д. 135.
17. ЦГАС О. Ф. Р-4146. Оп. 1. Д. 138.
18. ЦГАС О. Ф. Р-4146. Оп. 1. Д. 166.
19. ЦГАС О. Ф. Р-4146. Оп. 1. Д. 169.
20. ЦГАС О. Ф. Р-4146. Оп. 1. Д. 216.
21. ЦГАС О. Ф. Р-4146. Оп. 1. Д. 224.
22. ЦГАС О. Ф. Р-4151. Оп. 1. Д. 10.
23. ЦГАС О. Ф. Р-4232. Оп. 2. Д. 4.
24. ЦГАС О. Ф. Р-4232. Оп. 2. Д. 181.
25. ЦГАС О. Ф. Р-4232. Оп. 2. Д. 195.
26. ЦГАС О. Ф. Р-4232. Оп. 2. Д. 195а.
27. ЦГАС О. Ф. Р-4232. Оп. 2. Д. 196.
28. ЦГАС О. Ф. Р-4232. Оп. 2. Д. 201.
29. ЦГАС О. Ф. Р-4232. Оп. 2. Д. 202.

REFERENCES

1. Bochkin A.E. *S vodoj, kak s ognjom: (rasskaz gidrostroytelya)* [With water, as with fire: (the story of the hydraulic builder)]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1978. 190 s. (In Russian).
2. Burdin E.A. *Istoriya stroitel'stva Kujbyshevskogo gidrouzla: dostizheniya, izderzhki i posledstviya* [The history of the Kuibyshev hydroelectric complex construction: achievements, costs and consequences]. Ul'yanovsk: Ul'yanovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni I.N. Ul'yanova, 2009. 188 s. (In Russian).
3. Volkov I.M. *Zasuha, golod 1946–1947 gg.* [Drought and famine of 1946–1947] // *Istoriya SSSR*. 1991. № 4. S. 28–36. (In Russian).
4. Zima V.F. *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR 1946–1947: origin and consequences]. M.: Institut Rossijskoj istorii RAN, 1996. 265 s. (In Russian).
5. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva*. T. 4: Krest'yanstvo v gody uprochneniya i razvitiya socialisticheskogo obshchestva, 1945 — konec 50-h godov [The history of the Soviet peasantry. Vol. 4: The peasantry in the

- years of consolidation and development of socialist society, 1945 — the end of the 50s] / M.L. Bogdenko, O.M. Verbickaya, I.M. Volkov i dr. M.: Nauka, 1988. 395 s. (In Russian).
6. Kondrashin V.V. *Golod 1932–1933 gg. v Rossijskoj Federacii (RSFSR)* [Famine of 1932–1933 in the Russian Federation (RSFSR)] // *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropskikh istoricheskikh issledovanij*. 2010. № 1(1). S. 6–21. (In Russian).
 7. Makeeva E.D. *Irrigaciya Zavolzh'ya: trudnyj put' k pobede nad zasuhoj i neurozhayami (na primere stroitel'stva Kutulukskoj orositel'noj sistemy v 1935–1941 godah)* [Irrigation of the Volga region: a difficult path to victory over drought and crop failures (on the example of the construction of the Kutuluk irrigation system in 1935–1941)] // *Novejshaya istoriya Rossii*. 2024. T. 14. Vyp. 2. S. 433–448. (In Russian).
 8. *Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR i CK VKP(b) ot 20 oktyabrya 1948 g. «O plane polezashchitnyh lesonasazhdenij, vnedrenii travopol'nyh sevooborotov, stroitel'stva prудov i vodoemov dlya obespecheniya vysokih i ustojchivyh urozhajev v stepnyh i lesostepnyh rajonah Evropejskoj chasti SSSR»* [On the plan of protective forest plantations, the introduction of grass-field crop rotations, the construction of ponds and reservoirs to ensure high and stable yields in the steppe and forest-steppe regions of the European part of the USSR]. URL: <https://istmat.org/node/17970> (data obrashcheniya: 11.10.2024). (In Russian).
 9. *Postanovlenie Soveta truda i oborony ot 27.04.1921 «O bor'be s zasuhoj»* [On combating drought] // *Dekrety Sovetskoj vlasti*. T. 14. Aprel' 1921 g. M.: Arheograficheskij centr, 1997. S. 145–146. (In Russian).
 10. *Postanovlenie Soveta truda i oborony ot 29.04.1921 «O konkretnyh merah po bor'be s zasuhoj»* [On specific measures to combat drought] // *Dekrety Sovetskoj vlasti*. T. 14. Aprel' 1921 g. M.: Arheograficheskij centr, 1997. S. 157–160. (In Russian).
 11. Solov'eva V.V. *Etapy sozdaniya malyh iskusstvennyh vodoemov Srednego Povolzh'ya* [Stages of creation of small artificial reservoirs of the Middle Volga region] // *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt): Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 14–16 marta 2019 g.* SPb: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, 2019. S. 182–187. (In Russian).
 12. Hisamutdinova R.R. *Golod 1946–1947 godov v novejsih issledovaniyah istorikov (konec 1980-h — 2000-e gody)* [The Famine of 1946–1947 in the latest research by historians (late 1980s — 2000s)] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2009. T. 11, № 6–2. S. 331–336. (In Russian).
 13. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti* [Central state archive of the Samara region] CGASO. Fond R-2577. Inv. 2. Case 3. (In Russian).
 14. CGASO. Fond R-4146. Inv. 1. Case 1. (In Russian).
 15. CGASO. Fond R-4146. Inv. 1. Case 120. (In Russian).
 16. CGASO. Fond R-4146. Inv. 1. Case 135. (In Russian).
 17. CGASO. Fond R-4146. Inv. 1. Case 138. (In Russian).
 18. CGASO. Fond R-4146. Inv. 1. Case 166. (In Russian).
 19. CGASO. Fond R-4146. Inv. 1. Case 169. (In Russian).
 20. CGASO. Fond R-4146. Inv. 1. Case 216. (In Russian).
 21. CGASO. Fond R-4146. Inv. 1. Case 224. (In Russian).
 22. CGASO. Fond R-4151. Inv. 1. Case 10. (In Russian).
 23. CGASO. Fond R-4232. Inv. 2. Case 4. (In Russian).
 24. CGASO. Fond R-4232. Inv. 2. Case 181. (In Russian).
 25. CGASO. Fond R-4232. Inv. 2. Case 195. (In Russian).
 26. CGASO. Fond R-4232. Inv. 2. Case 195a. (In Russian).
 27. CGASO. Fond R-4232. Inv. 2. Case 196. (In Russian).
 28. CGASO. Fond R-4232. Inv. 2. Case 201. (In Russian).
 29. CGASO. Fond R-4232. Inv. 2. Case 202. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.018

УДК 639.2(571.1)»19/20» (091)

ББК 65.351г(253.3)6

А.В. ШМЫГЛЕВА

**РЫБОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
И ГИДРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО
РЕЧНОГО БАССЕЙНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XX В. — НАЧ. XXI В.)**

A.V. SHMYGLEVA

**FISHERIES AND HYDROBIOLOGICAL
RESEARCH IN THE OB-IRTYSH RIVER BASIN
(FROM THE SECOND HALF OF THE 20TH
CENTURY TO THE BEGINNING OF THE 21ST
CENTURY)**

Рассматриваемый период связан с активным гидростроительством, развитием промышленности и сельского хозяйства, ростом городов Западной Сибири, что привело к росту антропогенного влияния на окружающую природную среду в целом и речные системы в частности. В связи с этим существенно расширилась тематика рыбохозяйственных исследований, основное внимание уделялось изучению рек и озер, имевших рыбопромысловое значение. Целью данного исследования является обобщение сведений о гидробиологических и рыбохозяйственных исследованиях в Обь-Иртышском бассейне во второй половине XX — начале XXI в. Материал и методы. В статье на основе опубликованных материалов гидробиологов, ихтиологов, экологов проанализированы научные исследования, проводившиеся во второй половине XX в. — начале XXI в. на водоемах Обь-Иртышского бассейна. Результат и научная новизна. Дан ретроспективный обзор основных направлений рыбохозяйственных и гидробиологических исследований. Выявлена специфика научно-исследовательской деятельности отраслевых научных организаций и научно-образовательных учреждений Западной Сибири. Сделан вывод о том, что основной задачей ученых была систематизация многолетних данных и выработка рекомендаций по хозяйственному освоению водных ресурсов и ведению рыболовства в регионе.

The period under review was characterized by active hydraulic engineering, industrial and agricultural development, and urban growth in Western Siberia. This led to an increased anthropogenic impact on the environment, particularly on river systems. As a result, fisheries research expanded significantly, with a focus on the study of important rivers and lakes for fishing. Purpose. This study aims to summarize information on hydrobiological and fisheries research conducted in the Ob-Irtysh basin during the second half of the 20th century and early 21st century. Material and Methods. Based on published materials from hydrobiologists, ichthyologists, and ecologists, the study analyzes scientific research carried out in the reservoirs of the Ob-Irtysh region during this period. Results and Scientific Contributions. Through this analysis, we aim to provide insight into the progress of hydrobiological and fisheries research, as well as identify any significant findings or developments that have contributed to our understanding of the ecology and biodiversity of the region's aquatic ecosystems. In the second half of the 20th century and the early 21st century, the study of water resources in the Ob-Irtysh basin continued. Over 40 organizations participated in this work. Scientists' main task was to systematize long-term data and develop recommendations for the economic development of water resources and fishing in the region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическая история, Обь-Иртышский рыбохозяйственный бассейн, загрязнение водных источников, рыбные ресурсы, антропогенные и природно-климатические факторы.

KEY WORDS: ecological history, Ob-Irtysh river basin, water pollution, fish resources, human impact, climate change.

ВВЕДЕНИЕ. Объектом изучения является Обь-Иртышский рыбохозяйственный район, к которому относятся: Карское море с Обской, Тазовской, Гыданской, Байдарацкой и Юрацкой губами и впадающими в них реками; реки Обь, Иртыш, Пур, Таз с их притоками и водохранилищами; водные объекты рыбохозяйственного значения на территориях Челябинской, Свердловской, Курганской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского — Югры и Ямало-Ненецкого автономных округов, Омской, Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай [27]. Водные объекты бассейна отличаются разнообразием, особенности их формирования и функционирования обусловлены природно-климатическим и антропогенным факторами. На большей части бассейна водоисточники на протяжении многих лет испытывали значительную нагрузку от стоков промышленности, сельского хозяйства, ЖКХ, судоходства, промысловой добычи биологических ресурсов. Несмотря на значительное внимание научной общественности и властных структур к вопросам водопользования, проблема качества воды и в настоящее время остается актуальной для региона. Об этом свидетельствуют данные мониторинга состояния воды в Оби и Иртыше, который ведется на более чем 100 створах по 84 пунктам наблюдений. Данные мониторинга свидетельствуют о том, что водоканалы Екатеринбурга, Омска, Челябинска, Тюмени, а также Сибирский химический комбинат и Кемеровское акционерное общество «Азот» являются основными загрязнителями водоисточников соединениями железа, марганца, цинка, фенола, нефтепродуктами [24].

ЦЕЛЬ — обобщить разрозненные сведения о гидробиологических и рыбохозяйственных исследованиях в Обь-Иртышском бассейне во второй половине XX — начале XXI в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Статья подготовлена на основе анализа значительного объема публикаций исследователей гидробиологов, ихтиологов и экологов, среди которых особо следует отметить работы Б.Г. Иоганзена, А.Н. Гундризера, В.Р. Крохалевского, Д.М. Безматерных и др. [2; 3; 14; 15; 23]

Источниковая база исследования представлена публикациями в отраслевых журналах, архивными документами, опубликованными материалами конференций и совещаний.

Автором применялся междисциплинарный подход, основанный на синтезе знаний рыбохозяйственной тематики и позволяющий увидеть целостную картину изучаемых процессов и явлений. При написании статьи применялись сравнительный и сравнительно-исторический методы, использовалась аналитико-синтетическая обработка информации, содержащейся в разнородной литературе и источниках. Новизна исследования состоит в обобщении и систематизации данных о научно-исследовательских и научно-образовательных организациях, проблематике и основных результатах рыбохозяйственных и гидробиологических исследований на территории обширного Обь-Иртышского бассейна на протяжении второй половины XX — начала XXI в.

В последнее время растет исследовательский интерес к историческим аспектам гидробиологических [18], гидрологических [8; 16; 17], ихтиологических [25] исследований Западной Сибири, однако практически отсутствуют материалы, освещающие данную тематику применительно к крупным речным бассейнам. Чаще исследователи опираются на ландшафтно-географический или административный подход. В то же время, бассейновый подход, рассматривающий бассейн реки как интегральную природно-хозяйственную систему (геоэкосистему), является незаменимым инструментом как для управления водными ресурсами на локальном и региональном уровнях, так

и для анализа различных аспектов водопользования. Исторические аспекты научных исследований водных источников Обь-Иртышского бассейна нашли отражение в трудах советских и российских гидрологов, гидробиологов, ихтиологов, экологов. Как правило, они посвящены достаточной узким вопросам, связанным с изучением некоторых видов рыб или бентоса, отдельно взятым водоемам и редко охватывают весь рассматриваемый период.

Обобщенная ретроспективная информация об ихтиофауне полуострова Ямал представлена в монографии специалистов Института экологии растений и животных Уральского УрО РАН, изданной под редакцией В.Р. Крохалева [5]. Авторами предпринята попытка обобщения гидробиологических исследований на Ямале, позволившая выявить недостаточную изученность водоемов Ямала. По мнению авторов, изучение водоемов на протяжении столетий происходило неравномерно: «в большей степени изучены рыбы рек Морды-Яха, Сеяха, Юрибей, Нейтинской и Юратинской системы озер» [5, с. 80]. В меньшей степени изучены реки и озера Северного и Восточного Ямала и совершенно не исследована озерная система Южного Ямала.

В статьях специалистов Института водных и экологических проблем СО РАН Д.М. Безматерных, О.Н. Вдовиной, Л.В. Яныгиной, Н.И. Ермолаевой [2; 3; 19] представлен обзор исследований макрозообентоса и зоопланктона озер юга Обь-Иртышского междуречья. Авторами выделены основные периоды в практически вековом изучении бентоса озер юга Западной Сибири, охарактеризованы основные направления исследований.

Некоторые аспекты темы рассмотрены в работах сибирских историков. Так, Л.В. Алексеевой представлена обобщенная характеристика рыбной отрасли Севера Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны [1]. В статье Е.И. Гололобова и М.С. Мостовенко [10] описан процесс постановки и развития научных исследований по изучению биоресурсов традиционного промыслового северного сельского хозяйства и рыболовной отрасли Севера Западной Сибири в 1960-е — 1980-е гг. По мнению авторов, изучение топливно-энергетических ресурсов для государства в это время было в абсолютном приоритете, остальные темы имели значение при условии, что они способствовали увеличению показателей добычи биоресурсов. Кроме того, рекомендации ученых могли не выполняться, если они препятствовали выполнению и перевыполнению производственного плана [10, с. 18]. Анализ рыбохозяйственных исследований в Обь-Иртышском речном бассейне в первой половине XX в. представлен в статье А.В. Шмыглевой [31].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Сегодня невозможно представить экономику региона без колоссальной научной базы, создававшейся на протяжении десятилетий учеными страны. Систематические исследования биоресурсов Обь-Иртышского бассейна, начатые в 1930-х гг., осуществлялись по следующим направлениям:

- определение условий формирования рыбных богатств;
- выявление факторов, влияющих на объем и качество вылавливаемой рыбы;
- выработка рекомендаций для рационального использования биологических ресурсов [31, с. 18].

По оценкам специалистов, к началу 1950-х гг. был накоплен достаточно обширный эмпирический материал по рекам Обского бассейна, однако в силу объективных причин (отсутствие системного подхода, закрытость информации, ограниченность ресурсов, труднодоступность и сложные климатические условия) по большей части водоемов сведения имели отрывочный характер, не было точных данных об акватории Оби ее притоков.

Значительные изменения, связанные с хозяйственным освоением территории, происходили на территории Обь-Иртышья в середине XX в. С принятием в январе 1950 г. Генерального плана изучения и освоения Западно-Сибирской плиты началось создание крупнейшего в СССР топливно-энергетического комплекса [6], который обусловил на десятилетия социальное и экономическое развитие региона и страны в целом.

В целом, интерес ученых к Западной Сибири существенно увеличился именно в конце 1940-х — начале 1950-х гг. В значительной степени это было обусловлено необходимостью тщательного изучения минерально-сырьевой базы для дальнейшего хозяйственного освоения перспективного в экономическом плане региона и его социального развития. Особое внимание специалисты уделяли изучению геологических и геоморфологических особенностей Западной Сибири [7] и минерально-сырьевых ресурсов [26].

Во второй половине XX в. продолжалось изучение озер Обь-Иртышского бассейна. Биологические исследования водоемов осуществляли более 40 учреждений и организаций. Значительное внимание уделялось вопросам их экологического состояния и оценке кормовой базы. Исследованием Обь-Иртышского междуречья занималась плеяда известных сибирских гидробиологов: Э.П. Битюков, Л.А. Благовидова, Б.Г. Иоганзен, А.Н. Петкевич, В.В. Конивец, Г.Н. Мисейко, В.В. Кафанова и др. [14] Ими изучены различные группы организмов — обитателей рек и озер, предложена кормовая оценка десятков водоемов Обь-Иртышского междуречья.

Гидробиологический анализ поверхностных вод применяется в России с середины XIX в., однако вплоть до начала 1970-х гг. значение данного вида исследований недооценивалось. Активизация гидробиологических исследований связана с созданием в 1974 г. Гидробиологической службы наблюдения и контроля поверхностных вод в системе Госкомитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды. Важное значение имело утверждение «Руководства по методам гидробиологического анализа поверхностных вод и донных отложений» (1982 г.) [29]. Последняя треть XX в. характеризуется повышенным вниманием ученых к проблематике гидробиологических исследований, поскольку они позволяют не только оценивать качество поверхностных вод и донных отложений, определять совокупный эффект комбинированного воздействия загрязняющих веществ, но и оценивать экологическое состояние объектов и последствия их загрязнения.

Рыбохозяйственные исследования включают в себя гидрологические, гидрохимические, гидробиологические и ихтиологические аспекты. Важность их проведения объясняется необходимостью информационного обеспечения процесса управления биологическими ресурсами водоемов. Специфика данного вида исследований вызвана тем, что характеристика экосистем включает как биологические, так и антропогенные компоненты.

В условиях послевоенного восстановления экономики страны важнейшим условием для региона было определение мощности сырьевой базы рыбного хозяйства. В результате научных исследований и анализа опыта промысловых работ закрепилось деление Обь-Иртышского бассейна на две части в зависимости от степени насыщенности рыбой (по количественному признаку):

- 1) северную — в границах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов в Тюменской области и Нарымского округа в Томской области;
- 2) южную — остальная часть бассейна.

При этом северная часть по мощности рыбных запасов и уловам значительно превосходила южную, обеспечивая 86% всей рыбодобычи в бассейне [30, Л.3].

Главным научным учреждением рыбохозяйственной отрасли в СССР, а затем в Российской Федерации был Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО), имеющий сеть филиалов [9]. На территории Обь-Иртышского бассейна научное сопровождение рыбохозяйственной деятельности осуществляют филиалы в Тюменской, Новосибирской, Свердловской областях и Алтайском крае. Тюменский филиал ФГБНУ «ВНИРО» («Госрыбцентр»), созданный в 1963 г., регулярно проводил комплексные исследования водоемов и изучение состояния водных биоресурсов, осуществлял морские экспедиции и мониторинг на водоемах Ханты-Мансийского автономного округа, Тюменской, Курганской, Новосибирской, Омской областей. Основные направления исследований: расчет допустимого вылова рыбы и воспроизводство биоресурсов, в т. ч. ценных видов промысловых рыб (муксун, нельма).

Новосибирский филиал ФГБНУ «ВНИРО» («ЗапСибНИРО») — одно из старейших научно-исследовательских рыбохозяйственных учреждений Сибири. В 1945 г. постановлением правительства СССР и приказом Наркомрыбпрома было создано Барабинское отделение Всесоюзного НИИ озерно-речного рыбного хозяйства (ВНИОРХ), призванное обеспечить изучение Чано-Барабинских озер, отличающихся высоким ресурсным потенциалом и имеющих важное значение для экономики региона. Впоследствии, в связи с расширением географии деятельности и увеличением направлений и объемов научно-исследовательских работ, связанных с рыбным хозяйством Западной Сибири, оно было преобразовано в Новосибирское отделение Сибирского научного — исследовательского и проектно — конструкторского института рыбного хозяйства («СибрыбНИИпроект»). Зона ответственности включает Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую и Омскую области. Научная деятельность института направлена на рациональное использование биоресурсов водоемов, развитие рыбоводства, изучение влияния антропогенного фактора на биоресурсы водоемов [11].

Алтайский филиал ФГБНУ «ВНИРО» («АлтайНИРО») создан в 1968 г. в форме Алтайского опорного пункта СибрыбНИИпроект г. Барнаула с основным направлением — прогнозированием рыбы в р.Обь. С 1977 года изучается проблема водных биокормов. С 2000 г. озерно-речная лаборатория переименована в Алтайский филиал СибрыбНИИпроект. Основное направление исследований — прогнозирование объемов рыбы в р. Обь. В 1970-х г. разрабатывалась технология выращивания товарной рыбы в озерах с неустойчивым гидрологическим режимом, внедрена технология выращивания товарного карпа в малых озерах, изучалась проблема водных биокормов. Зона ответственности — Алтайский край и Республика Алтай [12]. Направления деятельности: оценка ущерба, наносимого рыбохозяйственным водоемам различными видами хозяйственной деятельности; разработка рыбоводно-биологических обоснований; разработка программ по рыбохозяйственной мелиорации водоемов; оценка эффективности рыбозащитных систем на водозаборах; мониторинг водных экосистем; экспедиционные исследования по оценке состояния водных биологических ресурсов бассейна реки Обь, включая реку Чумыш, Бурлинскую озерно-речную систему в границах Алтайского края и озеро Телецкое; ежегодный прогноз общего допустимого улова.

История Уральского филиала ФГБНУ «ВНИРО» («УралНИРО») началась с создания в конце 1932 г. Уральской научно-исследовательской озерно-прудовой станции. Зона обслуживания охватывала часть Урала в пределах Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Основная тематика научных исследований связана с вопросами гидрохимии, гидробиологии, ихтиологии, рационального использования рыбопромысловых водоемов и акклиматизация ценных промысловых рыб. С 1956 г. появилось новое направление, связанное с получением и выращиванием гибридов сиговых, востребованное в практике рыбохозяйственных организаций Урала. В конце XX — начале XXI вв. научно-исследовательская деятельность института направлена на решение проблемы сохранения и воспроизводства редких и исчезающих видов ихтиофауны. Значительное внимание уделяется изучению экологического состояния озерных экосистем в условиях антропогенного воздействия [13].

Помимо отраслевых научно-исследовательских учреждений значительный вклад в изучение водоемов Западной Сибири вносили научно-образовательные организации, в частности, одним из ведущих региональных центров рыбохозяйственных исследований в Западной Сибири во второй половине XX в. становится Томский университет. В начале 1930-х гг. здесь была создана кафедра ихтиологии и гидробиологии (1931 г.) и организована зоологическая секция Томского общества испытателей природы (1933 г.) [21], начались систематические исследования и подготовка кадров специалистов. Томскими учеными в 1933 г. проводилось исследование поймы р. Обь в районе Новосибирска, в 1936–1937 гг. — поймы рр. Катунь и Бии, в 1938–1939 гг. — пойменных водоемов в районе Томска, в 1940 г. — пойма верхней Томи. В годы Отечественной войны проводились отдельные рыбохозяйственные работы на пойме средней Оби [28]. С 1931 по 1952 гг. организованы 30 экспедиций, опубликовано

более 200 научных статей и брошюр по рыбному хозяйству, подготовлено свыше 150 специалистов. Исследованиями была охвачена огромная территория бассейна р. Обь. В результате проведенной работы составлен определитель рыб, главные промысловые рыбы получили монографическое описание. Томскими учеными во второй половине XX в. дана характеристика рыбохозяйственного фонда Западной Сибири, который включал 74,4 тыс. км рек, 6882,5 тыс. га озер, 774,4 тыс. га водохранилищ и 7540,4 тыс. га эстуариев [15].

В довоенный период были заложены научные направления и сформировались научные школы ТГУ, связанные с ихтиологической и гидробиологической тематикой. Одним из основателей был первый профессор зоологии Н.Ф. Кащенко, положивший начало паразитологического и фаунистического изучения рыб Западной Сибири. Ряд экспедиций организован профессорами М.Д. Рузским и Г.Э. Иоганzenом, Б.Г. Иоганzenом, В.П. Аникиным, С.Д. Титовой, Е.Ф. Киселевой и другими. Вторая половина XX в. связана с именами томских ученых А.Н. Гундризера, Б.Г. Иоганzenа, Г.М. Кривошекова, А.П. Андрияшевой, Г.У. Линдберга и другими. Масштабы проводившихся в первой половине XX в. исследований в Обь-Иртышье наглядно демонстрирует составленный библиотекарем Томского университета Н.Н. Аксеновой библиографический указатель литературы. В него включен обширный список опубликованных работ (более 1,5 тыс.), в том числе работы общего характера — более 120, по истории экспедиционных исследований — более 80, геологических и палеонтологических — более 120, климатических — 50, гидрологических — 160, ботанических — 100, почвенных — 50, биологии беспозвоночных — 40, круглоротых и рыб — 200, биологии позвоночных — 160, рыбному хозяйству — 170, гидростроительству — 80, санитарии — 70, водному хозяйству и транспорту — 50, лесному хозяйству — 40, охотничьему хозяйству — 30, сельскому хозяйству — 20 [28, с. 350-407].

Строительство Усть-Каменогорской, Новосибирской и Бухтарминской ГЭС в Западной Сибири определило тематику рыбохозяйственных исследований 1950-х гг. В 1952 г. проводилось обследование поймы верхней Оби с целью определения перспектив рыбного хозяйства в условиях строительства Каменской и Новосибирской ГЭС. В 1953 г. исследовалась пойма средней Оби на предмет организации рыбоводных хозяйств. В 1955 г. изучалась пойма нижней Оби в связи с планами строительства Нижнеобской ГЭС. В 1956 г. проведено обследование поймы верхней Оби в связи с образованием Новосибирского водохранилища. В 1957 г. обследована пойма верхнего Иртыша перед ее затоплением Зайсано-Бухтарминским водохранилищем [28].

В 1950-х гг. связи с развивающимся в Западной Сибири гидростроительством в списке исследовательских приоритетов оказались вопросы, связанные с влиянием гидроэнергетики на рыбные запасы, рыбохозяйственным освоением водохранилищ, рациональным ведением рыбного хозяйства, развитием рыбной промышленности Сибири. Об этом свидетельствует тематика докладов конференций и других научно-практических мероприятий, проводившихся в рассматриваемый период. Так, например, на первом межвузовском совещании по биологическим основам рыбного хозяйства, в котором принимали участие 140 человек из 55 организаций и 30 городов страны основная часть докладов была посвящена вопросам биологии рыб, воспроизводства запасов, прогнозирования уловов, акклиматизации рыб [4, с. 6].

Ученые Томского университета под руководством Б.Г. Иоганzenа в 1950-х гг. продолжали практику проведения комплексных экспедиций, направленных на изучение природы поймы различных участков Обь-Иртышского бассейна. В экспедициях ежегодно «принимало участие 10-15 научных сотрудников и студентов, представлявших различные специальности (географию, гидрологию, гидрохимию, почвоведение, гидробиологию, ботанику, ихтиологию, паразитологию, энтомологию, орнитологию)» [28, с. 8]. Изучение рыб Обь-Иртышского бассейна происходило в соответствии с классификацией рыбохозяйственных районов, предложенной Б.Г. Иоганzenом [22].

В общей сложности исследователями выявлены 55 видов и подвигов ихтиофауны, относящихся к 15 семействам: миноговые, осетровые, сельдевые, лососевые, хариусовые, корюшковые, щуковые, карповые, вьюновые, тресковые, колюшковые, окуневые, подкаменщиковые, пинагоровые, камбаловые. 48 видов и подвигов отнесены к аборигенным. Промысловое значение имели 33 вида и подвида. По сравнению с другими речными бассейнами страны, аборигенный состав ихтиофауны Обь-Иртышья значительно беднее. Так, в бассейне Енисея представлены 43 вида, Волги — 72, Амура — 99. Изучению промысловых рыб — ряпушка, пелядь, муксун, сиг, чир и т.д. уделялось больше внимания, чем непромысловых. Было высказано предположение о том, что заселение водоемов Обь-Иртышья происходило с востока и юго-востока, поскольку Уральский хребет выступал преградой для перемещения рыб с запада. В то же время были выявлены случаи бесконтрольных перевозок рыб, которые приводили к нарушению сложившихся биоценологических связей. В качестве примера автор приводят верховку, размножившуюся в озерах и поедавшую икру и молодь пеляди, посаженной для товарного выращивания [15, с. 88].

В постсоветский период продолжались исследования крупных водоемов в бассейне рек Обь и Иртыш. В 1990-х гг. ученые из Института водных и экологических проблем Сибирского отделения Российской академии наук (ИВЭП СО РАН), базирующегося в Барнауле, подключились к изучению бентосных сообществ. На данном этапе особое внимание было уделено изучению макрозообентоса в озерах, расположенных во впадинах бывших речных долин Барнаула, Бурлы, Касмалы, Кулунды и Карасука. Помимо изучения специфического состава и количественных характеристик зообентоса и его сезонной динамики, основное внимание было уделено пониманию моделей функционирования сообществ, зонального распределения и факторов, влияющих на их формирование.

В течение нескольких лет специалисты ИВЭП СО РАН изучали состав, структуру, функционирование и последовательность различных водных экосистем бассейна реки Обь на разных уровнях организации биосистем. Ими были выявлены природные и антропогенные факторы, определяющие качество воды на разнообразных участках речной системы Обь (от ее истока до поселка Карым-Кара), в том числе реки Катунь и Бия и их притоки Алей, Барнаул, Иня, том и Чулым.

С 1989 г. Институт водных ресурсов и экологии Сибирского отделения Российской академии наук проводит комплексную программу гидрофизических, гидрохимических, гидробиологических и палеолимнологических исследований Телецкого озера. Цель этой программы — определить направление и темпы смены экосистем как в течение годового цикла, так и в течение более длительных периодов времени в результате взаимодействия физических, химических и биологических процессов с природными и антропогенными факторами. Учеными собраны обширные данные о фитопланктоне, простейших и зоопланктоне, а также о фито — и зообентосе, макрофитах и рыбной фауне. Среди современной и ископаемой флоры и фауны озера «было идентифицировано более 800 видов водорослей, 57 видов макрофитов, 47 видов планктона и 219 видов донных беспозвоночных» [2, с. 39–50].

Основываясь на результатах анализа пространственного и временного распределения различных водных экосистем в бассейне рек Обь и Иртыш, ученые определили необходимость осуществления экологического мониторинга, учитывающего специфические характеристики водных объектов и факторы, влияющие на них. Установлено, что природные факторы играют более важную роль, чем антропогенные, в формировании и функционировании водных экосистем, при этом крупные промышленные центры и отдельные объекты приводят к изменениям функциональных характеристик биоценозов и качества воды.

В то же время, было доказано негативное влияние деятельности человека на количество и качество популяции рыб Обь-Иртышья. Во-первых, управление речными стоками с помощью водохранилищ привело к потере нерестилищ. Во-вторых, из-за ухудшения условий размножения коренных рыб и увеличения численности неместных видов, произошло со-

крашение запасов местных видов рыб, доминировавших ранее. В-третьих, загрязнение воды и увеличение промыслового давления в результате незаконного промысла способствовали дальнейшему сокращению популяции таких ценных видов как сибирский осетр, стерлядь, муксун и нельма [20].

Выявлены основные факторы, определяющие состояние популяций рыб: во-первых, промысел; во-вторых, изменение условий обитания, вызванное деятельностью человека. Антропогенная трансформация речных экосистем, сточные вод от промышленных, сельскохозяйственных объектов и ЖКХ, избыточный промысел и браконьерство стали причинами снижения популяции ценных пород в середине XX в. В связи с этим тематика рыбохозяйственных исследований в регионе в рассматриваемый период преимущественно связана с анализом количественных и качественных характеристик ихтиофауны, выявлением наиболее значимых факторов влияния на рыбу и поиском обоснованных способов решения проблем. С учетом сложившейся неблагоприятной ситуации в Обь-Иртышском регионе, учеными был предложен широкий спектр мероприятий, направленных на восстановление рыбных запасов, включающий полный запрет на вылов отдельных пород рыб, меры по рыборазведению, охране нерестилищ и т.п.

ВЫВОДЫ. Во второй половине XX в. в Западной Сибири продолжалось формирование научных центров, появились оригинальные научные направления рыбохозяйственной тематики, имевшие большое значение для развития народного хозяйства в регионе. В отличие от довоенного, этот этап отличался планомерностью и систематичностью гидробиологических и рыбохозяйственных исследований.

В связи с развернувшимся гидростроительством на реках Обь и Иртыш учеными и специалистами отраслевых организаций в 1950-е гг. исследовалось влияние ГЭС на состояние биоресурсов. В 1960-е гг. значительное внимание уделялось изучению озер, в частности, оценке их кормовой базы. Главным направлением озерного рыбоводства становится товарное выращивание акклиматизированных видов рыб. В конце 1960-х — начале 1970-х изучалась проблема повышения продуктивности озерно-прудовых хозяйств. Важными направлениями научных исследований в 1980-е гг. стали: наблюдения за состоянием запасов рыб для обоснования прогнозов величины их вылова; выявление абиотических факторов среды, влияющих на воспроизводство ценных видов промысловых рыб; повышение продуктивности водохранилищ; оценка обеспеченности рыбы кормовой базой. В это время получила развитие продукционная гидробиология. В результате кризиса 1990-х гг. научно-исследовательские и научно-образовательные организации вынуждены были сократить количество научных направлений, но им удалось сохранить свой кадровый потенциал и найти новые источники финансирования — исследовательские проекты осуществлялись на хоздоговорной основе или за счет грантовой поддержки фондов.

Многолетние исследования факторов, оказывающих существенное влияние на состояние водных ресурсов Обь-Иртышья, позволили ученым сделать вывод о преобладании природного и климатического факторов над антропогенным. В то же время изучение биоресурсов свидетельствует о значительном негативном влиянии человека на количественные и качественные характеристики обитателей водоемов. Анализ источниковой базы свидетельствует о том, что как в первой половине XX в., так и в последующие десятилетия в большей степени изучались водоемы, представлявшие интерес с точки зрения рыбохозяйственного значения. Несмотря на многолетний исследовательский опыт и широкий спектр научных задач, системной экологической оценки Обь-Иртышского бассейна в целом получить не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.В. Рыбные угодья и уловы на севере Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81).

2. Безматерных Д.М., Вдовина О.Н. Изученность макрозообентоса озер юга Обь-Иртышского междуречья // Труды КарНЦ РАН. 2018. № 5. С. 39–50.
3. Безматерных Д.М., Вдовина О.Н., Яныгина Л.В. История изучения макрозообентоса бассейнов верхней Оби и юга Обь-Иртышского междуречья // Современное состояние и развитие аквакультуры: экологическое и ихтиопатологическое состояние водоемов и объектов разведения, технологии выращивания: материалы международной конференции, г. Новосибирск, 11–13 ноября 2020 г. / под ред. Е.В. Пищенко, И.В. Морузи. Новосибирск: НГАУ. 2020. 240 с. С. 150–152.
4. Биологические основы рыбного хозяйства: труды Всесоюзного совещания по биологическим основам рыбного хозяйства / Том. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева; отв. ред. Б.Г. Иоганзен. Томск: Издательство Томского университета, 1959. 371 с.
5. Богданов В.Д., Богданова Е.Н., Госькова О.А., Мельниченко И.П. Ретроспектива ихтиологический и гидробиологических исследований на Ямале. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. 88 с.
6. Брехунцов А.М. Государственный проект освоения Западной Сибири (вторая половина XX века): факты, даты, имена // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2023. № 2. С. 28–40.
7. Брехунцов А.М., Битюков В.Н. Освоение Западной Сибири — проект государственного масштаба второй половины XX века // Георесурсы. 2023. № 25(1). С. 3–12.
8. Водные ресурсы и водный баланс территории Советского Союза. Л.: Гидрометеиздат, 1967. — 200 с.
9. Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). Официальный сайт. URL: <http://vniro.ru/ru/ob-institute> (дата обращения: 12.09.2024).
10. Гололобов Е.И., Мостовенко М.С. Становление и развитие научных исследований в сфере изучения биоресурсов севера Западной Сибири в 1960–80-е гг. // Вестник Нижневартского государственного университета. 2017. № 2. С. 17–23.
11. Государственный научный центр Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии Новосибирский филиал. Официальный сайт. URL: <http://zapsib.vniro.ru/ru/o-filiale> (дата обращения: 12.09.2024).
12. Государственный научный центр Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии ВНИРО Алтайский филиал. Официальный сайт. URL: <http://altai.vniro.ru/ru/o-filiale> (дата обращения: 12.09.2024).
13. Государственный научный центр Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии» Уральский филиал. Официальный сайт. URL: <http://ural.vniro.ru/ru/o-filiale> (дата обращения: 12.09.2024).
14. Гундризер А.Н., Иоганзен Б.Г., Кафанова В.В., Петлина А.П. Ихтиология и гидробиология в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1982. 318 с.
15. Гундризер А.Н., Иоганзен Б.Г., Кривошеков Г.М. Рыбы Западной Сибири: Уч. пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 1984. 125 с.
16. Дубровская Л.И., Дроздова Д.В., Логинов С.В. Закономерности циклических колебаний водного стока рек Западной Сибири // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 1–6. С. 1425–1428.
17. Дубровская Л.И., Герасимова В.Р. Анализ многолетних колебаний стока рек Обь-Иртышского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 6–1. С. 82–86.
18. Дурникин Д.А. Изученность флоры и растительности водоемов и водотоков юга Обь-Иртышского междуречья // Acta Biologica Sibirica. 2015. № 3–4. С. 61–75.
19. Ермолаева Н.И. Изученность зоопланктона озер юга Западной Сибири // Известия АО РГО. 2023. № 2 (69). С. 44–75.
20. Зайцев В.Ф., Егоров Е.В., Матковский А.К., Интересова Е.А., Шиповалов Л.А. Искусственное воспроизводство муксуна *Coregonus muksun* (Coregonidae) в бассейне реки Иртыш. Проблемы и перспективы // Вопросы рыболовства. 2019. № 4. С. 482–496.

21. Иоганзен Б.Г. Краткий очерк деятельности зоологической секции Томского общества испытателей природы за 1933–1945 гг. // Труды ТГУ. Том 97. 1946.
22. Иоганзен Б.Г. Природа Томской области / Б.Г. Иоганзен. Томск: [б.и.], 1953. 48 с.
23. Иоганзен Б.Г. Советские исследования по ихтиологии и гидробиологии Сибири // Развитие биол. науки в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1968. С. 133–164.
24. Какие опасности угрожают российским рекам Обь и Иртыш. Совещание по вопросам сохранения и развития Обь-Иртышского бассейна прошло в Госдуме РФ 12 марта 2024 г. URL: <https://ecologyofrussia.ru/kakie-opasnosti-ugrozhayut-rossiyskim-rekam-ob-i-irtysh/> (дата обращения: 21.08.2024)
25. Кассал Б.Ю. Результаты векового изучения некоторых особенностей биологии популяции муксуна *Coregonus muksun* Обь-Иртышского бассейна // Экология гидросферы. 2021. № 1 (6). С. 8–27.
26. Козловский Е.А. К истории освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. URL: https://rosnedra.gov.ru/press/informatsionnye-materialy/k_istorii_osvoeniya_zapadno_sibirskoy_neftegazovoy_provintsii/ (дата обращения: 18.09.2024).
27. Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 30.10.2020 г. № 646 «Об утверждении Правил рыболовства для Западно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_481816/ (дата обращения: 12.08.2024).
28. Природа поймы реки Оби и ее хозяйственное освоение: [сборник статей] / Томс. гос. ун-т. им. В.В. Куйбышева; [ред. Б.Г. Иоганзен]. Томск: Издательство Томского университета, 1963.
29. Руководство по методам гидробиологического анализа поверхностных вод и донных отложений. Утверждено Государственным комитетом СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды 12 сентября 1982 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200060189> (дата обращения: 12.08.2024).
30. ЦГА НТД. Ф 231. Оп. 1. Д.174. Л.1–12. Всесоюзный НИИ озерного и речного рыбного хозяйства Министерства рыбной промышленности (Доклад об экономике рыбного промысла Обь-Иртышского бассейна, 1946 г.).
31. Шмыглева А.В. Рыбохозяйственные исследования Обь-Иртышского речного бассейна (первая половина XX в.) // Вестник СурГПУ. 2022. № 6(81). С. 17–24.

REFERENCES

1. Alekseeva L.V. *Rybnye ugod'ya i ulovy na severe Zapadnoi Sibiri nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Fishing grounds and catches in the north of Western Siberia on the eve and during the Great Patriotic War] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 6 (81). (In Russian).
2. Bezmaternykh D.M., Vdovina O.N. *Izuchennost' makrozoobentosa ozer yuga Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [The study of the macrozoobenthos of lakes in the south of the Ob-Irtysh interfluvium] // Trudy KRNITS RAN. 2018. № 5. S.39–50. (In Russian).
3. Bezmaternykh D.M., Vdovina O.N., Yanygina L.V. *Istoriya izucheniya makrozoobentosa basseinov verkhnei Obi i yuga Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [The history of studying the macrozoobenthos of the basins of the Upper Ob and the south of the Ob-Irtysh interfluvium] // Sovremennoe sostoyanie i razvitie akvakul'tury: ehkologicheskoe i ikhtiopatologicheskoe sostoyanie vodoemov i ob'ektov razvedeniya, tekhnologii vyrashchivaniya: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, g. Novosibirsk, 11–13 noyabrya 2020 g. / pod red. E.V. Pishchenko, I.V. Moruzi. Novosibirsk: NGAU. 2020. S. 150–152. (In Russian).
4. *Biologicheskie osnovy rybnogo khozyaistva [Biological foundations of fisheries]: trudy Vsesoyuznogo soveshchaniya po biologicheskim osnovam rybnogo khozyaistva* / Tom. gos. un-t im. V.V. Kuibysheva; otv. red. B.G. Ioganzhen. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1959. 371 s. (In Russian).
5. Bogdanov V.D., Bogdanova E.N., Gos'kova O.A., Mel'nichenko I.P. *Retrospektiva ikhtiologicheskii i gidrobiologicheskikh issledovaniy na Yamale [A retrospective of ichthyological and hydrobiological research in Yamal]*. Ekaterinburg: Izd-vo «Ekaterinburg», 2000. 88 s. (In Russian).

6. Brekhuntsov A.M. *Gosudarstvennyi proekt osvoeniya Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina KHKH veka): fakty, daty, imena* [The state project conquered Western Siberia (half of the XX century): facts, data, names] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Neft' i gaz*. 2023. № 2. S. 28–40. (In Russian).
7. Brekhuntsov A.M., Bitukov V.N. *Osvoenie Zapadnoi Sibiri — proekt gosudarstvennogo masshtaba vtoroi poloviny XX veka* [The development of Western Siberia was a state-scale project of the second half of the 20th century] // *Geosursy*. 2023. № 25(1). S. 3–12. (In Russian).
8. *Vodnye resursy i vodnyi balans territorii Sovetskogo Soyuza* [Water resources and water balance of the territory of the Soviet Union]. L.: Gidrometeoizdat, 1967. 200 s. (In Russian).
9. Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut rybnogo khozyaistva i okeanografii (VNIRO). Ofitsial'nyi sait. URL: <http://vniro.ru/ru/ob-institute> (data obrashcheniya 12.09.2024) (In Russian).
10. Gololobov E.I., Mostovenko M.S. *Stanovlenie n razvitie nauchnykh issledovaniy v sfere izucheniya bi-oresurov severa Zapadnoi Sibiri v 1960–80-e gg.* [The development of scientific research in the field of studying bioresources in the north of Western Siberia in the 1960s and 1980s.] // *Vestnik Nizhnevar-tovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 2. S.17–23. (In Russian).
11. Gosudarstvennyi nauchnyi tsentr Rossiiskoi Federatsii Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe nauchnoe uchrezhdenie Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut rybnogo khozyaistva i okeanografii Novosibirskii filial. Ofitsial'nyi sait. URL: <http://zapsib.vniro.ru/ru/o-filiale> (data obrashcheniya 12.09.2024). (In Russian).
12. Gosudarstvennyi nauchnyi tsentr Rossiiskoi Federatsii Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe nauchnoe uchrezhdenie Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut rybnogo khozyaistva i okeanografii VNIRO Altaiskii filial. Ofitsial'nyi sait. URL: <http://altai.vniro.ru/ru/o-filiale> (data obrashcheniya 12.09.2024). (In Russian).
13. Gosudarstvennyi nauchnyi tsentr Rossiiskoi Federatsii Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe nauchnoe uchrezhdenie «Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut rybnogo khozyaistva i okeanografii» Ural'skii filial. Ofitsial'nyi sait. URL: <http://ural.vniro.ru/ru/o-filiale> (data obrashcheniya 12.09.2024). (In Russian).
14. Gundrizer A.N., loganzen B.G., Kafanova V.V., Petlina A.P. *Ikhtologiya i gidrobiologiya v Zapadnoi Sibiri [Ichthyology and hydrology in Western Siberia]*. Tomsk: TGU, 1982. 318 s. (In Russian).
15. Gundrizer A.N., loganzen B.G., Krivoshchekov G.M. *Ryby Zapadnoi Sibiri [Fish of Western Siberia]*: Uch. posobie. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1984. 125 s. (In Russian).
16. Dubrovskaya L.I., Drozdova D.V., Loginov S.V. *Zakonomernosti tsiklicheskh kolebanii vodnogo stoka rek Zapadnoi Sibiri* [The patterns of cyclical fluctuations in the water flow of rivers in Western Siberia.] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2011. № 1–6. S.1425–1428. (In Russian).
17. Dubrovskaya L.I., Gerasimova V.R. *Analiz mnogoletnikh kolebanii stoka rek Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Analysis of long-term fluctuations in the flow of rivers in the Ob-Irtysh interfluvium] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2015. № 6–1. S. 82–86. (In Russian).
18. Durnikin D.A. *Izuchennost' flory i rastitel'nosti vodoemov i vodotokov yuga Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [The study of flora and vegetation in water bodies and watercourses of the south of the Ob-Irtysh interfluvium] // *Acta Biologica Sibirica*. 2015. № 3–4. S.61–75. (In Russian).
19. Ermolaeva N.I. *Izuchennost' zooplanktona ozer yuga Zapadnoi Sibiri* [The study of zooplankton in lakes of southern Western Siberia] // *Izvestiya AO RGO*. 2023. № 2 (69). S.44–75. (In Russian).
20. Zaitsev V.F., Egorov E.V., Matkovskii A.K., Interesova E.A., Shipovalov L.A. *Iskusstvennoe vosproizvodstvo muksuna Coregonus muksun (Coregonidae) v basseine reki Irtysh. Problemy i perspektivy* [Artificial reproduction of muksun Coregonus muksun (Coregonidae) in the basin of the Irtysh River. Problems and prospects] // *Voprosy rybolovstva*. 2019. № 4. S.482–496. (In Russian).
21. loganzen B.G. *Kratkii ocherk deyatel'nosti zoologicheskoi sekti Tomskogo obshchestva ispytatelei prirody za 1933–1945 gg.* [A brief overview of the activities of the zoological section of the Tomsk Society of Naturalists from 1933 to 1945] // *Trudy TGU. Tom 97*. 1946. (In Russian).
22. loganzen B.G. *Priroda Tomskoi oblasti* [The nature of the Tomsk Oblast] / B.G. loganzen. Tomsk: [b.i.], 1953. 48 s. (In Russian).

23. loganzen B.G. *Sovetskie issledovaniya po ikhtiologii i gidrobiologii Sibiri* [Soviet studies on ichthyology and hydrology of Siberia] // *Razvitie biol. nauki v Sibiri za 50 let*. Novosibirsk, 1968. S. 133–164. (In Russian).
24. *Kakie opasnosti ugrozhayut rossiiskim rekam Ob' i Irtysh* [What dangers threaten the Russian rivers Ob and Irtysh]. *Soveshchanie po voprosam sokhraneniya i razvitiya Ob'-Irtyshskogo basseina proshlo v Gosdume RF 12 marta 2024 g.* URL: // <https://ecologyofrussia.ru/kakie-opasnosti-ugrozhayut-rossiyskim-rekam-ob-i-irtysh/> (data obrashcheniya 21.08.2024) (In Russian).
25. Kassal B.YU. *Rezul'taty vekovogo izucheniya nekotorykh osobennostei biologii populyatsii muksuna Soregonus muksun Ob'-Irtyshskogo basseina* [The results of a century-long study of some features of the biology of muksun populations in the Ob-Irtysh basin.] // *Ehkologiya gidrosfery*. 2021. № 1 (6). S.8–27. (In Russian).
26. Kozlovskii E.A. *K istorii osvoeniya Zapadno-Sibirskoi neftegazovoi provintsii* [To the history of the development of the West Siberian oil and gas province]. URL: https://rosnedra.gov.ru/press/informatsionnye-materialy/k_istorii_osvoeniya_zapadno_sibirskoy_neftegazovoy_provintsii/ (data obrashcheniya 18.09.2024). (In Russian).
27. Prikaz Ministerstva sel'skogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii ot 30.10.2020 № 646 «*Ob utverzhdenii Pravil rybolovstva dlya Zapadno-Sibirskogo rybokhozyaistvennogo basseina*» [Elektronnyi resurs] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_481816/ (data obrashcheniya 12.08.2024). (In Russian).
28. *Priroda poimy reki Obi i ee khozyaistvennoe osvoenie* [The nature of the Ob River and its economic development.]: [sbornik statei] / Toms. gos. un-t. im. V.V. Kuibysheva; [red. B.G. loganzen]. Tömsk: Izdatel'stvo Tömskogo universiteta, 1963. (In Russian).
29. *Rukovodstvo po metodam gidrobiologicheskogo analiza poverkhnostnykh vod i donnykh otlozhenii* [Guide to Methods of Hydrobiological Analysis of Surface Waters and Bottom Sediments]. Utverzhdeno Gosudarstvennym komitetom SSSR po gidrometeorologii i kontrolyu prirodnoi sredy 12 sentyabrya 1982 g. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200060189> (data obrashcheniya 12.08.2024). (In Russian).
30. TSGA NTD. F 231. Op. 1. D.174. L.1–12. *Vsesoyuznyi NII ozernogo i rechnogo rybnogo khozyaistva Ministerstva rybnoi promyshlennosti (Doklad ob ehkonomie rybnogo promysla Ob'-Irtyshskogo basseina, 1946)* [Report on the Economics of the Fishery Industry in the Ob-Irtysh Basin, 1946]. (In Russian).
31. Shmygleva A.V. *Rybokhozyaistvennye issledovaniya Ob'-Irtyshskogo rechnogo basseina (pervaya polovina XX v.)* [Rybokhozyaistvennye issledovaniya Ob-Irtysh river basin (first half of the 20th century)] // *Vestnik SuRGPU*. 2022. № 6(81). S.17–24. (In Russian).

**ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ВОПРОСЫ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ
СЕВЕРНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР/РОССИИ
В XX-XXI ВВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ**

**NATURAL RESOURCES AND ISSUES OF NATURE
MANAGEMENT IN THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE
NORTHERN AND EASTERN TERRITORIES OF THE USSR/RUSSIA
IN THE XX-XXI CENTURIES: INTERNATIONAL PERSPECTIVE**

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.019

УДК 504.062:94(571.6)»1925/1935»

ББК 63.3(255) 6-6

А.В. ФИЛИНОВ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ
РЕСУРСОВ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА В ОТНОШЕНИЯХ СССР И ЯПОНИИ
В 1925–1935 ГГ.

A.V. FILINOV THE PROBLEMS OF PRESERVATION
AND USE OF NATURAL RESOURCES
OF THE SOVIET FAR EAST IN RELATIONS
BETWEEN THE USSR AND JAPAN IN 1925–1935

Статья посвящена не рассмотренному ранее в историографии комплексно вопросу сохранения и использования природных ресурсов (в первую очередь, лесных, нефтяных, рыбных, угольных) в контексте отношений Советского Союза и Японской империи в 1925–1935 гг. Это, а также использование в качестве источников в том числе неопубликованных материалов из фондов Архива внешней политики (АВП) РФ, Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), свидетельствует об актуальности и научной новизне исследования. В исследовании использовались такие методы как описательный, аналитический, формально-логический, сравнительный, историко-архивный.

Целью статьи является анализ особенностей контактов СССР и Японии в рамках проблемы сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока (в первую очередь лесных, нефтяных, рыбных, угольных) в начальный период становления и развития советско-японских отношений и особенно во время их обострения в период маньчжурского кризиса с сентября 1931 по март 1935 гг. Хронологические рамки статьи обусловлены с одной стороны заключением в январе 1925 г. Пекинской конвенции и установлением дипломатических отношений между СССР и Японией, а с другой завершением маньчжурского кризиса в связи с продажей (переуступкой прав) КВЖД Советским Союзом Маньчжоу-Го (фактически же Японии) в марте 1935 г.

Делаются выводы в том числе о том, что вопросы сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока в рамках отношений СССР и Японии регулировались

в основном концессионными договорами, а также торговыми соглашениями и рыболовными конвенциями; активно использовались обеими сторонами для достижения своих внешнеполитических целей и задач.

The article is devoted to the issue of conservation and use of natural resources (primarily forest, oil, fish, coal) in the context of relations between the Soviet Union and the Japanese Empire in 1925–1935, which has not been previously considered in historiography. This, as well as the use of unpublished materials from the funds of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Russian Federation, and the Russian State Archive of Social and Political History, as sources, testifies to the relevance and scientific novelty of the study. The study used such methods as descriptive, analytical, formal-logical, comparative, historical-archival. The aim of the article is to analyze the specifics of contacts between the USSR and Japan in the context of the problem of preserving and using the natural resources of the Soviet Far East (primarily forest, oil, fish, and coal) in the initial period of formation and development of Soviet-Japanese relations, and especially during their aggravation during the Manchurian crisis from September 1931 to March 1935. The chronological framework of the article is determined, on the one hand, by the conclusion of the Beijing Convention in January 1925 and the establishment of diplomatic relations between the USSR and Japan, and on the other hand, by the end of the Manchurian crisis in connection with the sale (assignment of rights) of the CER by the Soviet Union to Manchukuo (in fact, to Japan) in March 1935. Conclusions are made, including that the issues of preserving and using the natural resources of the Soviet Far East in the context of relations between the USSR and Japan were regulated mainly by concession agreements, as well as trade agreements and fishing conventions; were actively used by both sides to achieve their foreign policy goals and objectives.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нефтяные ресурсы, угольные ресурсы, лесные ресурсы, рыбные ресурсы, рыболовная конвенция, маньчжурский кризис, иностранные концессии, советско-японские отношения в 1920–1930-е гг.

KEY WORDS: oil resources, coal resources, forest resources, fish resources, fisheries convention, Manchurian crisis, foreign concessions, Soviet-Japanese relations in the 1920s — 1930s.

ВВЕДЕНИЕ. Первым договором, в котором рассматривались вопросы сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока, являлась советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений (более известная как Пекинский договор), подписанная представителями СССР и Японии в январе 1925 г. [7, с. 70–71]. В данном соглашении стороны в частности договорились пересмотреть российско-японскую рыболовную конвенцию, заключённую в 1907 г.¹ Также советское правительство соглашалось «предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории Союза Советских Социалистических Республик» [7, с. 71].

Конкретизация условий концессионных договоров приводилась в прилагавшемся к Пекинскому соглашению протоколу «Б». В протоколе затрагивался не только вопрос эксплуатации нефтяных и угольных месторождений, отдельно оговаривался вопрос о лесных ресурсах — японским концернам было разрешено рубить деревья, необходимые для нужд предприятий [7, с. 76]. На базе этого протокола в июле и декабре 1925 г. были заключены контракты на предоставление Японии соответственно угольной и нефтяной концессий. По итогам советско-японских переговоров 27 марта 1925 г. была заключена рыболовная конвенция, не менявшая при этом порядка проведения торгов, размеров платежей и налогов [18, с. 156]. Как отмечают исследователи [17, с. 117], на деле же действительное концессионирование

¹ Подробнее о Конвенции см. например: Курмазов А.А. В каком направлении развиваются российско-японские рыболовные отношения? // Труды ВНИРО. 2010. Т. 149. С. 409.

в рыбопромысловой отрасли стало осуществляться с подписанием Советским Союзом и Японией рыболовной конвенции от 23 января 1928 г. [8, с. 42–47].

ЦЕЛЬ. В существующей на данный момент историографии изучались в основном либо проблемы охраны природных ресурсов Дальнего Востока в дореволюционный период [10], либо в конце XX — начале XXI вв. [4]. Исследования же, относящиеся к рассматриваемому в докладе периоду преимущественно посвящены либо изучению особенностей создания и функционирования иностранных (японских) концессий на советском Дальнем Востоке [14], либо затрагивают вопросы сохранения и использования лишь некоторых видов природных ресурсов, в том числе в контексте советско-японских отношений [16; 25]. Исходя из данной историографической ситуации целями статьи являются анализ подходов к решению проблем сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока (лесных, нефтяных, рыбных, угольных) в начальный период становления и развития отношений Советского Союза и Японии, особенно в период заметного обострения двусторонних отношений — маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 — март 1935 гг.); установление взаимосвязей вопросов сохранения природных ресурсов советского Дальнего Востока с другими проблемами советско-японских отношений в указанный период; введение в научный оборот ранее неопубликованных материалов из фондов Архива внешней политики (АВП) РФ, Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Для достижения этих целей решались такие задачи как анализ документальных материалов и сопоставление их с имеющимися в опубликованных источниках и историографии данными о подготовке к заключению некоторых советско-японских соглашений, касавшихся вопросов сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока, позиции высшего советского руководства по этим вопросам

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исходя из обозначенных выше целей и задач, источниковая база доклада представляет собой как материалы, опубликованные в различных тематических сборниках документов, так и неопубликованные архивные документы из фондов Архива внешней политики (фонд М.М. Литвинова), Государственного архива Российской Федерации (фонд ТАСС), Российского государственного архива социально-политической истории (фонд В.М. Молотова). Учитывая поставленные цели и задачи исследования, среди использованных в нём методов необходимо упомянуть описательный, аналитический, сравнительный и формально-логический, использованные в отношении данных, полученных историко-архивным методом.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. После заключения советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. советник полпредства СССР в Токио И.М. Майский сообщал из Токио: «Здесь, по крайней мере, внешне, к нам относятся как к великой державе, и притом, как дружественной великой державе... Общая линия яп[онского] пра[вительства] сейчас такая: всячески подчеркивать и укреплять «дружбу» с нами, но заставить нас возможно дороже платить за эту «дружбу» в порядке уступок экономических...Насколько прочно нынешнее миролюбие Японии в отношении СССР? Думаю, что довольно прочно» [Цит. по: 6, с. 246].

В целом, примерно эту же мысль своего современника и подчинённого неоднократно повторял нарком по иностранным делам СССР М.М. Литвинов, называвший отношения с Японией в конце 1920-х гг. «наилучшими добрососедскими» [6, с. 246]. Аналогично он высказался и позднее в своей речи, произнесённой на IV-й сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г. Важно учитывать, что эти слова были произнесены уже в период маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 — март 1935 гг.), когда отношения между СССР и Японией уже трудно было назвать безоблачными: «<...> Со времени заключения Пекинского соглашения вплоть до конца 1931 г. между нами и Японией существовали наилучшие добрососедские отношения. Не было никаких конфликтов, никаких крупных недоразумений, а если таковые возникали, то разрешались мирным дипломатическим путём» [15, с. 91].

Какие «недоразумения» мог иметь в виду нарком, и какие из них имели отношение к проблеме сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока? Так, например, в 1931 г. были повышены пошлины на советский лес, осложнены формальности с допуском советских товаров на японский рынок и т.д. [13, с. 101]. При этом вывоз из СССР сырья растительного и животного происхождения (кроме продовольственного) более чем на 90% состоял из лесоматериалов. Одним из основных его потребителей до конца 1920-х гг. была, в том числе Япония (65%) [19, с. 38]. С введением же японским правительством в начале 1930-х гг. ограничений на импорт советского леса его доля неизбежно должна была сократиться².

Особенно острой обстановка в советско-японских экономических отношениях стала весной 1931 г., поскольку в конце 1930 г. была проведена ревизия деятельности Владивостокского отделения японского «Чосен банка» за период с 1 января 1927 по 9 августа 1930 гг. [13, с. 102]. Обследование деятельности банка показало, что банк систематически занимался спекулятивной покупкой-продажей советских червонцев в нарушение действующих официальных курсов». Исходя из этого, Наркомфин СССР в конце 1930 г. закрыл отделение «Чосен банка» во Владивостоке, потребовав возмещения нанесённого ущерба [2, с. 55].

Здесь, однако, стоит заметить, что решение о закрытии банка было принято Политбюро ещё задолго до начала ревизии, в апреле 1929 г. [2, с. 46] (а не в июле 1930 г.), и затем ещё раз подтверждено уже в сентябре 1930 г. [2, с. 54]. Самое любопытное обстоятельство во всей этой истории заключалось в распоряжении советского руководства «считать необходимым поставить судебный процесс как процесс арестованных японских валютчиков, и в процессе суда (если по ходу дела будет установлена виновность отдельных деятелей «Чосен банка») разрешить привлечь банковцев к ответственности» [2, с. 55]. Вероятно, в высших эшелонах власти СССР намеревались организовать нечто вроде показательного процесса, скорее всего, не без цели надавить на Японию, преследуя при этом какие-то свои внешнеполитические (в том числе, возможно, экономические) задачи. Например, пересмотреть вопрос о рыболовстве.

Косвенным доказательством этого может служить заявление заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана японскому послу Хирота Коки во время их встречи 19 декабря 1930 г. Советский дипломат «...указал ему (т.е. Хироте) на неточность в сообщении японского правительства о якобы ведущихся переговорах о «Чосен банке». Никаких переговоров о «Чосен банке» мы не ведем с японским правительством. С японским правительством мы ведем переговоры по рыболовным вопросам и о платежах японских рыбопромышленников» [9, с. 744-750.]. Не исключено, что, таким образом, советское руководство прозрачно намекало японскому МИДу на возможность переговоров о рыбных делах, используя в качестве меры воздействия ликвидацию банка, чтобы сделать оппонентов более сговорчивыми. Окончательно банк был ликвидирован летом 1931 г.

То, что данный вопрос серьёзно волновал высшее руководство СССР, но скорее в контексте, связанном с вопросом сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока, подтверждает переписка между его представителями. Буквально за неделю до маньчжурского инцидента (11 сентября 1931 г.) Л.М. Каганович в послании к И.В. Сталину отмечал, что «японцы ответили нам на закрытие Чосен-банка, причинившее нам до 4-х миллионов убытку, резким увеличением пошлин на экспортируемый нами лес...» [24, С. 94]. Кроме того, из-за предлагавшихся ответных мер с советской стороны заместитель Сталина по партии выражал обеспокоенность по поводу «серьёзных осложнений в наших отношениях с Японией и без того не особенно блестящих из-за рыбных дел» [24, с. 94], а вовсе не из-за

² Не имея собственного лесотехнического сырья, Япония могла позволить такую дискриминационную меру в отношении советского экспорта лишь потому, что в те годы обеспечивалась американским лесом. См.: Петров А.М. Внешнеторговые связи СССР со странами Азии (1918-1940 гг.). // Народы Азии и Африки. 1977, № 5. С. 38.

неурегулированности в вопросе о «Чосен-банке». Генсек отреагировал через три дня, лаконично заметив, что «с Японией нужно поосторожнее <...> тактика должна быть погибче, поосмотрительнее» [24, с. 94].

Начиная же с середины сентября 1931 г. отношения между СССР и Японией постепенно стали осложняться. В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. на территории Маньчжурии близ г. Мукдена (сейчас Шэньян) произошёл взрыв полотна железной дороги. По наиболее распространённой версии, эта была диверсия, подготовленная и проведённая японскими военными, служившими в Квантунской армии. Целью, очевидно, являлась провокация вооружённого столкновения с китайскими войсками, поскольку последствием стала японское агрессия против Северо-Восточного Китая. Данные события известные как маньчжурский (или мукденский) инцидент, явились началом с одной стороны японо-китайского конфликта, продлившегося до заключения сторонами в мае 1933 г. договора в Тангу. Этот инцидент с другой стороны можно считать и началом маньчжурского кризиса — ситуации, сложившейся вследствие захвата японскими войсками Маньчжурии и их приближения к границам Советского Союза. Важным фактором, влиявшим на роль кризиса во внешнеполитическом положении СССР на Дальнем Востоке, являлась проблема принадлежности Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), находившейся на начало кризиса под совместным советско-китайским (преимущественно советским) управлением. Поэтому для СССР верхней границей маньчжурского кризиса может считаться конец марта 1935 г., когда было заключено соглашение о продаже (переуступке прав) на КВЖД формально государству Маньчжоу-Го, фактически находившемуся под полным контролем Японии. Начиная с осени 1931 г. события на северо-востоке Китая, происходившие в непосредственной близости от советского Дальнего Востока, с течением времени всё больше волновали советских лидеров, и главным образом И.В. Сталина. Наиболее заметно озабоченность этими вопросами высшее руководство СССР начало выражать с ноября 1931 г., когда Квантунская армия приблизилась к линии КВЖД, а затем в начале 1932 г. захватила Харбин, считавшийся ключевым центром Маньчжурии и КВЖД.

После перенесения военных действий на линию КВЖД с января 1932 г. работа КВЖД начала ухудшаться. Поток грузов на Владивосток стал быстро и заметно уменьшаться, тогда как поток грузов по Южной линии и Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД) принадлежавшей Японии на Дайрен — быстро возрастал. С марта — апреля 1932 г. поток грузов по Восточной линии вовсе прекратился. На падение доходов КВЖД, безусловно, серьёзно влияло и постепенно увеличивавшееся количество нападений хунхузов, бездействие охранных китайских войск, произвол японских военных. Всё это заставляло советское руководство задуматься о возможности переговоров о продаже (переуступке прав) КВЖД. Маньчжурские же (по сути, японские) власти были явно не против как минимум обсудить с СССР подобный вариант, явно рассчитывая, как избавить ЮМЖД от конкурента в перевозках, так и заодно освободиться от советского политического присутствия на северо-востоке Китая. Таким образом, неслучайно, что, начиная с конца зимы — начала весны 1932 г., вероятно есть основания вести отсчёт переговорного процесса между СССР и Маньчжоу-Го, а точнее, на первых этапах, непосредственно между Советским Союзом и Японией. В рамках переговоров можно выделить как неофициальные этапы, так и официальные. В рамках статьи определённый интерес представляют неофициальные, то есть те периоды, когда обсуждение дальнейшей судьбы КВЖД велось между представителями заинтересованных государств (СССР и Японии) без участия в каких-либо конференциях, заседаниях, путём «зондирования почвы» вне официальных дипломатических каналов, либо с помощью бесед и совещаний, о которых широкая общественность никоим образом не оповещалась (например, с помощью прессы), либо когда статус того или иного участника заранее определялся одной из сторон в качестве частного лица. В 1932 г. со стороны СССР их вёл полпред в Токио А.А. Трояновский.

Представителем с японской стороны выступал например промышленник Фудзивара Гиндзи-ро³, который начиная с 13 мая 1932 г. несколько раз беседовал с А.А. Трояновским, и в числе прочих тем обсуждалась также проблема дальнейшей судьбы КВЖД [2, с. 90]. Советский представитель в Токио не только продолжал свои переговоры, но даже проявил определённую инициативу при общении с Фудзиварой, за что вскоре и «поплатился». 23 июня Л.М. Каганович выразил И.В. Сталину своё недовольство активностью советского дипломата: «Трояновский делает глупости. Несмотря на запрещение, он ведёт разговоры с Фудживарой [Фудзиварой] о выкупе японцами КВЖД и об отказе японцев от японских рыболовных прав и т.д.» и предложил наказать его: «думаем послать ему резкую телеграмму, чтобы он прекратил эти разговоры» [24, с. 189]. И.В. Сталин хотя и вступился (в письме, отправленном 26 июня) в главном вопросе за полпреда «осуждать Трояновского за беседу с японцами незачем, так как мы сами поручили ему ведение зондажа на базе известных уступок» [24, с. 193]. Но всё же «демократизм» генсека оказался непродолжительным: «на счёт компенсации за КВЖД рыбой вы правы — мы такого поручения не давали ему и он разводит отсебятину» [24, с. 193]. Результатом этой непродолжительной дискуссии стало постановление Политбюро от 28 июня 1932 г. В нём А.А. Трояновскому поручалось навести японское правительство на мысль придать встречам с Фудзиварой официальный характер, а кроме того, полпреду весьма недвусмысленно рекомендовалось забыть о своих предложениях о возможности компенсации за КВЖД рыбой [2, с. 89].

При этом, несмотря на указание, данное Трояновскому, переговоры по рыболовным вопросам велись, но уже по официальным дипломатическим каналам с обеих сторон. Как уже отмечалось в историографии, рыболовное соглашение с Японией было пересмотрено в 1932 г. в рамках подписанного дополнительного соглашения к конвенции 1928 г. [23, с. 15]. Также следует признать обоснованной точку зрения о том, что в конце 1920-х — начале 1930-х гг. «рыболовный» вопрос был наиболее острым в двусторонних отношениях Японии и Советского Союза, и что лишь подписание в августе 1932 г. «Соглашения по рыболовным вопросам» действительно способствовало определённой стабилизации в регионе [3, с. 32].

В целом, однако, фиксировалось ухудшение отношений СССР и Японии, что отразилось, например, в докладе Управления пограничной охраны и войск ОГПУ Восточносибирского края за 1933 г. Обострение обстановки на советско-маньчжурской границе проявилось и во вторжении японских рыбопромысловых судов в советские территориальные воды и хищническом истреблении морских богатств, попытках порубки леса на советской стороне гражданами сопредельных государств [20, с. 70]. Для наведения порядка в пограничной полосе применялись различные меры. Усиливалась войсковая служба, за участками, богатыми лесом, устанавливалось усиленное наблюдение сторожевых нарядов. В зону территориальных вод Советского Союза стали чаще высылаться пограничные корабли, которые решительно пресекали незаконный лов рыбы. Рациональным средством борьбы с обстрелами советских пограничных нарядов и территории ДВК было срочное информирование об этих фактах Наркомата по иностранным делам [20, с. 70–71].

В том числе под влиянием фактов, подобных вышеприведённым, советским руководством было принято решение о начале уже официальных переговоров с Маньчжоу-Го (по сути же с Японией) о продаже (переуступке прав) КВЖД. С июня 1933 г. переговоры проходили в Токио. Однако многочисленные процедурные заминки, как и серьёзные разногласия относительно условий продажи дороги, а также не прекращавшиеся провокации и происшествия на железнодорожной магистрали способствовали серьёзному затягиванию, и даже несколько раз прерывали переговорный процесс.

³ Вероятно, имеется в виду президент бумагоделательной компании «Одзи сэйси» концерна Мицуи, член совета головной компании «Нисан», впоследствии министр торговли и промышленности в кабинете адмирала Ионаи (Ёнай) Мицумаса (1940 г.), министр без портфеля в кабинете Годзио Хидэки (1941–1944 гг.), министр вооружений в кабинете Коисо Куниаки (1944–1945 гг.). См.: Савин А. С. Японский милитаризм в период второй мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 218.

Вполне вероятно, что в том числе с целью затянуть и возможно повлиять на переговоры о КВЖД, после длительных проволочек летом 1934 г. в Москве параллельно начались советско-японские переговоры по рыболовному вопросу. Японцы и ранее всячески старались обойти положения рыболовной конвенции 1928 г., устанавливавшей в целях сохранения рыбных богатств определённые ограничения на хищнический лов рыбы. В данном случае японские дипломаты пытались оспаривать решения советских органов о количестве сдаваемых в аренду рыболовных участков и об их ценах. Японская газета «Асахи» в связи с этим в начале 1935 г. указывала, что «...быстрое развитие за последние годы лова в открытом море, вдоль обоих берегов Камчатки, вызовет большие перемены в дальнейшем развитии всего рыболовства в северных водах» [5, Л. 20]. По мнению газеты, «при пересмотре рыболовной конвенции Япония учтёт быстрое развитие лова в открытом море и поставит вопрос о снижении арендной платы за береговые рыболовные участки» [5, Л. 20].

Посетивший заместителя наркома по иностранным делам Б.С. Стомонякова 11 июня 1934 г. японский посол в СССР Ота Тамэкити пытался навязать советской стороне ряд предварительных условий для начала переговоров, но заместитель М.М. Литвинова решительно отклонил эти домогательства. По мнению японской прессы, подобные действия посла были связаны с тем, что после совещания японских дипломатов с министерством земледелия и рыбопромышленниками, в МИДе «начинает господствовать мнение о необходимости продления нынешней рыболовной конвенции при одновременном заключении дополнительного соглашения по вопросам, возникшим в связи с развитием лова в открытом море» [5, Л. 20].

При этом линия поведения советского руководства в отношении японских концессий в рыбном хозяйстве подвергалась критике не только извне, но и «изнутри». Предложения её корректировке были изложены в докладной записке от 1934 г. инструкторов Дальневосточного крайкома ВКП (б) К. Русского и Д. Кесслера секретарю крайкома В.А. Верному [11, с. 363-364]⁴.

23 марта 1935 г. между СССР и Японией наконец было достигнуто соглашение о продаже (переуступке прав) КВЖД. В тот же день наркомом по иностранным делам М.М. Литвиновым было сделано заявление, в котором с удовлетворением отмечалось завершение переговоров, официально длившихся почти два года. Продажа дороги в свою очередь дала возможность Японии поставить перед СССР другие волновавшие её вопросы, касавшиеся природных ресурсов советского Дальнего Востока. На следующий же день после выступления наркома по иностранным делам, на выступление своего шефа откликнулся тогдашний советский полпред в Токио К.К. Юренев. Неоднократно похвалив выступление наркома [1, Л. 36], полпред кроме того высказывал актуальное суждение относительно того, чтобы «...пойти японцам навстречу в вопросе о лесе и нефти» [1, Л. 40].

М.М. Литвинов явно разделял позицию Юренева, о которой тот, судя по тексту сообщения, уже докладывал ему ранее. Поэтому 25 марта 1935 г. нарком обратился к И.В. Сталину, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Л.М. Кагановичу и Г.К. Орджоникидзе с запиской по вопросу о продаже Японии леса. В своём сообщении глава НКВД косвенно затронул и другие вопросы, кроме «лесного» — «рыбный» и «нефтяной», которые, однако, с его точки зрения, пока не представляли какой-либо проблемы: «...О рыбе речь будет идти о некоторых изменениях рыболовной конвенции. Относительно нефти уже имеется решение о продлении срока квот по бурению на существующей концессии до 37 г., а также об отпуске Японии 100 тыс. тонн нефти» [21, Л. 38]. Что же касается «лесного» вопроса, то, как считал руководитель

⁴ Подробный анализ этой записки см.: Филинов А.В. Взгляды представителей партийных и государственных органов на проблемы социально-экономического развития советского Дальнего Востока в период маньчжурской кризиса (сентябрь 1931 — март 1935 гг.) // Степановские чтения. Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы: материалы II Междунар. науч. конф. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2024. С. 510-511.

Наркоминдела, японцы рассчитывали на получение значительных лесных концессий, опираясь на невыполнение Советским Союзом Пекинского соглашения, которое предусматривало для Японии возможность эксплуатировать естественные богатства Дальнего Востока. Литвинов видел решение данной проблемы в действиях на опережение — «...выступить с контрпредложением о заключении соглашения о ходе срочных поставок леса, разработанного нами самими». Тем более, что Япония была остро заинтересована в поставках леса как из-за быстрого истощения этих ресурсов на островах, так и из-за труднодоступности на тот момент данного сырья на территории Маньчжурии [21, Л. 38].

Большинство членов Политбюро согласились с предложением главы НКВД поручить Наркомлесу разобраться в вопросе и предоставить проект предложений на определённое количество леса и определённые сроки его поставок японцам. Однако И.В. Сталин в своей резолюции воспротивился этому. Он полагал, что утечка информации из советских учреждений о разработке «лесной проблемы» даст Японии основание считать, что СССР готов продать империи концессии на Дальнем Востоке, что, в свою очередь, приведёт к «нажиму» японцев. По мнению генсека, не следовало продавать концессии. Более того — необходимо было не только «по-своему толковать» Пекинский договор, но и изменить его условия после продажи КВЖД [21, Л. 38].

Что характерно, после того, как высказался генсек, В.М. Молотов, например, сразу же изменил первоначальную позицию и поддержал его точку зрения [21, Л. 38]. В связи с этим, вполне закономерно, что впоследствии, в переписке высокопоставленных советских дипломатов (К.К. Юренева, Б.С. Стомонякова, Б.И. Козловского) в период как минимум с мая по июль 1935 г. «лесной вопрос», равно как и «нефтяной» более не встречается, «рыбный» упоминается всего один раз в начале лета 1935 г. [1, Л. 46].

ВЫВОДЫ. На протяжении всего рассматриваемого периода вопрос сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока занимал важное место в отношениях СССР и Японии. Регулирование вопросов, связанных с нефтью и углём, в основном осуществлялось с помощью заключения договоров о создании японских концессий по эксплуатации данных видов минеральных ресурсов. Что же касается рыбных и лесных ресурсов, то режим их эксплуатации определялся преимущественно с помощью различных двусторонних торговых соглашений, рыболовных конвенций. Проблема сохранения и использования всех рассмотренных в статье видов природных ресурсов советского Дальнего Востока постоянно находилась в поле зрения высшего руководства СССР и Японии и использовалась обеими сторонами для достижения своих внешнеполитических целей. Это могли быть цели, стоявшие как на направлениях, зачастую связанных как с экономической деятельностью, так и, например, с вопросами военно-политического характера (ликвидация «Чосен банка», продажа КВЖД). Решающую роль в оценке ситуации и принятии решений по вопросам, связанным с сохранением и использованием природных ресурсов советского Дальнего Востока в отношениях СССР и Японии играл И.В. Сталин. Вопросы сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока, в том числе в исследуемый период, также зачастую являлись своеобразным «барометром», позволявшим более-менее точно установить «температуру» отношений Советского Союза и Японии, как накануне, так и особенно в период маньчжурского кризиса с сентября 1931 по март 1935 гг. На показания этого «барометра» влияли как ситуация на японских концессиях, переговоры о заключении торговых и рыболовных договоров, так и случаи хищнической эксплуатации природных ресурсов, браконьерства, а также принимаемые в связи с этим меры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 15. П. 112. Д. 116.
2. ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. / Сост. Адибеков Г.М., Адибекова Ж.Г., Вада Х. и др. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.

3. Галактионов Е.Н. Проблемы советско-японских отношений в 30-е гг. XX в. и их влияние на обеспечение безопасности Советского Дальнего Востока // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015, № 2(43). С. 31–36.
4. Гантимуров И.П. Пограничные органы в охране рыбных ресурсов Дальнего Востока на рубеже XX–XXI вв. // Россия и АТР. 2010, № 4(70). С. 97–107.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 73.
6. Дацышен В.Г. Японский труд в рыбной промышленности на Дальнем Востоке России. // Япония 2013. Ежегодник. М.: «АИРО — XXI», 2013. С. 237–249.
7. Документы внешней политики СССР Р. Т. 8 (1925 г.). М.: Политическая литература, 1963. 865 с.
8. Документы внешней политики СССР Р. Т. 11 (1928 г.). М.: Политическая литература, 1966. 792 с.
9. Документы внешней политики СССР Р. Т. 13. (1930 г.). М.: Политическая литература, 1967. 883 с.
10. Иванов А.А. Иностранное «хищничество» и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) // Научный диалог. 2019, № 2. С. 219–236.
11. Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920–1930 гг.): Документы и материалы. Т. 1 / Росархив, ГА РФ, РГАЭ; под ред. М.М. Загорюлько, А.Х. Абашидзе; отв. сост. А.П. Вихрян. М.: Современная экономика и право, 2003. 391 с.
12. Курмазов А.А. В каком направлении развиваются российско-японские рыболовные отношения? // Труды ВНИРО. 2010. Т. 149. С. 408–428.
13. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во ИМО, 1962. 560 с.
14. Левина А.Ю. История становления и развития японской нефтяной концессии на Северном Сахалине (1925–1944 гг.) // История и культура традиционной Японии 8. СПб: Гиперион, 2015. С. 403–409.
15. Литвинов М.М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927–1937 гг. М.: Соцэкгиз, 1937. 432 с.
16. Маклюков А.В. Изучение водно-энергетических ресурсов России в годы индустриализации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017, № 2(40). С. 52–59.
17. Маковский А.В. Проблемы организации советского контроля японских рыболовных промыслов (конец 20-х — 30-е гг. XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 116–120.
18. Марьясова Н.В. Основные направления, принципы и методы концессионной работы в условиях Дальнего Востока России в 20–30-е годы // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: материалы международной научной конференции. Владивосток, 1997. С. 152–159.
19. Петров А.М. Внешнеторговые связи СССР со странами Азии (1918–1940 гг.) // Народы Азии и Африки. 1977, № 5. С. 30–45.
20. Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток: Дальневост. изд-во, 1990. 607 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1383.
22. Савин А.С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны. М.: Наука, 1979. 239 с.
23. СССР — Япония: проблемы торгово-экономических отношений. / Отв. ред. Ю.С. Столяров, Я.А. Певзнер. М.: Международные отношения, 1984. 240 с.
24. Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. / Сост.: Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У., Кошелева Л.П. и др. М.: РОССПЭН, 2001. 797 с.
25. Судзуки А. Японо-российские и японо-советские отношения в области рыболовства в период до Второй мировой войны // Материалы международной научной конференции. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1997. С. 159–165.
26. Филинов А.В. Взгляды представителей партийных и государственных органов на проблемы социально-экономического развития советского Дальнего Востока в период маньчжурской кри-

зиса (сентябрь 1931 — март 1935 гг.) // Степановские чтения. Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы: материалы II Междунар. науч. конф. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2024. С. 507–512.

REFERENCES:

1. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* (AVP RF). [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation] F. 05. Op. 15. P. 112. D. 116. (In Russian).
2. *VKP (b), Komintern i Japonija. 1917–1941 gg.* [The All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and Japan 1917–1941] / Sost. Adibekov G.M., Adibekova Zh.G., Vada H. i dr. M.: ROSSPJeN, 2001. 808 s. (In Russian).
3. Galaktionov E.N. *Problemy sovetsko-japonskih otnoshenij v 30-e gg. XX v. i ih vlijanie na obespechenie bezopasnosti Sovetskogo Dal'nego Vostoka* [Problems of Soviet-Japanese relations in the 1930s and their impact on ensuring security in the Soviet Far East] // *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 2015, № 2(43). S. 31–36. (In Russian).
4. Gantimurov I.P. *Pogranichnye organy v ohrane rybnih resursov Dal'nego Vostoka na rubezhe XX–XXI vv.* [Border authorities in the protection of fish resources of the Far East at the turn of the 20th–21st centuries] // *Rossija i ATR*. 2010, № 4(70). S. 97–107. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (GA RF). [State Archives of the Russian Federation] F. R4459. Op. 28. D. 73. (In Russian).
6. Dacyshe V.G. *Japonskij trud v rybnoj promyshlennosti na Dal'nem Vostoke Rossii*. [Japanese Labor in the Fishing Industry in the Russian Far East]. // *Japonija* 2013. Ezhegodnik. M.: «AIRO — HHI», 2013. S. 237–249. (In Russian).
7. *Dokumenty vneshnej politiki SSS R. T. 8 (1925 g.)*. [Documents of the USSR Foreign Policy. Volume 8. 1925]. M.: Politicheskaja literatura, 1963. 865 s. (In Russian).
8. *Dokumenty vneshnej politiki SSS R. T. 11 (1928 g.)*. [Documents of the USSR Foreign Policy. Volume 11. 1928]. M.: Politicheskaja literatura, 1966. 792 s. (In Russian).
9. *Dokumenty vneshnej politiki SSS R. T. 13. (1930 g.)*. [Documents of the USSR Foreign Policy. Volume 13. 1930]. M.: Politicheskaja literatura, 1967. 883 s. (In Russian).
10. Ivanov A.A. *Inostrannoe «hishhnichestvo» i ohrana promyslovih resursov na Dal'nem Vostoke Rossii (konec XIX — nachalo XX vv.)*. [Foreign "predation" and protection of commercial resources in the Russian Far East (late 19th — early 20th centuries)]. // *Nauchnyj dialog*. 2019, № 2. S. 219–236. (In Russian).
11. *Inostrannye koncessii v rybnom hozjajstve Rossii i SSSR (1920–1930 gg.): Dokumenty i materialy. T. 1* / Rosarhiv, GA RF, RGAJe; pod red. M.M. Zagorul'ko, A.H. Abashidze; otv. sost. A.P. Vihran. [Foreign concessions in the fisheries of Russia and the USSR (1920–1930): Documents and materials. Volume 1]. M.: Sovremennaja jekonomika i pravo, 2003. 391 s. (In Russian).
12. Kurmazov A.A. *V kakom napravlenii razvivajutsja rossijsko-japonskie rybolovnye otnoshenija?* [In what direction are Russian-Japanese fishing relations developing?]. // *Trudy VNIRO*. 2010. T. 149. S. 408–428. (In Russian).
13. Kutakov L.N. *Istorija sovetsko-japonskih diplomaticheskij otnoshenij*. [History of Soviet-Japanese diplomatic relations]. M.: Izd-vo IMO, 1962. 560 s. (In Russian).
14. Levina A. Ju. *Istorija stanovlenija i razvitija japonskoj neftjanoj koncessii na Severnom Sahaline (1925–1944 gg.)* [History of the formation and development of the Japanese oil concession in Northern Sakhalin (1925–1944)]. // *Istorija i kul'tura tradicionnoj Japonii* 8. SPb: Giperion, 2015. S. 403–409. (In Russian).
15. Litvinov M.M. *Vneshnjaja politika SSSR. Rechi i zajavlenija. 1927–1937 gg.* [Foreign Policy of the USSR. Speeches and Statements. 1927–1937]. M.: Socjkgiz, 1937. 432 s. (In Russian).
16. Makljukov A.V. *Izuchenie vodno-jenergeticheskij resursov Rossii v gody industrializacii* [Study of water and energy resources of Russia during the years of industrialization]. // *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2017, № 2(40). S. 52–59. (In Russian).
17. Makovskij A.V. *Problemy organizacii sovetskogo kontrolja japonskih rybolovnyh promyslov (konec 20-h — 30-e gg. XX veka)* [Problems of organizing Soviet control over Japanese fishing industries (late 20-h — 30-e gg. XX veka)]

- 20s — 30s of the 20th century)). // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015. № 2 (52): v 2-h ch. Ch. I. С. 116–120. (In Russian).
18. Mar'jasova N.V. *Osnovnye napravlenija, principy i metody koncessionnoj raboty v uslovijah Dal'nego Vostoka Rossii v 20–30-e gody* [Main directions, principles and methods of concession work in the conditions of the Russian Far East in the 20–30s]. // *Dal'nij Vostok Rossii v kontekste mirovoj istorii: ot proshlogo k budushhemu: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Vladivostok, 1997. S. 152–159. (In Russian).
19. Petrov A.M. *Vneshnetorgovye svjazi SSSR so stranami Azii (1918–1940 gg.)* [Foreign trade relations of the USSR with Asian countries (1918–1940)]. // *Narody Azii i Afriki*. 1977, № 5. S. 30–45. (In Russian).
20. Petrov I.I., Katuncev V.I. *Na tihookeanskih rubezhah*. [On the Pacific Frontiers]. Vladivostok: Dal'nevost. izd-vo, 1990. 607 s. (In Russian).
21. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)*. [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 82. Op. 2. D. 1383. (In Russian).
22. Savin A.S. *Japonskij militarizm v period Vtoroj mirovoj vojny*. [Japanese Militarism During World War II]. M.: Nauka, 1979. 239 s. (In Russian).
23. *SSSR — Japonija: problemy trgovoj-jekonomicheskikh otnoshenij*. [USSR — Japan: problems of trade and economic relations]. / Otv. red. Ju.S. Stoljarov, Ja.A. Pevzner. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1984. 240 s. (In Russian).
24. *Stalin i Kaganovich: Perepiska. 1931–1936 gg.* [Stalin and Kaganovich: Correspondence. 1931–1936]. / Sost.: Hlevnjuk O.V., Djevis R.U., Kosheleva L.P. i dr. M.: ROSSPJeN, 2001. 797 s. (In Russian).
25. Sudzuki A. *Japono-rossijskie i japono-sovetskie otnoshenija v oblasti rybolovstva v period do Vtoroj mirovoj vojny* [Japanese-Russian and Japanese-Soviet Fisheries Relations before World War II]. // *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Vladivostok: Izd-vo DVO RAN, 1997. S. 159–165. (In Russian).
26. Filinov A.V. *Vzglyady predstavitelej partijnyh i gosudarstvennyh organov na problemy social'no-jekonomicheskogo razvitiya sovetskogo Dal'nego Vostoka v period man'chzhurskogo krizisa (sentjabr' 1931 — mart 1935 gg.)* [Views of representatives of party and government bodies on the problems of socio-economic development of the Soviet Far East during the Manchurian crisis (September 1931 — March 1935)] // *Stepanovskie chtenija. Antropologicheskij orientirovannaja istorija: novye i tradicionnye podhody: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* Krasnojarsk: Sib. feder. un-t, 2024. S. 507–512. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.020

УДК 502.313(571.6)(091)

ББК 26.888.9г(211,99)6

А.С. НЕКРИЧ

**ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ
ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
В ТУНДРОВОЙ ЗОНЕ ПЕЧЕРСКОЙ
НИЗМЕННОСТИ И ПОЛУОСТРОВА МЕЛВИЛЛ**

A.S. NEKRICH

**FEATURES OF TRADITIONAL NATURE
MANAGEMENT TRANSFORMATION IN TUNDRA
ZONE OF PECHORA PLAIN
AND MELVILLE PENINSULA**

*Исследование выполнено в рамках темы государственного задания Института географии
РАН FMWS-2024-0007 (1021051703468-8).*

В условиях современной неустойчивости климатических систем коренное население Арктики вынуждено адаптировать свой образ жизни к меняющейся среде. Обостряются экологические, хозяйственные и социальные проблемы, порождающие угрозы осуществления охотничьего промысла, оленеводства, рыболовства и сохранения самобытной традиционной хозяйственной культуры коренных народов Севера. **Цель:** на примере тундровой зоны Печерской низменности и полуострова Мелвилл определить ключевые изменения, приводящие к нарушению механизмов традиционного природопользования и уязвимости тундровых экосистем. **Материалы и методы:** анализ литературных, статистических и картографических источников, данных гидрометеорологических наблюдений и полевых отчетов о трансформации природной среды. **Результаты и научная новизна:** получена современная картина хода адаптации традиционного природопользования к меняющемуся климату. Установлены ключевые природно-климатические факторы, представляющие угрозу для существования традиционного природопользования в тундре. Выявлено, что (1) традиционный опыт и знания о пространственных закономерностях распределения ресурсов претерпевают трансформацию в условиях меняющейся природной среды. Снижается доступность ресурсов для охоты и рыболовства, уменьшаются ареалы произрастания лекарственных растений. На смену традиционным приходят современные средства для передвижения и охоты. (2) Традиционное природопользование остается ресурсно-ценностным, с выраженным компонентом хозяйственной культуры, несмотря на трансформацию его способов, а также их динамичность и появление новых элементов. (3) Полученные результаты могут стать основой для разработки механизмов поддержания традиционного уклада жизни коренных народов Севера как компонента глобальной экосистемы и регулятора ее функций.

Due to unsustainability of climate systems, indigenous peoples of the Arctic are forced to adapt their traditional way of life to a changing environment. Environmental, economic and social problems are increasing, giving rise to threats to the traditional hunting, reindeer breeding, fishing, and conservation of the original culture of the indigenous peoples living in the North. **The purpose** of the work is to determine key changes leading to transformation of traditional environmental management mechanisms and vulnerability of tundra ecosystems on the case study of Pechora plain and Melville Peninsula. **Materials and methods:** analysis of literature, statistical, and cartographic materials, and field reports on the transformation of the natural environment are applied. **Results**

and scientific novelty: a modern picture of the adaptation of traditional nature management to a changing climate has been shown. Key natural and climatic factors leading to a threat of traditional nature management in tundra have been identified. It has been revealed that (1) traditional experience and knowledge on spatial patterns of the natural resource allocation are under transformation owing to a changing environment. The availability of resources for hunting and fishing is reduced, the areas of medicinal plants growth are reduced too. Modern means of movement and hunting are replacing by traditional ones. (2) Traditional nature management is still resource-value and includes an economic cultural component, despite the transformation of its methods, as well as their dynamism and new elements appearance. (3) The obtained results could be the basis for the development of mechanisms supporting the traditional way of life of the North peoples as a component of the global ecosystem and regulator of its functions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Арктическая тундра; изменение климата; традиционное природопользование.

KEY WORDS: Arctic tundra; climate changes; traditional nature management.

ВВЕДЕНИЕ. Тундровые ландшафты Печерской низменности и полуострова Мелвилл являются резервом арктической части биосферы, создающей условия для существования культуры природопользования, проживающих здесь коренных народов (в Печерской низменности численность ненцев достигает 8200 чел., численность инуитов на полуострове Мелвилл — 2279 чел.) [5; 14]. Исследуемые территории располагаются в квазиоднородных климатических регионах арктической тундры, в зоне многолетней мерзлоты [1; 4]. Средняя температура июля составляет +12 °С, средняя температура января -16 °С, зимний период длится 220–240 дней [5]. Печерская низменность занимает территорию Ненецкого автономного округа (НАО), бассейн реки Печора, Большеземельскую, Малоземельскую и Тиманскую тундры. Низменность омывается водами Печорского моря с Печорской и Хайпудырской губами с выходом в юго-восточную часть Баренцева моря. Полуостров Мелвилл располагается между заливами Фокс и Коммитти и входит в состав этнической канадской территории Нунавут. Исконно проживающие коренные народы Печерской низменности и полуострова Мелвилл занимаются преимущественно оленеводством, охотничьим промыслом и рыболовством, собирают пух гаги, яйца птиц, ягоды и дикоросы [3; 5; 13]. Отличительными особенностями хозяйственной культуры этих коренных малочисленных народов Севера по жизнеобеспечивающим характеристикам являются: высокая приспособленность к жизни в суровых природно-климатических условиях Арктики, умение хорошо ориентироваться на море и открытой местности, сочетать морской зверобойный промысел, рыболовство и сухопутную охоту в соответствии с сезонными изменениями обилия видов [6–8]. Схожесть природных условий исследуемых территорий способствовала возникновению аналогичных культур морского и рыбного промысла, охоты, животноводства и собирательства. Так, инуиты охотятся на моржа (*Odobenus rosmarus*), кольчатую нерпу (*Pusa hispida*), гренландского кита (*Balaena mysticetus*), нарвала (*Monodon monoceros*), белуху (*Delphinapterus leucas*), белого медведя (*Ursus maritimus*), росомуху (*Gulo gulo*), карибу (*Rangifer tarandus*) и полярную лисицу (*Vulpes lagopus*); вылавливают треску (*Gadus morhua*), щуку (*Esox*) и арктического гольца (*Salvelinus alpinus*) [13]. Ненцы — на северного оленя (*Rangifer*), полярную лисицу (*Vulpes lagopus*), зайца беляка (*Lepus timidus*), горностая (*Mustela erminea*), белого медведя (*Ursus maritimus*), белуху (*Delphinapterus leucas*) и моржа (*Odobenus rosmarus*). Собирают морошку приземистую (*Rubus chamaemorus*), родиолу розовую (*Rhodiola rosea*), бруснику (*Vaccinium vitis-idaea*) и голубику (*Vaccinium uliginosum*); ловят треску (*Gadus morhua*), арктического гольца (*Salvelinus alpinus*), морскую камбалу (*Pleuronectes platessa*), горбушу (*Oncorhynchus gorbuscha*), сельди (*Clupea*) и омуля (*Coregonus autumnalis*) [3]. Способы охоты и перемещения к местам обитания биологических ресурсов на протяжении столетий были схожи и аналогично преобразовывалась в меняющихся климатических условиях [3; 5–8; 13].

Тундровые ландшафты и акватории изучаемых регионов крайне чувствительны к изменениям климатических величин, являющихся триггером для уменьшения объемов биологических ресурсов доступных для рыболовства, морского и зверобойного промысла, осуществляемого местными жителями. В связи с фиксируемыми современными изменениями климатических величин и ростом числа опасных гидрометеорологических явлений [1; 4; 8–11] **актуальным** становится выявление связей между характером природопользования и меняющейся климатической обстановкой, а также изучение воздействия нарушений природной среды на уклад жизни коренных малочисленных народов Севера. **Научная новизна исследования** состоит в том, что получена современная картина хода адаптации традиционного природопользования к меняющемуся климату для обособленных друг от друга регионов, в которых коренное население применяет идентичные стратегии управления ресурсами, необходимые для выживания в условиях арктической тундры. Установлены ключевые природно-климатические факторы, представляющие угрозу для существования традиционного природопользования. **ЦЕЛЬ** работы — на примере тундровой зоны Печерской низменности и полуострова Мелвилл определить ключевые изменения, приводящие к нарушению механизмов традиционного природопользования и уязвимости тундровых экосистем.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие задачи:

1. Изучить и структурировать данные о нарушениях компонентов тундровых ландшафтов Печерской низменности и полуострова Мелвилл, вызванные изменением климата.
2. Выявить ведущие природно-климатические факторы, определяющие механизмы территориальной специфики природопользования ненцев и инуитов на тундровом пространстве данных регионов.
3. Охарактеризовать ограничения и преобразования ресурсопользования, возникающие в результате нарушений природной среды.
4. Установить зависимости между изменением природной среды и хозяйственной культурой, находящимися в непрерывном взаимодействии на исследуемых территориях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Для достижения поставленной цели и решения задач привлекались обширные научные, картографические и ежегодно публикуемые официальные статистические материалы, хроники арктических экспедиций, докладные записки, отчеты и доклады профильных ведомств и министерств [1; 4; 7; 10; 11; 15]. Учитывалась информация по мониторингу социокультурного пространства [3; 5–8; 12]. Исходными данными для фиксации сдвигов традиционного природопользования под воздействием меняющихся климатических величин послужили фактически пополняемые базы приземных гидрометеорологических данных для полярных районов мира, начиная с 1970-х гг. и бюллетени оперативного мониторинга климата [1; 10; 11; 15]. Анализировались отчеты и сведения из научных статей, характеризующих особенности традиционного природопользования на изучаемых территориях [2; 3; 5–8; 12; 13].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Длительное время основным способом выживания коренных малочисленных народов Севера являлось именно традиционное природопользование, которое, как правило, отличалось комплексностью и щадящим режимом к извлечению ресурсов [2; 3; 5–8; 13]. Способы осуществления природопользования вырабатывались в соответствии с семейно-родовыми традициями и изменялись в процессе адаптации образа жизни населения к нарушениям природной среды [6–8].

Опыт взаимодействия этносов с природой исследуемых регионов представлен в многочисленных трудах ученых из Института этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Института географии РАН, Московского государственного университета им. Ломоносова, Университета Макгилла и Гуэлфского университета в Канаде. Традиционное природопользование народов Арктики рассматривается как способ недопущения деградации компонентов ландшафта, способный обеспечить долговременное существование населения и биоты в системе взаимодействия «природа — население — хозяйство» [6–8]. Особенности

традиционного природопользования коренных народов определяются наличием архаичных форм хозяйствования с элементами социальной дифференциации, сохранением обычаев и традиций первобытнообщинного строя, а также связаны с историческими процессами [6; 7]. Современное название Ненецкий автономный округ получил в 1977 г. (с 1929 по 1930 гг. — Ненецкий округ, с 1930 по 1977 гг. Ненецкий национальный округ). Печорская низменность — исконная земля проживания ненцев, первые поселения которых возникли в конце I-го тыс. н.э. [5]. В период коллективизации, проводившейся в СССР с 1928 по 1937 гг., традиционные формы хозяйства на территории округа — охота, звероводство, рыболовство и оленеводство, были признаны нерентабельными. Зачастую они осуществлялись с помощью лука и стрел, а для обработки шкур животных использовали каменные скребки [7]. Коренные народы должны были быть вовлечены в промышленное и сельскохозяйственное производство и переведены на оседлый образ жизни. Происходила перестройка промыслового хозяйства и сокращение численности ненцев в силу ограничения передвижений к охотничьим угодьям, скученности проживания, эпидемий, частичной утраты промысловой и родовой культуры, а также ухудшения быта [7]. В 1943 гг. в НАО произошло восстание ненцев против реформ, проводимых СССР. В знак протеста ненцы стали выходить из оленеводческих и рыболовецких совхозов. Восстание было разгромлено. Часть ненцев сдалась в плен, а часть переместилась вглубь тундры на родовые пастбища и смогла сохранить свою хозяйственную культуру. Как отмечает О.Б. Долгих, «место малых народов Севера именно в рациональном хозяйственном использовании для охоты, оленеводства и рыболовства неосвоенных промышленностью, транспортом и подсобными при промышленных центрах предприятиями пространств Севера» [7, с. 165], где коренное население может «...наилучшим образом проявить свои трудовые навыки и обеспечить себя и свои семьи высоким доходом» [7, с. 168].

В границах полуострова Мелвилл в составе современной этнической территории Нунавут первые поселения инуитов возникли на рубеже I-II тыс. н.э. [6]. Образ жизни и хозяйственная культура этих народов были практически неизменны до XVI в.: длительные охотничьи поездки во внутренние районы тундры (коллективная загонная охота на карибу с применением ловчих ям) и охота на морских млекопитающих на открытой воде полностью обеспечивали потребности в пище, одежде, отоплении и покрывании чумов шкурами животных [6]. С появлением европейцев и заимствованием у них орудий охотничьего промысла, охота на карибу стала индивидуальной. Увеличивалась продолжительность сезона охоты, включая позднюю зиму и раннюю весну. Утрачивались навыки массовой загонной системы охоты, умение поймать оленя арканом, практика охоты с помощью лука и стрел, а также задействование охотничьих собак. Замена гарпунов на ружье отрицательно сказалась на численности морских животных, поскольку истреблялось больше, чем это было необходимо [8]. При этом подстреленные животные могли утонуть прежде, чем охотник успевал подплыть к ним на каяке [6]. Пищевая база стала менее разнообразной, так как охота осуществлялась при случайной встрече с животными и в основном на территориях, расположенных недалеко от поселений [8]. Коренное население полуострова Мелвилл принуждали к торговле пушниной и земледелию, что вызвало изменение уклада жизни и хозяйственной культуры [6]. После 1940-х гг. традиционные жилища иглу стали сооружаться только как временное укрытие для некоторых групп инуитов, которые на длительное время уходили в отдаленные районы для охоты. Добыча зверей осуществлялась луком и стрелами, сохранялись знания о повадках животных, путях их миграции и рельефе местности [6]. В 1970-х гг. произошел новый этап экономического развития севера Канады связанный с разработкой месторождений, которая осуществлялась, в том числе, и на территориях проживания коренного населения [6]. В 1975 г. были заключены соглашения об отказе прав инуитов на землю взамен денежных компенсаций. Коренное население не было полностью интегрировано в экономику Канады и проживало обособленно. Большинство коренных жителей высказывалось за создание отдельного региона Канады и в 1999 г., после утверждения Парламентом Канады Соглашения о разделе земли в Нунавуте и Акта о Нунавуте

(1993 г.), была образована этническая территория, на которой инуиты продолжают осваивать природную среду традиционными способами. Правительство Нунавут имеет расширенные права в решении вопросов связанных с защитой окружающей среды и дикой природы. Тем не менее, Нунавут является не провинцией, а территорией Канады, которая создана на основе федерального закона и встроена в политическую систему страны, поэтому Правительство Канады имеет право контролировать процесс распоряжения земельными участками территории. Так, земли Нунавут отчуждаются для реализации горнодобывающей деятельности и сопутствующих инфраструктурных проектов [12]. В Нунавут и НАО земли подвержены техногенным нарушениям, которые связаны с разработкой месторождений нефти и газа. Распространены территории, деградировавшие вследствие выбросов металлургических комбинатов, предприятий энергетики и разливов нефти [4; 12].

Установлено, что в контексте меняющегося климата преобразовываются стратегии выживания коренных народов, населяющих тундровую зону Печерской низменности и полуострова Мелвилл (рис. 1).

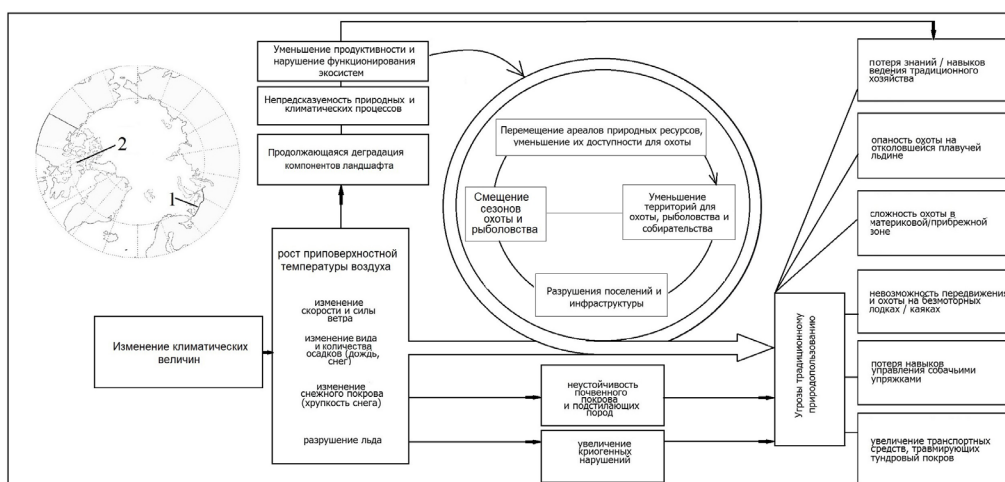
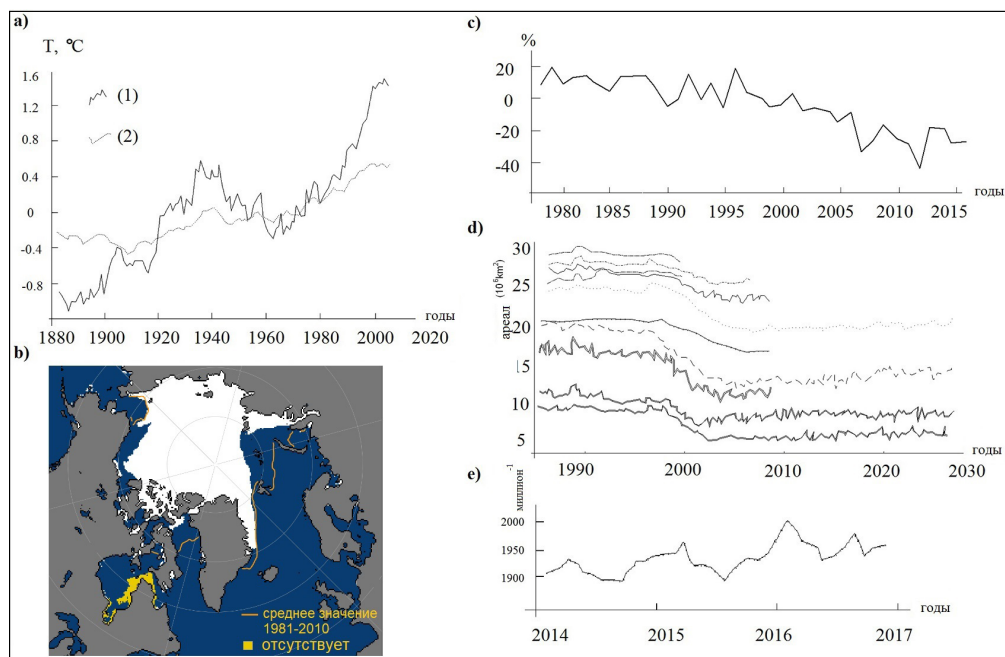


Рис. 1. **Схема трансформации традиционного природопользования, осуществляемого коренными народами тундровой зоны Печерской низменности (1) и полуострова Мелвилл (2) в условиях меняющейся природной среды**

Изменение климатических величин и, как следствие, перестройка функциональных связей между компонентами тундровых ландшафтов обусловили изменение характера исторически сложившегося традиционного природопользования и хозяйственной культуры. В дополнение к этим процессам, следует отметить: трансформацию системы расселения населения, процессы трудовой миграции жителей в города и расширение отраслей топливно-добывающего сектора экономики [4].

В статье рассматривается период, начиная с 1970-х гг., что связано с наличием систематических гидрометеорологических наблюдений в изучаемых регионах. Изменение климата в сторону потепления в Печерской низменности происходит значительно быстрее, чем для России в целом (с 1976 по 2015 гг. на 0,85 °C за 10 лет и на 0,45 °C за 10 лет соответственно) (рис. 2) [1; 9–11].

Отмечается потепление среднегодовой приповерхностной температуры воздуха (ПТВ) (до 0,68 °C за 10 лет) при повышении среднесезонной температуры (на 1,0 °C за 10 лет) (см. рис. 2). Значение пространственно осредненной аномалии среднегодовой температуры воздуха составляет 2,90 °C (на 2015 г. при отклонении от нормы 1961–1990 гг.). Тренд потепления за последние 80 лет имеет линейный характер (коэффициент 0,09–0,12 °C за 10 лет)



Примечание: а — (1) среднегодовая приповерхностная температура воздуха в Арктике (до 60°N), (2) глобальная осредненная температура [10]; б — распространение арктических морских льдов (2024) [11]; с — годовая динамика изменения площади льдов в Арктике [11]; д — динамика площади вечной мерзлоты в верхних 3 м почвы в северном полушарии по данным климатических моделей проекта CMIP5 [9]; е — временной ход концентрации CH_4 на территории НАО [1, 15]

Рис. 2. Динамика климатических величин в тундровой зоне Печерской низменности, полуострова Мелвилл и в прилегающих акваториях

[9; 10]. Изменения ПТВ связаны с распространением и концентрацией морских льдов [10]. К 2023 г. площадь морского льда Баренцевом море уменьшилась в 2,2 раза по сравнению со значениями 1980-х гг. и составила 4,68 млн км², при этом темпы сокращения площади льда увеличились в 4 раза, а сплоченность снизилась до 60–70% [1]. В акватории залива Фокс площадь морского льда сократилась примерно на 13% за десятилетие, при этом его толщина изменялась с 3,0 м до 1,8–2,4 м (начиная с 1970-х гг.), а продолжительность периода существования уменьшилась на 1,5 месяца. Как следствие, произошло смещение ареалов местообитаний колоний промысловых млекопитающих [8; 13]. За последние 15 лет расстояние, которое необходимо преодолеть охотникам и рыбакам полуострова Мелвилл для достижения лежищ промысловых морских животных, увеличилось в 1,2–1,5 раза. Прибытие к местообитаниям промысловых млекопитающих стало невозможным без моторных лодок. Появились дополнительные финансовые затраты на топливо, увеличилось время передвижения к местам скопления животных по акватории свободной ото льда [8].

С ростом свободной ото льда площади и повышении среднегодовой температуры произошло расширение площади «зоны дрейфующих льдов». Дрейфующий лед в акватории Баренцева моря продвигается до 75°с.ш., а в акватории залива Фокс достигает 70°с.ш. [11]. Коренные народы исследуемых территорий отмечают, что плавающий лед мешает свободному перемещению в акватории, представляет опасность для рыбацких лодок, ограничивает процесс охоты во времени. Вблизи полуострова Мелвилл вскрытие акватории ото льда стало происходить раньше на 1 мес. от начала июня, а замерзание акватории запаздывать на 1–1,5 мес. от позднего октября [8]. По мере смещения сроков вскрытия водоемов ото

льда увеличивается дальность пути, который необходимо пройти охотникам на лодках, чтобы достичь лежища морских млекопитающих. Становится опасным создание охотничьих лагерей на дрейфующих льдинах [8].

Начиная с 2000-х гг. в Печерской низменности происходит раннее освобождение рек и водоемов ото льда с одновременно более поздними сроками его установления. На реке Печора ледообразование начинается до 7–12 дней позже нормы [1]. Весеннее половодье наступает в первой декаде мая, раньше нормы на 3–9 дней [1]. Аналогичная тенденция отмечается на реках полуострова Мелвилл [8]. Смещаются даты начала и окончания сезона рыболовства, затрудняется ловля сетями, которые устанавливаются подо льдом рек, происходит нарастание ресурсного дефицита и появляется угроза рыбному промыслу.

На территории Печерской низменности и прилегающих акваториях за период 1970–2012 гг. скорость ветра увеличилась на 1,31 м/с и достигает 15 м/с в течение 10 дней за год [1]. Преимущественно отмечаются северные (N), северо-восточные (NE), северо-западные (NW) ветры. Их суммарная повторяемость непостоянна и с 2000-х гг. составляет 35–40% [1]. На полуострове Мелвилл возросла частота смены направления ветров на южные (S). Усиление ветров в заливе Фокс и в Баренцевом море провоцирует риск выноса морских льдов в открытые части акватории. Местные рыболовы-охотники вынуждены приспосабливаться к меняющемуся ветровому режиму и дрейфующему льду: использовать преимущественно моторные лодки; тщательно планировать время, затрачиваемое на охоту; сверять маршрут с ледовой обстановкой и ветровым режимом; использовать современные средства связи и навигации; уметь обходить на лодках скопления льдин; использовать современную теплосберегающую и непромокаемую одежду в контраст традиционному одеянию, что приводит к постепенной утрате навыков по ее пошиву [6; 8]. Кроме того, ненцы и инуиты перед выездом на охоту просматривают прогнозы погоды и информацию о неблагоприятных природных явлениях, которые стало сложно предсказывать по приметам в условиях меняющегося климата [8]. Народные приметы о погоде теряют свою актуальность, нарушается процесс передачи подрастающему поколению сведений о признаках, указывающих на предстоящие изменения погоды [8].

Данные за период 1984–2015 гг. в Печерской низменности свидетельствуют об уменьшении толщины снежного покрова в среднем на 0,3 см/год. При этом продолжительность его залегания уменьшилась с 230–290 суток до 210–270 суток [1]. Сроки появления первого снега за период 2001–2015 гг. стали запаздывать до 10-ти дней по сравнению с датами климатической нормы 1970–2000 гг. Варьирование толщины снежного покрова в сочетании с изменчивостью глубины промерзания сезонно-мерзлого грунта и динамикой его термического режима способствует хрупкости структуры снега, затрудняющего перемещение с использованием собачьих и оленьих упряжек. Данные факторы влияют на выбор транспортных средств для передвижения по термически неустойчивой поверхности. В поселках Печерской низменности и полуострова Мелвилл вместо собачьих упряжек и саней население использует снегоходы. Согласно результатам опросов, у подрастающего поколения постепенно утрачиваются навыки перемещения с использованием собачьих и оленьих упряжек [3]. В поселках, где проживают инуиты, картина схожая [8].

За период 1973–2015 гг. в Печерской низменности наблюдалась выраженная тенденция роста суммарной продолжительности оттепелей и количества жидких осадков (с 12 до 22 суток и с 60 до 120 мм соответственно) [1]. По-видимому, этот фактор в сочетании с уменьшением кислотности почв, является причиной того, что сужаются ареалы произрастания брусники, голубики и морошки — источников витаминов для местных жителей [12]. Отмечается снижение доли ягод этих растений в рационе питания [5]. Происходит уменьшение ареалов кустарников, которые используются как топливо для приготовления пищи и отопления жилищ, а также лекарственных растений и лишайников, применяемых в народной медицине. Наблюдается отрицательная динамика продуктивности Большеземельской тун-

дры за 2007–2019 гг. (со 175 до 150 г/С/м² в год) [4]. Сокращение площади лишайниковых листовичников и смена их осоково-вейниковыми ассоциациями привели к сокращению площади зимних пастбищ оленей и поголовья диких оленей [4].

В пределах Печорской низменности распространена дефляция, скорость выдувания составляет до 3 см в год [1]. Повышение уровня многолетней мерзлоты при отсутствии сплошного растительного покрова, а также усиление скорости ветра и смена ветрового режима привели к усилению эолового переноса, аккумуляции песка во внутренних районах и корразии с обнажением коренных пород. Общая площадь дефлированных участков в НАО достигает 58 тыс. га [4]. Песчаные заносы затрудняют передвижение населения и охоту. В результате действия перемещающегося песка происходит смещение границ населенных пунктов в южную часть тундры. Жители вынуждены возводить заслоны от песчаных заносов, строить из дерева площадки для хранения транспортных средств и настилы для передвижения.

На исследуемых территориях зафиксированы термические сдвиги и снижение устойчивости многолетнемерзлых грунтов (ММГ) [1; 14]. Уменьшение толщины снежного покрова (в среднем на 2,23 см за 1967–2015 гг. для Баренцева региона и на 0,3 см в год за период 1984–2015 гг. для северо-востока Канады) в сочетании с изменением толщины промерзания сезонно-талого слоя (СТС) и ММГ приводит к дестабилизации грунтов, размыву и оттаиванию почвенного покрова, развитию процессов криотурбации, солифлюкции и ускорению эрозии [1; 4; 13]. С 2013 по 2023 гг. в районе Печерской низменности мощность СТС увеличилась на 6–10 см, а на полуострове Мелвилл — на 9 см [11]. Для перемещения по динамически неустойчивой поверхности местные жители стали использовать квадроциклы и гусеничные вездеходы, травмирующие почвенно-растительный покров, несмотря на предписания властей о разрешении передвижения по тундре только на транспортных средствах на воздушной подушке. Следует отметить, что к активизации эрозии и деградации растительного покрова приводит перевыпас оленей [4]. В условиях тундры необходимо сохранять пастбища: не допускать превышения оленеемкости и сокращения маршрутов кочевания оленей, создавать проходные пути для перегона животных, регулировать размеры оленьего стада в зависимости от пастбищного сезона и исключать из использования участки с угнетенным растительным покровом [4].

Рост толщины СТС приводит к усилению термокарста, что снижает устойчивость жилых и хозяйственных сооружений на ММГ [4]. Местное население вынуждено дополнительно укреплять свои дома, помосты для хранения саней и хозяйственные сооружения вследствие их малой устойчивости в условиях проседания почв и деформации подстилающих пород, а также просадок земной поверхности. На полуострове Мелвилл население сооружает из легких материалов дома, которые можно разбирать и переносить в случае ухудшения устойчивости поверхности. Для того чтобы безопасно перемещаться по переувлажненной территории жители исследуемых регионов сооружают деревянные дорожки-настилы между домами в периметре поселений. Конструктивно, такие дорожки способствуют предотвращению вытаптывания растительного покрова и уплотнения верхнего слоя почвы.

При таянии многолетней мерзлоты в почву и растения могут попадать споры ранее замороженных инфекционных болезней смертельно опасных для человека и животных. На глобальном уровне СТС сдерживает выход метана на поверхность. По данным метеостанции Териберка уровень концентрации метана увеличился на 53 млрд¹ с 2005 по 2015 гг. и к 2023 г. достиг 2023,1 млрд¹. На станции Новый Порт с 2017 по 2023 гг. зафиксировано увеличение концентрации CH₄ на 100 млрд¹ (2175 млрд¹ в 2023 г.), а на станции вблизи залива Фокс концентрация CH₄ изменилась от 1800 до 2000 млрд¹ [1; 15]. Неконтролируемый выход метана создает угрозу для формирования тундровых экосистем как ниши существования коренного населения.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ: Изменение климата и увеличение числа опасных гидрометеорологических явлений следует рассматривать как триггеры, которые приводят к появлению сдвигов в устоявшемся природопользовании Печерской низменности и полуострова Мелвилл. Традиционный опыт и знания о пространственных закономерностях распределения ресурсов претерпевают трансформацию. Снижается доступность охотничьих ресурсов в силу их меняющейся локации и изменений среды обитания: перемещаются лежбища морских животных и нерестилищ рыб, а также ареалы обитания сухопутных видов, уменьшаются площади произрастания лекарственных растений. На смену традиционным средствам для передвижения и охоты (безмоторным лодкам, собачьим и оленьим упряжкам) приходят моторные лодки, снегоходы, квадроциклы и вездеходы. Применение современного транспорта приводит к утрате навыков управления традиционными средствами передвижения и нарушению почвенно-растительного покрова, восстановление которого длится более 20 лет.

Современное природопользование ненцев и инуитов нельзя охарактеризовать как полностью измененное или исчезнувшее. Оно остается ресурсно-ценностным, с выраженным компонентом традиций и хозяйственной культуры, несмотря на трансформацию его способов, а также их динамичность и появление новых элементов.

Проведенный анализ показал необходимость дальнейших исследований последствий, связанных с трансформацией природопользования в арктической тундре в условиях меняющегося климата. Результаты таких исследований могут стать универсальной основой для разработки механизмов поддержания традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов Севера как компонента глобальной экосистемы и регулятора ее функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2015. М: Росгидромет, 2016. 68 с.
2. Евсеев А.В., Красовская Т.М. Экологические буферные территории в структуре природопользования Российской Арктики // Биосферное хозяйство. 2016. № 1. С. 33–37.
3. Матонин В.Н., Тюкина С.Л. Мониторинг арктического социокультурного пространства: современность и традиции / Комплексная научно-образовательная экспедиция «Арктический плавающий университет-2014»: [Сб. ст.] / под ред. К.Г. Боголицына. Архангельск, 2014. С. 207–261.
4. Национальный доклад «Глобальный климат и почвенный покров России: Арктическая зона, мерзлотные почвы — будущему России (сельское и лесное хозяйство)» / под ред. Р.С.-Х. Эдельгериева и А.Л. Иванова. Том 4. М.: ФГБНУ ФИЦ «Почвенный институт им. В.В. Докучаева», 2024. 672 с.
5. Ненецкий автономный округ // Арктические ведомости. 2014. № 2(10). С. 112–131.
6. Файнберг Л.А. Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы). М.: Наука, 1991. 184 с.
7. Этнологическая экспертиза. Народы Севера России 1959–1962 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: Издательство ИЭА РАН, 2005. 410 с.
8. Ford J.D., Smit B., Wandel J., Allurut M., Shappa K., et al. Climate change in the Arctic: current and future vulnerability in two Inuit communities in Canada // The geographical journal. 2008. N. 174. Part 1. Pp. 45–63.
9. Koven C., Riley W., Stern A. Analysis of permafrost thermal dynamics and response to climate change in the CMIP5 Earth System Models // Journal of climate. 2013. N. 26. Pp. 1877–1900.
10. Masson-Delmotte V., Zhai P., Pörtner H.-O., Roberts D., Skea J. et al. IPCC, 2018: global warming of 1.5 °C. UK and USA: Cambridge UP. Press, 2019. 616 p.
11. National snow and ice data center. Arctic sea ice news and analyses. URL: <https://nsidc.org/arcticseaicenews/> (дата обращения: 07.08.2024)
12. Nekrich A. Community-based resource management in the Arctic: transformation caused by the changing environment // IOP conference series: earth and environmental science. 2020. Vol. 539. Pp. 012178.

13. Nekrich A.S. Traditional nature management as a way to prevent the loss of wildlife species in a changing environment // E3S web of conference. 2024. Vol. 480. Pp. 02023.
14. Population statistics for countries, administrative divisions, cities, urban areas and agglomerations — interactive maps and charts [web resource] URL: https://www.citypopulation.de/en/canada/nunavut/admin/_/6204012_igloolik/ (дата обращения: 20.08.2024)
15. World data center for greenhouse gases (WDCGG). URL: https://gaw.kishou.go.jp/publications/global_mean_mole_fractions (дата обращения: 07.10.2024).

REFERENCES

1. *Doklad ob osobennostjah klimata na territorii Rossijskoj Federacii za 2015* [Report on climate features in the Russian Federation for 2015]. M.: Roshydromet, 2016. 68 s. (In Russian).
2. Evseev A.V., Krasovskaja T.M. *Ekologicheskie bufernye territorii v strukture prirodopol'zovanija Rossijskoj Arktiki* [Ecological buffer territories in nature management structure in the Russian Arctic] // *Biosfernoe hozjajstvo*. 2016. № 1. S. 33–37. (In Russian).
3. Matonin V.N., Tjukina S.L. *Monitoring arkticheskogo sociokul'turnogo prostranstva: sovremennost' i tradicii* [Monitoring of the Arctic sociocultural space: modernity and traditions] / *Kompleksnaja nauchno-obrazovatel'naja jekspedicija «Arkticheskij plavuchij universitet-2014»*: [Sb. st.] / pod red. K.G. Bogolitsyna. Arhangel'sk, 2014. S. 207–261. (In Russian).
4. *Nacional'nyj doklad «Global'nyj klimat i pochvennyj pokrov Rossii: Arkticheskaja zona, merzlotnye pochvy — budushhemu Rossii (sel'skoe i lesnoe hozjajstvo)»* [National report «Global climate and soil cover of Russia: Arctic zone, permafrost soils — the future of Russia (agriculture and forestry)»] / pod red. R.S.-H. Edel'gerieva i A.L. Ivanova. Tom 4. M.: FGBNU FIC «Pochvennyj institut im. V.V. Dokuchaeva», 2024. 672 s. (In Russian).
5. *Neneckij avtonomnyj okrug* [Nenets autonomous okrug] // *Arkticheskie vedomosti*. 2014. № 2(10). S. 112–131. (In Russian).
6. Fajnbere L.A. *Ohotniki Amerikanskogo Severa (indejcy i eskimosy)* [Hunters of the American North (Indians and Eskimos)]. M.: Nauka, 1991. 184 s. (In Russian).
7. *Etnologicheskaja ekspertiza. Narody Severa Rossii 1959–1962 godi* [Ethnological examination. Peoples of the North of Russia 1959–1962] / pod red. Z.P. Sokolovoj, E.A. Pivnevoj. M.: Izdatel'stvo IEA RAN, 2005. 410 s. (In Russian).
8. Ford J.D., Smit B., Wandel J., Allurut M., Shappa K., et al. *Climate change in the Arctic: current and future vulnerability in two Inuit communities in Canada* // *The geographical journal*. 2008. N. 174. Part 1. Pp. 45–63. (In English).
9. Koven C., Riley W., Stern A. *Analysis of permafrost thermal dynamics and response to climate change in the CMIP5 Earth System Models* // *Journal of climate*. 2013. N. 26. Pp. 1877–1900. (In English).
10. Masson-Delmotte V., Zhai P., Pörtner H.-O., Roberts D., Skea J. et al. *IPCC, 2018: global warming of 1.5 °C. UK and USA: Cambridge UP. Press, 2019. 616 p.* (In English).
11. National snow and ice data center. Arctic sea ice news and analyses. URL: <https://nsidc.org/arcticseaicenews/> (data obrashheniya: 07.08.2024). (In English).
12. Nekrich A. *Community-based resource management in the Arctic: transformation caused by the changing environment* // *IOP conference series: earth and environmental science*. 2020. Vol. 539. Pp. 012178. (In English).
13. Nekrich A.S. *Traditional nature management as a way to prevent the loss of wildlife species in a changing environment* // *E3S web of conference*. 2024. Vol. 480. Pp. 02023. (In English).
14. Population statistics for countries, administrative divisions, cities, urban areas and agglomerations — interactive maps and charts [web resource] URL: https://www.citypopulation.de/en/canada/nunavut/admin/_/6204012_igloolik/ (data obrashheniya: 20.08.2024). (In English).
15. World data center for greenhouse gases (WDCGG). URL: https://gaw.kishou.go.jp/publications/global_mean_mole_fractions (data obrashheniya: 07.10.2024). (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.021

УДК 327.82:94(470+571)(540)»20»

ББК 63.3(2)64–6+63.3(5Инд)64–6

Д.Н. ВЕСЕЛОВА

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПАРТНЁРСТВА
РОССИИ И ИНДИИ В РОССИЙСКОЙ
АРКТИКЕ В 2000-Е ГГ.**

D.N. VESELOVA

**THE MAIN DIRECTIONS OF PARTNERSHIP
BETWEEN RUSSIA AND INDIA
IN THE RUSSIAN ARCTIC IN THE 2000S YY.**

*Статья подготовлена в рамках проекта №116233367, поддержанного
Санкт-Петербургским государственным университетом. The article was prepared within
the framework of project No. 116233367, supported by St. Petersburg State University*

После ужесточения санкций в отношении России западными государствами наша страна видит основных партнеров среди азиатских стран, в том числе в рамках развития Арктической зоны РФ. Индия проявляет внимание к Арктике. В 2022 г. она приняла ключевой документ по арктической политике, в котором закреплён и экономический интерес к региону. Целью работы является изучение взаимоотношений, сложившихся между Россией и Индией в российской Арктике, а также выявление возможных направлений взаимодействия двух стран в Арктической зоне РФ после начала специальной военной операции на Украине и принятия Индией политического документа по Арктике. В работе был применён структурно-аналитический подход, метод исследования по вторичным источникам, обобщение, синтез, сравнительный анализ. Основным направлением сотрудничества России и Индии в арктическом регионе является добыча, транспортировка и использование полезных ископаемых, залегающих в российской Арктике, в Индию. В первую очередь, это касается нефти и сжиженного природного газа. Развитие инфраструктуры Северного Морского пути, научное сотрудничество, экологическое и климатическое партнерство, изучение традиций и культуры северных народов и иные направления для коллаборации Москвы и Дели находятся на стадии формирования, однако имеется огромный потенциал для их развития.

After the tightening of sanctions against Russia by Western countries, our country sees its main partners among Asian countries, including in the framework of the development of the Arctic zone of the Russian Federation. India is paying attention to the Arctic. In 2022, it adopted a key Arctic policy document which also enshrines its economic interest in the region. The aim of the work is the studying of the relations that have developed between Russia and India in the Russian Arctic, as well as the identifying of possible areas of interaction between the two countries in the Arctic zone of the Russian Federation after the start of a special military operation in Ukraine and the adoption by India of a political document on the Arctic. There are a structural-analytical approach, a research method based on secondary sources, generalization, synthesis, and comparative analysis in the article. The main area of cooperation between Russia and India in the Arctic region is the extraction, the transportation and the use of minerals located in the Russian Arctic to India. First of all, this concerns oil and liquefied natural gas. The development of the infrastructure of the Northern Sea Route, the scientific cooperation, the environmental and climate partnership, the study of the traditions and the culture of northern peoples and other areas for collaboration between Moscow and Delhi are at the formation stage, but there is enormous potential for their development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сотрудничество, углеводороды, Арктическая зона РФ, Северный Морской путь, арктическая политика, изменения климата, Арктика

KEY WORDS: cooperation, hydrocarbons, the Arctic zone of the Russian Federation, the Northern Sea Route, Arctic policy, climate change, Arctic

ВВЕДЕНИЕ. Арктика является уникальным регионом планеты. Она богата запасами полезных ископаемых, водными и биологическими ресурсами. На данных территориях проживает коренное население Севера со своими традициями и обычаями.

Россия является арктическим государством и имеет наибольший арктический сектор. Россия заинтересована в социально-экономическом развитии своих арктических территорий. В первую очередь, интерес представляет поиск и разработка полезных ископаемых, в том числе нефти и природного газа, запасы которых, по оценкам специалистов, на российском континентальном шельфе Арктики составляют 17 млрд т и 85 трлн куб. м соответственно¹.

Другой объект внимания — это Северный Морской путь (далее — СМП). В связи с повышением температуры в этом регионе планеты, тает морской лед. Предполагается, что уже к середине XXI века в летний период времени океан будет полностью освобождаться ото льда. При таких прогнозах владение СМП и развитие инфраструктуры вдоль него представляет перспективным, так как уже в настоящее время с каждым годом увеличивается объем перевозок через Северный Ледовитый океан в обход традиционных маршрутов, которые являются более долгими, дорогими и небезопасными. Кроме того, развитие инфраструктуры в Арктике позволит развить туристическую отрасль в этой части страны. Получат развитие новые направления в туризме: экотуризм и этнотуризм.

Россия преследует не только экономические интересы в Арктике. Поддержка коренных народов Севера и сохранение их уклада жизни также является задачей нашего государства. Обеспечение экологической безопасности, защита от чрезвычайных ситуаций, гарантирование высокого качества жизни населения в Арктической зоне РФ — все это заявлено в качестве национальных интересов России в регионе. Наряду с экономическими, социальными и экологическими интересами наша страна преследует и стратегические и геополитические интересы, связанные с обеспечением суверенитета страны и ее территориальной целостности, а также с развитием выгодных партнерских отношений с другими государствами.

Итак, взаимовыгодное сотрудничество заявлено в качестве национального интереса России в стратегическом документе — Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. Ключевой целью партнерства является получение денежных средств от зарубежных инвесторов, так как арктические проекты требуют больших вложений.

С начала XXI века внимание к Арктике стали проявлять государства, чьи территории расположены далеко от Полярного круга. В их число входят страны Европейского Союза и азиатские государства, в первую очередь Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур и Индия.

На 2024 г. Индия входит в топ пять стран-лидеров по ВВП. «В 2022 г. страна приняла свой первый политический документ, закрепляющий политику в Арктике — «Арктическая политика Индии: построение партнерства для устойчивого развития» (далее — Арктическая политика)» [1, с. 139]. Согласно документу основной интерес в Арктике у Индии связан с проведением научных исследований в целях изучения климатических изменений, соци-

¹ Богатства Арктики [Электронный ресурс] // ЦДУ ТЭК: сайт. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/1152/#:~:text=%D0%9E%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D1%8B%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2%20%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B0,%D1%81%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%BB%20%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B0%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D1%80%20%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2. (дата обращения: 10.10.2024).

альной среды и экосистемы региона [10, с. 118]. В первую очередь, Индия обращает внимание на изучение климатической системы Арктики [10, с. 118]. Во-первых, изменения климата в регионе влекут неблагоприятные последствия для экономики и населения Индии, что выражается «в подтоплении индийских прибрежных территорий и в снижении урожайности в стране. Во-вторых, индийские ученые выявили связь между изменениями климата в Арктике и изменением системы муссонов» [1, с. 145], от которых также зависит сельское хозяйство и продовольственная безопасность страны. В-третьих, экосистема Арктики близка к экосистеме Гималаев. Исследуя арктический регион и происходящие изменения в нем, можно спрогнозировать возможные изменения в Гималаях. Кроме того, проблемы коренных народов Арктики и местных жителей Гималаев схожи и связаны с климатическими изменениями и промышленным освоением среды их обитания, поэтому представляют научный интерес.

Помимо научного и экологического интереса Индия имеет и экономические обоснования своей деятельности в регионе, которые, в первую очередь, связаны с добычей полезных ископаемых. В 2016 г. Индия подписала Парижское соглашение, направленное на снижение выбросов парниковых газов. Согласно документу следует осуществить переход от использования угля в топливно-энергетическом комплексе на более экологичные источники энергии, в том числе возобновляемые. В 2021 г. на саммите по климату COP26 в Глазго Индия сообщила о цели достичь нулевого уровня по выбросам парниковых газов к 2070 г.² С этой связи правительство Индии запланировало плавный переход от угля на природный газ в краткосрочной перспективе. Основными поставщиками углеводородов являются страны Ближнего Востока. Однако Индия проводит политику диверсификации поставщиков нефти и природного газа, в число которых входит и Российская Федерация.

Таким образом, у Индии наметился план действий по освоению арктических территорий, который направлен как в целом на постепенное наращивание присутствия в Арктике, так и на использование полезных ископаемых, залегающих на арктических территориях. В этой связи видится потребность в изучении вопроса, каким образом подкрепленный стратегически важным документом национальный интерес Индии к Арктике поспособствует социально-экономическому развитию российской арктической зоны. Для этого следует рассмотреть направления уже имеющего сотрудничества между Индией и Россией и выявить новые тренды таких взаимовыгодных отношений двух стран.

За последние 10 лет российские ученые и их зарубежные коллеги исследовали вопрос сотрудничества России и Индии в Арктике. Так, среди исследований российских ученых стоит выделить труды Галищевой Н.В. [2], Зайкова К.С. [3], Киргизов-Барского А.В. [4], Лексютиной Я.В. [5], Николаева Н.А. [6], Новикова И.А. [7], Новолодской А.А. [8]. Среди зарубежных ученых Сунь Сюэнь [9], Bhagwat J. [3; 11], Chaturvedi S. [12], Gupta A. [14], Sinha U.K. [14], Vikram S. [15] изучали данную тематику. Однако в основном работы написаны до принятия Индией ключевого документа по арктической политике и до ужесточения санкций западных стран в отношении России, поэтому новизна исследования заключается в актуализации сведений о направлениях взаимовыгодного взаимодействия между Россией и Индией после 2022 г.

ЦЕЛЬ исследования — рассмотрение имеющихся направлений партнерства между Россией и Индией и определение потенциальных взаимовыгодных векторов взаимодействия двух стран в Арктической зоне РФ.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В работе был применен структурно-аналитический подход. Так, анализ стратегических документов России и Индии, посвященных вопросам осуществления политики в Арктике, двусторонних соглашений между государствами, официаль-

² Индия станет углеродно-нейтральной к 2070 году [Электронный ресурс] // Глобальная энергия: сайт ассоциации. 2021. 9 ноября. URL: <https://globalenergyprize.org/ru/2021/11/09/indiya-stanet-uglerodno-nejtralnoj-k-2070-godu/> (дата обращения: 01.10.2024).

ных заявлений представителей двух стран, научных статей, сведений из интернет-ресурсов по рассматриваемой тематике позволил выявить потенциальные тренды для взаимодействия России и Индии в Арктической зоне РФ.

В работе главным образом использован метод исследования по вторичным источникам таким, как научная литература, однако, были исследованы и соглашения, заключенные между Россией и Индией, между российскими и индийскими компаниями, нормативная правовая база государств, закрепляющая арктическую политику двух стран. Также были использованы общенаучные и специальные научные методы такие, как обобщение, синтез, сравнительный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Начиная с 2010 г. между Россией и Индией подписываются соглашения о сотрудничестве в нефтегазовой сфере. Так, в конце 2010 г. между странами было подписано Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области углеводородов, в котором рассматривались вопросы о поставках нефти и природного газа в Индию, об обеспечении доступа к энергетическим технологиям и об участии в передаче технологий, о содействии в обучении и подготовке научного и технического персонала, о совместном проведении семинаров, симпозиумов и промышленных выставок по нефтегазовой тематике с использованием возможностей государственных и негосударственных высших учебных заведений, исследовательских институтов обоих государств [8, с. 518]. Подобного рода соглашения были подписаны в 2012, 2014, 2016, 2017 гг.

Однако, первое соглашение России и Индии, направленное на регулирование отношений в Арктике, было принято лишь в 2017 г. Санкт-Петербургская декларация Российской Федерации и Индии закрепила интерес двух стран в создании и реализации совместных проектов по разведке и разработке углеводородов на арктическом шельфе Российской Федерации [3, с. 271–272].

В 2019 г. на Восточном экономическом форуме стороны сделали заявление о налаживании партнерских отношений в области геологоразведки и совместной разработки месторождений нефти и газа в России и Индии, в том числе на арктическом шельфе³. Кроме того, стороны договорились об улучшении транспортной инфраструктуры в российской Арктике⁴.

В декабре 2021 г. стороны сделали совместное заявление, в котором подтвердили свою приверженность увеличению поставок российской сырой нефти по долгосрочным контрактам посредством введения льготного ценообразования, увеличению импорта сжиженного природного газа (далее — СПГ) в Индию, используя Северный морской путь для поставок энергоносителей [13].

Весной 2023 г. участники сессии «Перспективы сотрудничества в сфере устойчивого развития Арктики в рамках БРИКС» международного проекта Think Arctic — Think Global обсудили перспективы совместных проектов стран БРИКС в Арктике⁵ и закрепили свои идеи в докладе «The Arctic as a special area of international cooperation: projects and opportunities»⁶. Индия и Россия с 2009 г. являются участниками БРИКС. В докладе отмечена важность конструктивного взаимодействия Индии и России в Арктике. При этом раз-

³ India — Russia Joint Statement during visit of Prime Minister to Vladivostok [Electronic resource] // Ministry of External Affairs: official website of government agency of India. 2015. 05 September . URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/31795/india++russia+joint+statement+during+visit+of+prime+minister+to+vladivostok> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ India — Russia Joint Statement during visit of Prime Minister to Vladivostok [Electronic resource] // Ministry of External Affairs: official website of government agency of India. 2015. 05 September . URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/31795/india++russia+joint+statement+during+visit+of+prime+minister+to+vladivostok> (дата обращения: 10.10.2024).

⁵ Формирование общей повестки стран БРИКС в Арктике обсудили на сессии проекта Think Arctic — Think Global [Электронный ресурс] // Международный арктический форум: офиц. сайт. 2023. URL: <https://forumarctica.ru/news/formirovanie-obschej-povestki-stran-briks-v-arktike-obsudili-na-sessii-proekta-think-arctic-think-global/> (дата обращения: 01.05.2024).

⁶ The Arctic as a special area of international cooperation: projects and opportunities, 2023. 30 p.

ведка и добыча природных ресурсов и энергетическое партнерство выделены в качестве ключевых направлений. Кроме того, в документе отражено, что Индия заинтересована в коммерческом использовании СМП и обеспечении своей экономики арктической нефтью и газом, поскольку стремится к диверсификации маршрутов поставок⁷. Таким образом, страны закрепили, что основными направлениями для их взаимодействия в Арктике являются добыча полезных ископаемых, а, значит, возвели в ранг приоритетного экономического интерес.

Однако сотрудничество между странами складывается не только на государственном уровне. Российские и индийские компании заключают долгосрочные контракты на поставку углеводородов на территорию Индии, также индийский бизнес покупает акции российских добывающих корпораций.

Основными поставщиками углеводородного сырья выступают ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром». Наладить партнерские связи с индийскими компаниями пытается и ПАО «НОВАТЭК». Так, еще в 2011 г. «Газпром Маркетинг и Трейдинг Сингапур», дочерняя компания ПАО «Газпром», подписала меморандумы с Indian Oil Corporation Limited, Gujarat State Petroleum Corporation и Petronet LNG Limited (Petronet) о поставке СПГ в течение 25 лет в размере 2,5 млн т каждой индийской компании [7, с. 168]. В 2014 г. между ПАО «НК «Роснефть» и частной индийской компанией EssarGroup был подписан контракт на поставку в Индию 10 млн т нефти в год на протяжении 10 лет [7, с. 167]. В марте 2018 г. дочерняя компания Novatek Gas & Power Asia Pte Ltd. поставила на индийский рынок первую партию СПГ, произведенную на заводе Ямал СПГ [7, с. 168]. В сентябре 2019 г. НОВАТЭК заключил с индийскими Petronet LNG и H-Energy Global Ltd меморандумы о взаимопонимании на поставку СПГ [1, с. 141]. С H-Energy Global НОВАТЭК договорился о создании совместного предприятия, которое будет продавать СПГ конечным потребителям в Индии, Бангладеш и на других рынках⁸. В марте 2023 г. ПАО «НК «Роснефть» и Indian Oil Company заключили соглашение об увеличении поставок нефти в Индию и диверсификации ее сортов⁹. Здесь представлены лишь отдельные примеры заключенных контрактов.

Однако, в целом, несмотря на трудности поставок углеводородов после начала СВО и ужесточения санкций западных государств, доля российских поставок нефти в Индию «выросла с 3% в 2021 г. до 38% в 2023-м, а их объем увеличился до 1,7 млн б/с (36% российского экспорта нефти). Экспорт нефтепродуктов из России в Индию вырос с 70 тыс. б/с до 130 тыс. [1, с. 141] б/с (5% от общего объема поставок). Увеличились поставки СПГ в Индию в 1,5 раза в 2023 г. по сравнению с 2022 г. (с 324 000 т до 432 000 т)¹⁰. Основным российским источником поставок СПГ является «Ямал СПГ». В целом, для Индии снижение закупок СПГ недружественными для России странами положительно повлияло на рост закупок» [1, с. 141] российского сжиженного природного газа данной страной. Также «стоит отметить тенденцию увеличения закупок европейскими странами у Индии нефтепродуктов с 205 тыс. в 2021 г. до 315 тыс. б/с в 2023 г.¹¹ Количественные показатели говорят

⁷ Там же.

⁸ НОВАТЭК договорился о выходе на СПГ-рынок Индии [Электронный ресурс] // РБК: инф. агентство. 2019. 04 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/09/2019/5d6f6d6b9a79475cdb721d4a?from=copy> (дата обращения: 10.10.2024).

⁹ «Роснефть» и Indian Oil Company заключили соглашение об увеличении поставок нефти в Индию [Электронный ресурс] // ТАСС: сайт инф. агентства. 2023. 29 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17395899> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁰ Россия в 2023 году резко нарастила поставки СПГ в Индию и Турцию [Электронный ресурс] // Ведомости: сайт инф. агентства. 2024. 17 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/01/17/1015366-rossiya-v-2023-godu-rezko-narastila-postavki-spg-v-indiyu-i-turtsiyu> (дата обращения: 10.10.2024).

¹¹ Индия добавит нефти спроса [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: сайт инф. агентства. 2024. 13 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6508826#:~:text=Доля%20российских%20поставок%20в%20Индия,36%25%20российского%20экспорта%20нефти> (дата обращения: 10.10.2024).

о нейтральной позиции Индии по отношению к санкциям западных стран в адрес России, а также об экономической выгоде Дели от последствий действия санкций, которая выражается в увеличении объема закупок нефти, нефтепродуктов и СПГ, а также в продаже излишка» [1, с. 141] бывшим потребителям российских углеводородов.

Касательно инвестирования в ценные бумаги добывающих компаний стоит отметить, что стоит отметить, что еще в 2005 г. индийская сторона предлагала купить долю акций в «Юганскнефтегазе» [8, с. 518]. Однако данное предложение было отклонено. В 2014 г. НОВАТЭК сделал оферту ONGC, Petronet LNG, Indian Oil Corporation о заключении договора о покупке 9% в проекте «Ямал СПГ» [7, с. 168]. Однако ни одна из индийских компаний не акцептировала данное предложение. С 2016 г. группа индийских компаний [1, с. 142] ONGC, Oil India, Indian Oil Corporation, Bharat Petroresources владеет 49,9% акций АО «Ванкорнефть» [5, с. 45]. В 2016 г. консорциум индийских нефтяных компаний Oil India, Indian Oil и Bharat Petroresources приобрел 29,9% доли в ООО «Таас-Юрях Нефтегазодобыча» [1, с. 142]¹². В 2018 г. ПАО «НОВАТЭК» выступал с предложением в адрес индийских компаний принять участие в проекте «Арктик СПГ-2». На 2024 г. такие переговоры продолжаются, но «пока что безрезультатно, что связано с трудностями освоения месторождений в Арктике, несовершенством технологий, высокой стоимостью проектов, длительным периодом возврата инвестиций» [1, с. 142; 6, с. 327], экологической составляющей арктической политики Индии, а также санкциями западных стран в адрес Российской Федерации.

Кроме добычи углеводородов сотрудничество между странами развивается в области разработки месторождений иных полезных ископаемых, в том числе алмазов. В 2019 г. компания Coal India подписала меморандум о взаимопонимании и о сотрудничестве в деятельности по добыче коксующегося угля на Дальнем Востоке и в Арктическом регионе с Дальневосточным агентством по привлечению инвестиций и поддержке экспорта (FEAASE), автономной некоммерческой организацией в России¹³.

В целом, добыча полезных ископаемых в российской Арктике как направление взаимодействия России и Индии сформировалось уже давно. В то же время еще имеется потенциал для реализации совместных проектов.

Среди направлений взаимодействия между Россией и Индией следует выделить также развитие инфраструктуры Северного Морского пути. Однако, отношение к СМП у Индии двойственное. Не так давно Дели был против развития СМП и увеличения грузоперевозок через данный морской коридор. Это связано с возможным уменьшением морских перевозок через Малаккский пролив и Индийский океан, который находится под контролем Индии. Это, в свою очередь, ослабит положение Индии как в юго-восточной и южной Азии, так и на мировом рынке. Такого поворота событий Индия остерегается. Однако в 2021 г. Индия дважды заявляла о готовности инвестировать в инфраструктуру СМП. Впервые в сентябре 2021 г. на Восточном экономическом форуме во Владивостоке, на котором премьер-министр Индии отметил возможность партнерства между странами по вопросу открытия и развития СМП, в том числе по созданию и модернизации морской и прибрежной инфраструктуры вдоль морского маршрута в целях развития международной торговли. Во второй раз в декабре на Ежегодном двустороннем саммите в Нью-Дели, на котором представители Индии высказали идею о допустимости инвестирования в арктическую инфраструктуру в области морской разведки/добычи, портов, железных дорог, информационных и коммуникационных

¹² ООО «Таас-Юрях Нефтегазодобыча» [Электронный ресурс] // Роснефть: сайт нефтедобывающей компании. URL: https://tyngd.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Dobycha_i_razrabotka/Vostochnaja_Sibir/tyngd/ (дата обращения: 10.10.2024).

¹³ Coal India signs MoUs with Russia for coking coal [Electronic resource] // The Economic Times: website of today's ePaper. 2019. 04 September. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/indl-goods/svs/metals-mining/coal-india-signs-mous-with-russia-for-coking-coal/printarticle/70980534.cms> (дата обращения: 22.01.2024).

технологий (ИКТ) и аэропортов [10, с. 122]. Дели высказался за готовность к сотрудничеству в данной сфере, преследуя две цели:

1. реализация совместных проектов России и Индии по поставке углеводородов из российской Арктики в Индию;
2. повышение своего статуса на международной арене. В то же время, в действительности, кроме провозглашенных заявлений, никакие конкретные действия со стороны Индии не осуществляются, что связано с ее первоначальной позицией относительно СМП, с санкциями западных стран в адрес России, с российско-украинским кризисом, а также, в целом, с нежеланием инвестировать в арктические проекты.

Если рассматривать иные направления партнерства, по которым имеются совместные заявления и/или соглашения между Россией и Индией, то можно сделать вывод, что реальные мероприятия в рамках таких трендов также не осуществляются. Например, еще в 2014 г. между странами было подписано совместное российско-индийское заявление, ставившее научное сотрудничество в Арктике в ранг приоритетных. Однако в настоящее время говорить о тесном сотрудничестве в области науки и техники между странами не приходится. Основным партнером Индии по данному направлению по-прежнему выступает Норвегия, о чем говорят многочисленные совместные научно-исследовательские проекты, которым способствовали давние связи между двумя странами. Так, с 2007 г. проводятся индийские экспедиции на Шпицберген; в 2008 г. там была открыта первая научно-исследовательская база Индии «Химандри».

Аналогичная ситуация в сфере экологического и климатического сотрудничества. Несмотря на такое упущение, потенциал взаимодействия между Россией и Индией по данным направлениям велик. Арктический сектор России самый большой, наша страна настроена на сотрудничество с Индией, поэтому уже в ближайшем будущем возможны совместные научно-исследовательские экспедиции в российской Арктике, в том числе в рамках Арктического плавучего университета, для изучения климатической системы Арктики, мониторинга окружающей среды, сбора данных о коренных народах Севера и т.п.

Перспективным направлением является и создание специального научного центра, обрабатывающего данные, полученные в ходе проведения научно-исследовательских экспедиций, осуществленных Индией и Россией. Также индийские инвесторы могли бы оказывать помощь в осуществляемых в Арктической зоне РФ экологических проектах, направленных на сбор мусора, бочкотары, очистки арктических грунтов от вредных веществ. Возможных направлений для партнерства двух стран в Арктике множество. Все зависит от желания руководства стран и имеющихся финансовых, материальных, технических, технологических и человеческих ресурсов.

ВЫВОДЫ. Таким образом, обе страны заинтересованы в сотрудничестве, что связано со схожими интересами, в первую очередь, в нефтегазовой отрасли. И в Основах РФ, и в Арктической политике Индии сотрудничество выделено в качестве одного из направлений деятельности в Арктике.

Россия заинтересована в инвестировании дорогостоящих арктических проектов зарубежными государствами, а потому Индия представляется ей потенциальным партнером. Кроме финансовой помощи, Россия готова принять и технологические, технические, кадровые ресурсы. Тем более, Индия и ее специалисты имеют богатый опыт научной работы в Антарктике.

Индия видит в России, превыше всего, поставщика полезных ископаемых, в том числе добытых на арктическом шельфе нефти и природного газа. Именно поэтому ключевым направлением совместной деятельности двух стран является поиск и разработка месторождений полезных ископаемых на территории российской Арктики. Индийские компании в рамках данного тренда выступают в качестве инвесторов; также между российскими и индийскими корпорациями заключаются долгосрочные контракты на поставку российских углеводо-

родов. Данное направление видится долгосрочным и перспективным в плане дальнейшего партнерства России и Индии.

Сотрудничество по вопросу развития СМП и арктической инфраструктуры находится лишь на стадии становления. Какие либо общие проекты в области науки, техники, экологии, этнографии между странами на данный момент отсутствуют, несмотря на многообещающий характер таких мероприятий.

В целом, в отношениях между Россией и Индией по арктическому вопросу видятся проблемы, однако имеется огромный потенциал для совместной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселова Д.Н. Современная арктическая политика Индии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 137–147.
2. Галищева Н.В. Союз, проведенный временем. Индийско-российское экономическое сотрудничество: основные проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 10–15.
3. Зайков К.С., Бхагват Д.В. Арктическая политика Индии: исторический контекст // Арктика и Север. 2022. № 48. С. 261–274.
4. Киргизов-Барский А. В. Развитие Северного морского пути: перспективы международного сотрудничества // Россия и мир: научный диалог. 2021. Т. 1. № 1. С. 67–77.
5. Лексютина Я.В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 40–48.
6. Николаев Н.А. Индийский интерес к Арктике в контексте арктической политики Китая // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4(4). С. 321–335.
7. Новиков И.А. Анализ проектов между Россией и Индией в нефтегазовом секторе и задачи на будущее // Известия Санкт-Петербургского Государственного Экономического Университета. 2019. № 3(117). С. 166–171.
8. Новолодская А.А. Современное научно-техническое сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Индии в Арктике // Вопросы студенческой науки. 2019. № 11 (39). С. 516–522.
9. Сунь Сюэнь. Треугольник РИК в Арктике: соперничество или сотрудничество? // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 346–365.
10. Сухаг В. Интересы Индии в российской Арктике // Россия: общество, политика, история. 2022. № 2(2). С. 117–132.
11. Bhagwat J., Shaparov A.E. India's Arctic Policy: Signs of a Pivot to Arctic Energy and the Northern Sea Route // Economic and Political Weekly. 2022. Vol. LVII. Iss. 20. P. 16–22.
12. Chaturvedi S. India's Arctic Engagement: Challenges and Opportunities // Asia Policy. 2014. № 18. P. 73–79.
13. Kanagavalli S. Third pole's view on the north pole — India's Arctic Policy [Electronic resource] // The Polar Connection: website of the international, independent think-tank. 2022. 12 April. URL: <https://polarconnection.org/third-pole-india-arctic-policy/>
14. Sinha U.K., Gupta A. The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement // Strategic Analysis. 2014. Vol. 38. Iss. 6. P. 872–885.
15. Vikram S. Prospects of an India-Russia cooperation for Northern Agriculture // Российская Арктика. 2022. № 16. С. 45–50.

REFERENCES

1. Veselova D.N. *Sovremennaya arkticheskaya politika Indii* [The modern Arctic Policy of India] // *Evrasijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika*. 2024. T. 18. № 2. S. 137–147. (In Russian).
2. Galishcheva N.V. *Soyuz, provedennyj vremenem. Indijsko-rossijskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: osnovnye problemy i perspektivy* [The time-proved union. The Russia-India cooperation: Key problems and perspectives] // *Aziya i Afrika segodnya*. 2015. № 5. S. 10–15. (In Russian).
3. Zajkov K.S., Bhagvat D.V. *Arkticheskaya politika Indii: istoricheskij kontekst* [India's Arctic Policy: The Historical Context] // *Arktika i Sever*. 2022. № 48. S. 261–274. (In Russian).

4. Kirgizov-Barskij A. V. *Razvitie Severnogo morskogo puti: perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Development of Northern Sea Route: Prospects for International Cooperation] // *Rossiya i mir: nauchnyj dialog*. 2021. T. 1. № 1. S. 67–77. (In Russian).
5. Leksyutina YA.V. *Kitaj i Indiya v Arktike: interesy, strategii i sotrudnichestvo s Rossiej* [China and India in the Arctic: interests, strategies and cooperation with Russia] // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2019. № 4. S. 40–48. (In Russian).
6. Nikolaev N.A. *Indijskij interes k Arktike v kontekste arkticheskoy politiki Kitaya* [Indian Interest in the Arctic in the Context of China's Arctic Policy] // *Problemy postsovetского prostranstva*. 2017. № 4(4). S. 321–335. (In Russian).
7. Novikov I.A. *Analiz proektov mezhdu Rossiej i Indiej v neftegazovom sektore i zadachi na budushchee* [Analysis of projects between Russia and India in the oil and gas sector and tasks for the future] // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Universiteta*. 2019. № 3(117). S. 166–171. (In Russian).
8. Novolodskaya A.A. *Sovremennoe nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo mezhdu Rossijskoj Federacij i Respublikoj Indii v Arktike* [Modern scientific and technical cooperation between the Russian Federation and the Republic of India in the Arctic] // *Voprosy studentcheskoj nauki*. 2019. № 11 (39). S. 516–522. (In Russian).
9. Sun' Syuven'. *Treugol'nik RIK v Arktike: sopernichestvo ili sotrudnichestvo?* [Triangle RIC in the Arctic: rivalry or cooperation?] // *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij*. 2017. T. 6. № 2A. S. 346–365. (In Russian).
10. Suhag V. *Interesy Indii v rossijskoj Arktike* [Interests of India in the Russian Arctic] // *Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya*. 2022. № 2(2). S. 117–132. (In Russian).
11. Bhagwat J., Shaparov A.E. *India's Arctic Policy: Signs of a Pivot to Arctic Energy and the Northern Sea Route* // *Economic and Political Weekly*. 2022. Vol. LVII. Iss. 20. Pp. 16–22. (In English).
12. Chaturvedi S. *India's Arctic Engagement: Challenges and Opportunities* // *Asia Policy*. 2014. № 18. Pp. 73–79. (In English).
13. Kanagavalli S. *Third pole's view on the north pole — India's Arctic Policy* [Electronic resource] // *The Polar Connection: website of the international, independent think-tank*. 2022. 12 April. URL: <https://polarconnection.org/third-pole-india-arctic-policy/> (In English).
14. Sinha U.K., Gupta A. *The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement* // *Strategic Analysis*. 2014. Vol. 38. Iss. 6. Pp. 872–885. (In English).
15. Vikram S. *Prospects of an India-Russia cooperation for Northern Agriculture* // *Rossiyskaya Arktika*. 2022. № 16. S. 45–50. (In English).

ВОПРОСЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И БЛАГОУСТРОЙСТВА НА СОВЕТСКОМ СЕВЕРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

ISSUES OF URBAN PLANNING AND LANDSCAPING IN THE SOVIET NORTH IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.022

УДК 711.4:94(571)»1950/1980»

ББК 63.3(211)63-22

В.Н. ГОРЛОВ

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА КРАЙНЕГО
СЕВЕРА В 1950–1980-Е ГГ.**

V.N. GORLOV

**SOCIAL PROBLEMS OF URBAN
DEVELOPMENT IN THE FAR NORTH
IN THE 1950–1980S**

В статье отмечается, что территории Крайнего Севера отличаются от других районов страны суровостью холодного периода года и невозможностью компенсации резко дискомфортных условий длительной зимы. Автор отмечает, что в суровых природно-климатических условиях Крайнего Севера с его неравномерным расселением и специфической структурой населения градостроительные решения должны существенно отличаться от решений, разработанных для освоенных районов, обладающих благоприятным климатом. В нормативных документах в 1950–1980-х гг. не было исчерпывающих правил, норм и рекомендаций по градостроительству в этих условиях. Наибольшее внимание в практике застройки городов Крайнего Севера должно было уделяться проблеме защиты человека от влияния суровой внешней среды. Важное значение автор уделяет вопросам необходимого комфорта проживания. В статье анализируется принцип максимального сближения и концентрации системы жилья и обслуживания. В компактных жилых образованиях легче создать улучшенный микроклимат путем осуществления защиты территории от ветров. Проекты предусматривали мероприятия, направленные на всесторонний учет особенностей проживания человека в суровом климате и призваны были улучшить быт и отдых населения.

The article notes that the territories of the Far North differ from other regions of the country in the severity of the cold period of the year and the impossibility of compensating for the sharply uncomfortable conditions of a long winter. The author notes that in the harsh natural and climatic conditions of the Far North with its uneven settlement and specific population structure, urban planning solutions should differ significantly from solutions developed for developed areas with a favorable climate. In the regulatory documents of the 1950–1980s there were no comprehensive rules, standards and recommendations for urban planning in these conditions. The greatest attention in the practice of developing cities in the Far North should have been paid to the problem of protecting people from the influence of a harsh external environment. The author pays great attention to the issues of the necessary comfort of living. The article analyzes

the principle of maximum convergence and concentration of the housing and service system. In compact residential areas, it is easier to create an improved microclimate by protecting the territory from the winds. The projects included measures aimed at comprehensively taking into account the peculiarities of human life in a harsh climate and were intended to improve the life and recreation of the population.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: градостроительство, климатические условия, социальные проблемы, природные особенности, планировка жилых районов, архитектурная среда.

KEY WORDS: urban development, climatic conditions, social problems, natural features, planning of residential areas, architectural environment.

ВВЕДЕНИЕ. В СССР в середине 1980-х гг. в районах Крайнего Севера проживало 1,9 млн человек, здесь было построено 32 города, 103 посёлка городского типа [8, с.46]. Осуществлялась гигантская программа интенсивного освоения Севера, строительства в районах с суровым климатом крупных промышленных и топливно-энергетических комплексов. Сотни тысяч людей приезжали в эти районы, где зима длится 8 месяцев, морозы достигают 50–55 градусов.

Создание нормальных условий жизни, труда и отдыха населения и в то же время экономических в строительстве и эксплуатации населенных мест – основное направление советского градостроительства — имело особое значение для Крайнего Севера. Освоение Севера рождало и новые социальные проблемы развития архитектуры.

Решение этих задач было связано с обязательным изучением специфических особенностей Крайнего Севера. Трудности в реализации основного социального принципа градостроительства вызывались совокупностью природных и экономических особенностей Крайнего Севера, т.е. суровостью климата, малой освоенностью составляющих её обширных северных районов, высокой стоимостью строительства и эксплуатации зданий и сооружений. Игнорирование данных факторов приводило к непроизводительному расходованию огромных государственных средств. Довлели усредненные требования и нормы, не учитывающие различных отношений социальных и защитных функций жилой среды. При этом действительная специфика Крайнего Севера в архитектуре не принималась во внимание, а общие усредненные представления трактовались как специфические «северные». Между тем именно социальные требования имели приоритетное значение для определения программ и направленности развития архитектуры Крайнего Севера.

По природным особенностям зона, охватывающая районы Крайнего Севера (около 50 проц. территории РСФСР), резко отличается от других зон суровостью климата, почти повсеместным распространением вечномёрзлых грунтов, в значительной части наличием полярных дня и ночи, скудостью растительности. Эти особенности сдерживали экономическое развитие районов Крайнего Севера.

В 1950–1980-е гг. в этой зоне получили развитие главным образом добывающая промышленность и различные промыслы. Очаговое размещение промышленности на такой огромной территории предопределили большую удаленность населенных мест друг от друга и от промышленных и культурных центров страны. Населенные места, как правило, были малы по количеству жителей и были плохо благоустроены [14, с. 9].

ЦЕЛЬ публикации заключается в изучении важнейших вопросов, связанных с планировкой и застройкой городов Крайнего Севера. Проанализировать компактность застройки жилых районов как важнейшее условие организации жилищного строительства в городах Крайнего Севера, обеспечивающее нормальные условия проживания.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени. Большую роль сыграл ретроспективный метод, оценивающий события и явления в их историческом

развитии и наиболее полно раскрывающий изучаемые проблемы в их динамике, особенностях и противоречиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Некоторые градостроительные тенденции, получившие распространение в средних широтах, представлялись спорными при применении их к городам и посёлкам Крайнего Севера. В первую очередь это относилось к взаимоотношению понятий «архитектурная среда» и «природное окружение». В городах средней полосы «благосклонная» к человеку природа побуждала архитектора как можно теснее связать архитектурную среду населенного места с природным окружением, используя для этого приемы свободной планировки.

Иные проблемы возникали при проектировании небольших городов и поселков на Крайнем Севере. Угнетающее действие однообразного, большую часть года скованного морозами ландшафта, темные зимние месяцы и ощущение затерянности человека среди обширных безлюдных пространств заставляли архитектора изменить привычный взгляд на взаимоотношение понятий «природное окружение» и «архитектурная среда». Природное окружение в этих условиях превращалось в основном в отрицательный эмоциональный фактор, в связи с чем возникали скорее задачи ограждения, чем задачи связи. Особое значение приобретала среда, конструируемая человеком — «архитектурная среда». Она должна была своим эмоциональным воздействием компенсировать суровость окружающих пространств. Профессиональные средства, которыми может достичь этой цели архитектор — компактность, замкнутость, геометризм — совпадали с климатическими и строительными требованиями.

Градостроительный масштаб небольшого поселка на Крайнем Севере был крупнее, чем соответственно в средней полосе. Небольшие разрозненные группы домов, малая этажность застройки, характерные для посёлков средней полосы, не могли выглядеть органично в условиях Крайнего Севера [11, с.97–98].

В районах Крайнего Севера проводилась большая работа по планировке и застройке населенных мест; здесь было создано много новых городов, поселков. Однако строительство в районах Воркуты, Норильска, Дудинки и других городов Крайнего Севера часто осуществлялось без предварительно разработанных проектов генеральных планов и без учета климатических, геологических и других факторов. В связи с этим в практике застройки допускались значительные градостроительные ошибки.

Опыт застройки жилых районов показал, что в условиях Крайнего Севера при определении размеров планировочных элементов жилого массива не всегда следует пользоваться действующими нормами и правилами для застройки районов средней полосы страны. Город должен был представлять собой единый функциональный и пространственный организм, сконструированный и живущий по законам иным, чем такое же по размерам поселение средней полосы. Представления о масштабности, природном окружении, архитектурной среде, сложившиеся в обжитых трудоизбыточных районах средней полосы, оказались неверными в применении к условиям Крайнего Севера. Проблемы архитектурно-пространственной композиции жилого комплекса в районах Крайнего Севера имели иное содержание. Создание жилых комплексов, способствующих быстрой акклиматизации человека, положительно влияло на процесс стабилизации населения, что являлось коренным вопросом использования трудовых ресурсов Крайнего Севера [13, с. 33–34].

Санитарно-гигиенические требования при решении посёлков и микрорайонов городов Крайнего Севера в основном сводились к защите человека от неблагоприятного воздействия сурового климата и одновременно к созданию условий для пребывания человека на открытом воздухе для акклиматизации приезжего населения и поддержания здоровья коренных жителей Крайнего Севера. По данным санитарно-гигиенического института им. Эрисмана и Института общей и коммунальной гигиены, длительное пребывание человека на открытых участках в зимний период часто недопустимо из-за переохлаждения организма, особенно

в районах с частыми и сильными зимними ветрами, когда большинство работающих и так находились либо в открытых карьерах, либо в шахтах на протяжении всего рабочего дня. Соответственно, обязательное градостроительное требование — смягчение микроклимата в населенном месте для того, чтобы как дети, так и взрослые могли пользоваться местами отдыха на открытом воздухе больше, чем это позволял климат окружающей местности [5, с. 156–158].

Суровость зимы на Крайнем Севере определялась сочетанием частых ветров с сильными морозами, продолжительным периодом с устойчивой, особой низкой, температурой воздуха. Соответственно необходима была такая организация застройки, при которой по возможности снижалось бы воздействие неблагоприятной погоды на человека при передвижении его на территории поселка или микрорайона. Это обстоятельство существенно влияло на архитектурно-планировочную организацию посёлков и микрорайонов, определяя требования повышенной компактности застройки, максимального кооперирования учреждений в единые объёмы и создания слитных комплексов жилья и обслуживания с укрытыми от внешней среды пешеходными связями в виде специальных галерей, коридоров в габаритах жилых домов, пассажей в торговых и других учреждениях. Для смягчения микроклимата необходимы были специальные приемы планировки с созданием ветрозащитного фронта застройки, обеспечивающие снижение скорости ветра, а также способствующие предотвращению больших снежных заносов, препятствующих нормальной жизни города и вызывающих огромные затраты на уборку снега (например, в Норильске ежегодно убиралось до 20 млн куб. м. снега, что требовало затрат больших средств) [17, с. 67].

Чем меньше на Крайнем Севере населенное место, тем как бы беззащитнее оно в отношении окружающей суровой природы и тем больше необходимо было создавать такой комплекс жилья и обслуживания, который был бы максимально объединен в пространственном отношении и мог функционировать как единый организм, хорошо сопротивляющийся неблагоприятному воздействию внешней среды в особо жестокую погоду.

В условиях, когда в период более полугода продолжается суровая зима, а населенные места удалены на сотни и тысячи километров друг от друга, целесообразно было создание комплексов жилья и обслуживания с несколько расширенным составом учреждений по сравнению с обычно предусматриваемыми в освоенных районах с умеренным климатом. В районах средних широт в свободные от работы или учебных занятий часы взрослые и дети могут почти всегда находиться на воздухе на площадках для тихого отдыха, игр или спортивных занятий. Жители же Крайнего Севера длительное время лишены этой возможности. Поэтому в жилых домах Крайнего Севера предусматривались помещения отдыха общего пользования для взрослых и детей на период, когда невозможно было пользоваться открытыми местами отдыха [3, с. 148–149].

Наиболее распространенным приемом планировки жилых районов и кварталов Крайнего Севера, способствующим созданию необходимого микроклимата, следует считать замкнутую композицию, устройство замкнутых внутриквартальных дворов. Естественно, исключалась возможность использования приемов свободной планировки, которая широко применялась в градостроительной практике средней полосы. Однако такой прием застройки в условиях Крайнего Севера не следовало считать наиболее рациональным, так как при этом значительно ухудшались санитарно-гигиенические условия многих квартир, расположенных в угловых секциях.

Здания, образующие фронт застройки улиц, не должны были иметь разрывов. Во всех вариантах планировки кварталов-микрорайонов был принят принцип членения их на функциональные зоны. Застраивать кварталы-микрорайоны было намечено только с восточной, западной и южной сторон. С северной стороны жилой массив не застраивался. Для увеличения плотности застройки в экспериментальных схемах предусматривалась максимально экономичное использование площади квартала. Эта экономия достигалась не столько за счет

увеличения этажности, сколько за счет ограничения размеров участков детских учреждений, площадей отдыха, а также сокращения протяженности проездов [16, с. 117–119].

Климатические особенности Крайнего Севера диктовали необходимость не только особых планировочных решений, но и создания новых типов домов. Наиболее рациональным типом дома считался 5–6-этажный дом галерейного типа с квартирами двух уровней. Такие дома соединялись коридором с блоками-вставками и с детскими учреждениями. Квартиры во всех домах, небольших по габаритам, имели меридиональную ориентацию, которая является наиболее благоприятной для условий Крайнего Севера. Входы в дома галерейного типа были расположены только со стороны улицы [14, с. 111–112].

В экспериментальных схемах планировки кварталов-микрорайонов предусматривалась наиболее рациональная форма обслуживания с расчетом максимального приближения его к жилым домам. Для этого организовывался для четырех-шести кварталов-микрорайонов один кооперированный центр снабжения всех торговых точек, расположенных в кварталах-микрорайонах. Это исключало необходимость иметь для каждого магазина склады и другие подсобные помещения. Такой центр представлял собой кооперированный блок-комбинат, в котором кроме торговых предприятий имелись необходимые культурно-бытовые учреждения. В центральной части кооперированного общественного центра размещался зимний сад-павильон, связанный закрытыми коридорами со школой и детскими учреждениями [6, с. 87–89].

В условиях Крайнего Севера особое значение имела организация нормальных условий для жизни детей. Во время продолжительной зимы с полярной ночью и сильными морозами пребывание детей на открытом воздухе весьма ограничивается. В связи с этим предусматривались для детских учреждений более развитые отдельные помещения, улучшающие условия жизни в самих зданиях. В состав детских учреждений включались залы для игр, остекленные веранды, зимние сады-оранжереи и т.д. Экспериментальные схемы планировки кварталов-микрорайонов предусматривали размещение детских учреждений и школ в зонах затишья, с ориентацией групповых комнат и классных помещений на южную половину горизонта. Посчитали целесообразным объединять детский сад с яслями.

Клубные здания со зрительным, спортивными и танцевальными залами, кружковыми помещениями, комнатами тихого отдыха, библиотекой, выставочными и другими помещениями на Крайнем Севере архитекторы стремились рассчитывать на большую вместимость и интенсивность деятельности, чем в городах других зон. Эти помещения по своим размерам и пропускной способности должны были соответствовать требованию вовлечения всего населения в общественную жизнь (что на Крайнем Севере имеет особое значение): занятия спортом, техникой, наукой и искусством. Соответственно нормы расчета мест в зрительных залах, а также площадей кружковых комнат и спортивных залов на Крайнем Севере с 1966 г. были увеличены по сравнению с принимаемыми для средних широт [9, с. 69–70].

Отсутствие растительности в районах арктических пустынь и скудость её в тундровых районах были факторами, затрудняющими обеспечение хороших условий отдыха населения на открытом воздухе. Краткость вегетационного периода делало бессмысленным создание эффективного в санитарно-гигиеническом и декоративном отношениях озеленения на открытом воздухе. Вот почему архитекторы Крайнего Севера, помимо увеличения площади помещений некоторых учреждений, стремились включать в состав застройки специальные крытые спортивные комплексы и помещения типа зимних садов круглогодичной эксплуатации, которые могли бы в какой-то мере заменить спортивные устройства и места отдыха, располагаемые в условиях умеренного климата на открытых участках.

Особое внимание уделялось разработке типовых проектов общественных зданий, практически отсутствующих в перечне действующих типовых проектов Крайнего Севера. Спортивные сооружения играли очень важную роль в жизни населения Крайнего Севера. Акклиматизация в этих районах, нормальное развитие подрастающего поколения невозможны без постоянных

активных занятий спортом. Они являлись необходимым средством поддержания правильной жизнедеятельности организма в дискомфортной среде. Вредное влияние климата в северных широтах не ограничивалось только температурой и ветром. Есть явление «светового голодания», малой естественной инсоляции, пагубной для здоровья человека. Этот фактор является очень важным в социальном отношении, так как при недостаточной солнечной радиации резко снижается сопротивляемость организма заболеваниям, понижается общий тонус, падает производительность труда. Поэтому недостаток солнечной радиации для организма должен быть восполнен системой профилактических оздоровительных мероприятий, проводимых в спортивных сооружениях.

Условия для отдыха и занятий спортом на открытом воздухе были крайне ограничены. К примеру, для Норильска комфортные условия составляют менее 10 проц. времени осенне-зимне-весеннего периода, а в Магадане погода, благоприятная для занятий на открытом воздухе, за три зимних месяца может быть не более 9 дней. Человек проводил в помещении более 85 проц. своего свободного времени, поэтому необходимо было предусматривать сеть спортивных крытых сооружений [9, с. 71].

На Крайнем Севере в 1960–1970-х гг. был построен ряд крупных спортивных объектов: Дворец спорта в Норильске, Дворец спорта в Оленегорске, 50-метровый плавательный бассейн в Мурманске и др. Но кроме крупных спортивных объектов на Севере были очень нужны спортивные сооружения в жилых кварталах. Здесь можно привести положительный пример Воркуты, где было построено несколько плавательных бассейнов при школах, а также защищенных от ветра и снега спортивных корпусов с естественным льдом и теплыми раздевалками [1, с. 42–43].

К сожалению, в основном спортивные сооружения строились в сравнительно крупных городах, а в десятках небольших городов и сотнях поселков они либо строились по проектам, механически перенесенным из средней полосы и плохо приспособленным к северным условиям, либо вообще отсутствовали. Опыт строительства и эксплуатации городов Крайнего Севера доказал неприемлемость механического переноса в эти районы типов зданий и планировочных приёмов, распространенных в средней полосе. Поэтому архитекторы вели поиск таких объемно-планировочных композиций, которые помимо четкой функциональной организации отвечали бы специфике северных условий.

В новых типовых проектах спортивных корпусов для строительства в районах с вечномерзлыми грунтами видны были тенденции к принципиально новой компоновке зданий, поиск «северного направления» в их архитектуре. Однако в программе типовых проектов недостаточно были учтены региональные особенности: не было необходимых помещений для кулуаров, холлов, зимних садов, при спортивных залах не предусматривался реабилитационный комплекс. В рассматриваемых проектах в интерьере не использовались возможности цветового и светового оформления [6, с. 55–56].

Требования архитектуры, предъявляемые к планировке и застройке населенных мест на Крайнем Севере, имели свою специфику. В районах Крайнего Севера растительность, в отличие от районов с умеренным климатом, либо совсем отсутствует, либо длительное время не может служить компонентом в пространственном решении комплекса застройки. В значительной части Крайнего Севера на протяжении не менее 8 месяцев зимы в природе преобладает белый или бело-серый цвет, на территории застройки газоны и низкая растительность покрыты снегом, а чахлые кустарники и деревья не заметны. Поэтому архитектура населенного места воспринималась без учета озеленения, что вызывало особую необходимость придавать живописность застройке средствами самой архитектуры, цвета и света.

В таких условиях компактная и максимально слитная застройка при интенсивном введении цвета была композиционно привлекательнее, чем рассредоточенная, приобретающая на Крайнем Севере весьма унылый вид. Повышенная компактность застройки и специфика

организации комплекса жилья и обслуживания в функциональном отношении стали для архитекторов основой решения и эстетических задач.

В сложных условиях Крайнего Севера в силу природных и экономических особенностей строительство и эксплуатация зданий, сооружений и населенных мест, как и обслуживание человека, обходилось в 2-3 и более раз дороже, чем в других зонах. Такое удорожание вполне объяснимо. На этих территориях в 1950-1970-х гг. развивалась добывающая промышленность с очаговым характером размещения, вызывающая возникновение преимущественно малых поселений (до 10 тыс. жителей). Причем они были рассредоточены на огромной малоосвоенной территории, имели ограниченные по периодичности действия и видам транспортные связи между собой и с освоенными индустриальными районами страны, а также, как правило, полукустарное строительное производство или полное его отсутствие (за исключением трёх крупных центров Крайнего Севера — Норильска, Воркуты и Магадана, где в 1960-е гг. осваивалось строительство крупнопанельных жилых домов). Всё это сильно затрудняло внедрение индустриальных методов возведения зданий, позволяющих существенно снизить стоимость строительства [16, с.87-89].

Необходимость доставки на Крайний Север целого ряда не производимых там строительных материалов и изделий — металла и дерева, санитарно-технического оборудования, отделочных и изоляционных материалов, стекла, а иногда и цемента за тысячи километров лишь периодически действующим водным и автомобильным транспортом существенно сказывалось на стоимости строительства. Транспортные расходы достигали на Крайнем Севере иногда 70 проц. общей стоимости строительства [15, с. 91-93]. Особо низкая температура наружного воздуха зимой и продолжительность отопительного сезона в 8-11 месяцев (на мысе Челюскина отопительный сезон составлял 365 дней) вызывали колоссальные эксплуатационные затраты по отоплению зданий.

В крупных, наиболее передовых по опыту строительства городах застройка осуществлялась в значительной мере с учетом специфики Севера. В частности, с середины 1960-х гг. в них особенно сильно ощущалось стремление применять специальные приемы планировки и застройки микрорайонов с целью наилучшей организации в них комплексов жилья и обслуживания и в первую очередь создания смягченного микроклимата на территории этих микрорайонов. Положительными качествами в этом отношении обладали микрорайоны Норильска и Воркуты, в которых создавались защищенные от снего-ветровых потоков дворики при жилых домах, а учреждения обслуживания размещались, как и местная зона отдыха, под защитой 5-этажной застройки, в относительно благоприятных микроклиматических условиях. Однако значительным недостатком организации обслуживания в этих микрорайонах была рассредоточенность его в сравнительно мелких отдельных зданиях. В сущности, состав застройки определялся необходимостью строить здания по утвержденным типовым проектам, в данном случае, лишь приспособленным по конструкциям фундаментов и толщине стен к некоторым природным особенностям, так как требуемых специальных типовых проектов для Крайнего Севера ещё не было [12, с.54-56].

В 1930-е гг. в Большеземельской тундре возник один из самых молодых городов Заполярья — центр нового угольного бассейна — город Воркута. В 1956 г. был утвержден проект планировки и застройки города. Однако вследствие недооценки результатов инженерно-геологических изысканий, при разработке генерального плана были допущены значительные ошибки, которые привели к неправильному выбору площадок для строительства новых жилых массивов. Основным направлением в развитии города начала 1960-х гг. являлась реконструкция сложившейся 2-3-этажной деревянной застройки и постепенная замена её новыми, благоустроенными 4-5-этажными жилыми и общественными зданиями, а также эффективное использование незастроенной территории [1, с. 9-11].

Сотрудники Ленинградского филиала АСИА СССР в содружестве с коллективом Воркутинской проектно-изыскательской конторы были разработаны проекты первых микрорайонов

города Воркуты. Особое внимание уделялось улучшению микроклимата. Это возможно было достигнуть только правильным сочетанием климатических и градостроительных факторов (планировка территории, выбор этажности зданий и т.п.). Архитекторы посчитали, что необходимо было, например, максимально сокращать число улиц и площадей, подверженных воздействию господствующих ветров, а для снижения скорости ветра, в разрывах между зданиями устраивать искусственные стенки, устанавливать переносные щиты. Одним из основных условий при проектировании застройки жилых районов Воркуты было максимальное повышение её плотности. С этой целью предпочтение отдавали жилым домам большой протяженности и этажности, а кварталы, размещенные с наветренной стороны, должны были быть более протяженными [2, с.178–180]. Экспериментальные проектно-строительные работы, проведенные в Воркуте, стали одной из первых удачных попыток создания микрорайонов в условиях Заполярья.

Примером, учитывающим местную специфику условий, служили микрорайоны города Магадана. Они были решены в соответствии с местными климатическими условиями, позволяющими избежать необходимости создания дворов со сплошной застройкой и с неблагоприятными по ориентации внутренними углами жилых домов. То обстоятельство, что в Магадане преобладают ветры с северо-востока и востока, определило характер застройки микрорайонов. В её состав были включены 5-этажные «ветрозащитные» дома меридиональной ориентации, образующие систему ритмично расположенных барьеров, задерживающих снего-ветровой поток. В микрорайонный центр входило здание кооперированного типа, имеющее в своем составе продуктовые и промтоварные магазины, столовые, кафе, клуб, почту, аптеку, сберкассу, бытовые мастерские и др. Радиусы обслуживания населения были предусмотрены максимальные — самое большое расстояние от жилья до микрорайонного центра было не более 300 м, а расстояние от жилья до детских учреждений не превышало 200 м [12, с. 59–61].

В данном примере положительным является то, что были применены специальные типы общественных зданий, укрупнены и кооперированы учреждения обслуживания, а приемом архитектурно-планировочной организации застройки, благодаря созданию защиты от ветра, достигалось смягчение микроклимата; обслуживание максимально приближено к жилью.

Норильск расположен на 69 градусе северной широты, число тихих дней в году 25 проц., сила ветров достигает 38 метров в секунду. Достаточно этих скудных данных, чтобы представить, как суровы климатические условия, в которых трудились горняки, обогатители и строители самого крупного заполярного города советской страны. В городе располагалось большое число промышленных предприятий важнейших отраслей народного хозяйства СССР. Несмотря на суровость природных условий, население города все время росло и к середине 1970-х гг. достигло 200 тыс. человек. В связи с этим в городе велось большое жилищное и культурно-бытовое строительство. Только в 9-й пятилетке в Норильске и близлежащих поселках было построено 640 тыс. кв. м. полезной площади. Были введены в эксплуатацию 8 общеобразовательных школ, 11 детских садов-яслей, спорткомплекс «Арктика», широкоэкранный кинотеатр в поселке Талнах, значительное число новых магазинов, кафе и столовых [17, с. 68–69].

Следует отметить, что жилищное строительство в Норильске, как и в других городах и промышленных поселках Крайнего Севера, в 1950-е гг. осуществлялось на основе использования и приспособления типов жилых домов, разработанных для средней полосы. В застройке применялись дома, планировочное и конструктивное решение которых не отвечало условиям сурового климата. В процессе развития города менялись приемы и её архитектурно-художественная характеристика, методы строительства и типы зданий. Норильские проектировщики в своей деятельности стали придерживаться градостроительных принципов, обеспечивающих всесторонний учет климатических особенностей Норильска. Норильск являлся с середины 1960-х гг. своеобразной лабораторией, где апробировались многие приёмы застройки, конструкции и методы возведения зданий в сложных природно-климатических условиях.

Исследования гигиенистов показали, что недопустимые для длительного пребывания человека на улице сочетание температуры воздуха и скорости ветра (определяемые как минус 30 градусов и 1,5 м/сек. — 25 градусов и 2 м/сек и др. составляли для Норильска 160 дней или 60–65 проц. холодного периода времени и существенно изменяли ритм жизни местного населения [5, с. 161]. Здесь значительно был затруднен отдых и занятия спортом на воздухе, крайне осложнена была пешеходная связь внутри застройки. Всё это отражалось на перераспределении бюджета времени людей и, соответственно, корректировались состав и вместимость обслуживающих учреждений.

Авторы проектных предложений, учитывая, что основными признаками природно-климатических условий в районе Норильска являлись низкие температуры, сильные ветры и снежные заносы, поставили главной задачей ограждение человека от неблагоприятного воздействия этих факторов. Одновременно с этим решались вопросы, связанные с организацией культурно-бытового обслуживания и отдыха взрослого и детского населения.

Ввиду сложности, высокой стоимости и неэффективности озеленения в условиях Норильска в проектах предусматривалось минимальное количество озеленяемых участков и в то же время предлагался естественный рельеф для сооружения специальных площадок для игр детей и отдыха взрослого населения [4, с. 62–64]. В норильском опыте следует принимать прежде всего капитальность, высокий уровень благоустройства жилища, сборное поточное строительство на протяжении всего года, компактность и высокую плотность застройки. Бесспорна была идея защиты внутригородских территорий планировочными средствами от ветра и снегозаносов.

Значительно более совершенным представлялся прием организации поселков без обычных улиц, с заменяющими их легкими крытыми галереями и максимально укрупненными учреждениями обслуживания. Этот приём был применён при строительстве новых посёлков городского типа Айхал и Депутатский Якутской АССР. Утвержденное в 1964 г. Госкомитетом по гражданскому строительству и архитектуре проектное задание поселка Айхал было принципиально новым градостроительным предложением для застройки в суровых условиях Крайнего Севера. Дано было решение населенного места для района, где перепад температуры достигал 100 градусов от минус 65 до плюс 35 градусов, 230 дней со снежным покровом [10, с. 177–178].

Весь поселок представляет собой максимально компактный жилой комплекс с полным культурно-бытовым обслуживанием, состоящий из двух групп жилых домов, связанных между собой и общественным центром крытыми галереями. Дома расположены меридионально, что обеспечивало наилучшую инсоляцию квартир. Инженерные коммуникации расположены в галереях, что исключало дорогостоящие работы по их прокладке. Общественный центр также представляет собой единый комплекс, объединенный зимним садом [6, с.101–103].

Экономический эффект такого решения был достаточно убедительным, так как это позволило: избежать больших затрат на устройство и эксплуатацию проездов; максимально повысить плотность жилого фонда; исключить необходимость применения в пределах застройки автомобильного транспорта; решить задачу создания кратчайших и защищенных от внешней среды пешеходных путей, что было необходимо для обеспечения нормальных условий обслуживания населения.

Таким образом, общая схема построения селитебной территории при возможных различных приемах планировки должна была в условиях Крайнего Севера подчинена основному и единому принципу — повышенной компактности застройки и концентрации учреждений обслуживания. Требование повышенной компактности, как наиболее экономичное в условиях Крайнего Севера, совпадало с соображениями социального, санитарно-гигиенического и эстетического плана. Поэтому оно и являлось одним из существеннейших для решения всех вопросов архитектурно-планировочной организации северных поселков и микрорайонов [7, с. 127].

ВЫВОДЫ. Длительное время использовали применяющиеся типовые проекты жилых и общественных зданий, разработанные для средних широт страны и не отвечающие по своим характеристикам условиям Крайнего Севера. Главной же проблемой являлось создание оптимального микроклимата на территории населенного пункта путем устранения отрицательного влияния на организм человека целого ряда природно-климатических факторов. Необходимо было пересмотреть установившиеся градостроительные решения по застройке городов Крайнего Севера. Это относилось к более полному учету местных факторов при организации системы обслуживания, пешеходных и транспортных связей, быта и отдыха населения, типов жилых и общественных зданий, планировке и застройке жилых районов города. Проекты предусматривали мероприятия, направленные на всесторонний учет особенностей проживания человека в суровом климате, и призваны были улучшить быт и отдых населения, защитить его от влияния неблагоприятной внешней среды, а также обеспечить лучшие условия для организации отдыха населения на открытом воздухе.

Необходимый комфорт проживания может быть создан только при условии предоставления населению полностью благоустроенного жилья; обеспечения высокого уровня обслуживания с расширенной номенклатурой специальных спортивных, зрелищных и других помещений для компенсации ограниченных возможностей проведения свободного времени на открытом воздухе; в основу решения системы жилья и обслуживания должен быть положен принцип максимального их сближения и концентрации.

В основу формирования жилой среды была положена новая социальная концепция — оптимизация качеств среды, способствующая продлению сроков проживания каждого поколения и укоренению вновь прибывающих контингентов. Главный экономический эффект состоял в оздоровлении быта, в улучшении самочувствия и настроения тружеников Севера, в уменьшении текучести рабочей силы, что, в конечном итоге, способствовало повышению производительности труда.

Наибольшее значение по отношению к климатическим особенностям для перспективного формирования типологии жилищ играли социальные факторы, корректирующее — климатические. В различиях самих социальных требований дифференцирующую роль играли уровень урбанизации и социально-демографического развития, вместе с условиями среды, определяющие реальный образ жизни семьи, личности.

Социальные критерии должны были стать ведущими во всей системе управления качествами архитектуры Крайнего Севера. Это требовало развертывания широкого фронта социально-архитектурных исследований проблем Крайнего Севера как составной части разработки социальных основ проектирования в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайтенс М.Е. Архитектурно-художественный облик северных городов. Л.: Стройиздат.1978. 56 с.
2. Гецен М.В. Воркута и академическая наука: взгляд через поколения. Сыктывкар, Респуб. экологич. центр по изучению и охране восточно-европейских тундр, 2007. 351 с.
3. Градов Г.А. Город и быт. М.: Изд-во литературы по стр-ву,1968. 252 с.
4. Гунина С.Н. Лица улиц: история города Норильска в истории норильских улиц. Норильск: Кактус, 2017. 342 с.
5. Кандрор И.С. Очерки по физиологии и гигиене человека на Крайнем Севере. М.: Медицина, 1968. 280 с.
6. Карташева К.К. Обслуживание населения жилых комплексов Крайнего Севера. М.: Стройиздат,1972. 136 с.
7. Конторович И.Я., Ривкин А.Б. Рациональное использование территории городов. М.: Стройиздат,1985. 172 с.
8. Кутвицкая Н.Б. Застройка и восстановление северных территорий // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2003. № 4. С. 45–47.

9. Лобанов Ю.Н. Отдых и архитектура. Будущее и настоящее. Л.: Стройиздат, 1982. 200 с.
10. Матусевич Н.З., Товбин А.Б., Эрмант А.В. Ориентиры многообразия. Л.: Стройиздат, 1976. 216 с.
11. Машинский Л.О. Город и природа. М.: Стройиздат, 1973. 228 с.
12. Мяс Г.И. Административные здания и комплексы на Севере. Л.: Стройиздат, 1977. 125 с.
13. Резник С.Д. Трудовые ресурсы в строительстве. М.: Знание, 1980. 48 с.
14. Сапрыкина Н.А. Мобильное жилище для Севера. Л.: Стройиздат, 1986. 213 с.
15. Светличный Б.Е. Город в современном мире. М.: Стройиздат, 1978. 216 с.
16. Смоляр И.М. Новые города. М.: Стройиздат, 1972. 184 с.
17. Урванцев Н.Н. Открытие Норильска. М.: Наука, 1981. 174 с.

REFERENCES:

1. Vajtens M.E. *Arhitekturno-hudozhestvennyj oblik severnyh gorodov* [Architectural and artistic appearance of northern cities]. L.: Stroyizdat. 1978. 56 s. (In Russian).
2. Gecen M.V. *Vorkuta i akademicheskaya nauka: vzglyad cherez pokoleniya* [Vorkuta and academic science: a view through generations]. Syktyvkar, Rep. ecological center for the study and protection of the East European tundra, 2007. 351 s. (In Russian).
3. Gradov G.A. *Gorod i byt* [City and everyday life]. M.: Publishing House of Literature on Construction, 1968. 252 s. (In Russian).
4. Gunina S.N. *Lica ulic: istoriya goroda Noril'ska v istorii noril'skih ulic* [Faces of the streets: the history of the city of Norilsk in the history of Norilsk streets]. Norilsk: Kaktus, 2017. 342 s. (In Russian).
5. Кандроп И.С. *Ocherki po fiziologii i gigiene cheloveka na Krajnem Severe* [Essays on human physiology and hygiene in the Far North]. M.: Medicine, 1968. 280 s. (In Russian).
6. Kartasheva K.K. *Obsluzhivanie naseleniya zhilyh kompleksov Krajnego Severa* [Servicing the population of residential complexes in the Far North]. M.: Stroyizdat, 1972. 136 s. (In Russian).
7. Kontorovich I.YA., Rivkin A.B. *Racional'noe ispol'zovanie territorii gorodov* [Rational use of urban territory]. M., Stroyizdat, 1985. 172 s. (In Russian).
8. Kutvickaya N.B. *Zastrojka i vosstanovlenie severnyh territorij* [Development and restoration of northern territories] // *Arhitektura. Stroitel'stvo. Dizajn*. 2003. № 4. S. 45–47. (In Russian).
9. Lobanov YU.N. *Otdyh i arhitektura. Budushchee i nastoyashchee* [Leisure and architecture. Future and present]. L.: Stroyizdat, 1982. 200 s. (In Russian).
10. Matusevich N.Z., Tovbin A.B., Ermant A.V. *Orientiry mnogoobraziya* [Landmarks of diversity]. L.: Stroyizdat, 1976. 216 s. (In Russian).
11. Mashinskij L.O. *Gorod i priroda* [City and nature]. M.: Stroyizdat, 1973. 228 s. (In Russian).
12. Myars G.I. *Administrativnye zdaniya i komplekсы na Severe* [Administrative buildings and complexes in the North]. L.: Stroyizdat. 1977. 125 s. (In Russian).
13. Reznik S.D. *Trudovye resursy v stroitel'stve* [Labor resources in construction]. M.: Knowledge, 1980. 48 s. (In Russian).
14. Saprykina N.A. *Mobil'noe zhilishche dlya Severa* [Mobile housing for the North]. L.: Stroyizdat, 1986. 213 s. (In Russian).
15. Svetlichnyj B.E. *Gorod v sovremennom mire* [The City in the Modern World]. M.: Stroyizdat, 1978. 216 s. (In Russian).
16. Smolyar I.M. *Novye goroda* [New cities]. M.: Stroyizdat, 1972. 184 s. (In Russian).
17. Urvancev N.N. *Otkrytie Noril'ska* [Discovery of Norilsk]. M.: Nauka, 1981. 174 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.023

УДК 332.8:94(571.122)084.9

ББК 65.441.356г(2Рос-6Хан-2Сургут)632

М.И. ЛЯХОВ

**ВОПРОСЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА СУРГУТА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЕЛКОВОГО СОВЕТА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГОДОВ**

M.I. LYAKHOV

**THE ISSUE OF IMPROVEMENT OF SURGUT
IN THE ACTIVITIES OF THE SETTLEMENT
COUNCIL IN THE FIRST HALF OF THE 1960S**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научно-технологического развития Югры в рамках научного проекта № 2023-572-08 «Между охраной и использованием: проблема компромисса экономических и экологических интересов общества и государства на примере индустриального развития ХМАО-Югры в 1960-1980-е гг.»

В начале 1960-х годов Ханты-Мансийский автономный округ вошел в новую фазу своего развития. В результате открытия колоссальных нефтяных месторождений регион стал крупнейшим в стране промышленным комплексом по добычи углеводородного сырья. Резкое изменение демографической структуры населения, переориентация экономики округа на новую отрасль хозяйства привели к одному из самых ярких примеров урбанизации в Советском Союзе. Сургут, ставший в последующем крупнейшим нефтяным центром, одним из первых ощутил необходимость изменения ситуации в благоустройстве. Перед властью встала цель — создать комфортный и приятный для проживания населенный пункт.

В качестве методологии в исследовании используется концепция экологической истории, рассматривающая процесс взаимодействия человека и природы в историческом контексте, а также используется понятие «городская среда». Основным материалом исследования являются материалы работы исполкома поселкового Совета рабочего поселка Сургута за период с 1961 по 1964 годы.

Делается вывод о слабом вовлечении горожан, работников нефтегазовой индустрии и представителей местных органов власти в решении вопроса благоустройства Сургута в начальном этапе промышленного освоения.

In the early 1960s, the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug entered a new phase of its development. As a result of the discovery of colossal oil fields, the region has become the country's largest industrial complex for the extraction of hydrocarbons. A sharp change in the demographic structure of the population, the reorientation of the district's economy to a new branch of the economy led to one of the most striking examples of urbanization in the Soviet Union. Surgut, which later became the largest oil center, was one of the first to feel the need to change the situation in landscaping. The government has faced the goal of creating a comfortable and pleasant settlement for living.

As a methodology, the study uses the concept of environmental history, which considers the process of interaction between man and nature in a historical context, and also uses the concept of «urban environment». The main source of the research is the activities of the settlement Council of the workers' settlement of Surgut, studied in the R-40 Fund (Executive Committee of the Surgut settlement Council of Workers' Deputies, the workers' settlement of Surgut of the Khanty-Mansiysk National Okrug of the Tyumen Region) of the Municipal Archive of the city of Surgut.

The conclusion is made about the weak involvement of citizens, employees of the oil and gas industry and representatives of local authorities in solving the issue of improvement of Surgut at the initial stage of industrial development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическая история, благоустройство, урбанизация, Сургут, Западная Сибирь, ведомственность, исполком.

KEY WORDS: environmental history, landscaping, urbanization, Surgut, Western Siberia, regionalism, executive committee.

ВВЕДЕНИЕ. Открытие колоссальных запасов углеводородов на Севере Западной Сибири ускорило процесс урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа. В течении конца 1950-х — начала 1990-х гг. на карте региона появились на ранее необжитой территории восемь городов. На базе существующих поселений получили городской статус шесть. В 1959–1989 гг. городское население округа выросло более чем в 34,5 раза, с 33 тыс. до 1153 тыс. человек [3, С. 17, 19, 21; 4, С. 18]. Такие резкие урбанизационные процессы в начале освоения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса характеризовались экстенсивным развитием промышленности при слабом расширении и развитии городской среды.

Крупнейший нефтяной центр Севера Западной Сибири Сургут, имевший с 1958 года статус рабочего поселка, один из первых испытал на себе трудности благоустройства. Прибывшие в начале геологические партии увеличили не только численность населения, но и стали изменять облик поселка. Связи с этим перед местными органами власти встали новые вызовы — создать комфортные условия проживания. Поселковый Совет отмечал, что «выполнение мероприятий по благоустройству поселка являются одной из первоочередной и не неотложной задачей поселкового Совета и всех руководителей организаций». Рабочий поселок Сургут должен был «превратиться в культурный и благоустроенный» [8, Л. 33].

ЦЕЛЬ статьи — рассмотреть вопросы благоустройства Сургута в деятельности поселкового совета в первой половине 1960-х годов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основывается на концепции экологической истории, рассматривающей процесс взаимодействия человека и природы в историческом контексте. Основным источником исследования выступает деятельность поселкового Совета рабочего поселка Сургут, изученная в фонде № 40 (Исполнительный комитет Сургутского поселкового Совета депутатов трудящихся, рабочего поселка Сургут Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области) Муниципального архива города Сургута. Отдельное место в исследовании отводится к средовому подходу. В отечественной науке впервые определение понятию «городская среда» дал В.Л. Глазычев, под которой понималась взаимосвязанность предметно-пространственного окружения к межчеловеческим взаимодействиям происходящим в нем [1, с. 96]. А.М. Рудницкий добавлял, что городская среда — это общий фон, на котором и при участии которого протекает жизнь людей в городе, а также совершаются все городские процессы [13, с. 25].

Вопрос благоустройства городов Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения активно изучался в отечественной историографии. Можно выделить работы И.Н. Стася [14] и А.И. Прищепы [11; 12]. Кроме того, стоит упомянуть исследования М.С. Мостовенко [5; 6], Е.И. Гололобова [2], Ю.С. Приходько [10], посвященные работе местных органов власти в решении вопросов природопользования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Становление в Сургуте предприятий нефтяной промышленности привнесло ряд серьезных изменений в поселковую среду. Асфальтированного покрытия поселок не имел, а существовавшие гравийные дороги находились в неудовлетворительном состоянии. Рост на улицах специальной и грузовой техники нефтяных предприятий усилили дорожные проблемы — проезжая часть доводилась до полного разрушения, затрудняя движение транспорта и движение и пешеходов [8, л. 23]. Основной причиной низкой активности в данном вопросе являлось отсутствие централизо-

ванности между предприятиями. Так, гравий, найденный у Белого Яра, местные организации могли перевести, имели специальную технику. Однако обязанности по строительству дорог при удобном случае старались определить геологической экспедиции, к которой к тому же было поручено заняться поиском строительного материала [9, л. 17].

Резкая автомобилизация негативно оценивалась в поселковом сообществе. Жители жаловались на шум от машин, в том числе и ночью. Особое беспокойство вызывала работа специальной и грузовой техники, которая не только разрушала дороги и тротуары, но и поднимала пыль, вредила зеленым насаждениям [8, л. 29]. Машины и тракторы часто использовались не по назначению, а водители вместо выполнения своих непосредственных задач занимались сторонними делами, например, подвозили сено и дрова частным лицам. При этом подобные просьбы для социальных и культурных учреждений игнорировались [8, л. 44]. Неготовность к увеличению автомобилей привело к нарушению движения. Появление новых улиц не успевало с установлением дорожных знаков, тротуаров для пешеходов, светофоров. Увеличение тоннажа автомобилей портило мосты. Ремонт их затягивался — так, мост через р. Сайма в течение первой трети 1960-х годов находился в полуразрушенном состоянии [9, л. 16]. «Нет покоя жителям поселка» [8, л. 31] — одна из фраз, характеризующая отношение к росту автомобилей в начале 1960-х годов.

Слабая поселковая среда выражалась не только в неудовлетворительном состоянии дорог и отношения ведомственных структур к ним. Внешний вид Сургута портился прежде всего самими гражданами. Совет отмечал наличие таких случаев, когда жителями устраивались помойки на проезжих улицах, нечистоты растаскивались по территории [8, л. 40]. Депутат М.А. Щепеткина указывала на создание по инициативе поселкового Совета на территории детского сада резервуара для водоколонки. Долгое время он стоял бесхозным, вследствие чего жители завалили его мусором и землей [8, л. 41]. Местные организации согласно планам старались выполнять задания по благоустройству, но их труд иной раз не оценивался гражданами. Директор рыбокомбината Э.Б. Русецкая на одной из сессии поселкового Совета отчиталась о высадке саженцев, однако большинство из них были уничтожены детьми и взрослыми [9, л. 18].

Стоит при этом добавить, что не все организации выполняла работу по благоустройству на высоком уровне. Например, Орс леспромхоза не выполнил обязательство 1962 года по очистке кюветов, выкопав вместо них ямы. Райсберкасса произвела высадку саженцев, не построив палисадника [9, л. 18]. В 1963 году депутаты отмечали, что из запланированных 31 переходных мостика построено было всего лишь 7 [9, л. 16]. Результаты частых инициатив по облагораживанию территории поселка долго не существовали. Проложенные жителями тротуары на улицах ими же не оберегались. По тротуарам могли ездить на лошадях верхом, на велосипедах и мотоциклах [8, л. 56]. Бесконтрольный выгул скота являлся еще одной стороной безответственного отношения граждан к окружающей среде. Лошади, коровы, мелкий рогатый скот травили зеленые насаждения и посевы [8, л. 31]. В одном из отчетов перед депутатами нефтяники жаловались, что высаженные более тысячи деревьев уничтожались бродячим домашними животными [9, л. 17].

С ростом численности населения не успевала улучшаться ситуация с водоснабжением Сургута. Жителям приходилось пользоваться водой из грязных луж, поскольку водокачка не работала, а летом вода в реках убывала. Кроме того, участились случаи загрязнения рек мусором и деревом [8, л. 30]. Подобные проблемы не могли не сказаться на здоровье горожан. Главный врач районной больницы П. П. Александров на очередном заседании в 1962 году отмечал рост желудочно-кишечных заболеваний, поскольку «люди от куда берут воду для питья, там и оттирают белье, туда же стекают естественные отбросы». По его словам, необходимо было срочно строить колодцы и водоколонки, отложив на второй план работы по строительству дорог и тротуаров, без которых «мы еще год-два проживем» [8, л. 56].

Поселковый Совет принимал во внимание ситуацию с благоустройством. Изученный временной промежуток иллюстрирует многократные попытки органа власти обязать организа-

ции и предприятия выполнять задания по улучшению поселковой среды, поскольку не раз отмечалось неимение необходимых средств и транспорта у Совета для такого объема работы [8, л. 30]. Однако со стороны ведомственных структур прослеживалось частое нежелание решать установленные Советом задания. Не раз подвергался критике начальник геологической экспедиции Ф.К. Салманов за непосещение заседания с отчетом по благоустройству [8, л. 30], не желание делиться техникой для строительства неподведомственных зданий [8, л. 55]. Исполком указывал, «что невыполнение мероприятий по благоустройству является отсутствием заботы о культурном быте трудящихся своего предприятия» [8, л. 33]. Имелись случаи игнорирования обеспечения благополучной среды поселка нефтеразведочной экспедицией — дома не благоустраивались, сдавались со строительным мусором, тротуары не строились [8, л. 58].

Отсутствие инициативы в улучшении благоустройства поселка не прослеживалось и со стороны представителей органов власти. На сессиях указывалось на слабые результаты в работе по обеспечению комфортной поселковой среды исполкома по причине того, что он не организовывал работу среди депутатов. Большинство депутатов не отсчитывались перед избирателями, не знали своих обязанностей. При этом исполком не оказывал избранныкам помощи. Участковые уполномоченные проводили свою работу в отрыве от задач исполкома поселкового Совета [8, л. 45]. Секретарь райкома партии В.В. Бахилев отмечал и тот факт, что мероприятия по благоустройству могли исполняться и поселковый Совет имел возможности строить тротуары, но он этим попросту не занимался [8, л. 44].

Предпринимались разные попытки добиться положительных результатов в проблеме благоустройства. Одной из таких являлось усиление штрафов в отношении лиц, нарушавших зеленые насаждения и загрязняющие водоемы [8, л. 40], в том числе для владельцев домашнего скота [8, л. 44]. Не меньшую роль играли попытки Совета предписывать предприятиям выполнять те или иные работы по улучшению окружающей среды поселка. Так, согласно решению 1962 года геологическая экспедиция была обязана выделять трубы для организации водоснабжения, бурить водяные скважины, строить канавы и ливневки вдоль дорог [8, л. 47]. Граждан включали в декадни по озеленению [9, л. 16], обязывали самостоятельно делать тротуары у своих домов. К тому же, в случае отсутствия у граждан материалов, Совет обеспечивал их за свой счет. Активно обсуждалось усиление пропаганды бережного отношения к окружающей среде среди детей и молодежи [9, л. 18].

К решению вопросов благоустройства поселка подключались и силовые структуры. В связи с этим стоит упомянуть выступление на восьмой сессии 1964 г. прокурора А.С. Савина, подвергший критике руководителей предприятий и организации, депутатов, уличные комитеты. Отдельно в докладе выделялась работа санинспекции, которая «ослабила требовательность к руководителям предприятий и жителями рабочего поселка» и не проводила ни лекций, ни профилактической работы с гражданами. Прокуратура обязала проводить в коллективах общие собрания, на которых необходимо было принять обязательства по реализации мероприятий по благоустройству и договориться, сколько часов каждый член коллектива отработает на благоустройстве поселка [9, л. 43]. В своем выступлении начальник милиции отмечал, что по итогу проверки квартальными уполномоченными весной 1964 года выявлены нарушения санитарного состояния города. В частности, многие граждане хранили дрова и лес открыто, складировали рядом с жилыми помещениями. У квартирных домов рыбокомбината и экспедиции не было санузлов, палисадников, тротуаров. Со стороны органов правопорядка было предложено не разрешать поселковому Совету эксплуатацию жилых домов до тех пор, пока не будут выполнены все требования [9, л. 43].

ВЫВОДЫ. Можно сказать, что резкие изменения в структуре населения и появление новых отраслей хозяйства существенно повлияли на вопросы благоустройства рабочего поселка Сургут. Слабая общественная и природная среда, имевшаяся в доиндустриальный период, стала деградировать под влиянием усиливавшейся урбанизации. Местные органы власти не могли договориться с прибывшими нефтеразведочными экспедициями о должной вовлеченности

в дела благоустройства. С другой стороны, существовавшие в допромышленный период предприятия не имели особого желания выполнять поручения и планы по озеленению, ремонту дорог, работе по организации водоснабжения для населения. Скудные финансы, на которые ссылались управляющие, а также недостаток рабочей силы тормозили рост внешнего благополучия рабочего поселка. Не меньшую роль в отсутствии результатов по улучшению поселковой среды сыграла безответственность жителей, не имеющих представлений о том, как должно выглядеть их место жительства ввиду усиливающейся урбанизации. Слабая политическая воля Совета, недостаточная работа депутатов, неосознание ими реальных проблем поселковой среды также тормозило создание комфортного и «культурного» места пребывания.

В дальнейшем получение городского статуса Сургута в 1965 году могло бы привести к увеличению финансовых вложений в благоустройство, заставило бы городское сообщество ответственнее относиться к окружающей среде. Однако новый статус не стал началом формирования городской среды. Председатель исполкома Сургутского городского Совета с 1965 года П.А. Мунарев вспоминал: «Такого события [преобразования рабочего поселка в город] ждали все сургутяне. Однако мы понимали, что ничто еще не изменилось: оставался всё тот же старый деревянный Сургут, расчерченный улицами на строгие квадраты, Черный мыс с его двумя длинными улицами» [7, с. 64]. Городской статус лишь увеличил рост ведомственных предприятий и, как следствие, рост конфликтов интересов между всеми участниками нефтегазового освоения. Вопрос благоустройства вышел на новый уровень и решался в иных реалиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. 180 с.
2. Гололобов Е.И. Проблемы водопользования на Севере Западной Сибири по материалам фонда № 51 «Сургутский городской комитет народного контроля» муниципального архива города Сургута // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 3(90). С. 140–150.
3. Демографический ежегодник: 1999–2003: стат. сборник. Тюмень: Тюменский областной комитет госстатистики. 2003. 388 с.
4. Демографический ежегодник Российской Федерации: 1993. М.: Государственный комитет Российской Федерации по статистике. 1994. 420 с.
5. Мостовенко М.С. Деятельность постоянной комиссии по охране природы при Сургутском горисполкоме в 1960–1980-е годы: становление и основные направления деятельности // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 27–33.
6. Мостовенко М.С. Экологические проблемы индустриального освоения Сибирского Севера в 1970–1980-е гг. (по материалам деятельности постоянных комиссий по охране природы Ханты-Мансийского района) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6(69). С. 166–175.
7. Мунарев П.А. Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60-х, нач. 70-х годах. Сургут: ООО «Сургутская типография». 2008. 151 с.
8. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5.
9. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40, Оп. 1, Д. 9.
10. Приходько Ю.С. Деятельность региональных органов власти на Севере Западной Сибири в реализации государственной экологической политики во второй половине XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 47–54.
11. Прищепа А.И. Качество питьевой воды в городах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (1960-е — 1990-е гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6(81). С. 92–98.
12. Прищепа А.И. Экологические проблемы строительства Сургута как нового города (вторая половина XX в.) // Вестник Сургутского государственного университета. 2014. № 3 (5). С. 56–62.

13. Рудницкий А.М. Управление городской средой. Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1985. 108 с.
14. Стась И.Н. Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 96–103.

REFERENCE

1. Glazychev V.L. *Social'no-ekologicheskaya interpretatsiya gorodskoj sredy* [Social and ecological interpretation of the urban environment]. M.: Nauka, 1984. 180 s. (In Russian).
2. Gololobov E.I. *Problemy vodopol'zovaniya na Severe Zapadnoj Sibiri po materialam fonda № 51 «Surgutskij gorodskoj komitet narodnogo kontrolya» municipal'nogo arhiva goroda Surguta* [Problems of water use in the North of Western Siberia according to the materials of fund no. 51 "Surgut city committee of people's control" of the Surgut municipal archive] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2024. № 3(90). S. 140–150. (In Russian).
3. *Demograficheskij ezhegodnik: 1999–2003: stat. sbornik* [Demographic yearbook: 1999–2003: statistical collection]. Tyumen': Tyumenskij oblastnoj komitet gosstatistiki. 2003. 388 s. (In Russian).
4. *Demograficheskij ezhegodnik Rossijskoj Federacii: 1993* [Demographic Yearbook of the Russian Federation: 1993]. M.: Gosudarstvennyj komitet Rossijskoj Federacii po statistike. 1994. 420 s. (In Russian).
5. Mostovenko M.S. *Deyatel'nost' postoyannoj komissii po ohrane prirody pri Surgutskom gorispolkome v 1960–1980-e gody: stanovlenie i osnovnye napravleniya deyatel'nosti* [Activities of the standing commissions on nature protection for water resources of Western Siberia in 1960th — 1970th (regional experience of Khanty-Mansi autonomus okrug and Omsk)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2023. № 84. S. 27–33. (In Russian).
6. Mostovenko M.S. *Ekologicheskie problemy industrial'nogo osvoeniya Sibirskogo Severa v 1970–1980-e gg. (po materialam deyatel'nosti postoyannyh komissij po ohrane prirody Hanty-Mansijskogo rajona)* [Ecological problems of industrial developmeny of Sibirian North in 1970th — 1980th (based on the activities of the constant commissions for nature protection on the example of the Khanty_Mansiisk region)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 6(69). S. 166–175. (In Russian).
7. Munarev P.A. *Tak bylo, tak nachinalos' (zapiski predsedatelya). Vospominaniya o stanovlenii Surguta v 60-h, nach. 70-h godah* [That's how it was, that's how it began (notes of the chairman). Memories of the formation of Surgut in the 60s, early 70s]. Surgut: OOO «Surgutskaya tipografiya». 2008. 151 s. (In Russian).
8. *Municipal'nyj arhiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 40. Op. 1. D. 5. (In Russian).
9. *Municipal'nyj arhiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 40. Op. 1. D. 9. (In Russian).
10. Prihod'ko YU. S. *Deyatel'nost' regional'nyh organov vlasti na Severe Zapadnoj Sibiri v realizacii gosudarstvennoj ekologicheskoy politiki vo vtoroj polovine XX v.* [Activity of regional authorities in the North of Western Siberia in realization of the state environmental policy in the second half of the XX century] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2015. № 4 (36). S. 47–54. (In Russian).
11. Prishchepa A.I. *Kachestvo pit'evoj vody v gorodah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yurga (1960-e — 1990-e gg.)* [Quality of drinking water in the cities of Khanty-Mansi autonomous okrug — Yurga (1960s-1990s)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 6(81). S. 92–98. (In Russian).
12. Prishchepa A.I. *Ekologicheskie problemy stroitel'stva Surguta kak novogo goroda (vtoraya polovina XX v.)* [Environmental problems of building Surgut as a new city (the latter half of the 20th century)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № . 3 (5). S. 56–62. (In Russian).
13. Rudnickij A.M. *Upravlenie gorodskoj sredoj* [Urban Environment Management]. L'vov: Vishcha shk. Izd-vo pri L'vov. un-te, 1985. 108 s. (In Russian)
14. Stas' I.N. *Koncepcii ozeleneniya i ekologicheskaya problematika v sovetskih genplanah Surguta (1964–1990 gg.)* [The concept of landscaping and environmental issues in the soviet general plans of Surgut (1964–1990)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 6 (51). S. 96–103. (In Russian).

АРКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ARCTIC RESEARCH: HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL PERSPECTIVE

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.024

УДК 930.1(571.6)''19''

ББК 63.1(211)6

Н.Е. СОНИЧЕВА

ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИЙ СОВЕТСКИХ
ПОЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 1930-Х ГГ.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XXI В.

N.E. SONICHEVA

THE STUDY OF BIOGRAPHIES OF SOVIET POLAR
EXPLORERS OF THE 1930'S IN THE RUSSIAN
HISTORIOGRAPHY OF THE XXI CENTURY

Статья подготовлена в рамках СПНК РГГУ

Статья посвящена изучению современного состояния историко-биографических исследований полярников 1930-х гг. Автор анализирует отечественную историографию XXI века с целью определения степени полноты и изученности биографий советских покорителей Арктики. Их персональный состав определен путем выборки из новейшей «Арктической энциклопедии». По каждому из 105 полярников подобран и изучен библиографический материал, который затем сгруппирован и систематизирован по качественным категориям и количественным показателям. На основе аналитических и статистических методов сравнения первичных данных показано поперсональное распределение количества и состава публикаций. Научная новизна работы состоит в охвате самого свежего историографического пласта и в выявлении аспектов темы, остающихся недостаточно изученными на текущий момент.

The paper is dedicated to the study of the current state of historical and biographical research of polar explorers of the 1930's. The author analyzes the domestic historiography of the XXI century in order to determine the degree of completeness and study of the biographies of the Soviet conquerors of the Arctic. Their personal composition is determined by sampling from the latest «Arctic Encyclopedia». Bibliographic material was selected and studied for each of the 105 polar explorers, which was then grouped and systematized by qualitative categories and quantitative indicators. Based on analytical and statistical methods of comparing primary data, the personal distribution of the number and composition of publications is shown. The scientific novelty of the work consists in covering the most recent historiographical layer and in identifying aspects of the topic that remain insufficiently studied at the moment.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Арктика, полярники, историография, историко-биографические сочинения

KEY WORDS: Arctic, polar explorers, historiography, historical and biographical writings

ВВЕДЕНИЕ. В научной повестке последних лет особую актуальность приобрела история изучения Российской Арктики. Интерес к данной теме обуславливают активное развитие и стратегическая важность региона для интересов страны, что было многократно лично отмечено Президентом РФ. Так, на совещании по развитию городов Арктики В.В. Путин заявил,

что освоение этого региона «является приоритетом для страны»¹, а также вопросом национальной безопасности. Современное понимание необходимости дальнейшего развития Арктики невозможно без обращения к истории ее освоения. При этом исследователи редко обращаются к личностям полярников, сосредотачивая всё внимание на других аспектах арктических экспедиций. Хорошо изучены только биографии некоторых крупных деятелей, в первую очередь руководителей важнейших экспедиций или самых известных их участников. За рамками научных работ остаются как рядовые члены, так и руководители ряда экспедиций, зимовок, дрейфующих станций и т.д.

В начале 2024 г. группа студентов магистратуры факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ объединилась в студенческий научный проектный коллектив «Арктика в лицах: документы Российского государственного архива экономики», основной целью которого является изучение и введение в научный оборот ранее неизвестных документов, освещающих жизнь и деятельность героев-полярников советских арктических экспедиций.

Настоящая статья написана с **ЦЕЛЮ** определения степени изученности биографий полярников 1930-х гг. в современной отечественной историографии.

Научная новизна работы состоит в охвате самого свежего историографического пласта и в выявлении аспектов темы, остающихся недостаточно изученными на текущий момент.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При написании работы были использованы в следующие методы исследования: методы выборки, группировки, подсчета и сравнения данных, а также многомерный анализ полученных групп.

Источниковую базу исследования составили научные работы отечественных исследователей, касающиеся персоналий полярников 1930-х гг., отобранных на основе «Арктической энциклопедии» 2017 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Первоначальной исследовательской задачей проекта стало определение персонального состава советских полярных исследователей 30-х гг. XX в. В качестве генеральной совокупности для выборки был использован новейший фундаментальный справочник «Арктическая энциклопедия. История исследования и освоения» [2] — тематический том второго (расширенного и дополненного) издания «Арктической энциклопедии», выпущенный специализированным издательством «Паулсен» под научным руководством Русского географического общества, в частности А.Н. Чилингарова и Ф. Паулсена. На текущий момент указанное издание можно считать наиболее полным и квалифицированным сводом сведений по отечественной истории открытий и освоения Арктики.

Из генеральной совокупности персон, упомянутых в статьях [2], была сделана выборка по качественной характеристике «граждане СССР, действовавшие в Арктическом регионе в период с 1931 по 1940 гг.». Объем получившейся выборки составил 105 человек. Они образуют тот круг лиц, которых по факту попадания в энциклопедию (упоминания либо наличия персональной статьи) допустимо считать наиболее видными деятелями исследования и освоения советской Арктики 1930-х годов (далее именуется ТОП-105).

Следующей задачей стал отбор историографических источников по биографиям деятелей ТОП-105 для определения дальнейшего направления работы. В этот список вошли работы современных исследователей, опубликованные в течение последних двух десятилетий. В первую очередь рассматривались историко-биографические описания жизни полярных исследователей, а также упоминания о них в научных статьях, касающихся отдельных аспектов освоения Арктики. Отталкиваясь от главного направления работы проектного коллектива — работа с архивными документами — наибольшее внимание уделялось именно тем работам, которые построены на историко-документальном материале. В отборе не были учтены различные энциклопедии, поскольку в них сведения об интересующих нас полярниках давались достаточно кратко. В результате созданная общая база данных оказалась весьма солидной — около 300 научных работ. При подробном рассмотрении выяснилось, что большая часть работ касалась или отдельных эпизодов жизни покорителей Арктики, или была связана с увековечением их имен, и их нельзя

¹ РИА Новости 11.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231211/arktika-1915137668.html?ysclid=m2j9b9h52t234462585> (дата обращения 20.09.2024).

назвать подробными историко-биографическими исследованиями. Лишь небольшое количество из общего историографического списка могло быть отнесено к полноценным биографическим исследованиям с использованием как архивного материала, так и опубликованных воспоминаний покорителей Арктики.

Всплеск исторических исследований, посвященный арктической проблематике, выпал на конец 10-х гг. XXI в. Это связано было с проведением международного четвертого полярного года в 2007–2008 гг. Проводимые по всему миру мероприятия повлияли и на активность научных разработок и в нашей стране. Через 25 лет в 2032–33 гг. планируется проведение пятого международного полярного года, в связи с чем углубленные исследования просто необходимо продолжать. Лидером по освещению биографий полярников можно назвать издательство «Паулсен». За 20-летнюю историю оно выпустило большое количество книг, посвященный Арктике и Антарктике. Литература, выпущенная издательством, не только научная, но и научно-популярная, рассчитанная как на взрослую, так и на детскую аудиторию. Можно отметить, что есть классические глубокие исследования с частичной публикацией архивных документов, а есть и биографии, изданные для широкой публики. Следующим объединяющим фактором можно назвать сборники научных статей, опубликованных по результатам полярных чтений на ледоколе «Красин». Зачастую разные по глубине и направленности, они все равно объединены одной тематикой. Далее методом группировки категорий списка полярников и списка публикаций была создана в электронном виде историографическая база данных по теме.

Распределение совокупности публикаций по категориям выборочной совокупности ТОП-105 представлено в следующей таблице (Таблица 1):

Таблица 1. Распределение совокупности публикаций по категориям выборочной совокупности ТОП-105

Категории	Люди				Упоминания в публикациях ²	
	Количество	Доля, %	Из них охвачено публикациями	Из них не охвачено публикациями	Количество	Доля, %
пилоты	28	26,7	24	4	136	
авиаштурманы	9	8,6	6	3	14	
авиарадисты	1	0,9	0	1	0	
бортмеханики	13	12,4	3	10	3	
авиаинженеры	1	0,9	1	0	4	
всего авиаторов	52	49,5	34	18	157	41,4
капитаны судов	10	9,6	8	2	25	
морские штурманы	1	0,9	0	1	0	
всего моряков	11	10,5	8	3	25	6,6
ученые	15	14,3	14	1	96	
зимовщики (многопрофильные специалисты)	13	12,4	5	8	33	
радисты	4	3,8	3	1	6	
врачи	1	0,9	1	0	2	
журналисты	3	2,9	1	2	2	
кинооператор	1	0,9	1	0	2	
всего наземных специалистов	37	35,2	25	12	141	37,3
руководители	5	4,8	4	1	56	14,7
ИТОГО:	105	100	69 (66%)	36 (34%)	379	100

² В таблице учитывается количество упоминаний. В одной книге могут быть сведения о нескольких полярниках.

По профессиональному составу почти половину списка полярников составляют авиаторы, чуть более 1/10 — моряки, свыше трети — специалисты полярных станций и экспедиций, и менее 5% — руководители экспедиций.

Дальнейшая систематизация полученных данных приводится по указанным профессиональным группам.

Поскольку представители героической профессии полярного летчика занимают почетное место среди персоналий, упомянутых в энциклопедии, то изучение современных жизнеописаний логично начать именно с них. Тем более, что их имена не только на слуху все это время, но и в последние десятилетия, в связи с проведением Международного полярного года в 2007–2008 гг. вызвало новую волну интереса как у исследователей, так и у широкого круга читателей.

Больше всего работ по пилотам полярной авиации, однако среди них историко-биографических сочинений всего тринадцать. Современная историография предлагает в основном статьи, в которых упоминаются летчики, их краткие биографии есть в энциклопедических словарях. Биографических жизнеописаний, особенно на основе архивных документов, представлено не так много. Из упомянутых в «Арктической энциклопедии» летчиков-полярников 30-х гг., конечно, больше всего работ посвящено В.П. Чкалову. Наиболее интересной в этом плане выглядит работа Н.В. Якубовича [29]. Все остальные статьи и исследования не раскрывают с такой степенью подробности весь жизненный путь Валерия Павловича, и в той или иной степени повторяют уже известные факты его биографии.

Из работ, написанных на основе архивных материалов, следует обратить внимание на статью В.Н. Шумилова, посвященную летчику Г.Ф. Байдукову [27]. Несмотря на то, что она была опубликована после появления книги Г.А. Амирьянца [1], подробно освещавшей жизнь героического летчика-полярника, статья Шумилова построена на документальном наследии архива Президента РФ и личного архива автора. По жизненному пути М.В. Водопьянова гораздо больше современной литературы. Во-первых, была выпущена книга Ольги Корневой о подвиге летчика для младших школьников издательством «Паулсен» в «Арктической серии», а во-вторых, полеты Водопьянова на о. Сахалин позволили современным исследователям не только коснуться его биографии, но и опубликовать воспоминания летчика. Личные встречи журналиста А.В. Филимонова с прославленным полярником также нашли свое отражение в современной историографии.

Однако все упомянутые работы не дают полного представления о биографии М.В. Водопьянова, а лишь касаются отдельных эпизодов его жизни. Сахалинским перелетам обязан интересом к своей биографии и И.П. Мазурук [4]. Краткая биографическая заметка о В.С. Гризодубовой [9] в значительной степени обусловлена интересом к ее подвигам в годы Великой Отечественной войны в целом, и роли женщины в авиации в частности. Именно в этой связи появляются очень подробные историко-биографические работы о П.Д. Осипенко [19] и М.М. Расковой [16], причем последняя заслуживает отдельного внимания, поскольку М.А. Лукоянова действительно проделала огромную работу по реконструкции полной биографии знаменитой летчицы.

Биографическое описание жизни Н.П. Каманина в основном сосредоточено на его послевоенной деятельности в качестве начальника отдела по подготовке отряда космонавтов [5]. Тем более, что появление какого историко-биографического описания совпало с переизданием дневников Николая Петровича, также посвященные «космическому» периоду его жизни. Таинственное исчезновение самолета С.А. Леваневского в августе 1937 г. по-прежнему живо интересует исследователей, и, наверное, именно поэтому в последние годы помимо постатейных упоминаний, появилось две подробных биографии Сигизмунда Александровича [20, 28]. Также в последние годы была перевыпущена подробная автобиография еще одного спасителя «челюскинцев» — А.В. Ляпидевского. Руководитель отряда полярной авиации М.И. Шевелев также удостоен подробного жизнеописания в работе Ю.К. Бурлакова и Ж.К. Шишкина [4].

Появлению этой работы предшествовало издание в 1999 г. воспоминаний М.И. Шевелева. Кроме специализированных исследований, биографические очерки и отдельные эпизоды жизненного пути летчиков рассматриваются исследователями в сборниках, посвященных советской полярной авиации и в общих работах по истории освоения Арктики. В 2023 г. Институтом наследия им. Д.С. Лихачева была выпущена биография полярного летчика А.Д. Алексеева, размещенная на сетевом ресурсе [3]. Из 28 персоналий полярных летчиков, о трех из них вообще нет упоминаний в современной отечественной историографии: Г.К. Орлов, В.П. Махоткин и И.С. Котов.

Несмотря на то, что героические подвиги полярных летчиков вызывали интерес у исследователей, их напарники штурманы оказались в тени своих более именитых товарищей. По полярным штурманам работ в современной историографии немного. Лучшее исследование жизненный путь героя Советского Союза А.В. Белякова, летавшего с В.П. Чкаловым и Г.Ф. Байдуковым. Его подробная биография написана на основе архивных документов, особое внимание исследователей было уделено беспосадочному перелету через Северный полюс [10, 25]. Краткие биографии в энциклопедических словарях есть и у А.С. Волкова, В.И. Аккуратова и С.А. Данилина. Остальные штурманы, упомянутые в Арктической энциклопедии — В.И. Левченко (штурман Леваневского), А.А. Ритсланд, Л.М. Рубинштейн и И.Т. Спирин — еще ждут своих исследователей.

Жизненный путь инженера и специалиста по воздухоплаванию Ф.Ф. Ассберга не исследован, а упоминание его деятельности встречается лишь в 4 статьях. С.А. Иванов, бортрадист экспедиции С-1 даже не упоминается в современной историографии. Что же касается бортмехаников, то из тринадцати человек, только трое из них были упомянуты в современной историографии — Н.Л. Кекушев, П.П. Петенин и И.Д. Шмандин.

Итак, по представителям авиации получается следующая картина: из 52 человек, чьи имена есть в энциклопедии, только треть из них охвачена историко-биографическими исследованиями с разной степенью подробности. Еще половина упоминается в статьях. И есть персоны, о ком существуют лишь упоминания.

Исследования, посвященные полярным капитанам, выглядят следующим образом: биографические работы есть только по трем персоналиям: М.Я. Сорокин, Н.И. Хромцов и Ю.К. Хлебников.

Жизнеописание Н.И. Хромцова относится к советскому периоду, было издано в 1980 г. [18]. М.Я. Сорокин и Ю.К. Хлебников были капитанами «Ермака» и им посвящены несколько работ Н.А. Кузнецова [14, 15], в связи с судьбой ледокола. Остальные упоминаются в статьях в связи с отдельными эпизодами биографии, часть работ относится к советскому периоду. К.С. Бадигин был не только полярным капитаном, но еще и писателем, ярко и образно зафиксировавшим собственные впечатления о походах по Северному Ледовитому океану. И современная историография, касающаяся Бадигина, в основном состоит из литературоведческих сочинений по его творчеству. В докладах на полярных чтениях на ледоколе «Красин» были неоднократные упоминания капитана и писателя, особенно в части, касающейся его опубликованных воспоминаний. П.А. Пономарев, участвовавший в спасении команды дирижабля «Италия», будучи капитаном «Ермака» и «Красина», в современной историографии упоминается как первый капитан атомного ледокола «Ленин». Известный полярный капитан В.И. Воронин удостоен большого количества упоминаний в научных работах, но конкретного историко-биографического исследования нет.

По руководителям арктических экспедиций больше всего написано биографической литературы. И, наверное, самой изученной персоной является Отто Юльевич Шмидт. В последние годы вышла его подробная биография, написанная В.С. Корякиным в серии «Жизнь замечательных людей» [11], и отдельные эпизоды жизни и творческого пути этого талантливого и разностороннего ученого были упомянуты в более чем тридцати научных изданиях. Такое же количество работ с упоминанием и И.Д. Папанина, в том числе и с подробной

биографией в книге Ю.К. Бурлакова [6, с. 98–141]. Участник экспедиций, зимовщик и радист Э.Т. Кренкель, не столь часто встречающийся в современной литературе, достаточно подробно исследован в той же работе Ю.К. Бурлакова [6, с. 142–183], наряду с И.Д. Папаниным, Е.К. Федоровым и П.П. Ширшовым. По последнему, полярному исследователю и «папанинцу», довольно много биографических описаний: это уже упомянутая книга Ю.К. Бурлакова [6, с. 206–239], а также ряд работ, освещающих научный путь Петра Петровича в связи с юбилейными торжествами [17]. Однако их нельзя назвать полноценными биографическими описаниями в связи с краткостью формы и отсутствием глубокой документальной базы. Ну, и наконец Е.К. Федоров, четвертый из «папанинцев», чья биография представлена в книге Ю.К. Бурлакова [6, с. 184–205]. Поскольку не так давно были юбилейные торжества в честь его 100-летия, то были опубликованы краткие биографические материалы, характеризующие жизненный путь и научные достижения ученого-геофизика.

Большое количество работ, посвященных В.Ю. Визе, члену-корреспонденту Академии Наук и океанологу. Но подробностей биографии в этих работах нет. Отдельные исследователи, такие как М.В. Волков [8] и Д.В. Парыгина [21], работали с архивными документами и воспоминаниями ученого, однако по их работам трудно представить весь биографический путь. В той же работе М.В. Волкова есть архивные ссылки на отдельные эпизоды биографии океанолога и участника многих арктических экспедиций Я.Я. Гаккеля [8, с. 306].

Г.А. Ушаков в сферу внимания исследователей вошел, однако из нескольких работ только две на настоящий момент в современной историографии затрагивают его жизненный путь, одна из которых непосредственно о нем [24], а вторая подготовлена к юбилею. Инженер контр-адмирал, гидрограф А.М. Лавров еще не изучен, хотя о нем есть упоминания в работе Н.А. Кузнецова [13].

Урванцев Н.Н., основатель Норильска, географ и геолог-первооткрыватель неоднократно упоминается в статьях, есть его биография [23]. Краткие биографии есть и по климатологу Б.Л. Дзердзеевскому, и по океанографу Н.И. Евгенову, хотя полноценными биографическими исследованиями их назвать нельзя.

Очень много упоминаний инженера, контр-адмирала и океанолога Н.Н. Зубова, однако его биографии нет, хотя его дневники и записки издавались в середине XX в. По знаменитому зимовщику на о. Врангеля А.И. Минееву есть несколько работ, в том числе статья Д.В. Парыгиной о выдающихся исследователях Арктики [21], но нет его детальной биографии. По единственному отмеченному в энциклопедии врачу, Л.М. Старокадомскому, есть однократное в современной историографии. Одна биография есть и по ученому-метеорологу, изобретателю первого в мире радиозонда, участнику арктического перелета на дирижабле «Граф Цеппелин» 1931 г. П.А. Молчанову [30]. Еще восемь человек из списка упоминаются в современной историографии, и о десяти нет вообще никаких ни работ, ни упоминаний.

Отдельно хочется отметить тех полярников, которые были репрессированы, а некоторые и расстреляны. Не удивительно, что в СССР о них не принято было писать, но в настоящий момент биографии этих людей вполне достойны занять свое место как в энциклопедиях, так и в научных работах. Однако по репрессированным полярникам почти нет научных работ, за исключением трех персоналий — художника Н.В. Пинегина, строителя Игарки Б.В. Лаврова и географа, руководителя полярных зимовок Р.Л. Самойловича.

Жизнь и творчество Пинегина с его удивительной судьбой арктического исследователя, руководителя экспедиции на ледокольном пароходе «Малыгин» к острову Рудольфа, художника, реэмигранта, не могли не привлечь внимание исследователей. Однако, фигура Пинегина в современной историографии анализировалась в большей степени с точки зрения творческого пути и анализа его художественных работ. В работе М.В. Волкова [8, с. 304] есть упоминание отдельных эпизодов биографии полярника со ссылками на архив, но без подробностей. В остальных работах личность Н. Пинегина скорее упоминается вскользь.

Особого внимания исследователей удостоился репрессированный и расстрелянный Р.Л. Самойлович. Та же статья М.В. Волкова, написанная на архивных материалах ЦГАНТД Санкт-Петербурга, лишь кратко затрагивает отдельные моменты биографии ученого [8, с. 304–305], еще в нескольких статьях Рудольф Лазаревич упоминается в связи с катастрофой дирижабля «Италия». И полная биографическая работа была написана В.С. Корякиным в 2007 г. [12]. Довольно подробная биография Б.В. Лаврова, репрессированного полярника, советского хозяйственника и одного из строителей Игарки содержится в работе Т.П. Шестаковой [26]. А.А. Догмаров, член редколлегии журнала «Советская Арктика», парторг экспедиции С-1 также был репрессирован и расстрелян. Его имя упоминается в работе Е.В. Полянского [22], в связи с деятельностью политуправления в структуре Главного управления Северного морского пути в 1930-е гг. Репрессированный и впоследствии реабилитированный полярный географ П.В. Виттенбург более часто упоминается исследователями. И в последние годы даже появились биографические описания (одно из них написано дочерью Евгенией), хоть и не на архивных документах, но дающие представления об ученом [7]. Как уже было отмечено выше, есть и биография репрессированного метеоролога П.А. Молчанова [30]. Также отдельных упоминаний удостоились репрессированный гидрограф, доктор географических наук, участник похода по Северному Морскому пути, П.К. Хмызников и бортмеханик С-1 Н.Л. Кекушев. Сведений о репрессированном гидрографе и исследователе северных рек, участнике Северо-Восточной полярной экспедиции И.Ф. Молодых в современной историографии нет.

ВЫВОДЫ. В современной историографии есть несколько работ, полно и подробно описывающих жизнь и судьбу героев полярников. В первую очередь это «четверка папанинцев» — Э.Т. Кренкель, И.Д. Папанин, Е.К. Федоров и П.П. Ширшов. В книге Ю.К. Бурлакова [6], переизданной в 2022 г. не только история первой дрейфующей станции «Северный полюс», сопровождаемая дневниками и воспоминаниями участников, но и подробные биографии главных героев. Подробная биография О.Ю. Шмидта была выпущена в серии «Жизнь замечательных людей» В. Корякиным [11]. Этот же автор выпустил и подробную биографию Р.Л. Самойловича [12]. Остальные биографические работы носят или общий характер, или касаются отдельных эпизодов из жизни покорителей Арктики.

Каждый третий выдающийся полярник, упомянутый в «Арктической энциклопедии», пока находится вне поля зрения историографии. Следовательно, есть дальнейшие перспективы развития данного направления исследования.

Работа с материалами полярников в Российском государственном архиве экономики показала, что далеко не все персоналии, участвовавшие в освоении арктического региона в 30-х гг. XX в., были учтены составителями «Арктической энциклопедии». В перспективе возможно не только издание расширенных вариантов биографий участников арктических экспедиций, но и публикация их дневников и воспоминаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирьянц Г.А. Четыре жизни Г.Ф. Байдукова. М.: Кучково поле, 2019. 520 с.
2. Арктическая энциклопедия. История исследования и освоения. М.: Паулсен, 2017. 238 с.
3. Барышев И.Б. Полярный лётчик А.Д. Алексеев: страницы биографии: [электронное сетевое издание] / Барышев И.Б., Бурлаков Ю.К.; Министерство культуры Российской Федерации, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ), Русское географическое общество, Комиссия географии полярных стран МГО РФ О. М.: Институт Наследия, 2023.
4. Бурлаков Ю.К., Шишкин Ж.К. Двойной портрет на фоне Арктики и АЛСИБа (М.И. Шевелёв и И.П. Мазурук). М., 2017.
5. Бурлаков Ю.К., Логинов А.А. Николай Петрович Каманин. М.: Патриот, 2010. 48 с.
6. Бурлаков Ю.К. Папанинская четверка: взлеты и падения. М.: Паулсен, 2022. 248 с.

7. Виттенбург Е.П. Судьба ученого и Академия наук в 1920-е гг. СПб.: Нестор-История, 2014. 99 с.
8. Волков М.В. Роль ленинградских ученых в освоении Арктики (по документам ЦГАНТД СПб). //Архив в социуме — социум в архиве. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск, 2022. С. 304–307.
9. Доценко И.Н. Исторический портрет: Гризодубова Валентина Степановна //Россия молодая. 2022. С. 94505.1–94505.4.
10. Герой авиации Александр Беляков. Материалы и документы / Авт.-составитель Р.А. Григорьев. М. 2014. 247 с.
11. Корякин В.С. Отто Шмидт. М.: Вече, 2011. 412 с.
12. Корякин В.С. Рудольф Лазаревич Самойлович, 1881–1939. М.: Наука, 2007. 266 с.
13. Кузнецов Н. Забытые герои Арктики. Люди и ледоколы. М.: Паулсен, 2022. 544 с.
14. Кузнецов Н. Полярные капитаны российского и советского флота. М.: Паулсен, 2014. 31 с.
15. Кузнецов Н.А. Штурман «Авроры» — выдающийся полярный капитан. ИПК «Гангут», 2021
16. Лукоянова М.А. Марина Раскова. За страницами «Записок штурмана». Саратов: КУБик, 2024. 415 с.
17. Мельников И.А. Гидробиолог, полярник, первый директор ИО РАН Пётр Петрович Ширшов //Океанологические исследования. 2021. Т. 49. № 3. С. 33–45.
18. Николаева Г.Г. Ледовыми трассами: [О капитане-полярнике Н.И. Хромцове]. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 128 с.
19. Осипенко А.Н. Две звезды. М.: Фонд содействия авиации Русские витязи, 2009. 207 с.
20. Остапенко Ю.А. Три загадки Сигизмунда Леваневского: документальная повесть. Якутск: Бичик, 2010. 236 с.
21. Парыгина Д.В. Выдающиеся исследователи Арктики и Антарктики (по материалам фонда Президентской библиотеки) //Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2020. Т. 7. С. 305–315.
22. Полянский Е.В. Политуправление и система политотделов в структуре Главного управления Северного морского пути (1930-е гг.): характер и особенности работы //Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (72). С. 118–127.
23. Санжиева Н.В. Основатель Норильска НН Урванцев //IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории. 2022. С. 77–83.
24. Ушакова М.Г., Думанская И.О. Георгий Ушаков — вот такая история с географией // Природа. М., 2016. № 12. С. 60–65.
25. Чкалова В.В. Первопроходцы: к 80-летию беспосадочного перелёта экипажа самолёта АНТ-25 Героев Советского Союза В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова, А.В. Белякова 18–20 июня 1937 г. Москва-Северный Полюс-Америка [архивно-документальная хроника]. Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2017. 78 с.
26. Шестакова Т.П. Борис Лавров, начальник Первой Ленской //Арктика и Север. 2015. № 20. С. 99–124.
27. Шумилов В.Н. Сибирский летчик Георгий Байдуков // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2020. Т. 5. С. 25–44.
28. Якубович Н.В. «Сталинский маршрут» Чкалова и Леваневского: Триумф и трагедия полярных перелётов 1937 года. М.: Яуза; Эксмо, 2012. 95 с.
29. Якубович Н.В. Чкалов. Взлет и падение великого пилота. М.: Яуза: ЭКСМО, 2012. 252 с.
30. Якубовская Н.А. Основоположник отечественной инструментальной аэрологии, профессор Павел Александрович Молчанов //XXV юбилейные Царскосельские чтения. 2021. С. 162–167.

REFERENCES

1. Amiryants G.A. *Chetyre zhizni G.F. Baidukova* [The four lives of G.F. Baidukov]. M.: Kuchkovo pole, 2019. 520 s. (In Russian).
2. *Arkticheskaya encyclopedia: Istoria issledovania I osvoenia*. [The Arctic Encyclopedia. The history of research and development]. M.: Paulsen, 2017. 238 s. (In Russian).
3. Baryshev I.B. *Polyarnyi letchik A.D. Alekseev: stranitsy biografii*. [Polar pilot A.D. Alekseev: biography pages: [electronic online edition]. M.: Heritage Institute, 2023. (In Russian).

4. Burlakov Yu.K., Shishkin Zh.K. *Dvoynoy portret na fone Arktiki I ALSIBA (M.I. Shevelev i I.P. Mazuruk)* [Double portrait against the background of the Arctic and ALSIB (M.I. Shevelev and I.P. Mazuruk)]. M., 2017. (In Russian).
5. Burlakov Yu.K., Loginov A.A. *Nikolay Petrovich Kamanin*. M.: Patriot, 2010. 48 s. (In Russian).
6. Burlakov Yu.K. *Papaninskaya chetverka: vzlety i padeniya*. [Papaninsky four: ups and downs]. M.: Paulsen, 2022. 248 s. (In Russian).
7. Wittenburg E.P. *Sudba uchenogo i Akademia nauk v 1920 gg.* [The fate of a scientist and the Academy of Sciences in the 1920s]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 99 s. (In Russian).
8. Volkov M.V. *Rol leningradskih uchenyh v osvoenii Arktiki (po dokumentam TSGANTD SPb)* [The role of Leningrad scientists in the development of the Arctic (according to the documents of the Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of St. Petersburg)]. //Archive in society – society in the archive. Materials of the fifth All-Russian scientific and Practical conference. Chelyabinsk, 2022. S.304–307. (In Russian).
9. Dotsenko I.N. *Istoricheskiy portret: Grizodubova Valentina Stepanovna* [Historical portrait: Grizodubova Valentina Stepanovna] //Russia is young. 2022. S. 94505.1–94505.4. (In Russian).
10. *Geroi aviatsii Alexander Belyakov. Materialy I dokumenty* [Aviation hero Alexander Belyakov. Materials and documents] / Author-compiled by R.A. Grigoriev, M. 2014. 247 s. (In Russian).
11. Koryakin V.S. *Otto Schmidt*. Moscow: Veche, 2011. 412 s. (In Russian).
12. Koryakin V.S. *Rudolf Lazarevich Samoilovich, 1881–1939*. Moscow: Nauka, 2007. 266 s. (In Russian).
13. Kuznetsov N.A. *Zabytye geroi Arktiki. Luydi I ledokoly* [The forgotten heroes of the Arctic. People and icebreakers]. M.: Paulsen, 2022. 544 s. (In Russian).
14. Kuznetsov N.A. *Polyarnye kapitany rossiyskogo I sovetskogo flota* [Polar captains of the Russian and Soviet fleets]. M.: Paulsen, 2014. 31 s. (In Russian).
15. Kuznetsov N.A. *Shturman “Avrory” — vydayushchisya polyarnyi kapitan* [Navigator of the Aurora is an outstanding polar captain]. IPK “Gangut”, 2021. (In Russian).
16. Lukyanova M.A. *Marina Raskova. Za stranitsami “Zapisok shturmana”* [Marina Raskova. Behind the pages of the Navigator’s Notes]. Saratov: KUBiK, 2024. 415 s. (In Russian).
17. Melnikov I.A. *Gidrobiolog, polyarnik, pervyi direktor IO RAN Peter Petrovich Shirshov* [Hydrobiologist, polar explorer, first director of IO RAS Peter Petrovich Shirshov] //Oceanological research. 2021. Vol. 49. No. 3. S. 33–45. (In Russian).
18. Nikolaeva G.G. *Ledovymi trassami* [Ice trails: [About the polar captain N.I. Khromtsov]. L.: Hydrometeoizdat, 1980. 128 s. (In Russian).
19. Osipenko A.N. *Dve zvezdy* [Two stars]. M., 2009. 207 s. (In Russian).
20. Ostapenko Yu.A. *Tri zagadki Sigismunda Levanevskogo: dokumentalnaya povest* [Three riddles of Sigismund Levanevsky: a documentary story]. Yakutsk: Bichik, 2010. 236 s. (In Russian).
21. Parygina D.V. *Vydayushchiesya issledovateli Arktiki I Antarktiki (po materialam fonda Prezidentskoy biblioteki)* [Outstanding researchers of the Arctic and Antarctic (based on the materials of the Presidential Library Fund)] //Polar readings on the icebreaker Krasin. 2020. Vol. 7. S. 305–315. (In Russian).
22. Polyansky E.V. *Politupravlenie I Sistema politotdelov v structure Glavnogo upravleniya Severnogo morskogo puti (1930 gg): harakter I osobennosti raboty* [Political management and the system of political departments in the structure of the Main Directorate of the Northern Sea Route (1930s): the nature and features of the work] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. No. 3 (72). S. 118–127. (In Russian).
23. Sanzhieva N.V. *Osnovatel Norilsk N.N. Urvantsev* [The founder of Norilsk N.N. Urvantsev] //IX Local history readings: Yenisei province: faces of history. 2022. S. 77–83. (In Russian).
24. Ushakova M.G., Dumanskaya I.O. *Georgy Ushakov — vot Takaya istoriya s geografiei* [Georgy Ushakov — that’s such a story with geography] // Nature. M., 2016. No. 12. S. 60–65. (In Russian).
25. Chkalova V.V. *Pervoprophodtsy: k 80-letiyu besposadochnogo pereleta ekipazha samoleta ANT-25 Geroev Sovetskogo Souyza V.P. Chkalova, G.F. Baidukova, A.V. Belyakova 18-20 iyunya 1937 g. Moskva-Severnyi polus-Amerika* [Pioneers: to the 80th anniversary of the non-stop flight of the crew of the

- ANT-25 aircraft of the Heroes of the Soviet Union V.P. Chkalova, G.F. Baidukova, A.V. Belyakova June 18–20, 1937 Moscow–North Pole–America [archival and documentary chronicle]. Nizhny Novgorod: Vertical. XXI century, 2017. 78 s. (In Russian).
26. Shestakova T.P. *Boris Lavrov, nachalnik Pervoy Lenskoy* [Boris Lavrov, head of the First Lena] // The Arctic and the North. 2015. No. 20. S. 99–124. (In Russian).
27. Shumilov V.N. *Sibirsky letchik Georgy Baidukov* [Siberian pilot Georgy Baidukov] // Interexpo Geo-Siberia. 2020. Vol. 5. S. 25–44. (In Russian).
28. Yakubovich N.V. *“Stalinsky marshrut” Chkalova i Levanevskogo: Triumf i tragediya polyarnyh pereletov 1937 goda*. [“Stalin’s route” by Chkalov and Levanevsky: The triumph and tragedy of polar flights in 1937]. M.: Yauza; Eksmo, 2012. 95 s. (In Russian).
29. Yakubovich N.V. Chkalov. *Vzlet i padenie velikogo pilota* [Chkalov. The rise and fall of a great pilot]. M.: Yauza; Eksmo, 2012. 252 s. (In Russian).
30. Yakubovskaya N.A. *Osnovopolozhnik otechestvennoy instrumentalnoy aerologii Professor Pavel Alexandrovich Molchanov* [The founder of Russian instrumental aerology, Professor Pavel Alexandrovich Molchanov] // XXV anniversary Tsarskoye Selo readings. 2021. S. 162–167. (In Russian).

Сведения об авторах Information About The Authors

Алексеева Любовь Васильевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и документоведения, Нижневартровский государственный университет

Alekseeva Lyubov Vasilyevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor Department for Russian History and Documentation Studies, Nizhnevartovsk State University

E-mail: lvalexeeva@mail.ru

Барabanова Ксения Сергеевна — кандидат исторических наук, независимый исследователь

Barabanova Kseniya Sergeevna — PhD (History Sciences), Independent Researcher

E-mail: barabanova13@gmail.com

Бурмакина Галина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и экологии человека Института экономики и управления АПК Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск)

Burmakina Galina Aleksandrovna — PhD (History Sciences), Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Human Ecology of the Institute for Economics and Management of Agricultural Complex of Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk)

E-mail: burmakinagalina@rambler.ru

Веселова Дарья Николаевна — кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»; преподаватель ФСПО Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС»

Veselova Darya Nikolaevna — PhD (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University; Lecturer at the Faculty of Secondary Professional Education of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of AN HEO «University associated with IA EAEC»

E-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

Гайдин Сергей Тихонович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Юридического института Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск)

Gaidin Sergei Tihonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History and Political Science of the Law Institute of the Krasnoyarsk State Agrarian University

E-mail: gaydinsergey@rambler.ru

Горлов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет.

Gorlov Vladimir Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor; Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science, Moscow State Linguistic University.

E-mail: gorlov812@mail.ru

Деменчук Елена Юрьевна — кандидат химических наук, доцент Высшей школы живых систем, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Demenchuk Elena Yurievna — PhD (Chemistry Sciences), Senior Lecturer in Higher School of Living Systems, Immanuel Kant Baltic federal university

E-mail: edemenchuk@kantiana.ru

Дружинин Павел Васильевич — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН, ФИЦ «Карельский научный центр РАН»

Druzhinin Pavel Vasilevich — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Chief Researcher Institute of Economics of Karelian Research Centre of the RAS

E-mail: pdruzhinin@mail.ru

Зеляк Виталий Григорьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФБГОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Zelyak Vitaliy Grigoryevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National and Universal History, Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: Zelyak75@mail.ru

Зыкин Иван Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Zykin Ivan Valerievich — PhD (History Sciences), Associate Professor of the Department of Russian History, Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: zivverh@mail.ru

Колесниченко Диана Владиславовна — аспирант 1-го года обучения ФГАОУ ВО «РГГУ», Историко-архивный институт, исторический факультет, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций

Kolesnichenko Diana Vladislavovna — Graduate Student of the 1st Year of Study, Russian State University for the Humanities, Historical and Archival Institute, Faculty of History, Department of History of State Institutions and Public Organizations

E-mail: dianakolesni4enko@yandex.ru

Ляхов Михаил Игоревич — аспирант кафедры социально-гуманитарного образования БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут, Россия

Lyakhov Mikhail Igorevich — Graduate Student, Social and Humanities Faculty, Social and Humanities Study Department, Surgut State Pedagogical University

e-mail: lyamigor86@gmail.com

Макеева Екатерина Дмитриевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры физики, математики и методики обучения ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

Makeeva Ekaterina Dmitrievna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Mathematics, Physics and Methods of Teaching, Samara State University of Social Sciences and Education

E-mail: makeeva.ed@mail.ru

Мальханова Елена Валерьевна — старший преподаватель кафедры гражданского права, старший помощник Байкальского межрегионального природоохранного прокурора по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе в отставке, старший советник юстиции, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

Malkhanova Elena Valerevna — Senior Lecturer of the Department of Civil Law of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Senior Assistant of the Baikal Interregional Environmental Prosecutor to Ensure the Participation of Prosecutors in the Civil and Arbitration Process in retirement

E-mail: malxanovaa@mail.ru

Милевский Олег Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»

Milevsky Oleg Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Research, Surgut State Pedagogical University

E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Минаева Татьяна Станиславовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

Minaeva Tatiana Stanislavovna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian History Department, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University Named after M.V. Lomonosov

E-Mail: t.minaeva@narfu.ru; mintatiana@yandex.ru

Михеева Юлия Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Mikheeva Yulia Sergeevna — Ph.D (History), Senior Lecturer of Social and Humanities Study Department, Surgut State Pedagogical University

E-mail: prichodko1@mail.ru

Мухьярова Аделина Ришатовна — старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Muhyarova Adelina Rishatovna — Senior Lecture of Social and Humanities Study Department, Surgut State Pedagogical University

E-mail: adelinar771@gmail.com

Некрич Алина Сергеевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела физической географии и проблем природопользования Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт географии Российской академии наук (ИГ РАН)

Nekrich Alina Sergeevna — PhD (Geography Sciences), Senior Research Scientist at the Department of Physical Geography and Environmental Management Problems, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences

E-mail: a.s.nekrich@igras.ru

Прищепа Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Сургутского государственного университета ХМАО — Югры

Prishepa Alexander Ivanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of the Surgut State University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug

E-mail: aiprishepa@yandex.ru

Середовских Борис Анатольевич — кандидат географических наук, доцент кафедры географии, ФГБОУ «Нижневартровский государственный университет»

Seredovskikh Boris Anatolevich — PhD (Geographical Sciences), Associate Professor, Nizhnevartovsk State University (NVGU)

E-mail: geoboris@mail.ru

Соколов Сергей Николаевич — доктор географических наук, профессор кафедры географии, ФГБОУ «Нижневартровский государственный университет»

Sokolov Sergey Nikolaevich — Doctor of Geography Sciences, Professor of the Department of Geography, Nizhnevartovsk State University (NVGU)

E-mail: snsokolov1@yandex.ru

Смирнов Сергей Иванович — доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры лесного дела и технологии деревообработки ФГБОУ ВО «Брянский государственный инженерно-технологический университет»

Smirnov Sergey Ivanovich — the Doctor of Agricultural Sciences, the Professor of Chair of Wood Business and Woodworking Technologies of the Bryansk State University of Engineering and Technology

E-mail: SI-Smirnov@yandex.ru

Соницева Наталья Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ

Sonicheva Natalia Evgenevna — PhD (History Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Source Studies of the History and Archives Institute of RSUHU

E-mail: ns1507@yandex.ru

Филинов Андрей Владимирович — методист отдела методологии и перспективной дидактики, Институт содержания, методов и технологий образования (ИСМИТО), Московский городской педагогический университет (МГПУ)

Filinov Andrey Vladimirovich — Methodologist of Methodology Department and Advanced Didactics, Institute of Content, Methods and Technologies of Education, Moscow City University

E-mail: fiann@inbox.ru

Шмыглева Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Западный филиал

Shmygleva Anna Vladimirovna — PhD (History Sciences), Associate Professor, Associate Professor of Regional Economics and Management Study Department, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Western Branch

E-mail: alisa-umka@yandex.ru

Правила представления рукописи авторами

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

- 1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).
- 1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:
 - в области педагогических наук: теория и методика профессионального образования;
 - в области исторических наук: отечественная история;
 - в области социологических наук: социальная структура, социальные институты и процессы.
- 1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.
- 1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.
- 1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

- 2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).
- 2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:
 - выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
 - оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
 - положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.
- 2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.
- 2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.
- 2.5 В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала — до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.

- 2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

- 3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки.
Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи.
Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.
- 3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа опубликовать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
- 3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.
- 3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.
- 3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

- 4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т.п.) отдельными файлами направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».
- 4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:
- фамилия, имя, отчество (полностью);
 - учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
 - учёное звание;
 - должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
 - адрес с почтовым индексом;
 - контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gololobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ СТАТЬИ**Электронная копия**

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов.doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер — 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ — 1 см. Междустрочный интервал — полуторный.

Выравнивание по ширине. Все поля — 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

Структура текста:

- индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
- информация об авторе/ авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
- название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
- аннотация статьи (объем — от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
- ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
- основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы. В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объем статьи — 15–40 тыс. знаков;
- литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок. Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных), аббревиатуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т.д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, например: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, например: [3, с. 29–28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, например: «...однозначно принято решение о реализации компетентностного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой — номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объём статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора — не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования, если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Образец:

Литература

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.
2. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.
3. Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян / пер., примеч. и послесл. С.И. Радцига. 3-е изд., испр. М.: Флинта: МСПИ, 2007. 233 с.
4. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики: [Сб. ст.] / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21-34.
5. Королькова А.В. Афористика И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 113-116.
6. Патенко Г.Р. Русская антропонимия романического пространства Д.И. Стахеева: Автореф. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 22 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. Токтагазин М.Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности. URL: [http:// science-education. ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie [A.A. Fet and his literary environment]: v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. M.: IMLI RAN, 2008. 990 s. (In Russian).
2. Avdeeva O.A. Sredstva vy'razheniya koncepta «vozrast» v anglijskom yazy'ke [Means of Expressing the Concept «Age» In English]: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 220 s. (In Russian).
3. Aristotel'. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan [Athenian polity. State structure of the Athenians] / per., primech. i poslesl. S.I. Radciga. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: MSPI, 2007. 233 s. (In Russian).

4. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoy rechi [Metaphor and imagery of newspaper and publicistic speech] // Poe'tika publicistiki: [Sb. st.] / Pod red. G.Ya. Solganika. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 21–34. (In Russian).
5. Korol'kova A.V. Aforistika I.S. Turgeneva [The aphoristics of I.S. Turgenev] // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2019. № 2 (83). S. 113–116. (In Russian).
6. Patenko G.R. Russkaya antroponimiya romanicheskogo prostranstva D.I. Staxeeva [Russian anthroponymy of the romantic space of D.I. Stakheeva]: Avtoref. ... kand. filol. nauk. Elabuga, 2007. 22 s. (In Russian).
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivny`j analiz yazy'ka [Semanticcognitive analysis of language]. Monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s. (In Russian).
8. Toktagazin M.B. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkoj e'pistol'noy publicistiki v istoricheskoy retrospektive i sovremennosti [Genre and stylistic features of Russian epistolary journalism in historical retrospective and the present]. URL: [http:// science-education.ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля — 10 пт, междустрочный интервал — одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько.

В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, например: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Публикование статей

- 5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.
- 5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.
- 5.3 Публикация осуществляется бесплатно.
- 5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор

АМБАРОВА Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент

БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор

ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор

ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)

ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор (США)

ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор

ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор

ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

КОРЫЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)

ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО

ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор

ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент

МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент

СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор

СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор

СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)

СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор

ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор

ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:

GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor

AMBAROVA Polina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor

BOZIEV Ruslan Sakhitovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

GOLOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor

DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)

DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)

DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor

DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor

ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor

ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic),

LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy

LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor

MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor

SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor

SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)

STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor

SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor